

**Российское изучение
Центральной Азии:
исторические и современные аспекты
(к 150-летию П.К. Козлова)**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории
естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Санкт-Петербургский филиал

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

**Российское изучение
Центральной Азии:
исторические и современные аспекты
(к 150-летию П.К. Козлова)**

Санкт-Петербург
2014

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for the History of Science and Technology
named after S.I. Vavilov
Saint-Petersburg Branch

RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

**The Russian Exploration
of Central Asia in Historical Perspective
and its Contemporary Aspects**
**(In commemoration of the 150th anniversary
of Petr K. Kozlov)**

Saint-Petersburg
2014

Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. К.В. Чистяков; ред.-сост. Т.И. Юсупова; ред. Т.Ю. Гнатюк. – СПб.: Политехника-сервис, 2014. – 408 с.

В сборник включены доклады, прозвучавшие на конференции «Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты», которая состоялась в Санкт-Петербурге 15–17 октября 2013 г. и была посвящена 150-летию путешественника, исследователя Центральной Азии П.К. Козлова (1863–1935). В докладах представлены историческая ретроспектива и современные проблемы естественно-научного, археологического и этнографического изучения Центральной Азии, анализ влияния геополитических факторов на интенсивность и научную проблематику исследования Центральной Азии, деятельность отдельных учёных по изучению этого региона, а также материалы, посвящённые жизни и деятельности П.К. Козлова.

Рецензенты: д.и.н. В.Г. Смирнов, к.б.н. Н.В. Слепкова

The Russian exploration of Central Asia in historical perspective and its contemporary aspects (In commemoration of the 150th anniversary of Petr K. Kozlov) / K.V. Chistyakov and T.I. Yusupova, editors-in-chief; T.Yu. Gnatyuk, editor. – SPb.: Politechnika-servis, 2014. – 408 p.

The collection of articles consists of papers presented at the conference “The Russian exploration of Central Asia in historical perspective and its contemporary aspects”, which was held in St. Petersburg on 15–17 October 2013 and was dedicated to the 150th anniversary of the eminent Russian traveller and explorer of Central Asia Petr K. Kozlov (1863–1935). Articles discuss the history of study and modern problems of exploration of Central Asia from scientific, archaeological and ethnological perspectives. They analyze the impact of geopolitical factors on the intensity of field exploration and subject-matters of Central Asian Studies. Also, there are materials related to the life and work of Petr K. Kozlov.

**Публикация подготовлена и осуществлена при поддержке:
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 13-06-06139г;
гранта Русского географического общества – 2013 г.**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
К 150-летию П.К. Козлова	13
Центральная Азия в судьбе и открытиях П.К. Козлова <i>Т.И. Юсупова</i>	13
Природоохранная деятельность П.К. Козлова: Аскания-Нова <i>Т.Ю. Гнатюк</i>	32
Естественнонаучное изучение Центральной Азии	45
Палеонтологические исследования в Монголии. <i>С.В. Рожнов, А.Ю. Розанов, Р. Барсболд</i>	45
Роль совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и Академии наук Монголии в решении экологических проблем Внутренней Азии <i>П.Д. Гунин, С.Н. Бажа, Е.В. Данжалова, Н.И. Дорофеев, Ю.И. Дробышев, А.В. Прищепа, С.-Х.Д. Сыртыпова, Ч. Дугаржав</i>	68
Судьба туркестанских коллекций Ольги Александровны и Алексея Павловича Федченко <i>О.А. Валькова</i>	86
Этническая экология Северо-Западного Китая (по материалам русских путешественников рубежа XIX–XX вв.) <i>Ю.И. Дробышев, П.Д. Гунин</i>	104
К биографии исследователя Центральной Азии геолога И.П. Рачковского <i>М.В. Мандрик</i>	122
Роль П.К. Козлова в изучении северо-восточной окраины Тибетского нагорья <i>Р.Л. Потапов</i>	138
К 160-летию Каспийской экспедиции Карла Максимовича Бэра 1853–1857 гг. <i>В.А. Широкова</i>	152
Археологические и этнографические исследования	166
Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан и его вклад в историко-этнографическое изучение тюркских народов Евразии <i>Р.М. Валеев, В.Н. Тугузжекова</i>	166
Естественнонаучные методы исследования находок из Ноин-Улы <i>Ю.И. Елихина, С.С. Миняев</i>	183
МАЭ в судьбе востоковеда М.С. Андреева – исследователя Центральной Азии <i>Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева</i>	196

Hans Leder and his Mongolian Collections. Links between Vienna, Urga and St. Petersburg <i>Мария-Катарина Ланг (Maria-Katharina Lang)</i>	205
В.К. Арсеньев и П.К. Козлов: к вопросу о значении профессионального сотрудничества исследователя Центральной Азии и исследователя-этнографа Дальнего Востока <i>В.В. Лебедева</i>	217
Новые исследования ноин-улинских курганов <i>Н.В. Полосьмак, Е.С. Богданов</i>	227
Labrang monastery in the eyes of P.K. Kozlov and other foreign visitors <i>Мартин Слободник (Martin Slobodník)</i>	241
Баллодовский курган (Ноин-Ула, Северная Монголия). Исследователи и коллекции <i>Н.А. Сутягина</i>	258
Геополитические аспекты изучения Центральной Азии	278
Несбывшиеся мечты о Лхасе: Тибет в исследованиях П.К. Козлова (научные и политические аспекты) <i>А.И. Андреев</i>	278
«Не ковром была послана нам дорога в глубь Азии»: феномен эпохи русских «географических генералов» <i>М.К. Басханов</i>	297
«Военно-учёные» экспедиции в Синьцзян, секретная «трасса Z» в 1937–1943 гг. и неизвестный эпизод дипломатического противоборства на китайском направлении <i>Ю.М. Батурич</i>	319
Российское военное монголоведение (конец XIX – начало XX в.) <i>Е.В. Бойкова</i>	338
«Большая игра» между Российской и Британской империями в Центральной Азии и полевые натуралисты <i>Л.Я. Боркин, С.Н. Литвинчук</i>	354
Новое о карте Тартарии, Китая и Монголии, составленной в 1708–1718 гг., в период правления императора Кан-Си <i>О.А. Красникова</i>	374
Агенты империи? Русское географическое общество и Большая игра <i>Давид Схиммельпэннинк ван дер Ойе (David Schimmelpenninck van der Oye)</i>	383
Подготовка экспедиции к Аральскому морю 1837–1839 гг.: организационные и финансовые аспекты <i>Т.Ю. Феклова</i>	393
Список сокращений	403
Сведения об авторах	404

CONTENTS

Preface	9
To the 150th anniversary of Piotr K. Kozlov	13
Central Asia in the fate and the discoveries of P.K. Kozlov <i>T.I. Yusupova</i>	13
The environmental conservation activities of P.K.Kozlov: Askania-Nova <i>T.Yu. Gnatyuk</i>	32
Scientific exploration of Central Asia	45
Paleontological explorations in Mongolia <i>S.V. Rozhnov, A.Yu. Rozanov, R. Barsbold</i>	45
The role of the joint Russian-Mongolian complex biological expedition of RAS & MAS in exploration ecological problems of Inner Asia. <i>P.D. Gulin, S.N. Bazha, E.V. Danzhalova, N.I. Dorofeyuk, Yu.I. Drobyshev,</i> <i>A.V. Pritshepa, S.-Kh.D. Syrtypova, Ch. Dugarzhav</i>	68
The fate of the Turkestan collections of O.A. and A.P. Fedchenko <i>O.A. Valkova</i>	86
The ethnical ecology of North-Western China (on the materials of Russian travelers at the turn of the 20 th century) <i>Yu.I. Drobyshev, P.D. Gulin</i>	104
To the biography of the explorer of Central Asia and geologist I.P. Rachkovsky <i>M.V. Mandrik</i>	122
The role of P.K. Kozlov in the studies of the North-East fringes of the Tibetan plateau <i>R.L. Potapov</i>	138
By the 160 th anniversary of the Caspian expedition conducted by Karl Ernst von Baer, 1853–1857 <i>V.A. Shirokova</i>	152
Archaeological and ethnographical study of Central Asia	166
The academic journey of N.F. Katanov to Siberia, Eastern Turkestan and his contribution to the historical and ethnographic study of Eurasia's Turkic peoples <i>R.M. Valeev, V.N. Tuguzhekova</i>	166
Scientific methods of investigation of finds from Noin-Ula <i>Yu.I. Elikhina, S.S. Minyev</i>	183
The Museum of Anthropology and Ethnography in the career of a Central Asian explorer M.S. Andreev <i>N.G. Krasnodembskaya, E.S. Soboleva</i>	169

Hans Leder and his Mongolian collections. Links between Vienna, Urga and St. Petersburg <i>Maria-Katharina Lang</i>	205
P.K. Kozlov and V.K. Arsenyev: to the question of the importance of professional collaboration of the explorer of Central Asia and the ethnographer of the Far East <i>V.V. Lebedeva</i>	217
The new exploration of the Noin-Ula Mounds <i>N.V. Polosmak, E.S. Bogdanov</i>	227
Labrang Monastery in the eyes of P.K. Kozlov and other foreign visitors <i>Martin Slobodnik</i>	241
Ballodovskii barrow (Noyon Uul, Northern Mongolia) Discoverers and museum collections <i>N.A. Sutyagina</i>	258
Geopolitical aspects of exploration of Central Asia	278
The Unrealised dreams of Lhasa: Scientific and political aspects of the exploration of Tibet by P.K. Kozlov <i>A.I. Andreev</i>	278
“No red carpet was rolled out for us into the depths of Inner Asia”: the phenomenon of the era of Russian “geographical generals” <i>M.K. Baskhanov</i>	297
“Military-scholarly” expeditions to Xinjiang and the secret “Z-route” in 1937–1943: an unknown episode of diplomatic confrontation in China’s direction <i>Yu.M. Baturin</i>	319
Russian military studies in Mongolia (late 19 th – early 20 th Century) <i>E. Boykova</i>	338
“The Great Game” between Russian and British Empires in Central Asia and field naturalists. <i>L.J. Borkin, S.N. Litvinchuk</i>	354
Updates to the history of the maps of Tartaria, China and Mongolia, compiled at the age of Emperor Caen-Si administration (1708–1718) <i>O.A. Krasnikova</i>	374
Agents of Empire? The Russian Geographical Society and the Great Game <i>David Schimmelpenninck van der Oye</i>	383
The expedition to the Aral Sea, 1837–1839: organization and financing <i>T.Yu. Feklova</i>	393
Abbreviations	403
About authors	404

ПРЕДИСЛОВИЕ

Центральная Азия – обширный, не имеющий выхода к океану, регион стала объектом пристального внимания российских и европейских исследователей с середины XIX века, что было связано с рядом причин военно-политического и торгово-экономического характера. Борьба великих держав за доминирование в Азии стимулировала активное научное освоение этого региона, своеобразное соревнование между исследователями разных стран по сбору географических сведений и описанию малоизвестных территорий. Особую роль в познании Центральной Азии сыграли экспедиции Русского географического общества, прежде всего Н.М. Пржевальского и блестящей плеяды его учеников и последователей: В.М. Певцова, Г.Н. Потанина, В.И. Роборовского, П.К. Козлова, братьев М.Е. и Г.Е. Грумм-Гржимайло, Б.Л. Громбачевского и др.

Эти путешественники завершили «эпический», по выражению Н.М. Пржевальского, период экстенсивно-описательного изучения Центральной Азии, передав эстафету специализированным экспедициям Академии наук и других научных учреждений, которые в XXI веке продолжают и развивают традиции, заложенные российскими учеными в предыдущие столетия.

Сегодня Центральная Азия, по определению ЮНЕСКО, включает не только привычные для российской географической традиции регионы (Монголию, Западный и Центральный Китай, Тибет) но и бывшую советскую Среднюю Азию (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Киргизию, Казахстан), районы азиатской России, южнее таёжной зоны, а также север Индии и Пакистана, северо-восточный Иран, Афганистан. Этот регион продолжает оставаться одним из самых активно развивающихся направлений экспедиционных исследований российских ученых. Такой интерес обусловлен, несомненно, географическим

соседством, определившим сходность физико-географических, геологических, биологических, экологических и других научных проблем и этнической и исторической общностью народов, населяющих приграничные территории России с народами республик бывшего Советского Союза, Монголии и Китая. Свидетельством востребованности Центральной Азии, как исследовательского объекта, стала конференция «Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты», посвящённая 150-летию выдающегося российского путешественника, исследователя Центральной Азии П.К. Козлова (1863–1935), которая прошла в Санкт-Петербурге 15–17 октября 2013 г. Конференция была организована Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук и Русским географическим обществом.

Основными задачами конференции являлись: рассмотрение исторической ретроспективы и современных проблем естественно-научного, археологического и этнографического изучения региона, анализ влияния геополитических факторов на исследовательскую деятельность учёных, её интенсивность и научную проблематику, выявление значения деятельности П.К. Козлова и других ученых в изучение Центральной Азии. Все эти вопросы нашли отражение в прозвучавших на конференции докладах.

Наиболее активно изучаемым российскими исследователями регионом Центральной Азии является Монголия. Её широко-масштабное исследование началось в начале 1920-х гг. и связано с деятельностью Монгольской комиссии АН СССР. Позднее, в 1970-х гг. в Монголии начали работать пять совместных советско-монгольских экспедиций: биологическая, историко-археологическая, географическая, геофизическая и палеонтологическая. Две из них, Российско-Монгольская Биологическая и Российско-Монгольская Палеонтологическая экспедиции работают до сих пор. Как показали выступления участников конференции, совместные международные экспедиции являются одной из самых востребованных форм международного научного сотрудничества.

Материалы конференции демонстрируют также преемственность в направлениях изучения региона. При этом современные

методологические подходы и методики ведения полевых исследований, технические возможности их проведения позволяют учёным получать уникальные данные, касающиеся природных особенностей региона, истории и материальной культуры народов, его населяющих.

Ещё одна особенность в изучении Центральной Азии, которая нашла отражение в прозвучавших докладах – научная актуальность коллекций, собранных на территории Центральной Азии и хранящихся в российских и европейских музеях. Эти коллекции являются носителями материальной информации, которая с годами не теряет своей ценности, а наоборот возрастает. Совершенствование методов и инструментальной базы их изучения позволяют учёным извлекать новую, нередко, принципиально новую, информацию из музейных собраний или изменять интерпретации имеющихся артефактов, что обогащает наши знания о регионе и его народах.

Исторически внимание российских учёных к Центральной Азии связано с той важной геополитической ролью, которую играл и играет этот регион в мировой политической системе. Тема взаимодействия науки и политики, научных исследований и задач внешнеполитической деятельности государства всегда вызывала глубокий интерес историков, правда, в основном, зарубежных, в силу долгое время господствовавших в нашей стране идеологических установок. Геополитическому аспекту в организации исследовательской деятельности в Центральной Азии на конференции было также уделено большое внимание в докладах российских и зарубежных ученых.

Академик В.Л. Комаров, анализируя в 1915 г. деятельность русских путешественников в Центральной Азии писал: «Монополия изучения Монголии, Тибета и Западного Китая изъята из наших рук». Однако прошедшая конференция «Российская изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты» продемонстрировала обратное: российские ученые вновь активно работают в центральноазиатском регионе. При этом расширяется тематика исследований и методические подходы к изучению природы, истории и особенностей развития народов, населяющих этот важный в геополитическом отношении регион.

Составители сборника надеются, что представленные в нем материалы будут способствовать дальнейшей разработке истории изучения Центральной Азии и современного состояния этого территориального направления исследовательской деятельности российских ученых.

К.В. Чистяков, Т.И. Юсупова

Т.И. Юсупова
СПбФ ИИЕТ РАН

Центральная Азия в судьбе и открытиях П.К. Козлова¹

«Центральная Азия стала для меня целью жизни»
П.К. Козлов²

Среди последователей Н.М. Пржевальского по исследованию Центральной Азии особенно выделяется П.К. Козлов (1863–1935), как по продолжительности экспедиционной деятельности, так и по её результативности. С 1883 по 1926 гг. он совершил шесть экспедиций в Центральную Азию: участвовал в 4-й Центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского 1883–1885 гг., Тибетской экспедиции М.В. Певцова 1889–1890 гг., Тибетской экспедиции В.И. Роборовского 1893–1895 гг.; возглавлял: Монголо-Камскую экспедицию 1899–1901 гг., Монголо-Сычуаньскую экспедицию 1907–1909 гг. и Монголо-Тибетскую экспедицию 1923–1926 гг.

Козлов последовательно воплощал в жизнь намеченную Пржевальским программу изучения Центральной Азии, в которой он указал (в конце 1880-х гг.) несколько районов, требующих дальнейшего исследования. Среди них: всё Северо-Тибетское плато, Восточный Тибет и Амдо, горная окраина юго-восточной Монголии с включением Алашаньских гор, северная часть Монголии³. Именно эти районы стали местом работы экспедиций

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-03-00343а.

² *Козлов П.К.* Русский путешественник в Центральной Азии: Избранные труды. М., 1963. С. 25.

³ *Пржевальский Н.М.* Как путешествовать по Центральной Азии // *Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. Третье путешествие в Центральную Азию. СПб., 1883. С. 65.

Козлова. Он обследовал: Китайский Алтай, до Кобдо включительно, отдельные хребты Монгольского Алтая, северную, центральную и южную Монголию, Алашань и Алашаньский хребет, район оз. Кукунор и прилегающие к нему хребты Наньшаня, Цайдам, северо-западную часть провинции Ганьсу, Северо- и Юго-Восточный Тибет – области Кам и Амдо. Результаты путешествий Козлова, по мнению видного исследователя Монголии Э.М. Мурзаева, «имеют совершенно исключительное значение для познания природы Азиатского материка»⁴.

Успеху экспедиций Козлова способствовали, прежде всего, его личные качества: талант географа-исследователя, обширные знания в разных отраслях страноведения, исключительная энергия, упорство, умение подбирать спутников, преданность своему делу.

Несомненно, в организации и проведении экспедиций Козлов, как прагматик, умело использовал имеющийся государственный интерес к центральноазиатскому региону для финансирования своих научных проектов. Но одновременно он был романтиком, влюблённым в природу Центральной Азии и посвятившим ей вдохновенные строки в своих публикациях. Его научный интерес к Центральной Азии, как нам представляется, являлся следствием не только прагматических государственных потребностей, но и рефлексией своеобразного «вызова неосвоенного пространства». И именно этот вызов заставлял его вновь и вновь идти в Центральную Азию. Шесть экспедиций, почти 16 лет жизни в пути!

В свою очередь, Центральная Азия подарила ему, наряду с радостью общения со своей «дикой и грандиозной» природой, ещё и два уникальных археологических открытия – в Хара-Хото (1908–1909) и Ноин-Уле (1924–1925), которые сделали его имя широко известным во всем мире.

Судьбу П.К. Козлова определила счастливая встреча в 1882 г. с Н.М. Пржевальским, который разглядел в девятнадцатилетнем юноше «врождённое призвание» к путешествиям и опыт-

⁴ *Мурзаев Э.М.* Русское географическое общество в истории Российской империи // Русское географическое общество. 150 лет. СПб.; М., 1995. С. 74.

ным глазом военного педагога оценил природные способности к нелёгкой экспедиционной деятельности. Знакомство со знаменитым путешественником коренным образом изменило жизнь деревенского юноши, родившегося в бедной, малограмотной семье на Смоленщине. Козлов вспоминал: «Пржевальский явился моим великим отцом: он воспитывал, учил и руководил общей и частной подготовкой к путешествию»⁵.

Экзамен приобретённым знаниям Козлов сдавал в суровых условиях Тибетского нагорья во время 3-й Центральноазиатской экспедиции (1883–1885) Пржевальского, в состав которой был включён в качестве младшего помощника великого путешественника. Работая рядом с Пржевальским, П.К. Козлов сформировался как профессиональный путешественник-исследователь, овладел и в дальнейшем развил его экстенсивно-описательный метод маршрутной рекогносцировки.

Экспедиция Пржевальского, в которой участвовал Козлов, прошла около 7 800 км через пустыню Гоби, вдоль северной окраины Тибетского нагорья, по бассейну р. Тарим. Книги и рассказы Пржевальского создали поэтический образ Центральной Азии. Встреча с мечтой не разочаровала юного путешественника: «Здесь, на Тэтунге, впервые сознательно пробудилась и моя душа – я познал собственное влечение к красотам дикой горной природы. Природа вообще, центральноазиатская в особенности, завладела мною окончательно»⁶. А после своего пятого путешествия он ещё раз подтверждает правильность сделанного в юности выбора: «Сколько раз я был действительно счастлив, стоя лицом к лицу с дикой грандиозной природой Азии»⁷.

Военный по образованию (закончил в 1887 г. Петербургское пехотное юнкерское училище), Козлов постоянно учился всему, что может пригодиться ему в путешествиях, общаясь со специалистами академических учреждений, Пулковской обсерватории,

⁵ Козлов П.К. Николай Михайлович Пржевальский – первый исследователь... С. 84.

⁶ Козлов П.К. Николай Михайлович Пржевальский – первый исследователь... С. 91.

⁷ Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии: Избранные труды. М., 1963. С. 26.

Русского географического общества, Русского музея (Этнографического отдела) и других учреждений. «Годы оседлой жизни на родине, – писал Козлов, – я посвящал усовершенствованию в естественных науках, этнографии и астрономии»⁸. Поэтому, хотя у Козлова не было университетского диплома, его знания, касающиеся экспедиционной деятельности, были необычайно глубокими и разносторонними, о чём свидетельствовали проведённые географические исследования и собранные естественно-научные коллекции⁹.

Ботаники и зоологи непременно отмечали их выдающуюся научную ценность и считали, что если бы не страсть Козлова к страннической жизни, он мог бы стать неординарным «кабинетным» учёным. Экспедиции Козлова обогатили коллекции академических музеев и утвердили приоритет России в естественно-научном изучении центральноазиатского региона, особенно Монголии. Как отмечал энтомолог А.П. Семёнов-Тян-Шанский, сборы Козлова позволили российским учёным «сделаться настоящими хозяевами в вопросах фауны и флоры этой части земного шара»¹⁰.

Особенно ярко талант Козлова, как путешественника-натуралиста, проявился во время его первой самостоятельной Монголо-Камской экспедиции 1899–1901 гг. В результате этой экспедиции, прошедшей со съёмкою более 10 000 км, были нанесены на карту крупнейшие хребты в Восточном и Центральном Тибете (хребет Русского географического общества, хребет Водораздел (бассейнов Хуанхэ и Янцзы), хребет Рокхилла и др.)¹¹. И хотя маршрут пролегал по неисследованным и труднодоступным территориям научные результаты превзошли все ожидания – П.К. Козлов привёз в Санкт-Петербург огромную и необычайно

⁸ Цит. по: *Козлов В.П.* Жизнь и деятельность Петра Кузьмича Козлова – путешественника, исследователя Центральной Азии // *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Изд. 2-е, М., 1947. С. 14.

⁹ Подробно о естественно-исторических коллекциях Козлова см.: Российские экспедиции в Центральную Азию. СПб., 2013.

¹⁰ *Семёнов-Тян-Шанский А.П.* Зоологические результаты экспедиций П.К. Козлова // Известия Государственного географического общества. Т. LXIX. Вып. 1. 1937. С. 136.

¹¹ К сожалению, русские названия этих хребтов сейчас не используются в международной картографической практике.

разнообразную естественно-историческую коллекцию, интересные этнографические сведения о кочевых племенах Восточного Тибета, ценнейшие данные по зоогеографии совершенно неизученных областей Центральной Азии. Сам Козлов писал, что эта его экспедиция «была особенно плодотворной исследованием богатой, оригинальной природы и малоизвестных или вовсе неизвестных восточно-тибетских племён»¹².

По результатам Монголо-Камской экспедиции Совет РГО в 1902 г. за вклад в изучение Центральной Азии наградила путешественника своей высшей наградой – Константиновской золотой медалью.

В 1903 г. Русское географическое общество опубликовало небольшую брошюру «Отзывы о трудах П.К. Козлова»¹³, где авторитетные специалисты разных отраслей знания дали оценку деятельности этой экспедиции Козлова. Так, например, высоко были оценены проведённые картографические работы: «Съёмка, лично ведённая начальником экспедиции, настолько законченно выполнена, что немедленно <...> можно <...> приступить к исправлению азиатских картографических изданий»¹⁴. Благодаря топографическим съёмкам и астрономическим наблюдениям Монголо-Камской экспедиции впоследствии было нанесено на карту 200 000 кв. км земной поверхности¹⁵.

Позже, в 1936 г., после смерти путешественника, его вклад в академические ботанические и зоологические коллекции был подробно рассмотрен Б.А. Федченко и А.П. Семёновым-Тян-Шанским.

Так, Б.А. Федченко отмечал, что только Монголо-Камская экспедиция 1899–1901 гг. П.К. Козлова привезла почти 25 000 экземпляров ботанического материала. Причём собранных так, что качество их не оставляет желать лучшего, особенно учитывая суровость климата и трудности походной обстановки.

¹² Цит. по: *Житомирский С.В.* Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. М., 1989. С. 115.

¹³ Отзывы о трудах П.К. Козлова. СПб., 1903. 15 с.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ *Овчинникова Т.Н.* П.К. Козлов – исследователь Центральной Азии. М., 1964.

«В научном отношении ценность коллекции 1899–1901 гг. определяется тем, что из Северо-Восточного Тибета в этой коллекции имеется свыше 1 000 видов цветковых растений, в то время как одновременно с тем появившаяся английская сводка всего известного до того времени из Тибета заключает всего 295 видов»¹⁶. При этом, обращает внимание Б.А. Федченко, на сбор некоторых видов требовались не только часы, но и целые дни. Другая экспедиция Козлова, Монголо-Тибетская, 1923–1926 гг., передала в Главный ботанический сад на определение и изучение 750 видов растений или 3 000 листов и 50 пакетов семян¹⁷.

О важности ботанических сборов Козлова для исследовательских учреждений говорит и благодарственное письмо директора Санкт-Петербургского ботанического сада В.И. Липского, который от имени Совета Сада выразил П.К. Козлову «искреннейшую признательность за высокое внимание и содействие к обогащению Ботанического сада столь редкими и ценными образцами»¹⁸.

Такие результаты объясняются тем, что Козлов не только умел сам работать, но и знал, как воодушевить своих сотрудников по экспедиции, как заставить их работать с энтузиазмом.

До сих пор центральноазиатские ботанические сборы Козлова активно используются сотрудниками Ботанического института РАН в их исследовательской деятельности, особенно, специализирующимися в области растительности Монголии и Китая. Почти пятьдесят лет (с 1963 г.) под редакцией д.б.н. В.И. Грубова выходила серия «Растения Центральной Азии», многие публикации которой основаны на сборах Козлова и членов его экспедиций.

Но особенно ценными являются зоологические коллекции Козлова. Любовь к зоологии передал ему Пржевальский. У Козлова были прекрасные отношения практически со всеми научными сотрудниками Зоологического музея: С.М. Герценштейном,

¹⁶ Федченко Б.А. Пётр Кузьмич Козлов // Советская ботаника. 1936. № 1. С. 155–156.

¹⁷ Козлов П.К. Краткий отчёт о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества 1923–1926 гг. Л., 1928. С. 45.

¹⁸ Цит. по: Овчинникова Т.Н. П.К. Козлов – исследователь Центральной Азии. М., 1964. С. 191–192.

Е.А. Бихнером, В.Л. Бианки, Л.С. Бергом, А.А. Бялыницким-Бирулём, А.П. Семёновым-Тян-Шанским, позже с П.П. Сушкиным, Б.С. Виноградовым, А.Н. Кириченко и др. Регулярное общение с учёными, внимательное отношение к их советам и рекомендациям являлось обязательным условием собирательской деятельности Козлова¹⁹.

Следует отметить, что кроме полевых сборов, особую ценность имеют обстоятельные очерки фауны обследованных районов с биологическими характеристиками отдельных представителей этих фаун, которые Козлов обязательно даёт в своих книгах по итогам путешествий, а также очень содержательные зоологические дневники путешественника. Обладая тонкой наблюдательностью, прекрасно разбираясь в голосах птиц и их названиях Козлов в своих дневниках собрал, по свидетельству Б.К. Штегмана, высокоценный материал по экологии и биологии птиц Центральной Азии²⁰. Уникальные сборы орнитофауны Монголии сделала в 1923–1931 гг. и его жена, орнитолог Е.В. Козлова²¹, проработавшая более 40 лет в Зоологическом институте Академии наук.

Материалы коллекций Козлова, по сведениям, приведённым А.П. Семёновым-Тян-Шанским в 1937 г., были так или иначе использованы в работах 102 специалистов, написавших примерно 200 специальных научных работ. Это число сегодня значительно возросло.

Каждое путешествие Козлова доставляло не только новые сведения о природе посещённых им стран, но и о населяющих их народах. В разных трудах Козлова содержатся интересные сведения этнографического характера, дополнившие и значительно расширившие имевшиеся знания о народах центральноазиатского региона, их истории, культуре, быте, обычаях и традициях.

В составе Китайского отдела Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН находится небольшая (144 бытовых и религиозных предмета: табакерки из фарфора, стекла, камня, ак-

¹⁹ Подробно см.: Юсупова Г.И. Сотрудничество путешественника П.К. Козлова с Зоологическим музеем Академии наук // Зоологические коллекции в России.

²⁰ Семёнов-Тян-Шанский А.П. Зоологические результаты экспедиций П.К. Козлова // Известия ГГО. Т. LXIX. Вып. 1. 1937. С. 133.

²¹ Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е.В. Козлова. СПб., 2007.

варели и картины, бронзовые статуэтки буддийских божеств и иконы), но представляющая безусловный интерес для всякого, изучающего или интересующегося этнографией народов Китая коллекция Козлова. Большая часть предметов была приобретена путешественником в провинции Ганьсу во время Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907–1909). Предметы были переданы в музей в период с 1907 по 1936 гг. самим путешественником, РГО, а также были приобретены у его вдовы Е.В. Козловой.

Но особую историческую ценность имеют археологические находки П.К. Козлова, сделанные им в 1908–1909 гг. в древнем городе Хара-Хото на юге пустыни Гоби во время Монголо-Сычуаньской экспедиции, и в 1924–1925 г. в горах Ноин-Ула, в 100 км к северу от столицы Монголии Улан-Батора, во время его последней, Монголо-Тибетской экспедиции.

Поиск засыпанного песками Гоби древнего города не входил в основные планы Монголо-Сычуаньской экспедиции, целью которой являлось исследование Средней и Южной Монголии, озера Кукунор и Кукунорской области, Северо-Западной Сычуани. Однако, получив информацию, что бывший сотрудник Ц.Г. Бадмажапов, случайно наткнулся на развалины затерянного в песках Гоби города, Козлов изменил планы экспедиции и направился к низовьям р. Эдзин-гола, где по предположению, находился таинственный город²².

Первый раз Козлов посетил Хара-Хото 19 марта 1908 г. В течение пяти дней экспедиция обследовала развалины. Было найдено большое количество черепков посуды, предметов обихода, денежные ассигнации, монеты, 3 книги, 30 оригинальных рукописей на тогда неизвестном языке тангутского государства Си Ся, предметы культа и др. Отправив находки в Петербург (десять пудовых посылочных ящиков!), экспедиция направилась к Алашаньскому хребту.

В декабря 1908 г. Козлов получил письмо от А.В. Григорьева, помощника вице-председателя РГО, в котором сообщалось

²² О поисках Хара-Хото подробно см.: *Юсупова Т.И.* Монголо-Сычуаньская экспедиция П.К. Козлова (1907–1909) и открытие Хара-Хото // *Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века.* СПб., 2008. С. 112–129.

о получении находок из Хара-Хото и их большой научной ценности. А.В. Григорьев предложил Козлову изменить маршрут экспедиции, возвратиться в Хара-Хото и, не жалея ни времени, ни сил, ни средств продолжить раскопки²³. Послушав совета глубокоуважаемого им одного из руководителей РГО Козлов в конце мая 1909 г. вернулся в Хара-Хото и начал новые раскопки, которые, однако, долгое время не оправдывали ожиданий. И только почти через месяц, когда силы были на исходе, участники экспедиции при раскопах одного из субурганов (культовое буддийское сооружение) обнаружили настоящий клад для науки: целую библиотеку (по подсчётам Е.И. Кычанова около 6 000 единиц) прекрасно сохранившихся свитков, рукописей, книг на тангутском, китайском, и уйгурском языках, сотни буддийских икон (около 300) и скульптур, святыни из буддийских храмов. Воодушевлённый находками Козлов записал в дневнике: «Буду надеяться, что и Географическое общество, и Императорская Академия наук приложат все усилия, средства и умение, чтобы достойным образом обработать и издать труды и материалы Хара-Хото»²⁴. Так и произошло. Материалы из знаменитого субургана позволили восстановить историю забытого государства Си Ся, просуществовавшего около 250 лет (892–1227) на территории современного северного Китая²⁵.

Как отмечают многие исследователи только после находок в Хара-Хото можно говорить о подлинном развитии тангутоведения. Коллекции книг, живописи, предметов быта дали возможность многое узнать о культуре, искусстве, этнографии Си Ся, его связях с другими государствами.

Особое значение сделанные П.К. Козловым находки имели для расшифровки тангутской письменности. До этой находки было известно всего несколько монет с надписями на языке Си

²³ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 184. Письмо от 9 сентября 1908 г.

²⁴ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 154. Л. 465. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

²⁵ См., напр.: *Кычанов Е.И.* Звучат лишь письма М., 1965; Переиздание: Рыбинск, 2002; *Он же.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968; *Он же.* Император Великого Ся. Новосибирск, 1991; *Лубо-Лесниченко Е.И., Шафрановская Т.К.* Мёртвый город Хара-Хото. М., 1968 и др.

Ся, надписей на камне и одна рукопись, в то время как Козлов привёз сотни рукописей и печатных книг как китайских, так и тангутских.

Разбирая хара-хотинские находки в РГО приват-доцент Санкт-Петербургского университета А.И. Иванов обнаружил единственный известный до сих пор тангутско-китайский словарь «Чжан-чжун чжу» («Перл в ладони»). Эта находка позволила начать работу над составлением тангутско-русского словаря. О своём открытии А.И. Иванов сообщил в статье «К изучению языка Си Ся», а затем последовал ряд других его статей, посвящённых анализу документов из Хара-Хото²⁶. Но особенно важный вклад в тангутоведение внёс ученик А.И. Иванова – Н.А. Невский. Его труд «Тангутская филология»²⁷ заслужил репутацию одного из крупнейших филологических открытий XX века.

С коллекцией книг и рукописей из Хара-Хото российские востоковеды работают до сих пор. Подробно описаны китайская²⁸ и тангутские части коллекции²⁹. Как отмечал один из самых авторитетных тангутоведов Е.И. Кычанов, современные успехи российского и мирового тангутоведения основываются именно на материалах тангутского фонда Института восточных рукописей РАН, где они хранятся сегодня. С 1993 г. идёт активное сотрудничество с шанхайским издательством «Древняя книга». Опубликовано в 11 томах светская часть коллекции и при-

²⁶ *Иванов А.И.* К изучению языка Си-Ся. СПб., 1909; *Он же.* Страница из истории Си Ся // Известия Имп. АН. СПб., 1911; Документы из города Хара-Хото. I. Китайское частное письмо XIV века // Известия Имп. АН. 1913. Сер. IV. № 14. С. 817–913; Памятники тангутского письма // Известия Имп. АН. 1918. Сер. VI. № 8; Бумажное обращение в Китае до XV века // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914. С. 159–174; *Иванов А.И., Ольденбург С.Ф., Котвич В.* Из находок П.К. Козлова в г. Хара-Хото. СПб, 1909; *Волков Ф.* Человеческие кости из субургана в Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914. С. 179–182.

²⁷ *Невский Н.А.* Тангутская филология. Кн. 1–2. М., 1960.

²⁸ *Меньшиков Л.Н.* Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (Фонд П.К. Козлова). М., 1984.

²⁹ Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествлённых и определённых тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР / Составители *З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов.* М., 1963.

мерно одна пятая – одна шестая часть буддийских текстов на тангутском языке, все тексты на китайском языке³⁰. Результатом многолетней работы с тангутскими рукописями Е.И. Кычанова стало издание в Японии уникального Тангутско-русско-англо-китайского словаря³¹.

Не менее выдающееся значение имеют вывезенные П.К. Козловым из Хара-Хото предметы буддийского культа, в частности иконы и статуэтки. Практически сразу по прибытии коллекций в Россию С.Ф. Ольденбург «не откладывая дела до подробного и тщательного изучения этого замечательного собрания» дал предварительное описание этой ценнейшей находки³². В дальнейшем изучением этой коллекции занимались сотрудники Государственного Эрмитажа³³, куда она была передана из Этнографического отдела Русского музея в 1934 г.

Хотелось бы отметить, что условия, в которых проходила Монголо-Сычуаньская экспедиция, были непростыми в географическом и климатическом понимании, а нередко представляли серьёзную опасность для жизни. Несколько раз у экспедиции возникали конфликтные ситуации с местными князьями, с настороженностью принимавшими иностранцев, да ещё с оружием, на своей территории. Самым опасным был инцидент в княжестве Луцца, едва не погубившим путешественников, с трудом отбивших ночное нападение известного своей воинственностью местного населения. Этот эпизод подробно описан Козловым в его книге «Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото»³⁴.

³⁰ *Кычанов Е.И.* Тангутский фонд СПбФ ИВ РАН как основа развития мирового тангутоведения // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тезисы XXIII годичной конференции СПб Отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники. СПб., 2002. С. 19.

³¹ Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь. Составитель *Е.И. Кычанов*. Со-составитель *С. Аракава*. Киото, 2006.

³² *Ольденбург С.Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914.

³³ *Самосюк К.Ф.* Буддийская живопись из Хара-Хото XII–XIV веков: между Китаем и Тибетом. Коллекция П.К. Козлова. СПб., 2006.

³⁴ *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото. М.; Пг., 1923. С. 422–425.

Археологические находки в Хара-Хото несколько затмили другие, не менее значимые, достижения экспедиции. Сотрудники Козлова проделали большую работу по географическому изучению территорий, по которым проходил их маршрут, в том числе, как и было запланировано, низовья Эдзин-гола с озёрами Сого-Нур и Гашун-Нур³⁵. Впервые были проведены лимнологические работы на оз. Кукунор, причём с применением своеобразного ноу-хау – разборной брезентово-пробковой лодки. Особой географической заслугой экспедиции считается изучение северо-восточной части Тибетского нагорья – Амдо, проходившее в тяжёлых условиях высокогорной местности (от 4 300 до более 4 800 м над уровнем моря). Кроме того, были собраны ценные этнографические сведения о тибетских племенах и коллекция бытовых и религиозных предметов. Как всегда, Козлов доставил в Петербург богатые зоологические и ботанические коллекции, которые, по традиции, были переданы для изучения в Ботанический сад и Зоологический музей Академии наук.

Покидая раскопки, в июне 1909 г., Козлов записал в дневнике: «Прощай Хара-Хото! Ты дал мне много прекрасных, восторженных минут, ты, невольно, открыл мне новую отрасль знаний»³⁶. С того времени Козлов стал уделять внимание не только сбору естественно-исторических коллекций, но и изучению истории человека. Формулируя своё научное кредо он писал в 1924 г.: «Изучение природы, и изучение человека должны идти рука в руку»³⁷ и далее: «Понемногу я начинаю видеть в себе перемену или переход от изучения природы к исследованию человека, его истории, культуры. Вот где моё призвание, но из этого ещё не следует, чтобы я не имел глубокой любви и преданности к природе, в особенности дикой, девственной природе»³⁸. В своей по-

³⁵ Специальное геологическое изучение этой местности провёл участвовавший в экспедиции геолог А.А. Чернов.

³⁶ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 154. Л. 96 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

³⁷ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. С. 317.

³⁸ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. С. 512.

следней, Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг., Козлов смог в полной мере реализовать оба направления своей исследовательской деятельности.

Судьба этой экспедиции оказалась весьма драматичной и складывалась очень непросто³⁹. Утверждённая правительством в 1923 г. как «Тибетская», в Тибет она так и не попала и вынуждена была переориентировать свои планы на изучение Монголии. За три года (с октября 1923 г. по сентябрь 1926 г.) экспедиция проделала огромную работу по исследованию Монголии. Экспедиция подробно изучила Ургинский район, Юго-Восточный Хангай, район Северной Гоби и долины Холт, степные и пустынные пространства от Урги до Хара-Хото (Китай), при этом 3 500 км маршрута было снято на планшет с определением астрономических и гипсометрических пунктов, проведены долговременные метеорологические наблюдения в Ноин-Уле, Хангае, Хара-Хото, имевшие большое значение для характеристики климата страны. Безусловно, главное достижение Монголо-Тибетской экспедиции – археологические находки, обнаруженные в захоронениях хунну в горах Ноин-Ула: прекрасно сохранившиеся ткани, войлочные ковры с изображениями мифических животных, изделия из золота, бронзы, керамика и многое другое. Результаты этих раскопок специалисты относят к наиболее ценным для археологии памятникам, ставшим известными в первой четверти XX века. Археологические материалы из Ноин-Улы дают представление о погребальном обряде и хозяйстве гуннов, о жилищах и домашней утвари, об одежде и украшениях, о технике обработки различных материалов, об оружии и военном деле, об изобразительном искусстве, верованиях и о международных связях хунну⁴⁰.

³⁹ Подробно см.: *Андреев А.И. Юсупова Т.И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51–74.

⁴⁰ Подробно историю раскопок см.: *Юсупова Т.И.* Случайности и закономерности в археологических раскопках: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки в Ноин-Уле // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 26–67; *Она же.* История не совсем обычного археологического открытия // *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск, 2011. С. 9–52.

Уже первые результаты раскопок, произведённых весной 1924 г., вызвали широкий научный и общественный резонанс и привлекли внимание многих российских и иностранных учёных. Особенно ценными и уникальными являются ткани, прекрасно сохранившиеся в условиях вечной мерзлоты. В 1930-х гг. вышел ряд работ, основанных на изучении предметов из ноин-улинских погребений⁴¹. Затем на долгие годы исследования были прерваны и лишь в 1960-х годах вышли книги С. Умехары⁴² и С.И. Руденко⁴³. Сейчас изучение коллекций вышло на новый технологический и методологический уровень.

Ноин-улинские археологические находки экспедиции Козлова стали не только ценным культурным достоянием России и Монголии (сейчас эти предметы хранятся и экспонируются в залах Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге и Национального музея монгольской истории в Улан-Баторе), но и дали мощный толчок для изучения одной из древнейших кочевых империй, которая, вследствие долгого временного и обширного пространственного существования, оказала значительное влияние на развитие многих азиатских и европейских народов. В 2006 г. раскопки в Ноин-Уле продолжила совместная Российско-Монгольская археологическая экспедиция, созданная по инициативе новосибирских археологов под руководством члена-корреспондента РАН Н.В. Полосьмак.

⁴¹ *Trever K.V.* Находки из раскопок в Монголии 1924–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. 1931. № 9–10; *Trever Camilla.* Excavations in Northern Mongolia (1924–1925) // Memoirs of the Academy of History of material culture. V. III. Leningrad, 1932; Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. // Известия ГАИМК. Т. XI. Вып. 7–9. Л., 1932; *Бернштам А.М.* Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1937. № 4; *Боровка Г.И.* Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции // Краткие отчёты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925. С. 23–40; *Теплоухов С.А.* Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Там же. С. 13–23; *Salmony A.* Der Erste Fund von Ulla // *Artibus Asiae.* 1930–1932. № 212; *Jetts W. Perceval.* Discovers of the Kozlov Expedition // *Burlington Magazine.* 1926. April; *Rostovtzeff M.* The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929.

⁴² *Umehara S.* Studies of Noin-Ula finds in northern Mongolia. Tokyo, 1960.

⁴³ *Руденко С.И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.: Л., 1962.

Исследования П.К. Козлова получили высокую оценку мирового научного сообщества. Он является почётным членом Русского (1910), Голландского (1896), Венгерского (1911) географических обществ, Учёного комитета Монголии (1924); награждён Константиновской медалью РГО (1902), Золотыми медалями Лондонского (1911) и Итальянского (1911) географических обществ, премией им. П.А. Чихачёва Французской академии наук (1913)⁴⁴. Его выбрали своим членом или почётным членом: Московское общество испытателей природы (1896), Русское энтомологическое общество (1908), Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (1907), Московское общество испытателей природы (1927), Санкт-Петербургский Ботанический сад (1902), корреспондентом Зоологического музея Академии наук (1928) и др.

П.К. Козлова часто называют счастливецом. Несомненно, что элемент случайности сопутствовал его работе. Но эта случайность носила, можно сказать, закономерный характер: Козлов умел организовать «счастливые случайности». Известный монголовед Н.Н. Поппе, отдавая дань уважения исследованиям Козлова, отмечал: «<...> какое удивительное счастье сопутствовало ему во всех его путешествиях, редким успехом венчавшее все его предприятия. И спрашивается, откуда такое счастье?» И сам отвечает: «Удивительная стойкость, неустранимость, редкая дисциплинированность, требовательность по отношению к себе, честное и искреннее отношение к делу, умение выбирать людей и знание их, вот то, что сделало П.К. Козлова кузнецом своего счастья и счастья его предприятий»⁴⁵.

Козлов, по мнению современников, стал последним представителем «определённого типа русского путешественника, одновременно географа, этнографа и натуралиста»⁴⁶, путеше-

⁴⁴ Подробно см.: *Юсупова Т.И.* Международное признание заслуг П.К. Козлова в исследовании Центральной Азии // *Известия РГО.* 2013. № 4. С. 79–84.

⁴⁵ *Поппе Н.Н.* Значение путешествий П.К. Козлова для археологического изучения Центральной Азии // *Известия Государственного Географического общества.* 1936. Т. LXVIII. Вып. 5. С. 753.

⁴⁶ *Павлов Н.В.* Путешественник и географ П.К. Козлов (1863–1935). М., 1940. С. 3.

ственным, профессионально подготовленным не только для проведения географических исследований, но и сбора естественно-исторических коллекций. Экспедиции Козлова завершили «эпический», по выражению Пржевальского, период экстенсивно-описательного изучения Центральной Азии, как отмечал С.Ф. Ольденбург «это был способ путешествий от Пржевальского до Козлова», передав эстафету специализированным экспедициям Академии наук и других научных учреждений, которые продолжают и развивают традиции, заложенные российскими учёными в XIX – XX вв.

Литература

Андреев А.И. Юсупова Т.И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51–74.

Житомирский С.В. Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. М., 1989. 192 с.

Отзывы о трудах П.К. Козлова. СПб.: ИРГО, 1903. 15 с.

Козлов В.П. Жизнь и деятельность Петра Кузьмича Козлова – путешественника, исследователя Центральной Азии // *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Изд. 2-е, М.: ОГИЗ, 1947. С. 9–32.

Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. / Ред.-сост. *Т.И. Юсупова*, ред. *А.И. Андреев*. СПб.: Наука, 2003. 1038 с.

Козлов П.К. Краткий отчёт о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества 1923–1926 гг. Л., 1928. С. 45.

Козлов П.К. Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 677 с.

Козлов П.К. Николай Михайлович Пржевальский – первый исследователь Центральной Азии. СПб., 1913. 149 с.

Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии: Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 524 с.

Кычанов Е.И. Тангутский фонд СПбФ ИВ РАН как основа развития мирового тангутоведения // Наука и техника: Вопросы

истории и теории. Тезисы XXIII Годи́чной конференции СПб Отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники. СПб.: Политехника-сервис, 2002. С. 18–20.

Меньшиков Л.Н. Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (Фонд П.К. Козлова). М.: Наука, Главная редакция Восточной лит-ры, 1984. 528 с.

Мурзаев Э.М. Русское географическое общество в истории Российской империи // Русское географическое общество. 150 лет. М.: АО «Прогресс», 1995. С. 9–181.

Невский Н.А. Тангутская филология. Кн. 1–2. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960.

Овчинникова Т.Н. П.К. Козлов – исследователь Центральной Азии. М.: Наука, 1964. 198 с.

Ольденбург С.Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914.

Павлов Н.В. Путешественник и географ П.К. Козлов (1863–1935). М.: Московское общ-во испытателей природы, 1940. 14 с.

Понне Н.Н. Значение путешествий П.К. Козлова для археологического изучения Центральной Азии // Известия Государственного Географического общества. 1936. Т. LXVIII. Вып. 5. С. 747–753.

Пржевальский Н.М. Как путешествовать по Центральной Азии // *Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. Третье путешествие в Центральную Азию. СПб., 1883. С. 1–66.

Российские экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг. / Под ред. *А.И. Андреева*. СПб.: Нестор-История, 2013. 311 с.

Самосюк К.Ф. Буддийская живопись из Хара-Хото XII–XIV веков: между Китаем и Тибетом. Коллекция П.К. Козлова. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. 423 с.

Семёнов-Тян-Шанский А.П. Зоологические результаты экспедиций П.К. Козлова // Известия Государственного Географического общества. Т. LXIX. Вып. 1. 1937. С. 131–137.

Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е.В. Козлова (1892–1975) / Отв. ред. *А.И. Андреев*, ред.-сост. *Т.Ю. Гнатюк*. СПб.: Нестор-История, 2007. 133 с.

Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествлённых и определённых тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР / Составители *З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов*. М.: Государственное изд-во Восточной лит-ры, 1963. 170 с.

Федченко Б.А. Пётр Кузьмич Козлов (1863–1935) // Советская ботаника. 1936. № 1. С. 155–156.

Юсупова Т.И. История не совсем обычного археологического открытия // *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. С. 9–52.

Юсупова Т.И. Международное признание заслуг П.К. Козлова в исследовании Центральной Азии // Известия РГО. 2013. № 4. С. 79–84.

Юсупова Т.И. Монголо-Сычуаньская экспедиция П.К. Козлова (1907–1909) и открытие Хара-Хото // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века / Под ред. *И.Ф. Поповой*. СПб.: Славия, 2008. С. 112–129.

Юсупова Т.И. Случайности и закономерности в археологических раскопках // Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 26–67.

Юсупова Т.И. Сотрудничество путешественника П.К. Козлова с Зоологическим музеем Академии наук // Зоологические коллекции в России в XVIII–XXI веках: социально-политический и научный контекст / Ред.-сост. *Н.В. Слепкова*. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 249–258.

Архивные источники

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 154.

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 184.

Central Asia in the Fate and the Discoveries of P.K. Kozlov***T.I. Yusupova***Institute for the History of Science & Technology, RAS
St. Petersburg Branch

This article discusses some facts in the biography of the famous Russian traveler P.K. Kozlov (1863–1935), i.e. facts that played role in development of his research interest in Central Asia. As a disciple and a follower of N.M. Przhewalsky he was both pragmatic and romantic, and was in love with the wildlife of Central Asia. In turn, along with the joy of communication with its “wild and majestic” nature, Central Asia gave Kozlov a chance to make two unique archaeological discoveries in Khara-Khoto (1908–1909) and Noin-Ula (1924–1925), which made his name well-known worldwide.

Т.Ю. Гнатюк
СПбФ ИИЕТ РАН

Природоохранная деятельность П.К. Козлова: Аскания-Нова

Одной из сторон многогранной деятельности П.К. Козлова (1863–1935) была охрана природы. Его экспедиционные отчёты содержат ряд наблюдений экологического характера. В книге «Монголия и Кам», написанной по завершении первой самостоятельной Монголо-Камской (Тибетской) экспедиции (1899–1901) П.К. Козлов положительно отзывался о промышленном разведении русским населением на Алтае маралов – животных, которые прежде варварски истреблялись ради добычи рогов (пантов), и призывал специалистов помочь в более правильной постановке «этой важной отрасли естественного богатства страны»¹. В то же время путешественник высказывал возмущение по поводу бесконтрольного истребления монголами сурков в районе Кобдо для заготовки мяса и выделки шкур на продажу². В отчёте о Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 г., подтверждая сведения Н.М. Пржевальского, П.К. Козлов сообщает о варварской эксплуатации китайскими промышленниками лесных богатств Алашаня, которая влечёт за собой необратимые изменения в водоснабжении, некогда изобильного в растительном и животном отношении, оазиса Дын-юань-ин³. Неоднократно в своих работах путешественник обращал внимание на интересную народную форму природоохранной деятельности, для которой характерно отношение к памятнику природы как к сакральному объекту. Этой теме он посвятил отдельную публикацию «Монгольский заповедник Богдо-ула»⁴.

¹ Козлов П.К. Монголия и Кам. Труды экспедиции Императорского Русского географического общества, совершённой в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. I. Ч. 1. По Монголии до границ Тибета. СПб., 1905. С. 18–22.

² Там же. С. 50–51.

³ Козлов П.К. Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото. Экспедиция Русского географического общества в Нагорной Азии П.К. Козлова 1907–1909 гг. М., 1923. С. 195–196.

⁴ Козлов П.К. Монгольский заповедник Богдо-ула // Известия РГО. 1924. Т. LVI. Вып. 1. С. 169–173.

По роду своей деятельности П.К. Козлов поддерживал тесные связи с рядом крупнейших учёных-натуралистов своего времени, таких как П.П. и А.П. Семёновы-Тян-Шанские, К.А. Сатунин, В.Л. Бианки, Л.С. Берг, Е.А. Бихнер, П.П. Сушкин, А.А. Тихомиров и многие другие. Осенью 1896 г. П.К. Козлов познакомился с Фридрихом Эдуардовичем Фальц-Фейном (1863–1920), владельцем имения Аскания-Нова в Таврической губернии, талантливым зоологом-практиком, создателем акклиматизационного заповедника, инициатором сохранения типчаково-ковыльной Крымской степи. Этого человека современники считали крупным деятелем и знатоком в области охраны природы. Выступая с докладом на публичном соединённом заседании Государственного комитета по охране памятников природы и Русского общества акклиматизации животных и растений, посвящённом памяти Ф.Э. Фальц-Фейна, основоположник природоохранного движения в России, профессор Г.А. Кожевников сказал о нём так: «Фридрих Эдуардович был новатором в своей деятельности. Им был создан новый тип зоопарка <...> где животные были поставлены в условия почти свободной жизни. <...> Только в 1909 г., т. е. через 14 лет после основания Аскания-Нова, в Штелингене за границей был учреждён первый заповедник такого характера»⁵. Помимо научной работы по акклиматизации и гибридизации, образцово поставленной в Аскании-Нова, Фальц-Фейн много внимания уделял просветительству и пропаганде сохранения дикой природы. В заповеднике работали не только учёные-зоологи из разных стран (П. Матчи, Г. Конвенц, П.П. Сушкин, В.И. Талиев, И.К. Пачоский и многие другие), но и проводились экскурсии. Особенно возрос интерес общественности к Аскании после участия её владельца со своими питомцами в юбилейной Всероссийской акклиматизационной выставке в Москве (1908 г.) и одесской Сельскохозяйственной и промышленной выставке (1911 г.), а также после визита в заповедник императора Николая II в апреле 1914 г.

⁵ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 43. Л. 29. Протокол Публичного соединённого заседания Государственного комитета по охране памятников природы и Русского Общества акклиматизации животных и растений, посвящённого памяти Фридриха Эдуардовича Фальц-Фейна. 25 декабря 1920 г. Машинопись с пометкой: П.К. Козлову.

Фридрих Эдуардович являлся активным членом целого ряда российских и зарубежных обществ естествоиспытателей, в том числе, Постоянной природоохранительной комиссии Русского географического общества практически с момента её основания в 1912 г. Её членом 28 февраля 1913 г. был избран и П.К. Козлов.

До революции П.К. Козлов дважды по приглашению владельца имения посещал Асканию – в 1913 и 1915 гг. Он подробно ознакомился с устройством зоопарка-заповедника, по своему экспедиционному обыкновению вёл фаунистические и метеорологические дневники, работал в архиве Фальц-Фейна, изучая историю создания заповедника, поступления его обитателей, бухгалтерскую документацию. В первую очередь Козлова интересовал вопрос разведения дикой лошади Пржевальского (*Equus Przewalskii*), доставка которой в Асканию в 1899 г. состоялась во многом благодаря его личному участию. Итогом знакомства путешественника с заповедником стали три значительные публикации в прессе: «Правда о дикой лошади Пржевальского»⁶, опубликованная в журнале «Землеведение» в 1913 г., «Аскания-Нова в её прошлом и настоящем. Современное положение Аскания-Нова»⁷ в журнале «Русская старина» 1914 г., и «Аскания-Нова (Чапли). Первые опыты акклиматизации животных в России»⁸, вышедшая в 1915 г. в выпуске «Постоянной комиссии народных чтений». Последний очерк, помимо описания собственно заповедника Аскания-Нова, содержит впечатления автора от пребывания весной 1914 г. в Налибоках – ещё одном поместье Ф.Э. Фальц-Фейна на юге Виленской губернии, где владельцем осуществлялась программа по сохранению бобров. В заключение очерка Козлов высказывал «искреннее пожелание, чтобы Асканийский зоопарк – гордость России – скорее перешёл в национальную собственность и явился бы, таким образом, живым откликом на современный вопрос «об охране памятников природы». Только при широком содействии

⁶ Козлов П. Правда о дикой лошади Пржевальского (*Equus Przewalskii*) // Землеведение. 1913. Кн. III. С. 69–73.

⁷ Козлов П. Аскания-Нова в её прошлом и настоящем. Современное положение Аскания-Нова // Русская старина. 1914, июль. Кн. VII. С. 19–38.

⁸ Козлов П.К. Аскания-Нова (Чапли). Первые опыты акклиматизации животных в России // Постоянная комиссия народных чтений. № 309. Пг., 1915.

правительства, при скорейшем издании соответствующего закона, вопрос об охране памятников природы станет на твёрдую почву. При Императорском Русском географическом Обществе, по живому призыву профессора-академика И.П. Бородин, создалась комиссия, которая разрабатывает этот вопрос. Хочется верить, что все чистые, девственные образцы нашей родной природы, – и в центре, и в Крыму, и на Кавказе, и в Сибири, найдут себе высокое покровительство закона; только тогда мы будем в состоянии передать нашему потомству полную, живую историю природы нашей матери-земли». Из этого заключения следует, что путешественник обсуждал идею создания в Аскании государственного заповедника с её владельцем. Во время первой русской революции 1905 г. пострадали владения Фальц-Фейнов Хорлы, Преображенка, Максимовка, Дофино и хотя Аскании по просьбе владельца Херсонский губернатор предоставил вооружённую охрану, стало ясно, что защитить и сохранить заповедник собственными силами в случае народных волнений не удастся. Так и произошло.

В марте 1917 г. находясь в Москве и участвуя в организации природоохранной комиссии при Ассоциации российских естествоиспытателей, Фальц-Фейн стал получать из Аскании сведения о беспорядках в окрестных сёлах и в имении. Крестьяне требовали раздела имущества и распашки целинного степного участка. Фридрих Эдуардович обратился за помощью к научной общественности. 17 апреля 1917 г. к ординарному академику, возглавлявшему физико-математическое отделение РАН, и, одновременно, товарищу председателя Постоянной природоохранительной комиссии при РГО И.П. Бородину было направлено письмо с пометкой «весьма спешное» из Министерства народного просвещения с приложением телеграммы, подписанной губернским комиссаром Богдановым, членом Госсовета Таврического земства, в которой представители научных учреждений ходатайствовали о срочной присылке «специального авторитетного комиссара для охраны единственного в Европе зоопарка с вымирающими видами редких животных»⁹. 18 мая в газете «Русское слово» вышла тревожная статья о возможности разгрома Аскании, в которой

⁹ СПФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 499. Л. 90, 91.

Кавказское общество акклиматизации животных обращалось ко всем учёным обществам с Академией наук во главе с призывом защитить знаменитый заповедник¹⁰. И.П. Бородин рекомендовал в качестве комиссара энтомолога Херсонского губернского земства, заведующего земским музеем Иосифа Конродовича Пачоского (1864–1942). Уже 25 мая в Херсон пришла телеграмма из Министерства внутренних дел о назначении его комиссаром Временного правительства для охраны зоопарка. Пачоский состоял на этой должности до октября 1917 г.

11 октября 1917 г. на XII заседании отделения физико-математических наук РАН было заслушано обращение Исполнительного комитета совета Всероссийского съезда коннозаводчиков, коневодов и других деятелей по коннозаводству и коневодству от 8 октября, где сообщалось, что, выслушав в заседании своём 7 октября гражданина Фальц-Фейна об опасности угрожающей заповеднику, Совет обращается к Академии наук о ходатайстве перед Временным правительством о принятии безотлагательных мер к защите Аскании-Нова. В постановлении заседания было записано: «Положено сообщить, что в Асканию-Нова Правительством командировается генерал-майор П.К. Козлов»¹¹. На этом же заседании было заслушано отношение председателя РГО Ю.М. Шокальского о созыве особого совещания по обсуждению мер для обеспечения охраны памятников природы совместно с представителями Академии наук. Стоит отметить, что как раз в начале октября в Постоянной природоохранительной комиссии при РГО велась подготовка предложений по созданию и развитию сети заповедников в России и 2 октября В.П. Семёнов-Тян-Шанский представил к обсуждению первый проект, в разработке которого принимал участие П.К. Козлов. В докладе были и сведения об Аскании.

Козлов с супругой¹² прибыл в Асканию 10 декабря 1917 г. и пробыл там шестнадцать месяцев, вплоть до начала апреля

¹⁰ Там же. Л. 96. Вырезка с газетной публикацией «Великая ценность», подписанной «Н.».

¹¹ Известия Российской Академии наук. Т. 11. Вып. 17. Пг., 1917. С. 1423.

¹² Козлова Елизавета Владимировна (1892–1975) – жена П.К. Козлова. Участвовала в его последней экспедиции в Монголию (1923–1926), впоследствии сотрудник Зоологического института АН СССР, доктор биологических наук, специалист в области орнитофауны Центральной Азии.

1919 г. Помимо удостоверения РАН и Природоохранительной комиссии при РГО, он получил мандат на охрану заповедника от Таврического губернского комиссариата и Киевского природоохранного комитета¹³. Весной 1918 г. полномочия П.К. Козлова были подтверждены В.И. Лениным (по просьбе Заведующего научно-техническим отделом ВСНХ РСФСР Н.П. Горбунова). На плечи путешественника легли заботы по жизнеобеспечению зоопарка-заповедника – приходилось решать вопросы финансирования, заготовки кормов для животных, заботиться о семьях работников и, конечно, пресекать попытки грабежей и браконьерства на охраняемой территории. Козлов, со свойственной ему дипломатичностью, пытался сотрудничать с часто меняющейся властью. Ему помогали старейшие сотрудники Аскании-Нова – К.Е. Сиянко, Г.И. Рибергер, Ю.И. Игумнова, С.Филоненко, а также первый председатель Асканийского Совета рабоче-крестьянских депутатов П.С. Кучеров. В первые же дни своего присутствия в Аскании, Козлов понял, что, прежде всего, необходимо обеспечить вооружённую охрану заповедника. С этой целью он обращался за помощью к представителям различных военных формирований. В архиве Биосферного заповедника Аскания-Нова сохранились два документа, датированные 19 декабря 1917 г., свидетельствующие о том, что Козлов одновременно просил выделить отряд из 25 бойцов для охраны заповедника у Днепровского уездного исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и, даже, у начальника штаба мусульманских революционных войск в Симферополе.

Козлов лично занимался просветительской работой с местным населением. Уже в конце 1920-х Климентий Сиянко в письме к Козлову, подробно описывая рейд по окрестным сёлам с конфискацией оружия и охотничьих трофеев, писал: « <...> если бы это пресекалось вовремя, то до этого и не дошло бы. Как это было не допущено Вами в осени 1918 года, и до сих пор Марьяновские немцы помнят, что в заповеднике нельзя охотиться»¹⁴.

¹³ Борейко В. Е. Аскания-Нова: тяжкие вёрсты истории. 1826–1997. Киев, 2001. С. 23.

¹⁴ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 632. Письмо от 21 января 1928 г.

Однако с 1918 г. Аскания-Нова, расположенная в 35 км от Перекопа, оказалась в эпицентре боевых действий. Через её территорию проходили белые и красные подразделения и многочисленные банды. Гибли животные, поджигались строения, ломались заграждения. Пётр Кузьмич слал тревожные телеграммы и донесения в Москву Н.П. Горбунову и в Харьков Предсовнаркома УССР Х. Раковскому. О состоянии заповедника Козлов информировал зарождающуюся Украинскую Академию наук. Докладная записка о положении в Аскании и мерах, необходимых для её сохранения, была заслушана на заседании Отделения физико-математических наук 29 ноября 1918 г.

И всё же в апреле 1919 г. П.К. Козлов был вынужден оставить Асканию. В этом же году в журнале «Природа» была опубликована его статья «Современное положение зоопарка «Аскания-Нова»¹⁵. Она была написана в июне 1918 г. и, кроме описания урона, нанесённого зоопарку-заповеднику проходящими частями, Пётр Кузьмич изложил свой взгляд на Асканию-Нова, как «научное учреждение», настаивал на скорейшей национализации заповедника и подробно, по пунктам перечислил меры для его развития.

За повседневными заботами о выживании зоопарка-заповедника, Козлов не оставлял без внимания и вопрос о его пополнении: «<...> весьма невыгодно отражается на зоопарке прекращение привоза новых индивидов животных и птиц. Полное отсутствие притока свежей крови имеет следствием медленное вырождение слишком близко породнившихся между собой обитателей Аскании-Нова»¹⁶.

1 апреля 1919 г. Раковским, наконец, был подписан декрет «Об объявлении бывшего имения Фальц-Фейна «Аскания-Нова» народным заповедным парком». Однако гражданская война на Украине разгоралась и в 1920 г. Аскании был нанесён самый серьёзный урон. Украинские учёные, беспокоясь о судьбе степного заповедника, обратились за помощью к Российской Акаде-

¹⁵ Козлов П.К. Современное положение зоопарка «Аскания-Нова» // Природа. № 10 – 12. 1919. С. 467–482.

¹⁶ Там же. С. 471–472.

мии наук. На III заседании физико-математического отделения РАН 23 февраля 1921 г. академик А.Н. Крылов доложил, что из Симферополя получена телеграмма, подписанная академиком В.И. Вернадским, следующего содержания: «Необходимо принять срочно меры из центра о спасении зоопарка «Аскания-Нова». Животные гибнут». По информации А.Н. Крылова от имени президента Академии 12 февраля были посланы телеграммы в Научный отдел Наркомпроса Артемьеву и в Совнарком Горбунову о принятии мер к охране зоопарка¹⁷.

8 февраля 1921 г. председатель СНК УССР Х. Раковский подписал новый декрет об Аскании, разработанный украинскими учёными, который подчинял заповедник Наркомзему. Аскания-Нова объявлялась государственным степным заповедником Украинской Советской Социалистической республики. Основной задачей заповедника являлось «сохранение и изучение целинной степи и её природы, сохранение, акклиматизация и изучение в условиях степи возможно большего числа видов животных и растений, имеющих народнохозяйственное значение». И хотя декрет содержал существенные недостатки, украинские экологи считают его «самым крупным достижением Украины в области природоохранения в начале 1920-х гг.»¹⁸.

15 августа 1921 г. Государственный комитет по охране памятников природы при Наркомате по просвещению направил в Асканию авторитетную инспекцию, в состав которой входили профессора Г.А. Кожевников, В.И. Талиев, Д.М. Россинский, Н.М. Кулагин. Эта инспекция была названа «экспедицией комитета по обследованию заповедников РСФСР и организации дела охраны природы на местах»¹⁹. Начальником её был назначен П.К. Козлов. Экспедиция работала в заповеднике в начале сентября, о результатах было доложено в Харькове, непосредственно Х. Раковскому, и в Москве. На основе этого доклада в журнале

¹⁷ Известия Российской Академии наук. Том XV. Пг., 1921. С. 93.

¹⁸ *Борейко В.Е.* Аскания-Нова... С. 40.

¹⁹ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 43. Л. 11. Удостоверение Государственного комитета по охране памятников природы о назначении П.К. Козлова начальником экспедиции.

«Наука и её работники» П.К. Козлов опубликовал статью²⁰, где была изложена очень подробно хронология прохождения через территорию заповедника воинских частей и определён урон, который был нанесён Аскании с 1918 по март 1921 г., причём поведение красноармейцев также было подвергнуто резкой критике, включая Первую Конармию Будённого и 44-ю бригаду 15-й дивизии. Итог был печален: к осени 1921 г. погибло «более трёх четвертей населения зоопарка». В заключение путешественник писал: «<...> необходим ряд героических мер со стороны правительств – Русского и Украинского, как в области материального обеспечения, так и в области экстренных отпусков к снабжению Аскании всем необходимым. Надо помнить, что Аскания-Нова не есть достояние только Украины или даже России, – Аскания-Нова есть достояние всего культурного Востока, Запада и Америки»²¹.

В последний раз П.К. Козлов посетил Асканию в сентябре 1927 г. Эта поездка состоялась, отчасти, по его личной инициативе. 30 августа, находясь на отдыхе и лечении в санатории в Сочи, он написал неперемому секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу, что познакомился там с председателем СНК Украины Г.И. Петровским, который «любезно разрешил мне заехать в Асканию-Нова и подробно ознакомиться с государственным заповедником – его современным состоянием. <...> Надеюсь, что собранный мной материал по освещению заповедника Аскания-Нова будет интересен и для Академии наук, и для Географического общества, в своё время принимавших близко к сердцу самое бытие Аскании с такими живыми формами как *Equus Przewalskii*»²². Директор Зоологического музея АН СССР А.А. Бялыницкий-Бируля, узнав о предстоящей поездке Козлова в заповедник обратился к С.Ф. Ольденбургу со следующим предложением: «<...> позволю себе обратиться Ваше внимание на желательность получить более свежие данные о состоянии этого учреждения. Особенно желательно, чтобы Пётр Кузьмич собрал

²⁰ Козлов П.К. Аскания-Нова // Наука и её работники. № 6. Пг. 1921. С. 32–36.

²¹ Там же. С. 36.

²² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1/1927. Д. 25. Л. 269–269 об.

там сведения, в каком положении вопрос о беловежских зубрах, единственных экземплярах этого вида, ещё сохранившихся в пределах России. <...> Если бы АН дала П.К. поручение ознакомиться с состоянием Аскании-Нова, он мог бы исполнить это лучше, чем кто-либо иной, так как хорошо знает историю этого учреждения»²³. Дело в том, что в 1923 г. в Париже на Первом международном конгрессе, посвящённом проблеме сохранения животных в природе, была предложена концепция спасения зубра Яна Штольцмана. В том же году во Франкфурте было создано Международное общество по восстановлению зубра, руководителем которого был избран Курт Примель, директор зоопарка Франкфурта-на-Майне. Немецкие зоологи начали проводить ревизию оставшихся животных, и неоднократно обращались в Зоологический музей за сведениями о положении зубров в наших заповедниках. На Кавказе к 1927 г. зубры не сохранились, последний беловежский зубр был убит в 1921 г.²⁴ Сведения по этому вопросу из Аскании-Нова отсутствовали. Таким образом, П.К. Козлов получил конкретное задание и был командирован Академией наук в заповедник Аскания-Нова²⁵.

По итогам этой поездки Пётр Кузьмич написал большой подробный доклад, который в форме лекции под названием «Государственный заповедник Аскания-Нова в его прошлом и настоящем»²⁶ прочитал 3 ноября 1927 г. в Большом конференц-зале АН СССР. Сокращённый вариант этого доклада был опубликован в первом номере журнала «Научный работник» за 1928 г.²⁷ Надо отметить, что Козлов провёл полную ревизию представи-

²³ Там же. Л. 267–268. Письмо А.А. Бялыницкого-Бируля С.Ф. Ольденбургу от 6 сентября 1927 г.

²⁴ <http://wisent-wissen.npage.de/wisentartikel-russisch.html> – Возвращение зубра на Кавказ: 70 лет великому проекту. Т. Сипко, С. Трепет, И. Мизин. (Дата обращения 10.10.2013).

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1/1927. Д. 25. Л. 285. Выписка из журнала распорядительного заседания Президиума Академии наук СССР.

²⁶ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 131. Государственный заповедник Аскания-Нова в его прошлом и настоящем. 10 октября 1927 г. Ленинград. Машинопись с авторской правкой. 30 л.

²⁷ Козлов П.К. Государственный заповедник Аскания-Нова // Научный работник. М., 1928. № 1. С. 12–23.

телей животного мира, населяющих заповедник в это время. В приложении к тексту доклада содержится подробный список млекопитающих и птиц на 1 сентября 1927 г. В п. 18 значится: «зубр – 3 экземпляра», в разделе «Помеси» – «зубро-бизоны и др. – 33 экземпляра»²⁸. «Зубров осталось так мало, что они считаются десятками на всём земном шаре. И нужны героические меры к тому, чтобы сберечь этих замечательных животных от их окончательного исчезновения с лица земли»²⁹, – писал Козлов.

В целом положительно оценив состояние заповедника и те меры, которые принимаются к возмещению ущерба, нанесённого Гражданской войной, П.К. Козлов, тем не менее, отметил, что научная работа поставлена слабо. Завершая свой доклад (этот текст вошёл и в публикацию), путешественник сказал: «<...> правилен ли взгляд, что Аскания-Нова в целом подчинена Наркомзему Украины, а не состоит в ведении Всеукраинской Академии наук? <...> Мне кажется, настала пора для того, чтобы Украинская АН подошла вплотную к государственному заповеднику с правом не только научно работать в нём, но и вообще руководить всеми научными работами в заповеднике»³⁰.

В самой Аскании Козлов также прочёл лекцию для сотрудников и всех желающих. Тему её выяснить не удалось, но в письме к Козлову, Климентий Сиянко упоминал о большом впечатлении, которое путешественник произвёл на слушателей³¹.

Заключая всё вышеизложенное, можно отметить, что российский путешественник Пётр Кузьмич Козлов с 1913 г. и вплоть до последних лет жизни изучал заповедник Аскания-Нова, охранял и защищал его, способствовал приданию ему статуса государственного, внёс существенный вклад в разработку природоохранных документов Украинской республики. Много сил он уделял популяризации дела охраны природы, выступал с лекциями, написал свыше десяти работ об Аскании-Нова и во всех с неизменной благодарностью и уважением отзывался о её основателе Ф.Э. Фальц-Фейне.

²⁸ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 131. Л. 25.

²⁹ Там же. Л. 15.

³⁰ Козлов П.К. Государственный заповедник Аскания-Нова... С. 23.

³¹ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 632. Л. 5 об. Письмо К. Сиянко П.К. Козлову от 30 сентября 1927 г.

Благодарность. Автор выражает искреннюю благодарность за подробные консультации директору Биосферного заповедника «Аскания-Нова» им. Ф.Э. Фальц-Фейна УААН, к.б.н., В.С. Гавриленко, заместителю директора по научной работе, к.б.н., Н.И. Ясинецкой, сотрудникам заповедника О.Л. Чернобаевой и Е.Н. Рыжих. Особая благодарность за возможность познакомиться с архивными документами и предоставленные материалы – директору Музея природы Таврии В.В. Ушаковой.

Литература

Борейко В.Е. Аскания-Нова: тяжкие вёрсты истории. 1826–1997. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2001. 180 с.

Борейко В.Е. Пётр Кузьмич Козлов: малоизвестные факты природоохранной деятельности (к 130-летию со дня рождения) // Известия РГО. 1993. Т. 125. Вып. 5. С. 64–66.

Козлов П.К. Монголия и Кам. Труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества, совершённой в 1899–1901 гг. под руководством П. К. Козлова. Т. I, часть первая. По Монголии до границ Тибета. Издание ИРГО. СПб., 1905. 256 с.

Козлов П.К. Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото. Экспедиция Русского Географического Общества в Нагорной Азии П. К. Козлова 1907–1909 гг. М.: Государственное издательство, 1923. 679 с.

Козлов П. Правда о дикой лошади Пржевальского (*Equus Przewalskii*) // Землеведение. 1913. Кн. III. С. 69–73.

Козлов П. Аскания-Нова в её прошлом и настоящем. Современное положение Аскания-Нова // Русская старина. 1914, июль. Кн. VII. С. 19–38.

Козлов П.К. Аскания-Нова (Чапли). Первые опыты акклиматизации животных в России // Постоянная комиссия народных чтений. № 309. Пг., 1915.

Козлов П.К. Современное положение зоопарка «Аскания-Нова» // Природа. № 10–12. 1919. С. 467–482.

Козлов П.К. Аскания-Нова // Наука и её работники. № 6. Пг. 1921. С. 32–36.

Козлов П.К. Монгольский заповедник Богдо-ула // Известия РГО. 1924. Т. LVI. Вып. 1. С. 169–173.

Козлов П.К. Государственный заповедник Аскания-Нова // Научный работник. М.,: Работник просвещения, 1928. № 1. С. 12–23.

Архивные источники

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 43.

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 632.

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 131.

СПФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 499.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 25.

The environmental conservation activities of P.K. Kozlov: Askania-Nova

T. Yu. Gnatyuk

Institute for the History of Science & Technology, RAS
St. Petersburg Branch

The article discusses the conservational activities of P.K. Kozlov in the Askania-Nova reservation-park during the after-revolution time and Civil war years. Kozlov visited the reservation-park twice before the revolution. In the beginning of October 1917 he was appointed by the Interim government to a position of the Commissar for the conservation of Askania-Nova. In 1921 and 1927 he conducted investigation of the reservation-park by the assignment of the Russian Academy of Sciences. He made a complete inventory of fauna forms and determined steps to be taken to undo the damage brought about by the Civil war.

P.K. Kozlov contributed to granting of the status of State reservation-park to Askania-Nova; he played important role in developing of conservational laws of the Ukrainian Republic. He lectured about the conservation of nature a lot and published over 10 works about Askania-Nova.

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.В. Рожнов*, А.Ю. Розанов*, Р. Барсболд**

*ПИН им. А.А. Борисяка РАН

**Палеонтологический центр Академии наук Монголии

Палеонтологические исследования в Монголии

Палеонтология имеет три ипостаси. Первая, являющаяся, пожалуй, исходной – это коллекционирование, собирание необычных причуд природы, чем, нередко, считали когда-то палеонтологические объекты. Вторая составляющая – геологическая. С помощью окаменелостей определяют геологический возраст вмещающих отложений и сопоставляют слои, содержащие окаменелости. Это имело и имеет до сих пор огромное практическое значение, так как на биостратиграфии, расчленении и корреляции слоёв по палеонтологическим остаткам, основана геологическая съёмка и во многом поиск полезных ископаемых. Третья составляющая – биологическая. Она включает описание палеобиоразнообразия, эволюцию органического мира и биосферы в целом, и, даже, в последнее время, появление жизни на Земле. В современной палеонтологии все эти три ипостаси во многом соединены в единое целое.

Но в Китае и Монголии окаменелости имели, прежде всего, медицинское и мифологическое значение, сохранявшееся почти до наших дней. В Палеонтологическом институте хранится коллекция окаменелостей, которую собрал, купив в аптеках Пекина, Роман Фёдорович Геккер. Остатки древних динозавров, находимые в Китае и Монголии, переплелись с мифологическими драконами. Недаром, как пишет И.А. Ефремов, его должность заведующего отделом древних позвоночных Палеонтологического института переводилась на монгольский язык как «*лууны яс хэлтэс дарга*» – «начальник отдела драконовых костей»¹. Не-

¹ Ефремов И.А. Дорога ветров (Гобийские заметки). 2-е издание. М., 1962.

редко крупные местонахождения динозавров называли «могилами дракона».

Современная Монголия является одной из самых изученных территорий в мире. О её палеонтологическом богатстве, прежде всего об уникальных скелетах динозавров и млекопитающих, знает весь мир. Но так было не всегда. В 1915 г. А.А. Борисьяк, организатор и первый директор Палеонтологического института, предсказал, что территория Центральной Азии, и прежде всего, Монголии, является хранилищем палеонтологических сокровищ. Его предсказание было основано на изучении третичных млекопитающих Казахстана и на находке зуба бронтозавра, сделанной В.А. Обручевым во впадине Кульджин-Гоби во Внутренней Монголии². Кроме того, Обручевым была собрана девонская и каменноугольная фауна во время его путешествий в Центральной Азии и Джунгарии, хранящаяся сейчас в Центральном научно-исследовательском геологоразведочном музее им. Ф.Н. Чернышёва в Санкт-Петербурге³. Сведения о «могилах дракона» так или иначе проникали в научную среду России и подтверждались уже с научной точки зрения.

Но Монголия привлекала внимание не только палеонтологов из России. Г. Осборн, известный американский палеонтолог, предположил, что Центральная Азия могла быть центром происхождения человека. Поэтому главной задачей готовившейся в Нью-Йоркском Музее естественной истории Третьей зоологической экспедиции было поставлено обнаружить остатки древнего человека. В результате в планы экспедиции входили не только собственно зоологические исследования, но также геологические и палеонтологические. Возглавил экспедицию очень целеустремлённый и, вместе с тем, романтический исследователь Рой Чапмэн Эндрюс (1884–1960). Хорошо оснащённая Третья зоологическая экспедиция работала во Внутренней (территория современного Китая) и Внешней Монголии (территория Монголь-

² *Ефремов И.А.* Дорога ветров... М., 1962.

³ *Андреев А.И.* Геологические и палеонтологические коллекции // Российские экспедиции в Центральную Азию: Организация, полевые исследования, коллекции. СПб., 2013. С. 265–288.

ской Народной Республики (МНР, 1924–1991), современной Монголии – с 1992 г.). После 1925 г. работы экспедиции на территории Внешней Монголии были запрещены правительством МНР, а вскоре, по настоянию, Китайского правительства были прекращены работы и на территории Внутренней Монголии.

Экспедицией Эндрюса были сделаны уникальные находки мезокайнозойских млекопитающих. Наибольшую сенсацию вызвали яйца динозавров и хорошо сохранившиеся скелеты протоцератопсов. Эта экспедиция принесла славу Эндрюсу как исследователю Монголии. Но он отдавал дань уважения и знаменитым русским исследователям Центральной Азии, встречаясь несколько раз с П.К. Козловым. Сохранилась фотография, где он стоит рядом с П.К. Козловым около юрты во время одной из этих встреч. П.К. Козлов⁴ не чурался интереса и к палеонто-

⁴ Мир, даже такой бескрайний, как монгольские степи и пустыни, тесен. При обсуждении доклада о палеонтологических исследованиях в Монголии, руководитель Палеонтологического центра Монгольской Академии наук, академик Ринчин Барсболд вспомнил о встрече своей мамы с П.К. Козловым, Он написал письмо с этими воспоминаниями. Здесь уместно привести его полностью: «С тех пор, как я начал осваивать в детстве окружающий мир и предметы в нём, я помню красивый мамин браслет – на желтоватой цепочке чередовались красно-синие и светло-зелёные камешки. С моей сестрой (младшей из трёх сестёр, все они старше меня, две из них ушли в лучший мир) мы часто играли им, других игрушек тех лет я не помню. Это было время 1938–1939 гг., нелёгкое для России, тогда СССР, и для Монголии. Мой отец был репрессирован; не только игрушек, но и многих вещей первой необходимости мы были лишены. Много позже, уже выйдя из детского возраста, я узнал, что этот замечательный браслет был подарен нашей матери П.К. Козловым, исследователем Центральной Азии, любимым учеником Н.М. Пржевальского. Наша мама, тогда совсем молодая, в начале 1920-х гг. находилась в Москве перед поездкой в Западную Европу. Мама при знакомстве и беседе с Козловым, который недавно, сразу после окончания Гражданской войны, издал свой труд о путешествиях, в том числе, и в Монголию, рассказала ему, что она прочитала его книгу. В то тяжёлое время было, вероятно, не много людей, прочитавших эту книгу, и старый путешественник, как рассказывала мама, был очень обрадован и растроган встречей с читательницей своей книги, тем более, из страны, в которой он уже побывал и собирался начать новую экспедицию туда же. Он довольно часто приходил в посольство, вероятно, бюрократия в деле получения визы во все времена была и тогда не малой. В одну из встреч он и подарил маме этот браслет, который мне и моим сёстрам запомнился на всю жизнь. Снимок браслета, хранящегося сейчас у третьей сестры, получился не очень чётким, но всё же, надеюсь, даёт

логическим находкам. Поэтому собирал кости древних животных, встречавшиеся ему на пути следования экспедиции. Может быть, под влиянием палеонтологических исследований Эндрюса, он специально в начале 1926 г. занялся сбором, как он пишет, «подъёмного материала» по маршруту следования, в основном в долине р. Холт. Как написано в отчёте экспедиции, «все ископаемые позвоночные, остатки носорогов, жирафы, трёхпалой лошади (*Hipparion*), остатки коз, оленя, крупных и мелких грызунов, гиен, сданы в Палеонтологический музей Академии наук, в ведение проф. А.А. Борисяка»⁵. Но, видимо, время широкоохватных научно-военных экспедиций к этому моменту уже закончилось. Возникла необходимость в разнообразных специализированных экспедициях. Они были организованы под эгидой сначала Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии, а с 1927 года под руководством Комиссии АН СССР по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР⁶. Эти российские экспедиции начали работу чуть позже знаменитой экспедиции Эндрюса. Многие из них, независимо от своих прямых задач, отмечали местонахождения ископаемых животных.

Несколько новых крупных местонахождений динозавров в Центральной и Восточной Монголии были открыты в 1925 году Б.С. Домбровским из Дальневосточного университета. Интересные палеонтологические находки были сделаны уже геологическими экспедициями Академии наук СССР под общим управлением И.П. Рачковского, разведывавшими полезные ископаемые

общее представление о его внешнем виде. Это был золотой браслет, в котором чередовались александрит и аквамарин. Браслеты с такими драгоценными камнями, наверное, уже давно не находят применения в современной практике украшений, мне не приходилось видеть что-либо подобное даже в небедных магазинах и на Елисейских полях, и на Гинзе. Что свидетельствует о вкусе замечательного исследователя Центральной Азии. Ринчен Барсболд, Директор Палеонтологического центра МАН, академик МАН, иностранный член РАН. 2013.10.06. Улаанбаатар, Монголия».

⁵ Козлов П.К. Краткий отчёт о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества 1923–1926 гг. Л., 1928. С. 45.

⁶ Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. СПб., 2006.

на территории Монголии. Эти исследования принесли новые сведения о местонахождениях кайнозойских позвоночных и о меловых динозаврах Монголии. Географические и ботанические отряды А.Д. Симукова, Э.М. Мурзаева, А.А. Юнатова и Б.М. Чудинова сообщили о местонахождениях меловых динозавров в Южной Гоби. В 1920–1930 гг. в Восточной Гоби 20 местонахождений палеогеновых млекопитающих и меловых динозавров были обнаружены геологами А.П. Чайковским, А.Н. Алексеевичем, Н.И. Дельновым и Ю.С. Желубовским⁷. Эти сообщения показали широкое распространение разнообразных местонахождений позвоночных в Монголии, которые могли не только принести богатый и уникальный музейный материал, но и решить интересные проблемы филогении многих групп позвоночных и пути формирования и миграции меловых и кайнозойских фаун позвоночных. Это не могло не вызвать огромного интереса к исследованиям Монголии учёных Палеонтологического института.

Поэтому, когда в конце 1940 г. Учёный комитет МНР предложил в специальном письме к директору ПИН А.А. Борисяку организовать палеонтологическую экспедицию в Монголию, руководство института с энтузиазмом откликнулось на эту просьбу. Тем более, что это предложение было поддержано решением Совета Народных Комиссаров СССР, а под экспедицию были выделены деньги. Начальником экспедиции был назначен Юрий Александрович Орлов, а заместителем – Иван Антонович Ефремов. Они быстро разработали планы и составили смету экспедиции. Были получены три автомашины ГАЗ-АА. Предполагалось, что в экспедиции примут участие 10 человек. Маршрут экспедиции должен был пройти по Южной, Заалтайской и Средней Гоби, а также по Западной Монголии. На прохождение этого маршрута отводилось 3,5–4 месяца полевых работ. Планировалось выехать в конце мая 1941 г. Но из-за задержки с получением заграничных паспортов экспедиция не смогла выехать в мае, и была перенесена на 1942 г.

⁷ *Маринов Н.А., Хасин Р.А., Зоненшайн Л.П.* Геология Монгольской Народной Республики (в 3-х тт.). Т. 1: Стратиграфия. М., 1973.

В июне началась Великая Отечественная война, и экспедиция была отложена на неопределённый срок.

Вскоре после победы над Германией, в конце 1945 г., Ю.А. Орлов, уже директор Палеонтологического института, подал в Президиум Академии Наук СССР записку с просьбой ходатайствовать перед правительством СССР о возобновлении организации палеонтологической экспедиции в Монголию. В результате, своим Постановлением за номером 2051 РС от 16 февраля 1946 г., Совет Министров СССР поддержал это ходатайство, и 28 марта 1946 г. вышло Распоряжение Президиума АН СССР об организации Монгольской палеонтологической экспедиции (МПЭ АН СССР) сроком на 7 месяцев.

Начальником МПЭ АН СССР был назначен И.А. Ефремов, а Ю.А. Орлов стал научным консультантом, так как он не мог оставить свои директорские обязанности на столь длительный срок. Участие в организационном периоде пребывания экспедиции в Монголии приняли научные сотрудники К.К. Флеров, И.М. Громов и А.А. Кирпичников. Препараторы Я.М. Эглон и М.Ф. Лукьянова проработали в Монголии весь срок этой первой экспедиции.

Экспедиция выехала из Москвы только в начале августа 1946 г. и работала в поле немногим более 2 месяцев. В Даландзагаде, аймачном центре Южной Гоби, была создана опорная экспедиционная база с запасами бензина, откуда совершались разведочные экспедиционные маршруты по трём основным маршрутам – северному, западному и восточному. В этих маршрутах были открыты новые богатейшие местонахождения верхнемеловых динозавров в котловине Нэмэгэту и палеогеновых млекопитающих Гашато и Эргиль-Обо, обследованы ранее известные верхнемеловые местонахождения Баин-Дзак и Ширигин Гашун. В Восточной Гоби были изучены местонахождения динозавров в обрыве Баин-Ширэ. Несмотря на рекогносцировочный характер первоначальных задач этой первой МПЭ, успехи её работы оказались выдающимися. Были открыты новые большие местонахождения крупных динозавров в Южной Гоби (Улан-Ош, Олгой Улан-Цав, Нэмэгт и Алтан-Ула) и в Восточной Гоби (Баин-Шире, Хамарин-Хурал, Хара-Хутул и Тушилге), последующие раскопки ко-

торых позволили смонтировать скелеты, до настоящего времени привлекающие внимание своей полнотой и выразительностью. Для реконструкции палеоландшафта важнейшее значение имели находки гигантских лимнофильных гадрозавров и зауропод, показавшие на развитие обширных водоёмов в позднем мелу Центральной Азии. Были найдены огромные наземные хищные карнозавры и панцирные анкилозавры, ранее вообще неизвестные в Старом Свете. Были открыты древесные флоры позднего мела, крокодилы и рыбы. Эти находки однозначно указывали на наличие в позднем мелу в Центральной Азии обширных озёр, болот и крупных рек. Это опровергло прежние представления, основанные на результатах американских данных, о давнем, начиная с мезозоя, характере аридного климата этих территорий.

Всего экспедиция совершила 4 700 км маршрутов на автомашинах и 4 ноября 1946 г. экспедиция возвратилась в Улан-Батор. Вскоре большинство научных сотрудников уехали в Москву. Опись вывозимых материалов включала 35 ящиков с ископаемыми образцами. Ефремов с препараторами Я.М. Эглоном и М.Ф. Лукьяновой остался в морозном Улан-Баторе до 7 января 1947 г. для работы по организации палеонтологического отдела Государственного музея МНР. Экспедицией этого года было доказано «неслыханное палеонтологическое богатство гобийских межгорных впадин». Целью последующих экспедиций была очень трудоёмкая задача раскопать найденные местонахождения и вывезти находки в Улан-Батор. Поэтому на подготовку следующей экспедиции ушёл весь 1947 год, осенью и зимой которого началось обустройство опорных экспедиционных баз с запасами бензина и запасных частей к автомашинам.

Автомашины, снаряжение и все шофёры были отправлены из Москвы в Улан-Батор уже в ноябре 1947 г. В декабре туда выехало руководство экспедиции, в которой участвовало 16 сотрудников Палеонтологического института и 10 временных рабочих. Общее руководство экспедицией продолжал Ефремов, Орлов выполнял функции научного консультанта. В группу научных сотрудников вошли Н.И. Новожилов, Я.М. Эглон, А.К. Рождественский и Е.А. Малеев, препараторами были М.Ф. Лукьянова и В.А. Пресняков, шофёрами – В.И. Пронин, Т.Г. Безбородов,

Н.П. Вылежанин, И.И. Лихачев и др. Препараторы и шофёры не случайно отмечаются во всех экспедиционных сводках и воспоминаниях: они не только обеспечивали успех экспедиции своей ответственной работой, но и, нередко, сами находили уникальные скелеты.

В середине марта один из отрядов начал работать в Восточной Гоби на нижнемеловом местонахождении Хара-Хутул, расположенном к югу от аймачного центра Сайн-Шанды. Здесь были найдены остатки гигантских зауропод, хищных динозавров и черепах. В этом же районе был открыт ископаемый лес мелового возраста с огромными, вертикально стоящими стволами таксоидиев. В Алтан-Уле в этот год была раскопана «Могила Дракона», а западнее открыто новое – богатое верхнемеловое Цаган-Хушу.

Огромные раскопочные работы на Нэмэгэту и Алтан-Уле, начавшиеся в 1948 г. и продолжившиеся в следующем, 1949 г., принесли богатый материал: два скелета крупных зауролофов, два их черепа, череп молодого экземпляра, блоки с отпечатками кожи этих амфибиотических динозавров, четыре скелета тарбозавров, отдельные черепа динозавров, части скелетов зауропод, мелких хищных динозавров, огромных черепах, остатки крокодилов и рыб. Местонахождение Нэмэгэту (верхний мел и палеоген) и в настоящее время продолжает быть самым неиссякаемым источником находок динозавров и млекопитающих, вероятно, самым богатым в мире по остаткам динозавров, да и других рептилий, как черепахи, мелкие ящерицы, птицы. Многие из этих находок выставлены в музеях. В отличие от американской экспедиции, российские палеонтологи не препарировали костей на месте, освобождая их от вмещающей породы, а брали кости вместе с породой – монолитами или «пирогамы», укрепляя их гипсом. Это экономило много полевого времени и улучшало сохранность костей⁸.

После завершения работ на меловых местонахождениях были продолжены раскопки на палеогеновых местонахождениях за-

⁸ *Рождественский А.К.* Исследования советских палеонтологов в Центральной Азии (Монгольская палеонтологическая экспедиция Академии наук СССР). М., 1952.; *Рождественский А.К.* На поиски динозавров в Гоби. 3-е издание. М., 1960.

паднее, севернее и восточнее хребта Нэмэгт на местонахождениях Наран-Булак, Улан-Дель-Ула, Татал-Гол, Лу, Эргиль-Обо, а также на Оши-Нуру и Анда-Худук. Эти работы принесли великолепные сборы по млекопитающим, черепахам и рыбам.

Одновременно был проведён поисковый маршрут в западные районы Южной Гоби, через Заалатайскую Гоби, с выходом в Долину озёр, в 1949 г. – организованы поиски позвоночных на западе Монголии, в котловинах Бэгэр, Дзергенской и Гуй-Суин Гоби. В этот год были открыты богатые местонахождения млекопитающих – миоценовое Бэгэр и плиоценовое Алтан-Тээли. Длина маршрутов МПЭ в 1948 г. составила 14 тысяч км, а в 1949 г. – 11 тысяч км.

Кроме добытых первоклассных костных остатков различных позвоночных, весомым достижением экспедиционных работ этой, второй, МПЭ стали детальные тафономические и палеогеографические наблюдения, приведшие к представлениям о больших костеносных речных руслах, впадавших в крупный озероподобный пресный водоём; о распространении динозавров по зонам обитания; об обширных низменностях на территории древней монгольской суши, покрытой лесами и болотами, пересечённой реками и усеянной озёрами. Эти богатые материалы подвигли И.А. Ефремова написать в 1950 г. книгу «Тафономия и геологическая летопись»⁹.

В 1950 г., неожиданно, в мае, когда в Улан-Батор уже было отправлено снаряжение, последовало распоряжение правительства СССР о прекращении работ МПЭ и передаче всего хозяйства, включая автомашины, Сельскохозяйственной экспедиции. Причины такого решения не ясны до сих пор. Возможно, они связаны с играми высокой дипломатии при образовании, как раз в то время, Китайской Народной Республики.

Таким образом, МПЭ проработала три сезона. Основными её достижениями стали открытие фаун разнообразных верхнемеловых динозавров, палеоценовых и раннеэоценовых позвоночных, выделение трёх группировок меловой фауны, открытие богатей-

⁹ *Ефремов И.А.* Тафономия и геологическая летопись. Книга 1. Захоронение наземных фаун в палеозое. М.; Л., 1950.

шего палеонтологического района в Нэмэгэтинской котловине, а также формирование новых представлений о палеогеографии и климате территории Монголии в меловой период, исключая преобладание там аридных условий. Достижения и история МПЭ подробно описаны в популярных книжках самим И.А. Ефремовым¹⁰, а также А.К. Рождественским¹¹.

Уникальные материалы Монгольской палеонтологической экспедиции продолжали обрабатываться и после её окончания. Но, конечно, многих палеонтологов не оставляла мысль вернуться в Монголию. Этому способствовали и романтические рассказы участников экспедиции и, прежде всего, книга И.А. Ефремова «Дорога ветров». Поэтому директор Палеонтологического института, уже академик, Ю.А. Орлов в 1960 г. обратился в Президиум АН СССР с предложением об организации палеонтологических исследований в системе АН МНР. В записке отмечалось, что в МНР нет ни одного палеонтолога, но есть палеонтологический отдел в Государственном музее, созданный по находкам Палеонтологической экспедиции под руководством Ефремова. Предлагалось организовать совместную палеонтологическую экспедицию продолжительностью работы 5 лет (1961–1965 гг.) и на её базе подготовить два – три монгольских палеозоолога.

Интерес к палеонтологии усилился и в Монголии. В 1964 г. по приглашению Монгольской Академии наук сотрудники Палеонтологического института Б.А. Трофимов и П.К. Чудинов обследовали позднемеловое местонахождение Бугийн-Цав, обнаруженное монгольскими аратами немного севернее хребта Алтан-Ула. Оно оказалось одним из богатейших динозавровых местонахождений Монголии.

Палеонтологические исследования Монголии продолжались в рамках геологических исследований. С 1967 г. в Монголии начала свои исследования Совместная Советско-Монгольская геологическая экспедиция АН СССР и АН МНР. В её составе Г.Г. Мартинсон, Е.В. Девяткин, А.В. Сочава, В.Ф. Шувалов уде-

¹⁰ Ефремов И.А. Дорога ветров... М., 1962.

¹¹ Рождественский А.К. Исследования советских палеонтологов в Центральной Азии...; Он же. На поиски динозавров в Гоби...

ляли много внимания палеонтологическим вопросам мезозоя и кайнозоя и открыли много новых местонахождений позвоночных. Свою палеонтологическую карьеру начали в ССМГЭ видные монгольские исследователи Р. Барсболд, Д. Дашзевег, П. Хосбаяр.

Решение Президиума АН СССР об организации Совместной Советско-Монгольской палеонтологической экспедиции вышло 5 августа 1968 г. Начальником ССМПЭ с российской стороны был назначен член-корреспондент АН СССР А.Г. Вологдин. С монгольской стороны совместную экспедицию возглавил Ринчин Барсболд. Профессор К.К. Флеров стал её научным консультантом. Полевые работы экспедиции начались с осени 1969 года.

Перед экспедицией был поставлен широкий спектр задач по комплексному изучению всего ископаемого органического мира, начиная от протерозоя до четвертичного периода на всей территории Монголии. С самого начала ССМПЭ закладывалась как комплексная экспедиция, как по характеру своих задач, так и по тактике их выполнения в комплексе с геологическими исследованиями и во всём интервале фанерозоя. В отличие от предыдущих экспедиций, кроме позвоночных отрядов в ССМПЭ с самого начала работали сильные отряды по изучению беспозвоночных, занимавшиеся, главным образом, их морскими фаунами от докембрия до верхнего палеозоя.

ССМПЭ можно считать крупнейшей палеонтологической экспедицией в истории палеонтологии, как по количеству участников и техническому обеспечению, так и по полученным результатам. В рамках этого огромного проекта планировалось подготовить высококвалифицированных монгольских палеонтологов, способных самостоятельно выполнять палеонтологические исследования.

В середине августа пять отрядов выехали в поле. Самым большим, более 40 человек, был объединённый раскопочный и разведочный отряд. Научную часть этого первого большого отряда ССМПЭ составляли П.К. Чудинов, Н.Н. Каландадзе, М.А. Шишкин, В.Б. Суханов, В.Ю. Решетов, В.И. Жегалло, Р. Барсболд, А. Перлэ, Ё. Ханд, П. Нармандах, М.А. Ербаева, тогда ещё студент С.М. Курзанов. Главный лагерь разбили на Баин-Дзаке, от-

куда разведочные группы разъезжали по всей Монголии, а раскопщики провели в тот год огромные по количеству монолитов работы на Тугрике, открытом тогда Алаг-Тэгэ и Баин-Дзаке. Этот год сразу ознаменовался выдающимися достижениями – были открыты раннемеловые млекопитающие и ящерицы на Хобуре, открыты местонахождения Хермин-Цав и богатейшая эоценовая Хайчин-Ула. Полевые работы были закончены в середине октября, когда по ночам в Гоби уже установились сильные морозы.

Три отряда специалистов по беспозвоночным были менее многочисленными. Они возглавлялись Р.Е. Алексеевой (девонские брахиоподы), Н.А. Дроздовой (позднепротерозойские и кембрийские водоросли, археоциаты и трилобиты) и И.Н. Мананковым (позднепалеозойские брахиоподы). Внешне находки ископаемых беспозвоночных животных в Монголии обычно не такие яркие, как позвоночных и привлекают меньше внимания неспециалистов. Но их значение для реконструкции эволюции органического мира и биосферы в целом, изучения проблем палеобиогеографии, палеоэкологии и решения многих других палеонтологических задач трудно переоценить. Их стратиграфический потенциал и, соответственно, практическое значение для геолого-съёмочных работ значительно выше, чем у позвоночных. История их изучения не менее драматична, и представляет особый интерес именно для специалистов. Поэтому она должна быть написана для более специального издания. Тем не менее, здесь важно отметить, что особое внимание в экспедиции было уделено изучению вендо-кембрийских отложений Монголии, которые начались под руководством А.Г. Вологодина с первого года создания экспедиции и продолжают по настоящее время под непосредственным руководством академика А.Ю. Розанова. Они отражают важный этап смены прокариотной биосферы эукариотной, причём в условиях периодических оледенений. Эти исследования имели особый успех при изучении приуроченных к этому интервалу времени хубсугульских фосфоритов, так как электронно-микроскопическое изучение выявило бактериальную природу их образования. Это дало толчок новому направлению исследований – бактериальной палеонтологии, которое стал успешно развивать А.Ю. Розанов в сотруidничестве с Г.А. Заварзиним.

В рамках экспедиции проходили широкие исследования многих палеозойских беспозвоночных, преимущественно из морских отложений. Были изучены брахиоподы, мшанки, кораллы, археоциаты, моллюски, хиолиты, трилобиты, иглокожие. Это способствовало разработке стратиграфии палеозоя Монголии, что было необходимо для дальнейших геологических исследований и имело большое практическое значение для поиска полезных ископаемых. С другой стороны, это способствовало разрешению проблем происхождения и филогенетического развития этих групп и установлению их палеобиогеографических связей с окраинными морями других континентов.

В 1970–1989 гг. ежегодно по два–четыре месяца, три–пять полевых отрядов ССМПЭ по изучению ископаемых позвоночных и беспозвоночных, общей численностью 60–70 человек на 10–15 грузовых машинах вели раскопочные, поисковые и разведочные работы на территории всей Монголии. Р. Барсболд оставался начальником экспедиции с монгольской стороны все эти годы. Со стороны Академии наук СССР руководители периодически менялись. Первые два года начальником был А.Г. Вологдин, затем, последовательно Н.Н. Крамаренко, Ю.И. Воронин, Ю.А. Попов, В.А. Сысоев, В.Ю. Решетов, И.Н. Мананков. В настоящее время начальником экспедиции является С.В. Рожнов, а её научным руководителем А.Ю. Розанов. Важное значение имело ежегодное участие в полевых работах большого количества студентов из Саратовского, Московского и Пермского университетов. Студенты проходили в экспедиции великолепную школу полевых работ и неформального общения с учёными. Некоторые из них стали впоследствии сотрудниками Палеонтологического института, другие пошли высококлассными специалистами в разные ведомства СССР.

В первые 10 лет деятельности экспедиции большие раскопочные работы были проведены на нижнемеловых местонахождениях Хобур и Хурен Дух, на позднемеловых Тугрикийн-Шире, Хермин-Цав, Байшин-Цав, Алаг-Тэг, Ногон-Цав, Гурилийн-Цав, Амтагай. Было установлено широкое распространение раннемеловых отложений с богатой фауной рыб, насекомых и флоры в Центральной и Западной Монголии. Нижнемеловые местона-

хождения с позвоночными Цахурт и Хамарин-Ус были найдены в Юго-Восточной Гоби. Хампсозавры были найдены впервые в Азии в нижнем мелу Монголии. Разные группы рыб были найдены и собраны во всех горизонтах мела и кайнозоя. Раннемеловые млекопитающие и ящерицы были открыты и собраны в сотнях и тысячах экземпляров в Хобуре. Кладки огромных яиц зауропод были открыты в Олгой-Улан-Цаве. Богатая фауна позвоночных была раскопана в позднеэоценовых и раннеэоценовых местонахождениях Наран-Булак и Цаган-Хушу, в среднеэоценовых местонахождениях Хайчин-Ула и Холболджи, в раннеолигоценном местонахождении Эргилийн-Дзо. Большое число птиц было собрано во всех горизонтах кайнозоя, птицы были открыты в нижнем и верхнем мелу.

Находка богатых захоронений листовой флоры в позднепалеоценовых и среднеэоценовых слоях местонахождений Наран-Булак и Хайчин-Ула явилась очень важным открытием ССМПЭ, так как позволила рассматривать биотические условия того времени в полном комплексе. Богатые сборы по различным динозаврам следует отметить отдельно. Кроме известных с прежних работ протоцератопсов и огромных тарбозавров и зауролофов, ССМПЭ нашла и добыла за эти годы новых анкилозавров, много различных мелких и среднего размера теропод, игуанодонтид, полные скелетики пситтакозавров. Пять новых семейств динозавров были описаны на материалах ССМПЭ. Также во многих местонахождениях были собраны очень большие коллекции яиц и скорлупы яиц динозавров.

Результаты этих исследований начали публиковаться с первого выпуска трудов ССМПЭ в 1974 г. и в ряде других изданий. К настоящему времени опубликованы 48 томов научных трудов СРПМЭ и все пять томов капитальной сводки «Палеонтология Монголии». В ней на родовом уровне в систематическом порядке описаны все ископаемые кораллы, строматопороидеи, мшанки, остракоды и растения, обнаруженные в Монголии¹².

¹² Палеонтология Монголии. Брахиоподы. М., 2003; Палеонтология Монголии. Кораллы и строматопороидеи. Ордовик-девон. М., 2003; Палеонтология Монголии. Мшанки. М., 2003; Палеонтология Монголии. Позднемезозойские и палеогеновые остракоды. М., 2005; Палеонтология Монголии. Флора фанерозоя М., 2009.

По итогам первых десяти лет работы юбилейные научные конференции ССМПЭ прошли в Москве и в Улан-Баторе. В Улан-Баторе к конференции была устроена палеонтологическая выставка, на которой было смонтировано и выставлено около 20 полных скелетов меловых динозавров и кайнозойских млекопитающих. В дальнейшем все эти смонтированные скелеты поступили в коллекции Государственного музея Монголии и Геологического института в Улан-Баторе.

В восьмидесятые годы ССМПЭ продолжала работать по тем же основным направлениям, но с более детальной разработкой отдельных местонахождений. В Монголии появилось достаточное число квалифицированных палеонтологов. Ежегодно Р. Барсболд работал отдельным большим монгольским отрядом на мезозойских местонахождениях, Д. Дашзевег работал каждый сезон отдельной группой по палеогену. Большие успехи были достигнуты в сборах кайнозойских рыб и нижнемеловых птерозавров. Одними из самых интересных открытий в эти годы были находка верхнемелового местонахождения Удан-Сайр и верхнеюрского местонахождения Шара-Тэг. Первое принесло необыкновенных теропод, а второе оказалось богатейшим местонахождением позднеюрской фауны и флоры с многочисленными рептилиями, лабиринтодонтами, рыбами и насекомыми.

Начиная с 1990 г. размах работ Совместной Советско-Монгольской палеонтологической экспедиции резко снизился по финансовым и политическим причинам. С этого времени в Монголии работали только два – три небольших отряда в течение короткого срока. С 1992 г. экспедиция стала называться Российско-Монгольской¹³. Но уже была создана монгольская школа высококвалифицированных палеонтологов. Они проводят широкие самостоятельные исследования и активно сотрудничают с американскими, японскими, корейскими и некоторыми европейскими экспедициями. Однако эти исследования уже не име-

¹³ Мананков И.Н., Курочкин Е.Н. Совместной Российско-Монгольской экспедиции 40 лет // Палеонтология Центральной Азии. Материалы Международной конференции к 40-летию Совместной Российско-Монгольской экспедиции, М., 2009. С. 5–12.

ют того размаха и системности, с которыми работала Совместная Советско-Монгольская палеонтологическая экспедиция.

Почти 45 лет непрерывной работы экспедиции принесли свои плоды. Практически по всем группам – и морским, и наземным, были обеспечены возможности и условия обобщения по целому ряду групп, многие из которых ранее исследовались на уровне лишь первичных, нередко, случайных, находок. Экспедиция поставляла массовый материал, на котором можно строить уже не случайное, не единичное и не одноразовое исследование открытых видов, но проводить системную работу с охватом целой группы, хотя её состав и ранг в каждом случае могли различаться. Материалы по динозаврам позволили представить эволюцию этой группы в совершенно новом виде¹⁴.

Центральная Азия была, очевидно, одной из крупнейших областей формирования и эволюции многих ветвей динозавров в мелу. Три инфраотряда динозавров оказались эндемиками Монголии. Всего на материалах СРМПЭ было описано 25 новых видов динозавров и несколько высших их таксонов. Эти результаты создали Монголии славу территории с наиболее богатой и разнообразной фауной динозавров в мире. 19 типов скорлупы яиц динозавров было описано на наших материалах и показано их стратиграфическое значение¹⁵. Представительные материалы были добыты, обработаны и описаны по другим группам рептилий – черепахам, крокодилам, птерозаврам, ящерицам.

Важные и большие материалы были собраны по эволюции птиц от раннего мела до плиоцена¹⁶. В Монголии были открыты энанциорисы и гесперорнисы, особенно большие коллекции собраны из палеоцена и олигоцена.

¹⁴ Барсболд Р. Хищные динозавры мела Монголии // Труды ССМПЭ. 1983. Вып. 19; Курзанов С.М. Авимимиды и проблема происхождения птиц // Труды ССМПЭ. 1987. Вып. 31.

¹⁵ Mikhailov K.E. Fossil and recent eggshell in amniotic vertebrates: fine structure, comparative morphology and classification. Special Papers in Palaeontology. № 56. London, 1997.

¹⁶ Курочкин Е.Н. Птицы Центральной Азии в плиоцене // Труды ССМПЭ. 1985. Вып. 26.

Обширные материалы были получены по млекопитающим мела, палеогена и неогена. Экспедицией была открыта великолепная фауна нижнемеловых млекопитающих в Хобуре. Таксономический состав хобурского комплекса млекопитающих уникален присутствием групп разных эволюционных уровней: мультитуберкулят *Arginbaataridae* и *Eobaataridae*, эутрикодонтов, симметродонта, претрибосфенического млекопитающего, примитивного трибосфенического млекопитающего и архаичных эутериев. Все они описаны по фрагментам челюстей и изолированным зубам. У мезозойских млекопитающих была обнаружена интереснейшая особенность физиологии: оказывается, они имели ядовитые шпоры на задних конечностях, как современный утконос. Особые косточки, свидетельствующие о наличии таких шпор у многобугорчатых, трикодонтов и симметродонтов первоначально были обнаружены на материале из верхнего мела Монголии. Видимо, эти шпоры служили для защиты от хищников. Выдающееся открытие полного скелета позднемелового сумчатого в Удан-Сайре безусловно подтвердило представленность сумчатых в мезозое в Азии. Следует подчеркнуть, что ССМПЭ открыла богатую позднепалеоценовую фауну Цаган-Хушу и среднеэоценовую фауну Хайчин-Улы в Южной Гоби. Эти исследования также дали знания для корреляции палеогена Центральной Азии и Северной Америки и познания ранних межконтинентальных миграций млекопитающих и ящериц. Исследования ССМПЭ показали, что в Апте-Альбе Центральная Азия была одним из важнейших в мире центров адаптивной радиации плацентарных млекопитающих.

ССМПЭ открыла широчайшее распространение в Центральной и Западной Монголии аргилитов и битуминозных сланцев, сформировавшихся в огромных раннемеловых озёрах, с остатками ископаемых животных. Это открытие стартовало с работ отряда В.Н. Яковлева в 1974 г. Но данные об этих отложениях были получены ещё экспедицией Ефремова в 1948 г. В дальнейшем исследование и подробная инвентаризация раннемеловых местонахождений было продолжено преимущественно палеоэнтомологическими отрядами ССМПЭ. Богатейшие коллекции насекомых, рыб, флоры и очень важные находки птиц и десят-

ки их перьев были также собраны в этих местонахождениях. По результатам этих исследований опубликовано несколько монографий, посвящённых фауне, экосистемам, геологии и палеогеографии местонахождений Манлай, Гурван Эрен, Мянгад, Бон-Цаган, Холботу и др.

Совместное нахождение в одних и тех же местонахождениях верхнего мела и палеогена в синхронном залегании позвоночных и растений и находки древнейших покрытосеменных в раннемеловых отложениях можно также отнести к разряду важнейших достижений. Изучение последних находок раннемеловых флор позволило выдвинуть предположение, что Центральная Азия являлась центром происхождения цветковых растений.

ССМПЭ открыла большое число новых местонахождений позвоночных от поздней юры до плейстоцена. Многие из них расположены в новых позвоночноносных районах Монголии, которые были совершенно не исследованы до начала работ ССМПЭ. Ряд местонахождений были открыты ССМПЭ для палеонтологии, хотя информация о находках костей поступила ранее от аратов или геологов. К таковым, прежде всего, относятся раннемеловые Хобур и Хурен-Дух, где экспедиция работала с 1969 г. и продолжает эти работы в настоящее время. В 1971 г. Восточно-Гобийский отряд нашёл новый район с отложениями дзунбаинской свиты в Юго-Восточной Гоби, где богатое местонахождение Хамарин-Ус с полными скелетами пситтакозавров, новыми анкилозаврами и зауроподами. В 1971 г. ССМПЭ открыла богатое верхнемеловое местонахождение с динозаврами Байшин-Цав и два меньших Амтагай и Шара-Цав в восточных районах Южной Гоби. Другое очень важное открытие – находка в 1970 г. огромного местонахождения Хермин-Цав на восточном краю Заалтайской Гоби, где впоследствии были сделаны очень интересные находки различных динозавров, ящериц, млекопитающих и птиц. Позднеюрское местонахождение Шара-Тэг в юго-западном углу Монголии было найдено ССМПЭ в 1984 г.

Богатая пресноводная ихтиофауна была раскопана Е.К. Сычевской из более 50 местонахождений ископаемых рыб из отложений юры, мела и кайнозоя. Палеоэнтомологами собрана представительная коллекция насекомых (несколько тысяч родов и

видов) из более сотни местонахождений, которые образуют последовательный ряд от перми до кайнозоя.

Раскопки ССМПЭ дали не только важнейшие научные материалы для лабораторного изучения, но также и много великолепного качества музейных скелетов для экспозиции. Эти скелеты пополнили залы музеев ПИН в Москве и Государственного музея в Улан-Баторе.

Огромные материалы были собраны по беспозвоночным палеозоя, мезозоя и кайнозоя. Они имеют огромное значение для разработки детальной стратиграфической шкалы Монголии и сопредельных регионов, палеогеографических и палеоэкологических построений, для разработки систематики и филогении многих групп¹⁷. Мы указали лишь некоторые монографии по беспозвоночным. Но этот материал столь обширный, что требует отдельной специальной статьи.

Другое очень важное достижение ССМПЭ – подготовка кадров палеонтологов. За годы работы экспедиции как в России, так и в Монголии целое новое поколение палеонтологов выросло и получило опыт полевой работы, научной работы и совместного научного сотрудничества. Многие диссертации были защищены на материалах, добытых экспедицией, среди них 8 кандидатов наук и 3 доктора наук Геологического института АН Монголии защитили свои диссертации в России на протяжении последних 25 лет.

Таким образом, изучение палеонтологии Монголии российскими учёными насчитывает около 100 лет. Сначала в Монголии работали только российские учёные, но, начиная со времени работы МПЭ в конце 1940-х гг. началась подготовка националь-

¹⁷ *Алексеева Р.Е.* Биостратиграфия девона Монголии // Труды СРМПЭ. 1993. Вып. 44; *Большакова Л.Н., Улитина Л.М.* Строматопораты и биостратиграфия нижнего палеозоя Монголии // Труды ССМПЭ. 1985. Вып. 27; *Горюнова Р.В., Морозова И.П.* Позднепалеозойские мшанки Монголии // Труды ССМПЭ. 1979. Вып. 9; *Граница докембрия и кембрия в геосинклинальных областях (опорный разрез Саланы-Гол, МНР)* // Труды ССМПЭ / Отв. ред. вып. *А.Ю. Розанов.* 1982. Вып. 18; *Есакова Н.В., Жегалло Е.А.* Биостратиграфия и фауна нижнего кембрия Монголии // Труды СРМПЭ. 1996. Вып. 46; *Насекомые в раннемеловых экосистемах Западной Монголии* // Труды ССМПЭ. 1986. Вып. 28.

ных кадров палеонтологов. Так Б. Лувсанданзан начал студентом в экспедиции И.А. Ефремова, потом стал академиком, директором ГИН АН МНР и научным консультантом ССМПЭ. В 2010 г. Я. Ариунчимэг защитила докторскую диссертацию по мшанкам Монголии на материалах, собранных во время полевых работ экспедиции. За годы работы ССМПЭ большая группа палеонтологов высшей квалификации выросла в Академии наук Монголии. Многие из них ведут теперь самостоятельные исследования различных групп фауны и получили международное признание.

До работ МПЭ и ССМПЭ хищные динозавры, гадрозавры, анкилозавры, птерозавры, птицы, большинство рыб, раннемеловые млекопитающие и насекомые, палеозойские брахиоподы, мшанки, кораллы, иглокожие и мезокайнозойские остракоды и моллюски, были вообще неизвестны с территории Монголии. Послойный сбор палеонтологических остатков позволил создать детальные стратиграфические схемы почти для всех фанерозойских отложений. В результате многолетнего российско-монгольского сотрудничества Монголия приобрела репутацию региона мира, наилучше изученного в палеонтологическом отношении. Палеонтология стала визитной карточкой Монголии.

Благодарность. При написании статьи были использованы неопубликованные материалы о работе Российско-Монгольской экспедиции Е.Н. Курочкина (1940–2011), много сделавшего для изучения ископаемых позвоночных Монголии. Большую помощь в подборе архивного материала оказал А.Г. Тюваев, с самого начала экспедиции бесменно заведующий её организационно-хозяйственной частью. Ценные сведения были получены от А.В. Лопатина, Т.И. Юсуповой и А.И. Андреева. Всем им авторы сердечно благодарны.

Литература

Алексеева Р.Е. Биостратиграфия девона Монголии // Труды ССМПЭ. 1993. Вып. 44.

Андреев А.И. Геологические и палеонтологические коллекции // Российские экспедиции в Центральную Азию: Организа-

ция, полевые исследования, коллекции. СПб.: Нестор-История, 2013. 331 с.

Барсболд Р. Хищные динозавры мела Монголии // Труды ССМПЭ. 1983. Вып. 19. 120 с.

Большакова Л.Н., Улитина Л.М. Строматопораты и биостратиграфия нижнего палеозоя Монголии // Труды ССМПЭ. 1985. Вып. 27.

Горюнова Р.В., Морозова И.П. Позднепалеозойские мшанки Монголии // Труды ССМПЭ. 1979. Вып. 9.

Граница докембрия и кембрия в геосинклинальных областях (опорный разрез Саланы-Гол, МНР) // Труды ССМПЭ / Отв. ред. вып. *А.Ю. Розанов.* 1982. Вып. 18.

Ефремов И.А. Тафономия и геологическая летопись. Книга 1. Захоронение наземных фаун в палеозое. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Труды Палеонтологического института. Т. 24.

Ефремов И.А. Дорога ветров (Гобийские заметки). 2-е издание. М.: Гос. Изд-во геогр. лит-ры, 1962.

Есакова Н.В., Жегалло Е.А. Биостратиграфия и фауна нижнего кембрия Монголии // Труды ССМПЭ. 1996. Вып. 46.

Козлов П.К. Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества 1923–1926 гг. Т. III. Северная Монголия. Л., 1928.

Курзанов С.М. Авимимиды и проблема происхождения птиц // Труды ССМПЭ. 1987. Вып. 31.

Курочкин Е.Н. Птицы Центральной Азии в плиоцене // Труды ССМПЭ. 1985. Вып. 26.

Мананков И.Н., Курочкин Е.Н. Совместной Российско-Монгольской экспедиции 40 лет // Палеонтология Центральной Азии. Материалы Международной конференции к 40-летию совместной Российско-Монгольской экспедиции, М.: ПИН РАН, 2009. С. 5–12.

Маринов Н.А., Хасин, Р.А., Зоненшайн, Л.П. 1973. Геология Монгольской Народной Республики (в 3-х тт.) Т. 1: Стратиграфия. М.: Недра, 1973.

Насекомые в раннемеловых экосистемах Западной Монголии // Труды ССМПЭ. 1986. Вып. 28. 214 с.

Палеонтология Монголии / Брахиоподы. М., 2003.

Палеонтология Монголии / Кораллы и строматопороидеи. Ордовик-девон. М., 2003.

Палеонтология Монголии / Мшанки. М., 2003.

Палеонтология Монголии / Позднемезозойские и палеогеновые остракоды. М., 2005.

Палеонтология Монголии / Флора фанерозоя М., 2009.

Решетов В.Ю. Раннетретичные тапирообразные Монголии и СССР // Труды ССМПЭ. 1979. Вып. 11.

Рождественский А.К. Исследования советских палеонтологов в Центральной Азии (Монгольская палеонтологическая экспедиция Академии наук СССР). М.: Знание, 1952.

Рождественский А.К. На поиски динозавров в Гоби. 3-е издание. М.: Наука, 1960.

Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. СПб.: Нестор-История, 2006.

Mikhailov K.E. Fossil and recent eggshell in amniotic vertebrates: fine structure, comparative morphology and classification. Special Papers in Palaeontology. № 56. London: Paleontological Association, 1997.

Paleontological Explorations in Mongolia

S. V. Rozhnov**, *A. Yu Rozanov**, *R. Barsbold**

*Borissiak Paleontological Institute, RAS,

**Paleontological Centre of the Academy of Sciences of Mongolia

The article discusses the history of paleontological exploration of Mongolia. The foundation in 1946 by the Academy of Sciences of the USSR of the Mongolian paleontological expedition with the supervision of I.A. Efremov gave start to the work of Russian scientists in Mongolia. Within only three years of its work the expedition discovered unique fossils and sites of remains of the ancient dinosaurs and mammals.

The Russian paleontologists reactivated the explorations in Mongolia in 1969 when the two Academies of Sciences made a

decision to appoint a joint expedition – Russian-Mongolian which has been working till nowadays. Up to now the expedition has gathered the numerous unique collections of various fossils allowing us to make a list of important conclusions about the paleogeographical and stratigraphical distribution of the many groups of fossil flora and fauna. Due to those expeditions – first Soviet (Russian) and then a joint one – Mongolia nowadays is the most extensively studied Asian country in relation to paleontology.

*П.Д. Гунин**, *С.Н. Бажан**, *Е.В. Данжалова**,
*Н.И. Дорофеев**, *Ю.И. Дробышев**, *А.В. Прищеп**,
*С.-Х.Д. Сыртытова**, *Ч. Дугаржав***

*ИПЭЭ РАН

**Институт ботаники Академии наук Монголии

Роль совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции Российской академии наук и Академии наук Монголии в изучении экологических проблем Внутренней Азии

Как хорошо известно, в познании природы Внутренней Азии, в частности Монголии, роль российской науки была определяющей в течение более чем двух с половиной веков. Начиная с 20-х годов XVIII века, когда Д.-Г. Мессершмидт побывал на северо-востоке Монголии, множество российских натуралистов собирали и описывали растения и животных как при следовании в Китай, так и при заездах в Монголию со стороны России. Среди первых исследователей Монголии были П.-С. Паллас и его студенты, Н.С. Турчанинов, прошедший из Бурятии в Монголию на Мензу и далее в Даурию и в Прихубсугулье, А.А. Бунге и др. Крупнейшие экспедиции Императорского Русского географического общества в конце XIX – начале XX века, возглавлявшиеся Н.М. Пржевальским, В.И. Роборовским, Г.Н. Потаниным, М.В. Певцовым, братьями Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло, В.В. Сапожниковым, Д.А. Клеменцем, П.К. Козловым, Л.И. Прасоловым, В.А. Обручевым, дали богатейшие результаты, сборы их были обработаны крупнейшими биологами К.И. Максимовичем, В.Л. Комаровым, Ф. Брандтом и др¹. Именно тогда мировая наука впервые получила возможность оценить своеобразие биоты Монголии. В начале XX в. в экспедициях Монгольской комиссии Академии наук СССР и Комитета по

¹ Российские экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920 гг. Сборник статей / Под. ред. А.А. Андреева. СПб., 2013.

науке Монголии работали многие крупнейшие натуралисты – П.П. Сушкин, А.Я. Тугаринов, Б.Б. Польшов, И.М. Крашенинников, Н.В. Павлов, В.И. Баранов, затем А.Н. Формозов, И.П. Герасимов, А.А. Юнатов и Э.М. Мурзаев.

Непосредственной предшественницей Совместной Советско-Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и АНМ (СРМКБЭ) была организованная в 1947 г. Монгольская сельскохозяйственная экспедиция, существовавшая около 12 лет. В её составе работали такие замечательные исследователи, как А.А. Юнатов, Е.М. Лавренко, А.В. Калинина, В.И. Грубов, А.Г. Банников, И.А. Цаценкин и др. Именно тогда стало ясно, что исследование природы Монголии во многом может дополнить интенсивные исследования биологов в Казахстане, Южной Сибири и Средней Азии. Была установлена уникальность природы Монголии как центра той территории, которую впоследствии Е.М. Лавренко обозначил как Восточно-Сибирско-Центральноазиатскую экстраконтинентальную систему внетропической Евразии, определяющуюся неповторимым сочетанием макроэкологических факторов². Территория страны расположена в центре зимнего барического максимума, сравнимого по мощности с Гренландским антициклоном, и отличается взаимодействием гидротермически контрастных воздушных макропотоков и самой стремительной в пространстве сменой контрастных экосистем – от мшистой тайги до крайнеаридных пустынь. Поэтому по территории Монголии проходят крупнейшие геоботанические, почвенно-географические, флористические и фаунистические рубежи. Именно здесь пролегает водораздел между бассейнами Северного Ледовитого и Тихого океанов и бессточной частью Азии. Кроме того, эта территория отличается широким распространением подземного оледенения и современной консервацией многих черт природы плейстоценового времени в зоне с аридным и семиаридным климатом. Всё это позволяет отнести Монголию к экотонной территории Юж-

² Лавренко Е.М. Провинциальное разделение Центральноазиатской подобласти степной области Евразии // Ботанический журнал. 1970. Т. 55. № 12. С. 1734–1747.

ной Сибири и Центральной Азии, уникальные свойства природы которой предстояло изучить экспедиции.

После подписания в 1970 г. необходимых официальных документов, ведущими учреждениями экспедиции были назначены с советской стороны – Ботанический институт им. В.Л. Комарова АН СССР, с монгольской стороны – Институт биологии АН МНР. Практически сразу начинается ускоренное формирование маршрутных отрядов; под непосредственным руководством Е.М. Лавренко осуществляется выбор ключевых территорий для развёртывания стационаров; решаются проблемы инфраструктуры экспедиции; учреждается её Совет как научно-административная структура; организуется биохимическая лаборатория в Улан-Баторе; решаются очень сложные проблемы кадровой структуры экспедиции, в планах которой предполагалось участие около 100 специалистов с каждой стороны ежегодно. Идеальный вдохновитель этих работ Е.М. Лавренко принципиально считал необходимым сочетание маршрутных и стационарных исследований по очень широкой программе, позволяющей детально изучать как наиболее крупные выделы почвенно-растительного покрова – его зональную, поясную, секторную структуру, так и структурно-функциональную организацию сообществ и эколого-физиологические особенности жизнедеятельности отдельных видов.

Основные этапы деятельности экспедиции

I этап (1970–1975 гг.). Научным руководителем экспедиции с советской стороны был академик Е.М. Лавренко, с монгольской – академик Ц. Даваажамц. Начальники экспедиции: с советской стороны – П.Б. Виппер и Л.Н. Медведев, с монгольской – Д. Банзрагч. Выполнение работ шло по трём главным направлениям:

- 1) инвентаризация флоры и фауны Монголии;
- 2) выявление основных закономерностей пространственной структуры растительного и почвенного покровов Монголии и создание её картографической модели в мелких, средних и крупных масштабах для различных целей;
- 3) изучение динамики почвенно-растительных сообществ господствующих природных зон Монголии на стационарах экспедиции – степном и лесостепном.

Предложенный Е.М. Лавренко подход к решению этих основных вопросов основывался на сочетании двух типов полевых работ: стационарных и маршрутных. Маршрутные отряды были достаточно мобильными и решали относительно узкие, строго определённые программой задачи. Стационары были укомплектованы максимально широким набором специалистов, располагались во всех основных природных зонах страны и предназначались для решения крупных интегральных задач, связанных с изучением структурно-функциональной организацией господствующих экосистем Монголии.

II этап (1975–1988 гг.). С 1 января 1975 г. по Распоряжению Президиума АН СССР штат экспедиции был передан из Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР в Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР. Научным руководителем зоологических исследований был назначен академик В.Е. Соколов, а научное руководство ботаническими исследованиями было с 1986 г. возложено на член-корр. АН СССР Р.В. Камелина. С монгольской стороны научными руководителями являлись академики АН МНР О. Шагдарсурэн и Ц. Даваажамц. Начальниками экспедиции были: с советской стороны – к.б.н. П.Б. Виппер, д.б.н. Е.В. Ротшильд, с монгольской – чл.-корр. АН МНР Н. Ульзийхутаг.

В этот период выполнялись стационарные и маршрутные работы по изучению структурно-функциональной организации основных типов экосистем и роли в них животного населения. Значительно расширяется комплексность исследований, в которых наряду с ботаниками, почвоведом, климатологами, геоморфологами, гидрологами, палеоботаниками принимают участие маммологи, териологи, орнитологи, герпетологи, ихтиологи, энтомологи, зоологи-ресурсоведы, охотоведы, вирусологи, генетики, паразитологи.

III этап (1988–2000 гг.). Под руководством академика В.Е. Соколова, а с 1998 г. академика Д.С. Павлова и чл.-корр. Р.В. Камелина, с российской стороны, и академиков АН Монголии О. Шагдарсурэна и Н. Ульзийхутага – с монгольской стороны, продолжались исследования по принятой ранее программе и начаты исследования по новым направлениям, связанным с обобщением эмпирических данных и реализацией научно-прикладных направле-

ний – экологической оценки современного состояния экосистем Монголии, их антропогенной нарушенности, определения диагностических показателей деградации и опустынивания экосистем и создание комплексных экологических карт. Начальниками экспедиции на этом этапе являлись Х. Буян-Орших, Ч. Дугаржав с монгольской стороны и П.Д. Гунин – с российской.

В самом начале этого этапа (1988 г.) на заседании Правительства МНР, которое состоялось под председательством Первого заместителя Совета Министров МНР С. Лувсамгомбоо, по инициативе заместителя начальника ГУГК МНР М. Саандаря и начальника российской части экспедиции П.Д. Гунина была доложена и утверждена для выполнения новая Программа СРМКБЭ «Экологическая оценка состояния окружающей среды и биологических ресурсов МНР». Для реализации этой Программы экспедицией была разработана специальная методика по оценке и картографированию состояния основных типов экосистем Монголии и опубликована серия брошюр с методическими рекомендациями³. Полевые работы проводились с 1989 по 1990 гг., для чего по региональному принципу было организовано 12 отрядов, в которых участвовало около 100 специалистов.

В последующие годы (1991–2000) основное внимание было уделено подготовке авторского и издательского макетов карты «Ecosystems of Mongolia» в масштабе 1:1 000 000. В 1995 г. при финансовой поддержке ЮНЕП карта была опубликована в бумажном варианте на 15 листах⁴, а к 2000 г. закончена её электронная версия. Подготовка и издание такой комплексной стратегической карты было высоко оценено научной общественностью и заслуженно отнесено к фундаментальным картографическим произведениям, обозначившим важный этап развития нового направления – экологического картографирования⁵. Необходи-

³ Методические рекомендации по оценке и картографированию современного состояния экосистем. Улан-Батор, 1989.

⁴ Ecosystems of Mongolia. Map. Scale 1:1 000 000. М., 1995.

⁵ Яншин А.Л. Карта «Экосистема Монголии» // Вестник Российской академии наук. М., 1996. С. 86–87; Соболев Иштван. Карта о взаимоотношениях почв и экологии (Ecosystems of Mongolia. Map. Scale 1:1 000 000) // Агрехимия и почвоведение. 1995. Т. 44. № 33. С. 583–584.

мым условием создания за короткий промежуток времени карты «Экосистемы Монголии» послужили данные, опубликованные в 3,5 тысячах трудов сотрудников экспедиции⁶ и издание к тому времени карт растительного покрова (масштаб 1:1 500 000), лесов (масштаб 1:1 500 000) и почв (масштаб 1:2 500 000). В качестве пояснительной записки была опубликована обобщающая сводка по современным экосистемам Монголии⁷, подготовленная коллективом авторов, принимавших участие в составлении названных карт.

К важным результатам данного этапа работ экспедиции следует отнести также коллективные монографии, посвящённые методологическим аспектам оценки состояния и картографирования экосистем⁸, охране экосистем Внутренней Азии⁹ и динамике растительности Монголии¹⁰. Изложенные в этих публикациях материалы послужили необходимой информационной базой для перехода экспедиции на качественно новый этап исследований экологических проблем¹¹.

IV этап (после 2001 г.). Этот этап отличается наибольшей стабильностью с точки зрения руководства и финансового обеспечения исследований экспедиции. Научными руководителями весь указанный период являются с российской стороны – академик Д.С. Павлов и чл.-корр. Р.В. Камелин, с монгольской –

⁶ *Дорофеев Н.И., Гунин П.Д.* Библиографический указатель литературы по результатам исследований Совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и АНМ (1967–1995). М., 2000.

⁷ *Востокова Е.А., Гунин П.Д., Рачковская Е.И. и др.* Экосистемы Монголии. М., 1995.

⁸ Методология оценки состояния и картографирования экосистем в экстремальных условиях. Пущино: Пущинский научный центр РАН, 1983. 223 с.

⁹ *Гунин П.Д., Востокова Е.А., Матюшкин Е.Н.* Охрана экосистем Внутренней Азии. М., 1998.

¹⁰ *Gunin P.D., Vostokova E.A., Dorofeyuk N.I., Tarsov P.E. and Black C.C.* Vegetation Dynamics of Mongolia. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1999. – Geobotany. Vol. 26.

¹¹ *Павлов Д.С., Камелин Р.В., Гунин П.Д., Ульзийхутаг Н., Шагдарсүрэн О., Дугаржав Ч., Дгебуазде Ю.Ю., Дорофеев Н.И.* Этапы развития и основные результаты и перспективы СРМКБЭ РАН и АНМ // Материалы конференции «Экологические последствия биосферных процессов в экотонной зоне Южной Сибири и Центральной Азии». Улан-Батор, Монголия, 2010. Т. 1. С. 27–41.

академики О. Шагдарсурэн и Н. Ульзийхутаг, а начальниками – академик Ч. Дугаржав (монгольская часть) и д.б.н., профессор П.Д. Гунин (российская часть). На этом этапе деятельность экспедиции по рекомендациям Президиумов двух Академий ориентируется на изучение важнейших экологических проблем, наиболее ярко проявляющихся в период перехода Монголии и России на рыночный путь экономического развития. Согласно Протоколам о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Академией наук Монголии на три пятилетних срока с 2001 г. по настоящее время и утверждённым Президиумами РАН и АНМ научным программам СРМКБЭ РАН и АНМ в области биологии и экологии были определены следующие 6 научных направлений:

1. Флора и растительность Монголии и сопредельных регионов: важнейшие закономерности фиторазнообразия.
2. Современное состояние сети природоохраняемых территорий Внутренней Азии и перспективы развития.
3. Опустынивание как эколого-экономическая проблема Монголии: диагностика, распространение и методы борьбы.
4. Экологические и социальные проблемы загрязнения природной среды Монголии.
5. Биологический и экологический мониторинг состояния наземных и водных экосистем бассейна озера Байкал.
6. Экологические риски в природных и антропогенных экосистемах.

Основные результаты исследования главных экологических проблем Внутренней Азии (на примере Монголии)

Направление 1. Флористико-фаунистическое и биогеоценологическое разнообразие в экотонной зоне Южной Сибири и Центральной Азии. Целями этого направления исследований являются не только продолжение традиционных фундаментальных исследований по инвентаризации флоры и фауны, но и разработка эколого-биологических основ сохранения популяций доминантных видов животных и растений в естественных и антропогенно изменяющихся условиях. В связи с тем, что территория Монголии составляет центральную часть экотонной зоны, важно установить перечень экосистем с учётом эдафических и геоморфологических факторов природной среды и обитающих

там видов флоры и фауны. Цифровая обработка электронного варианта карты экосистем позволила установить на территории Монголии 25 видов автоморфных и гидроморфных экосистем и 430 их разновидностей на уровне мезоэкосистем. При расчёте количественных показателей обнаружены значительные различия по занимаемой ими площади: на высокогорные приходится 4,9 %; горно-таёжные – 7,6 %; лесостепные – 3,3 %; степные – 43,2 %; пустынные – 30,8 %, гидроморфные – 7,8 %¹². Последняя инвентаризация флористического состава показала, что по видовому разнообразию территория Монголии превышает равные по площади территории прилегающей Сибири и Центральной Азии. При этом число видов сосудистых растений составляет около 3 000, лишайников – 904, мхов – 456, водорослей – более 2 300 видов. Фауна позвоночных животных насчитывает 667 видов, из них млекопитающих – 136, птиц – 426, рептилий – 22, амфибий – 8, рыб – 75 видов¹³. С целью более эффективного выполнения обязательств, взятых на себя Монголией согласно подписанной в 1992 г. Конвенции по биоразнообразию, необходимо проведение детальных исследований реакции экосистем и сообществ живых организмов на усиление антропогенного воздействия и влияния на биоту глобальных изменений климата.

Направление 2. Современное состояние сети особо охраняемых природных территорий Монголии и перспективы развития. Основной задачей этого направления является дифференциация ООПТ по их значимости в сохранении биоразнообразия, классификации по функциональной роли в биосфере региона и оценка их эффективности. Современная сеть охраняемых территорий в своей значительной части была организована по рекомендациям СРМКБЭ¹⁴. К настоящему времени общее коли-

¹² Гунин П.Д., Востокова Е.А., Бажа С.Н., Дугаржав Ч., Ульзийхутаг Н., Прищепина А.В. Экосистемы Монголии: разнообразие, современное состояние и охрана // Экосистемы Внутренней Азии: вопросы исследования и охраны. М., 2007. С. 4–21.

¹³ Луцкекина А.А., Неронов В.М. Биологическое разнообразие Монголии и перспективы его сохранения // Успехи современной биологии. 1999. Т. 119. № 5. С. 515–526.

¹⁴ Gulin P.D. Conservation Areas // Wildlife. Final Report of project GFF/VNDP. Component B. Ulaanbaatar, 1993.

чество ООПТ (с учётом отдельных частей кластерных ООПТ) достигло 70, а занимаемая ими площадь составляет около 15 % территории Монголии, из них более 50 % – строго охраняемые территории (по классификации, принятой в России, это заповедники); 41 % приходится на национальные парки; 10 % – на природные заказники и около 1 % – на памятники природы¹⁵. По общей площади ООПТ Монголия в настоящее время занимает первое место в Евразии.

При рассмотрении пространственного распределения ООПТ по ландшафтно-экологическим районам были выявлены слабообеспеченные или совсем не обеспеченные охраняемыми территориями провинции. К ним относятся 4 ландшафтно-экологические провинции в центральной (Увэр-Хангайский и Среднегобийский аймаки), 1 в восточной (Сухэбаторский аймак) и 2 провинции в северной (Булганский и Дзавханский аймаки) частях Монголии. В ближайшие годы особое внимание необходимо уделить разработке кластерных охраняемых территорий для сохранения экосистем экспозиционной лесостепи в центральной части бассейна Селенги и восточномонгольском регионе степных экосистем. Для сохранения биоты в естественных условиях, в особенности мигрирующих представителей фауны, следует продолжить практику организации трансграничных совместных российско-монгольских и монголо-китайских заповедников¹⁶.

Направление 3. Опустынивание как эколого-экономическая проблема Монголии: диагностика, распространение и методы борьбы.

В этом направлении проводятся работы по ландшафтно-экологическому районированию территории Монголии в зависимости от проявления процессов опустынивания и определению регионов, характеризующихся наиболее кризисными условиями. Важной составной частью этого направления является диагностика природного и антропогенного опустынивания и

¹⁵ *Жирнов Л.В., Гунин П.Д., Адъяа Я., Бажа С.Н.* Стратегия сохранения копытных аридных зон Монголии. М., 2005.

¹⁶ *Гунин П.Д., Бажа С.Н.* Перспективы организации сети трансграничных Российско-Монгольских заповедников // Заповедное дело. Научно-методические записки. 1998. Вып. 3. С. 113–123.

механизмов их проявления. С этой целью в рамках Программы на модельных участках в ряде сомонов гобийской части Монголии – Дэлгэрцогт (Среднегобийский аймак), Булган и Гурван-Тэс (Южно-Гобийский аймак), Шинэ-Джинст (Баян-Хонгорский аймак) и Дзамын-Ууд (Восточно-Гобийский аймак) были организованы исследования различающихся по своему характеру и интенсивности биологических, эдафических и климатических процессов опустынивания. В результате определены признаки опустынивания, проявляющиеся в характере почвенного покрова и сукцессиях растительности. Установлен перечень инвазивных видов, занимающих позиции доминантов и эдификаторов в растительных сообществах под влиянием меняющихся условий среды. К ним можно отнести: *Ephedra sinica*, *Allium polyrrhizum*, *Artemisia adamsii*, *Peganum nigellastrum*, *Carex duriuscula*, *Stipa inebrians*, *Caragana bungei*¹⁷.

Направление 4. Эколого-социальные проблемы загрязнения природной среды Монголии. Главной задачей исследований этого направления является определение ландшафтно-экологической приуроченности комплексов приоритетных загрязнителей в депонирующих средах на урбанизированных и горнопромышленных территориях. Второй, не менее важной, задачей является изучение воздействия разных типов загрязнения на организмы растений, животных и человека. В качестве объектов для исследования воздействия загрязнения на главные компоненты ландшафта урбанизированных территорий были взяты столичный регион Улан-Батор и наиболее развитые в промышленном отношении города Монголии – Эрдэнэт и Дархан.

В результате обнаружено, что значительное содержание приоритетных загрязнителей в депонирующих средах (почва, снег,

¹⁷ Гунин П.Д., Бажга С.Н. Данжалова Е.В., Цэрэнханд Г., Дробышев Ю.И., Ариунболд Э. Современная структура и динамика растительных сообществ на южной границе сухих степей Центральной Монголии // Аридные экосистемы. 2010. Т. 16. № 2 (42). С. 65–75; Gunin P., Bazha S., Danjalov E., Drobyshev Yu., Kazantseva T. Tserenkhand G., Khadbaatar S. Present invasives succession in dry-steppe communities of Central Mongolia // Proceedings of International Conference “Plant Biodiversity and Ecosystem services in continental Asia”. Ulaanbaatar, Mongolia, 2013. P. 54–56.

растения) обусловлено не только природными условиями в зимний период (антициклонная погода, формирование подинверсионного слоя) и экономической ситуацией (высокая численность автотранспорта, котельных и значительная доля частного сектора в жилом комплексе), но и высокая концентрация токсических веществ (мышьяк, стронций, кадмий) в используемом для отопления угле. Специфика загрязнения в наибольшей степени проявляется в Дархане и Эрдэнэте: в первом случае за счёт свинца, молибдена и вольфрама, во втором – молибдена и меди, что связано с характером производства. Изучение структуры заболеваемости населения в столичном регионе обнаруживает значительное превышение заболеваний органов дыхания, что в последние десятилетия связано с загрязнением воздушного бассейна предприятиями теплоэнергетического комплекса – основного загрязнителя воздуха в зимний период¹⁸.

Направление 5. Биологический и экологический мониторинг состояния наземных и водных экосистем бассейна озера Байкал. Необходимость включения данного направления в Программу работ экспедиции была обусловлена внесением озера Байкал в список памятников культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Дополнительный стимул для своего развития мониторинг наземных и водных экосистем бассейна озера Байкал получил после подписания президентами Монголии и России Московской декларации, где обе страны обязались развивать сотрудничество в области охраны окружающей среды для обеспечения взаимной экологической безопасности и совместного предотвращения загрязнений¹⁹. Учитывая наибольшую

¹⁸ Касимов Н.С., Лычагин М.Ю., Евдокимова А.К., Голованов Д.Л. Пиковский Ю.И. Улан-Батор, Монголия (теплоэнергетика). Межгорная котловина // Экогеохимия городских ландшафтов / Под ред. Н.С. Касимова. М., 1995. С. 231–248; Kosheleva N., Kasimov N., Dorjgotov D., Bazha S., Gunin P., Golovanov D., Enkh-Amglan S., Batkhishig O. Soil Pollution with heavy Metals in the Industrial Cities of Mongolia // Mongolian Journal of Biological Sciences. 2011. Vol. 9. № 1–2. P. 39–45; Gunin P., Evdokimova A., Baja S., Saandar M. Social and Ecological Problems of Mongolian Ethnic Community in Urbanized Territories. Ulaabaatar; Moscow, 2003.

¹⁹ Московская декларация // Эв мод («Дерево дружбы»). 2007. № 1 (2). С. 8–11.

концентрацию населения, расположение большей части городов и промышленных предприятий Республики Бурятия РФ и Монголии на территории бассейна р. Селенги, регулярная оценка состояния экосистем имеет первостепенное значение.

Данное направление включает два блока тем: а) разработка научно-методических основ мониторинга состояния бассейна р. Селенги с целью контроля трансграничного переноса загрязняющих веществ и их выноса в оз. Байкал; б) долгосрочный мониторинг состояния лесостепных экосистем на ключевых стационарных участках с использованием наземных наблюдений и данных дистанционного зондирования и изучение геохимического состояния аквальных ландшафтов с целью контроля трансграничного переноса загрязняющих веществ.

В результате долговременных мониторинговых исследований динамики растительности степных экосистем бассейна Селенги на примере модельных полигонов Налайх, Дзун-Бурэн, Баян-Унджул и др. установлен существенный рост в составе сообществ доли однолетних растений в сравнении с данными наблюдений 1972–1984 гг.²⁰, что указывает на активно протекающие дигрессионные процессы.

Кардинальную роль в поддержании экологического баланса на территории байкальского бассейна играют лесные экосистемы, как хранители влаги. Трудami сотрудников экспедиции выявлены особенности строения и жизненного состояния лесов Восточного Хэнтэя. Проанализированы основные факторы, препятствующие возобновлению доминанта – лиственницы сибирской на обследованных вырубках: задернованность почвы, иссушение подстилки и верхних горизонтов почвы, часто повторяющиеся низовые пожары. Установлено, что коренные девственные древостои, состоящие из 3–4 возрастных генераций, находятся в стадии распада (отпад особей 1–2-го поколений) и регрессивного развития. Описанный 30–40 лет назад подрост основных лесобразующих пород (главным образом листвен-

²⁰ *Bazha S.N., Gunin P.D., Danzhalova E.V., Drobyshev Yu.I., and Prischepa A.V.* Pastoral degradation of steppe ecosystems in Central Mongolia. In: *Eurasian steppes. Ecological problems and livelihoods in a changing world* / Ed.: Marinus J.A. Werger, Marja A. van Stalduinen. Springer Science, 2012. P. 289–321.

ницы) в настоящее время либо отсутствует, либо находится на стадии отмирания²¹. Сильно нарушенные лесные сообщества на южном пределе их распространения сменяются кустарниковыми зарослями, при этом в различных регионах доминирующую роль играют разные виды: *Armeniaca sibirica*, *Amygdalus pedunculata*, *Spiraea aquilegifolia*, *Betula fusca*, *Caragana microphylla*, *Dasiphora fruticosa*²².

Изучение геохимического состояния аквальных ландшафтов с целью контроля трансграничного переноса загрязняющих веществ и их выноса в оз. Байкал показало высокую роль русловой эрозии в формировании стока взвешенных наносов на крупных реках, особенно в период паводков. В верховьях реки Селенги и на малых притоках основную роль играет поверхностный смыв. При наличии в их долинах участков разработки полезных ископаемых фоновая мутность может возрастать на 400 % в период максимальных расходов воды и на 270 % – на их спаде. Содержание органики во взвеси увеличивается при возрастании площади сельскохозяйственных угодий в бассейнах рек и снижается в условиях расширения масштабов горнодобывающих работ. В среднем по бассейну она составляет 6,75 %, возрастая до 16,3 % в малых реках с большой антропогенной нагрузкой на водосбор²³.

Эколого-токсикологические исследования на станциях, расположенных на р. Селенге и реках её бассейна, показали максимальные уровни накопления ртути в пробах мышц налима из южной части оз. Хубсугул, гольяна из р. Уур и окуня из р. Ханка (0.75–1.43 мг/кг). Однако, в целом, полученные результаты позволяют отнести южную часть оз. Хубсугул и р. Эгийн-гол с её

²¹ Цогт Э., Доржсүрэн Ч., Слемнев Н.Н., Ярмишко В.Т. Опыт оценки биологической продуктивности псевдотаёжных лиственничников Центрального Хангая (Монголия) // Растительные ресурсы. 2012. Т. 48. Вып. 3. С. 303–310.

²² Бажа С.Н., Гунин П.Д., Дробышев Ю.И., Екимова Н.В., Прищепина А.В. О региональных особенностях процессов обезлесивания на южной границе хвойных лесов Монголии // Лесной вестник. 2008. № 2 (59). С. 44–55.

²³ Кошелева Н.Е., Касимов Н.С., Сорокина О.И., Гунин П.Д., Бажа С.Н. Геохимия техногенных ландшафтов г. Улан-Батор // Геохимия ландшафтов и география почв. М., 2012. С. 23–41.

притоками к категории фоновых водных объектов региона по концентрации ртути в мышцах отдельных видов рыб²⁴.

Направление 6. Экологические риски в природных и антропогенных экосистемах. Задачей этого направления является определение наиболее опасных деградационных процессов и их диагностика в антропогенно-трансформированной среде Монголии. Главная цель – это установление механизма их проявления, качественных и количественных показателей на разных стадиях развития. И, наконец, на заключительном этапе разработки данного направления создаются классификации экологических рисков, и производится их оценка по степени опасности для существования биоты и функционирования экосистем в целом. Данное направление является результирующим по всем пяти вышеназванным направлениям работ экспедиции. В настоящее время можно говорить о накопительном этапе эколого-биологической и социально-экономической информации для идентификации опасных деградационных процессов с экологическими рисками, которые в конечном итоге приводят к возникновению экологических проблем.

Заключение

Проводимые экспедицией в Монголии многолетние исследования функционирования природных экосистем, трансформации ландшафтно-экологических условий и разработка природоохранных мероприятий и рационального использования биологических ресурсов, позволяют разрабатывать методологические приёмы, которые могут иметь значение не только для прилегающих регионов России, Казахстана и Китая, но и для многих стран Азии и Африки, расположенных в экстремальных природных условиях. В целом, изучение экологических условий и экосистем Монголии как модельной страны в Центральной Азии, имеет большое значение для сохранения экологической стабильности на границе таёжных лесов Сибири и пустынь Центральной Азии. Накопленный опыт и научно-методологическая

²⁴ *Komov V.T., Javzan Ch., Erdenebat M., Brumbaugh W.G., Tillitt D.E.* Ecotoxicological survey of tributaries to the Selenge river, Mongolia, August 2010 // Abstracts of the International Symposium “Biodiversity Research in Mongolia”. Halle, Germany, 25–29 March 2012. P. 94–95.

база Совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и АНМ позволяют перейти на новый, более высокий уровень сотрудничества не только при исследовании возникающих экологических проблем, но и при разработке мероприятий по их устранению.

Поскольку Монголия развивается как страна с рыночной экономикой, в силу глобализационных процессов она всё более втягивается в систему международного разделения труда, и поэтому знание экологических процессов, происходящих в биосфере Монголии, основанных на длительных исследованиях СРМКБЭ, становится всё более востребованным.

Литература

Бажа С.Н., Гунин П.Д., Дробышев Ю.И., Екимова Н.В., Прищепина А.В. О региональных особенностях процессов обезлесивания на южной границе хвойных лесов Монголии // *Лесной вестник*. 2008. № 2 (59). С. 44–55.

Востокова Е.А., Гунин П.Д., Рачковская Е.И. и др. Экосистемы Монголии. М.: Наука, 1995. 202 с.

Гунин П.Д., Бажа С.Н., Данжалова Е.В., Цэрэнханд Г., Дробышев Ю.И., Ариунболд Э. Современная структура и динамика растительных сообществ на южной границе сухих степей Центральной Монголии // *Аридные экосистемы*. 2010. Т. 16. № 2 (42). С. 65–75.

Гунин П.Д., Бажа С.Н. Перспективы организации сети трансграничных Российско-Монгольских заповедников // *Заповедное дело*. Научно-методические записки. 1998. Вып. 3. С. 113–123.

Гунин П.Д., Востокова Е.А., Бажа С.Н., Дугаржав Ч., Ульзийхутаг Н., Прищепина А.В. Экосистемы Монголии: разнообразие, современное состояние и охрана // *Экосистемы Внутренней Азии: вопросы исследования и охраны*. М., 2007. С. 4–21.

Гунин П.Д., Востокова Е.А., Матюшкин Е.Н. Охрана экосистем Внутренней Азии. М.: Наука, 1998. 219 с.

Дорофеев Н.И., Гунин П.Д. Библиографический указатель литературы по результатам исследований Совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и АНМ (1967–1995). М.: Биоинформсервис, 2000. 386 с.

Жирнов Л.В., Гунин П.Д., Адъяа Я., Бажа С.Н. Стратегия сохранения копытных аридных зон Монголии. М., 2005. 326 с.

Касимов Н.С., Лычагин М.Ю., Евдокимова А.К., Голованов Д.Л. Пиковский Ю.И. Улан-Батор, Монголия (теплоэнергетика). Межгорная котловина // Экогеохимия городских ландшафтов / Под ред. Н.С. Касимова. М.: Изд. МГУ, 1995. С. 231–248.

Кошелева Н.Е., Касимов Н.С., Сорокина О.И. Гунин П.Д., Бажа С.Н. Геохимия техногенных ландшафтов г. Улан-Батор // Геохимия ландшафтов и география почв. М., 2012. С. 23–41.

Лавренко Е.М. Провинциальное разделение Центральноазиатской подобласти степной области Евразии // Ботанический журнал. 1970. Т. 55. № 12. С. 1734–1747.

Луцкекина А.А., Неронов В.М. Биологическое разнообразие Монголии и перспективы его сохранения // Успехи современной биологии. 1999. Т. 119. № 5. С. 515–526.

Методические рекомендации по оценке и картографированию современного состояния экосистем. Улан-Батор, 1989. 107 с.

Методология оценки состояния и картографирования экосистем в экстремальных условиях. Пущино: Пущинский научный центр РАН, 1983. 223 с.

Московская декларация // Эв мод. 2007. № 1 (2). С. 8–11.

Павлов Д.С., Камелин Р.В., Гунин П.Д., Ульзийхутаг Н., Шагдарсурэн О., Дугаржав Ч., Дзегуазде Ю.Ю., Дорофеев Н.И. Этапы развития и основные результаты и перспективы СРМКБЭ РАН и АНМ // Материалы конференции «Экологические последствия биосферных процессов в экотонной зоне Южной Сибири и Центральной Азии». Улан-Батор, Монголия, 2010. Т. 1. С. 27–41.

Российские экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции 1870–1920 гг. / Под. ред. А.И. Андреева. СПб., 2013. 331 с.

Собольч Иштван. Карта о взаимоотношениях почв и экологии (Ecosystems of Mongolia. Map. Scale 1:1 000 000) // Агрохимия и почвоведение. 1995. Т. 44. № 33. С. 583–584.

Цогт З., Доржсурэн Ч., Слемнев Н.Н., Ярмишко В.Т. Опыт оценки биологической продуктивности псевдотаёжных лиственныхников Центрального Хангая (Монголия) // Растительные ресурсы. 2012. Т. 48. Вып. 3. С. 303–310.

Яншин А.Л. Карта «Экосистема Монголии» // Вестник Российской академии наук. М.: Наука, 1996. С. 86–87.

Bazha S.N., Gunin P.D., E.V. Danzhalova, Yu.I. Drobyshhev, A.V. Prischepa. Pastoral degradation of steppe ecosystems in Central Mongolia. In: Eurasian steppes. Ecological problems and livelihoods in a changing world (Ed.: Marinus J.A. Werger, Marja A. van Stalduinen). Springer Science, 2012. P. 289–321.

Ecosystems of Mongolia. Map. Scale 1:1 000 000. M.: EKOR, 1995. 15 p.

Gunin P., Bazha S., Danjalova E., Drobyshhev Yu., Kazantseva T. Tserenkhand G., Khadbaatar S. Present invasives succession in dry-steppe communities of Central Mongolia // Proceedings of International Conference “Plant Biodiversity and Ecosystem services in continental Asia”. Ulaanbaatar, Mongolia, 2013. P. 54–56.

Gunin P., Evdokimova A., Baja S., Saandar M. Social and Ecological Problems of Mongolian Ethnic Community in Urbanized Territories. Ulaabaatar – Moscow, 2003. 94 p.

Gunin P.D. Conservation Areas // Wildlife. Final Report of project GFF/VNDP. Component B. Ulaanbaatar, 1993. 66 p.

Gunin P.D., Vostokova E.A., Dorofeyuk N.I., Tarsov P.E., Black C.C. Vegetation Dynamics of Mongolia. Dordrecht / Boston / London: Kluwer Academic Publishers, 1999. – Geobotany. Vol. 26. 238 p.

Komov V.T., Javzan Ch., Erdenebat M., Brumbaugh W.G., Tillitt D.E. Ecotoxicological survey of tributaries to the Selenge river, Mongolia, August 2010 // Abstracts of the International Symposium “Biodiversity Research in Mongolia”. Halle, Germany, 25–29 March 2012. P. 94–95.

Kosheleva N., Kasimov N., Dorjgotov D., Bazha S., Gunin P., Golovanov D., Enkh-Amglanan S., Batkhishig O. Soil Pollution with heavy Metals in the Industrial Cities of Mongolia // Mongolian Journal of Biological Sciences. 2011. Vol. 9. № 1–2. P. 39–45.

The Role of the Joint Russian-Mongolian Complex Biological Expedition of RAS & MAS in Exploration of Ecological Problems of Inner Asia

***P.D. Gunin, S.N. Bazha, E.V. Danzhalova, N.I. Dorofeyuk,
Yu.I. Drobyshch,***

A.V. Pritshepa, S.-Kh.D. Syrtyova
Institute of Ecology and Evolution, RAS

Ch. Dugarzhav
Institute of Botany of the Mongolian Academy of Sciences

The Joint Russian-Mongolian Complex Biological Expedition of RAS & MAS is at the first place among all current terrestrial biological expeditions according to the quantity of specialists and duration of the conducted researches. The principal approach to carrying out of the field works was based on combination of rout and stationary researches. For the 40 years of Expedition's work, it is possible to distinguish three basic stages of its activity: the stage of flora and fauna inventory; the stage of study of structural and -functional organization of basic types of plant and aquatic associations; and the stage of ecosystemic study of anthropogenic influence on the state of biological resources. As a result, about 4,5 thousand works of the Expedition were published, including 55 volumes in the series "The biological resources and environmental conditions of Mongolia", 11 issues in the series "Insects of Mongolia", 5 issues in the series "Vertebrates of Mongolia", and 30 non-series monographs and thematic collections. Large scientific generalizations were "Map of vegetation of Mongolia", "Soil map", "Map of the forests" and map of "Ecosystems of Mongolia" executed with the use of new scientific conceptions. The results of works of the Expedition serve as a basis for the ecological monitoring the state of natural environment and development of measures on biodiversity maintenance in Mongolia. Basic directions of long-range researches are related mainly to the study of extra-hazardous processes in natural, naturally-anthropogenic and anthropogenic ecosystems, and development of scientific bases on renewal of their natural potential.

О.А. Валькова
ИИЕТ РАН

Судьба туркестанских коллекций Ольги Александровны и Алексея Павловича Федченко

Работа участников научной экспедиции, как правило, не заканчивается, когда означенная экспедиция возвращается домой. Конечно, многие путешественники во время своих странствий поддерживают переписку с коллегами, научными обществами (когда это в принципе возможно), ведут дневники, а по приезде публикуют более или менее обстоятельные отчёты в различных научных изданиях, информируя мир о своих исследованиях. Однако тщательная научная обработка естественнонаучных коллекций, собранных во время экспедиций, расшифровка дневниковых записей и других материалов, работа, необходимая для того чтобы результаты часто многолетних исследований действительно стали достоянием мировой научной общественности, требует иногда многих лет напряженного труда. Труды, о котором часто (и вполне естественно) не помнят те, кто впоследствии использует его результаты. Однако историкам науки, как нам кажется, следует обращать внимание на этот второй этап работы любой научной экспедиции. Именно истории обработки и публикации естественнонаучных коллекций, собранных во время знаменитой Туркестанской экспедиции супругов Алексея Павловича и Ольги Александровны Федченко, посвящена настоящая статья.

Туркестанская экспедиция выдающегося отечественного учёного А.П. Федченко и его супруги, не менее выдающегося учёного О.А. Федченко, организованная московским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) по заданию Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана в 1868–1872 гг., является одним из наиболее ярких событий в истории отечественного естествознания своего времени. Особая её ценность заключается в изумительных зоологических и ботанических коллекциях, собранных, обработанных и опубликованных участниками экспедиции.

Сразу же по завершении, экспедиция была признана чрезвычайно успешной и властями, и научным сообществом. Собранные и привезённые учёными образцы исчислялись тысячами. Супруги Федченко начали подготовку к публикации материалов, когда в 1873 г. А.П. Федченко трагически погиб. О.А. Федченко совершенно естественно взяла оставшуюся неоконченной работу на себя. Обработка и издание материалов Туркестанской экспедиции в целом заняли тридцать лет. За эти годы было опубликовано 23 выпуска «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко». Длительная и нелёгкая работа, потребовавшая колоссального напряжения сил, огромных затрат времени не была проделана впустую. ОЛЕАЭ могло гордиться тем, что выпустило в свет монументальное описание фауны и флоры Туркестанского края. О.А. Федченко также добилась поставленной цели – она сохранила от гибели результаты трудов мужа и, как итог, – его имя от забвения.

Кажется естественным, что после гибели одного из участников экспедиции, оставшуюся работу по обработке её материалов, берёт на себя выживший участник. Однако в случае с Туркестанской экспедицией дело обстояло не так просто и сильно усложнялось тем, что оставшийся в живых участник экспедиции был женщиной, участвовал в экспедиции неофициально (хоть и с полного согласия и одобрения всех организаторов), на государственной службе не состоял и по закону страны состоять не мог.

Экспедиция супругов Федченко не была их личным делом или даже предприятием такого общественного объединения как ОЛЕАЭ. Как сама Туркестанская экспедиция, так и последующие работы по обработке и изданию её материалов осуществлялись на средства, предоставленные Туркестанским генерал-губернатором из бюджета Туркестанского края, что превращало её в предприятие государственное. Сам А.П. Федченко с 1 октября 1868 г. состоял на государственной службе, находясь в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора «для научных и статистических исследований края»¹. Это означало, что после его

¹ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А.П. Федченко // А.П. Федченко. Сборник документов. Ташкент, 1956. С. 30.

гибели с юридической точки зрения О.А. Федченко как частное лицо и как женщина, для которой государственная служба была официально закрыта по законам империи, не имела права просто продолжить дело своего супруга. Теоретически место А.П. Федченко должен был занять другой чиновник, но человека, пожелавшего взяться за подобную работу и, что важнее, успешно справиться с ней, просто не существовало.

Подобные соображения, однако, не могли остановить Ольгу Александровну (что не удивительно, раз уж её не смогли остановить пески Каракумов, скалы и ущелья Заалайского хребта, вооружённые столкновения и пр.). Несмотря на неопределённость своего статуса, она ни на минуту не прерывала работ по обработке и изданию коллекций. Она не допускала мысли о том, что дело будет прервано и останется незавершённым: «Никто лучше меня не знает, какую страшную, ничем не заменимую потерю понесла наука в лице Алексея Павловича, – писала она 27 сентября (9 октября) 1873 г. П.А. Богданову. – Почти все результаты, если не очень многолетней, зато слишком многотрудной деятельности он унёс с собой в могилу. Теперь остаётся одно: сделать то, что только можно из начатого им, издать «Путешествие в Туркестан» настолько полно, насколько только можно без него»².

Будучи достаточно практичной, О.А. Федченко прекрасно понимала, что без поддержки руководства ОЛЕАЭ и официального согласия Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана ей вряд ли удастся довести дело до конца. То ли потому, что А.П. Федченко пользовался любовью и уважением своих коллег и учителей, то ли потому, что его смерть была настолько неожиданной или потому, что Туркестанская экспедиция стала одним из крупнейших научных мероприятий ОЛЕАЭ и Общество было заинтересовано в опубликовании её материалов (а возможно по всем этим причинам одновременно), Ольга Александровна получила безусловную и энергичную поддержку своих планов как президента ОЛЕАЭ Г.Е. Щуровского, так и прочих членов Общества. С поддержкой К.П. фон Кауфмана дело обстояло сложнее.

² Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 1.

4 октября 1873 г. на 69-м заседании ОЛЕАЭ Г.Е. Щуровский, напомнив о научных трудах и заслугах А.П. Федченко перед Обществом, предложил «обсудить меры к окончанию прерванного смертью А.П. Федченко издания трудов Туркестанской экспедиции»³. Секретарь ОЛЕАЭ Н.К. Зенгер, в свою очередь, изложив обстоятельства организации Туркестанской экспедиции и сообщив о текущем положении дел с обработкой и печатанием её материалов, заметил: «Довершение издания потребует, без сомнения, громадных стараний и может встретить почти неодолимые препятствия, но утешительным условием, которое поможет решить трудности, является возможность воспользоваться для этой цели знанием и опытом вдовы покойного Федченко, Ольги Александровны Федченко, которая была свидетельницей всех исследований её мужа, сопутствовала ему в путешествиях по Туркестану и Кокану, вела его переписку и была посвящена во весь ход занятий»⁴.

Предполагалось, что теперь, после смерти А.П. Федченко, издание займёт больше времени, чем планировалось изначально, во всяком случае – не менее трёх лет. Несмотря на то, что часть материалов была уже обработана или находилась в обработке, а некоторые выпуски были отправлены в типографию, Н.К. Зенгер с уверенностью утверждал, что «всё, что готово, не составляет ещё четвертой доли предстоящего труда». Он связывал успех всего предприятия с двумя необходимыми факторами: 1) дальнейшим содействием Туркестанского генерал-губернатора и 2) «непосредственным и главным участием вдовы члена-основателя Ольги Александровны Федченко»⁵.

Выслушав вышеизложенное, члены Общества, желая почтить память погибшего коллеги и сохранить для будущего его имя и учёные труды, постановили просить Туркестанского губернатора К.П. фон Кауфмана о продолжении издания «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» под руководством вдовы покойного

³ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый. Шестьдесят девятое заседание Общества 4 октября 1873 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 3.

⁴ Там же. С. 3–4.

⁵ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый. Шестьдесят девятое заседание Общества 4 октября 1873 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 4.

путешественника Ольги Александровны Федченко⁶. Следующим шагом было обращение Г.Е. Щуровского с пространным письмом к Туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману, в котором Григорий Ефимович стремился получить одобрение кандидатуры Ольги Александровны. Напомнив об участии О.А. как в самой экспедиции, так и в последующих работах, Г.Е. Щуровский характеризовал её следующим образом: «Степень образованности этой личности даёт полную надежду, что ей удастся в значительной степени докончить прерванную обработку собранных материалов и с помощью общества спасти от забвения и гибели те результаты, кои добыты были экспедицией. Она будет в состоянии посвятить себя довершению издания, – прибавляет Г.Е. Щуровский, – если ваше высокопревосходительство доверите ей этот труд и поможете сосредоточить на нём её силы»⁷.

Дата написания этого письма не установлена, однако резолюция К.П. фон-Кауфмана подписана 10 декабря 1873 г., таким образом, можно предположить, что письмо было написано почти сразу же после заседания ОЛЕАЭ. Намерение Г.Е. Щуровского поручить ответственность за издание Ольге Александровне, против ожидания, не вызвала у генерал-губернатора никаких возражений: «Необходимо сделать, что только возможно, дабы дать возможность О.А. Федченко довести до конца труды её покойного славного мужа», – наложил он резолюцию на письмо Г.Е. Щуровского⁸. Однако в том, что касается отпуска средств, Кауфман не спешил: прежде, чем принять какое-либо решение на этот счёт, он затребовал отчёт об уже отпущенных средствах⁹. Переписка, в которой каждая сторона настаивала на своём, продолжилась. В итоге К.П. фон Кауфман не только потребовал подробную смету всех предстоящих расходов, но и заявил что:

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману о гибели А.П. Федченко и о поручении О.А. Федченко закончить издание трудов А.П. Федченко // А.П. Федченко. Сборник документов... С. 177.

⁸ А.П. Федченко. Сборник документов... С. 179.

⁹ Там же. С. 179.

«Желательно войти с ходатайством о сем тогда, когда выйдет ещё несколько выпусков, кои ожидаются в скором времени, дабы можно было составить себе более ясное понятие об издании»¹⁰. На этом дело на время застопорилось.

Итак, поскольку Г.Е. Щуровский (с помощью Н.К. Зенгера) взял на себя наиболее трудную задачу по обеспечению издания финансами, Ольга Александровна могла заняться непосредственно издательской деятельностью, что также было нелегко. И хотя она по-прежнему ничего не получала за свою работу, денег на само издание пока ещё хватало. Алексей Павлович задумывал издание «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» очень широко. Впервые он познакомил членов ОЛЕАЭ с приблизительным планом издания на заседании Общества 28 ноября 1871 г. Уже тогда он достаточно чётко представлял, что именно ему хотелось бы сделать: «Путешествия, совершаемые в страны дотоле не известные, – говорил он, – при окончании всегда дают повод к появлению сочинений, знакомящих как публику, так и специалистов с новоисследованной страной, её условиями, жителями и естественными произведениями. В данном случае, кроме издания сочинения, дающего общее знакомство с краем, я предлагаю Обществу обратить внимание на особенное развитие специальной части, посвящённой описанию Туркестанской фауны и флоры»¹¹. В этом действительно был смысл: не только потому, что два основных участника экспедиции интересовались преимущественно фауной (А.П. Федченко) и флорой (О.А. Федченко) и, соответственно, именно эти коллекции оказались наиболее полными, но и потому, что флора и фауна Туркестана были изучены ещё очень мало, и супруги Федченко смогли обнаружить достаточно много новых, ранее неизвестных и неописанных видов. Помимо этого ОЛЕАЭ вообще отдавало предпочтение зоологическим исследованиям, и именно они преобладали в изданиях Общества, за что Общество даже

¹⁰ Резолюция на письме Г.Е. Щуровского к К.П. Кауфману от 11 марта 1874 г. // А.П. Федченко. Сборник документов... С. 183.

¹¹ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с 29 сентября 1871 г. по 8 марта 1872 г. Пятьдесят девятое заседание Общества 28 ноября 1871 года // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 77.

подвергалось критике со стороны некоторых учёных. Руководство ОЛЕАЭ подобные нападки ничуть не смущали. Оно открыто заявляло, что такова его сознательная политика.

Существовало также ещё одно соображение. Часть собранных супругами Федченко коллекций уже в 1871 г. была роздана для обработки как российским, так и иностранным учёным. Абсолютное их большинство выполняло эту работу бесплатно в обмен на возможность опубликовать описание новых видов. Учитывая существовавшую в этой области конкуренцию, все они стремились опубликовать свои работы как можно быстрее, не желая ждать, когда будет готов к выходу из печати объёмный и фундаментальный том. Существовала реальная угроза, что результаты деятельности экспедиции окажутся рассеянными по десяткам научных журналов разных стран. Алексей Павлович же хотел сделать единое капитальное издание, описывавшее Туркестанский край во всём его разнообразии. Он задумал опубликовать четыре тома. Первый, должен был содержать описание самих путешествий, посещённых мест, памятников древности, привычек и обычаев местного населения и характеристику, как он говорил, «особо примечательных» животных и растений. Второй том был бы полностью посвящён научному описанию Туркестанской фауны; третий – описанию флоры. Четвёртый том включал бы в себя метеорологические, гипсометрические, краниологические и геологические наблюдения, а также пояснительную записку к карте Туркестана¹². Именно в таком виде программа издания была одобрена ОЛЕАЭ и представлена господину военному министру¹³. И именно эту программу Совет ОЛЕАЭ представил публике в 1872 г.¹⁴

К концу 1872 года работы по обработке зоологических коллекций шли полным ходом. Они продвигались даже быстрее, чем этого можно было бы ожидать, и Алексей Павлович был полон оптимизма. С разбором гербариев дело продвигалось медленнее.

¹² Пятьдесят девятое заседание Общества 28 ноября 1871 года // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 77.

¹³ Там же. С. 78.

¹⁴ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с 29 сентября 1871 года по 8 марта 1872 года // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 124.

О работах по подготовке четвёртого тома речь ещё не шла. До своей гибели А.П. Федченко координировал работу множества людей, занимавшихся подготовкой рукописей; налаживал контакты с типографиями, литографиями (поскольку издание предполагалось щедро иллюстрированным); занимался переводом и редактированием уже готовых рукописей. Он также взял на себя обработку большого числа коллекций, особо его интересовавших, и при этом успевал заниматься исследованиями. После его смерти все эти работы легли на плечи Ольги Александровны.

Прежде всего, О.А. Федченко хотела обеспечить безостановочное продолжение работ. Следовало найти учёных, готовых взяться за обработку коллекций, с которыми работал сам А.П. Федченко, найти переводчиков. Редакторская работа и чтение корректур также не заставляли себя ждать. Отдельную проблему составляли рисунки и таблицы – это была не только самая дорогостоящая часть издания, но и самая трудная в техническом исполнении, поскольку в России практически не существовало полиграфической базы, способной обеспечить должное качество. Следовало решить тысячи мелких проблем: от системы нумерации томов и количества экземпляров, до способов их распространения, продажи и обеспечения вышедшими томами авторов и влиятельных лиц.

Многое из задуманного Алексеем Павловичем оказалось невозможно выполнить без него. Так, например, из первого тома А.П. успел написать только пять глав «Путешествия в Кокандское ханство» (хотя изначально планировалось девять). Путешествие же по русскому Туркестану оставалось неопианным. Как отмечала Ольга Александровна: «Для первой части первого тома, кроме опубликованных в прежнее время <...> отчётов и заметок <...> о путешествиях по Заравшанской долине, в Магиан и в Кизилкумскую степь, существуют только отрывочные рукописные заметки, разбросанные по записным книжкам. Приведение в порядок и опубликование этих заметок покойного редакция не решается принять на себя и полагает более благоразумным сохранить этот материал неприкосновенным до тех пор, пока не сыщется лицо, непосредственно знакомое с этими местностями и готовое принять на себя редакцию этой части

«Путешествия»¹⁵. Этот замысел так и остался неисполненным. Пришлось отказаться и от замысла А.П. Федченко поместить в приложении к первому тому обзор фауны посещённых территорий. Ольга Александровна вполне резонно посчитала, что подготовить подобный обзор до выхода второго, зоологического, тома в принципе невозможно. Вообще работа над вторым томом в отсутствие Алексея Павловича представляла серьёзные затруднения.

Несмотря на то, что предварительная программа издания, составленная А.П. Федченко, была принята к исполнению, не всем участникам она нравилась и у многих вызывала желание как-то обойти её. Проблема состояла в «огромной затрате времени и труда на воссоздание на русском языке описаний таких видов, которые давно и многократно уже описаны за границею и на установку их в систему вместе с другими, мало известными и совершенно новыми видами». Это затягивало выход издания в свет, и авторы рисковали потерять приоритет в описании новых видов: «Мне кажется, – писал С.М. Сольский, – что соединение издания отчёта учёной экспедиции с так сказать учебными целями вообще не может иметь места без того, чтобы не отразиться вредно на той и другой стороне дела. Издание отчёта учёной экспедиции всегда более или менее ограничено временем и не может быть растягиваемо надолго, ни загромождаемо не принадлежащими непосредственно к трудам экспедиции элементами, без того, чтобы собранные экспедициею научные данные, с одной стороны, постепенно не утрачивали, во время разработки, своего значения, через опубликование с разных сторон таких же исследований, произведённых другими, с другой же стороны, не стусевались бы в большой массе давно известного»¹⁶. В этом подходе был свой резон.

Тем не менее, Ольга Александровна твёрдо придерживалась разработанного плана. Она понимала стремление авторов побы-

¹⁵ [Федченко О.А.] От редакции // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. I. СПб.; М., 1874. [С. I].

¹⁶ Сольский С.М. Жесткокрылые (Coleoptera) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. 1874. [С. I–II].

стрее опубликовать результаты своих работ, но не хотела в угоду им жертвовать качеством издания. Вместе с этим она отлично знала, что чем быстрее выйдут из печати первые тома «Путешествия» тем быстрее будет решён вопрос с продолжением финансирования. К сожалению, возникали сложности, замедлявшие этот процесс.

В то время как одни авторы нещадно торопили Ольгу Александровну с выходом их томов «Путешествия», другие – не спешили выполнить взятую на себя часть работы. Это объяснялось и занятостью многих учёных, и обилием материалов, и желанием поподробнее изучить представленные им коллекции, и просто большим объёмом работ. Наконец, в марте 1874 г. были получены отпечатанные экземпляры первых двух выпусков «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко». В 1874 и 1875 гг. новые тома «Путешествия» выходили в свет с завидной регулярностью и постоянством. Между тем средства, отпущенные на издания, подходили к концу, а решение о продолжении финансирования всё ещё не было принято. Поскольку предыдущее решение К.П. фон Кауфмана (от 28 марта 1874 г.) гласило, что необходимо дождаться выхода в свет нескольких томов «Путешествия», прежде чем можно будет принять окончательное решение о его дальнейшей судьбе, переписка по этому вопросу между Г.Е. Щуровским и К.П. фон Кауфманом на некоторое время была прервана. В 1874 г. средства в кассе общества ещё были. Но к 1875 г. все резервы были практически исчерпаны.

Тогда Щуровский счёл возможным возобновить ходатайство о выделении средств. В январе 1875 г. по его просьбе (точнее, по просьбе Совета ОЛЕАЭ) московский почтдиректор, статский советник Семён Сергеевич Подгорецкий взял на себя труд лично переговорить об этом с К.П. фон Кауфманом во время своего пребывания в Петербурге¹⁷. Щуровский передал с ним письмо, написанное 17 января 1875 г., с очередной просьбой о решении

¹⁷ См.: 1875 г. января 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко. Сборник документов... С. 188.

вопроса¹⁸. Встреча эта, однако, не принесла никакой пользы¹⁹, и ответа на письмо не было. Надеюсь, что отзыв о качестве издания крупного учёного поможет сдвинуть дело с мёртвой точки, Щуровский в марте 1875 г. переговорил с председательствующим в Русском географическом обществе П.П. Семёновым во время его визита в Москву, прося его не только дать отзыв о «Путешествии», но и со своей стороны похотатайствовать о назначении Ольге Александровне пенсии. О сочувственном согласии П.П. Семёнова Щуровский сообщил Кауфману в письме от 17 марта 1875 г.²⁰

Мысль Кауфмана, вероятно, работала в том же направлении: прежде чем принимать решение, он пожелал получить профессиональный отзыв об уровне и качестве издания. По некоторому совпадению, 18 марта 1875 г. он обратился с письмом к президенту Петербургской Академии наук Ф.П. Литке «с покорнейшей просьбой не отказать передать на заключение Императорской Академии наук вопрос о том, заслуживает ли это издание, по научному своему значению, правительственной поддержки и ассигнования из государственного казначейства необходимой для окончания его дополнительной суммы Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии»²¹. Таким образом, получив послание Щуровского 19 марта 1875 г., Кауфман наложил на него резолюцию: «Ожидать сообщения П.П. Семёнова и запрошенного отзыва от академии о достоинствах предпринятого издания путешествий А.П. Федченко»²².

Между тем средства иссякали. У Ольги Александровны накопилось достаточно большое количество неоплаченных сче-

¹⁸ 1875 г. января 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко. Сборник документов... С. 189.

¹⁹ СПФ АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 13.

²⁰ См.: А.П. Федченко. Сборник документов... 1956. С. 192.

²¹ 1875 г. марта 18. Письмо Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана – президенту Российской Академии наук Ф.П. Литке // А.П. Федченко. Сборник документов... С. 190–191.

²² 1875 г. марта 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко. Сборник документов... С. 192–193.

тов по изданию, а ход дела требовал дальнейших затрат. Выход очередных томов оказался под угрозой. 30 марта 1875 г. Совет ОЛЕАЭ собрался для принятия решения. А уже 1 апреля секретарь ОЛЕАЭ Н.К. Зенгер писал Ольге Александровне: «Решено просить Вас приостановить теперь уже всякого рода дальнейшие заказы таблиц, чертежей, бумаги и печати, кои могли бы вовлечь Общество в новые расходы, кроме уже предстоящих уплат за прежние до сих пор сделанные заказы; решено просить Президента Общества лично ходатайствовать в Петербурге о решении вопросов по изданию во время поездки президента в Петербург в начале мая сего года; изыскавши денежные средства, решено по мере возможности производить уплату уже представленных счетов из кассы Общества»²³. В тот же день, 1 апреля 1875 г., Щуровский направил сообщение Н.К. фон Кауфману вместе с извлечением из отчёта, составленного Ольгой Александровной, о положении дел и заказов по изданию²⁴.

Настойчивые просьбы возымели действие. Сам Кауфман, кажется, был заинтересован в успешном завершении проекта, а, возможно, уже успел получить какой-то отклик из Академии. Во всяком случае, он добился предварительного согласия Министерства финансов на отпуск запрошенной Ольгой Александровной суммы в 21 000 рублей при условии положительного отзыва Академии. «Я не сомневаюсь в одобрительном отзыве, но он ещё не получен, а пока не будет его, я должен удержаться от испрошения суммы», – отметил Кауфман 3 апреля 1875 г. в резолюции на сообщение Щуровского²⁵. 10 апреля это решение было сообщено Г.Е. Щуровскому²⁶, а 18 апреля Кауфман, в свою очередь, направил письмо Д.А. Милютину, занимавшему в то время пост военного министра, с подробным изложением обстоятельств из-

²³ СПФ АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 16–16 об.

²⁴ См.: 1875 г. апреля 1 дня. Сообщение председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко. Сборник документов... С. 193.

²⁵ 1875 г. апреля 1 дня. Сообщение председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко. Сборник документов... С. 194.

²⁶ Там же.

дания материалов экспедиции А.П. Федченко. К этому времени вышло в свет уже семь выпусков «Путешествия» и Кауфман был вполне уверен в их научной ценности: «Согласно всем заявленным мне компетентным отзывам, – писал он, – издание заслуживает такой поддержки и покровительства по своим несомненным достоинствам и пользе, какую оно принесёт для отечественной науки и для успеха последующих научных исследований наших в Средней Азии»²⁷. При этом Кауфман не спешил успокоить ОЛЕАЭ и уверить его в успехе их ходатайства. Общество продолжало предпринимать шаги, чтобы убедить Кауфмана в целесообразности завершения дела, начатого с таким размахом. В начале мая 1875 г. Кауфман посетил Москву. Поскольку к этому времени он уже являлся почётным членом ОЛЕАЭ, в его честь 7 мая было организовано экстраординарное собрание Общества и Комитета для устройства музея прикладных знаний (будущего Политехнического). Заседание происходило под председательством самого президента Щуровского и в присутствии многих членов ОЛЕАЭ, в том числе и члена-основателя О.А. Федченко. Большая часть заседания была посвящена успеху Туркестанского отдела на прошедшей недавно Политехнической выставке, Туркестанскому отделу будущего Музея, а также экспедиции А.П. Федченко. Щуровский выступил с речью, призванной не только подчеркнуть успехи ОЛЕАЭ в освоении и изучении Туркестанского края и отдать должное роли К.П. фон Кауфмана в этом процессе, но и подчеркнуть важность этих исследований. Причём президент ОЛЕАЭ сосредоточился на экономическом и вытекающем из него *политическом* значении естественнонаучного и географического изучения и освоения Туркестана. Он также обратил внимание присутствующих на международную конкуренцию, существующую в данном вопросе²⁸. После выступления Щуровского слово взял вице-президент и член-основатель

²⁷ 1875 г. апреля 18. Письмо Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана – военному министру Д.А. Милютину // А.П. Федченко. Сборник документов... С. 194–196.

²⁸ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 27–28.

ОЛЕАЭ, профессор Московского университета А.Ю. Давыдов, потом член-основатель Общества, профессор Московского университета Н.А. Попов, бывший в то время председателем этнографического отдела ОЛЕАЭ.

Таким образом, ОЛЕАЭ в лице своих наиболее авторитетных представителей предприняло настоящий штурм генерала Кауфмана, используя все возможные аргументы, способные убедить его оказать поддержку изданию материалов экспедиции супругов Федченко. Имя Ольги Александровны ни разу не упоминалось во время этого заседания (во всяком случае, протокол не отразил ничего подобного). Однако она на нём присутствовала и, разумеется, все собравшиеся прекрасно знали и о её роли в экспедиции и, тем более, о её работе в качестве издателя «Путешествия». Можно только догадываться, что её молчаливое присутствие также было своего рода аргументом в этом сражении.

Однако, как выяснилось несколько позднее, в столь массивной атаке возможно уже и не было прямой необходимости. Еще 22 апреля 1875 г. на заседании Физико-математического отделения Академии наук академики Ф.Ф. Брандт, Л.И. Шренк и А.А. Штраух, составившие отзыв на тома «Путешествия», высказали своё мнение, которое и было одобрено академической Конференцией. 17 мая президент Академии Ф.П. Литке отправил донесение К.П. фон Кауфману²⁹. Отзыв этот был более чем благоприятен для Ольги Александровны. Академики отметили уникальность коллекций, собранных экспедицией: «Тогда как другие преимущественно имели в виду лишь позвоночных животных, – писали они, – Федченко обращал большое внимание и на несравненно менее известных животных беспозвоночных. Составленные им по этой части коллекции столь многочисленны, что вполне заслуживают подробной разработки специалистами-зоологами». Они посчитали качество разбора и описания материалов «весьма удовлетворительным»; отметили, что вышедшие выпуски «с помощью подробных описаний и превосходных изображений, не

²⁹ См.: 1875 г. мая 17. Письмо президента Российской Академии наук Ф.П. Литке – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко. Сборник документов... С. 197.

только знакомят нас с большим числом новых видов, но, вместе с тем, благодаря богатству коллекций дают возможность судить и об общем характере и составе фауны по рассмотренным отделам». Они также указали на исключительный интерес Туркестана в зоогеографическом отношении, проистекавший из соприкосновения на его территории фаун: Североазиатской (Европейско-Сибирской), Южноазиатской (Гималайской), Средиземноморской, а также значительного разнообразия животных форм. Таким образом, вывод экспертов гласил, что «весьма желательно, чтобы и остальные материалы, добытые экспедицией покойного Федченко, были разработаны и изданы в таком же виде, как в вышедших до сих пор выпусках. Этим снова подтвердится, – добавляли они, – справедливость неоднократно высказанного уже в заграничной печати замечания, что Россия тотчас же вслед за материальным приобретением какой-либо нетронутой страны приобретает её и в научном отношении»³⁰.

К.П. фон Кауфман ознакомился с отзывом 14 июня 1875 г. и приказал сообщить о нём военному министру и Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии, «которому, конечно, весьма приятен будет отзыв Академии наук о сочинении, которое и создано, и издается под руководством общества»³¹. (Этот отзыв был зачитан 19 августа 1875 г. на 78 заседании ОЛЕАЭ и, позднее, опубликован в «Протоколах» Общества)³². 26 июня 1875 г. в ОЛЕАЭ из Московского губернского казначейства на счёт издания «Путешествия» поступила 21 000 рублей³³. Судьба издания была решена. У Обще-

³⁰ Донесение академиков Ф.Ф. Брандта, Л.И. Шренка и А.А. Штрауха о рассмотренных ими семи выпусках «Путешествия в Туркестан» А.П. Федченко // А.П. Федченко. Сборник документов... С. 193.

³¹ См. резолюцию на письмо: 1875 г. мая 17. Письмо президента Российской Академии наук Ф.П. Литке – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко. Сборник документов... С. 197.

³² Семьдесят восьмое заседание Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 19-го августа 1875 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 40–41.

³³ Годичный отчёт по кассе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1 февраля 1875 г. по 1 февраля 1876 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 18–19.

ства, таким образом, появился вполне законный повод для гордости.

Вообще и сама экспедиция супругов Федченко и, ещё больше, такое успешное издание её материалов стали предметом особой гордости ОЛЕАЭ и символом успеха его деятельности и некоторых принципов, провозглашенных при его создании. Работа по изданию «Путешествия» была признана одним из наиболее перспективных проектов ОЛЕАЭ и получила полную поддержку Общества, к которой Ольге Александровне ещё не раз приходилось прибегать в процессе работы. С финансами отныне всё обстояло благополучно, и Ольга Александровна могла без помех продолжать работу, которая и без хлопот о деньгах была достаточно трудной. Эта работа продолжалась в течение почти что трёх десятилетий.

Последний выпуск «Путешествия в Туркестан», как уже упоминалось в начале нашей статьи, увидел свет только в 1902 году, и на этом работа была завершена, завершена настолько полно, насколько только это было возможно в отсутствие Алексея Павловича Федченко. Над изданием «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» работало несколько десятков человек из разных стран, и это число ещё увеличится, если включить в список художников, гравёров, типографов. «Путешествие» явилось не только ценным научным трудом, увеличившим знания современников о тогда почти ещё не исследованном крае, – оно стало примером подлинного научного сотрудничества и научной кооперации той группы людей, которых в современном мире принято называть «международным научным сообществом». Оно также продемонстрировало, каких научных успехов можно достичь, имея прочную финансовую поддержку государства. Оно также впервые со времен Е.Р. Дашковой со всей очевидностью доказало возможности женщины, о наличии или отсутствии которых так много спорили тогда в России: во главе всего огромного проекта стояла Ольга Александровна Федченко. Она была его главным двигателем, организатором и вдохновителем. Без её усилий «Путешествие» никогда бы не увидело свет. Однако единственное место в «Путешествии», в котором упоминается имя Ольги Александровны, – подписи под её рисунками. Нигде больше это-

го имени нет: ни на титульном листе, где обычно указывается редактор, ни в заявлении «От редакции», оставшемся без подписи, ни где-либо ещё. Ольга Александровна не считала это нужным или важным, собственная слава её не беспокоила. Она работала только для науки, ради памяти мужа и на благо своей страны.

Литература

Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1.

Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV.

Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV.

[Федченко А.П.]. Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. I. СПб.; М., 1874.

Сольский С.М. Жесткокрылые (Coleoptera) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. СПб.; М., 1874.

Федченко А.П. Сборник документов. Ташкент: Госиздат Узбекской ССР, 1956.

Архивные источники

СПФ РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96.

Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674.

The Fate of the Turkestan Collections of O.A. and A.P. Fedchenko

O.A. Valkova

Institute for the History of Science & Technology, RAS

Research expedition in Turkestan undertaken by Alexey and Olga Fedtchenko – a young married couple in 1868–1872 – is well known in the history of science. They drew the map of Kokand, mapped the Zaalaiskiy range, traveled the sands of Kyzylkum, etc. They brought back very large and unique for the time zoological and botanical collections. They were preparing to sort them out, take inventory, make a scientific description and publish the results of their research when Alexey Fedchenko was killed in the mounting accident in 1872.

Olga Fedchenko was left to finish the job all by herself. Not only it was a nearly impossible task for one person but there were legal and financial difficulties as well. Turkestan expedition was organized by the “Imperial Amateurs Society for Nature, Anthropology and Ethnography” by request of the then Turkestan governor-general Fon Kaufman. Costs were paid by Russian state. Alexey Fedchenko was appointed a state employee. The participation of Olga Fedchenko was known by the authorities and approved by them, but unofficial. After her husband’s death she was the only survived member of the expedition, the only one who could prepare the scientific publication and even more the only one who would put her time and effort for the task. But she was a woman. By the Law of Russian Empire she could not work as a state employee. And in spite of the fact that her knowledge and skills were well known she never graduated from the university as there were no university education for women in Russia at the time. The bureaucrats could not entrust the state money to female. So Olga Fedchenko who couldn’t permit the work of her late husband and herself just fade from existence had her job cut out for her. She had to somehow put herself in the official position that would allow her to lead the project, to obtain necessary money and then deal with collections. The last but not the least she had to obtain respect from her colleagues in order to get scientific council and cooperation in general. It took her thirty years to get the last volume of the “Alexey Fedchenko’s Turkestan travel” arrived in 1902. All in all twenty tree volumes were published, describing Turkestan’s zoological and botanical species as well as anthropological collections added with the volume describing the journey itself and an album of drawings made by Olga Fedchenko in Turkestan. The history of this long and difficult work is reconstructed in this paper.

Ю.И. Дробышев, П.Д. Гунин
ИПЭЭ РАН

Этническая экология Северо-Западного Китая (по материалам русских путешественников рубежа XIX–XX вв.)

Этническая экология, или экологическая антропология зарубежных авторов, – наука, возникшая на стыке этнологии и экологии. Одной из её задач является изучение адаптации этносов к ландшафтам и особенностей традиционных систем жизнеобеспечения¹. В настоящее время в недрах этой науки происходит интенсивное накопление фактов и выработка концепций, имеющих прикладное значение. Особое внимание уделяется традиционным «экофильным», т. е. направленным на сохранение окружающей среды, обществам Азии и Северной Америки, как правило, противопоставляемым «экофобной» цивилизации Запада, как ответственной за экологический кризис на планете. Однако неверно думать, что в исторический период потребительский подход к природе зародился в сознании людей относительно недавно и, главным образом, на Западе, в ареале распространения монотеистических религий. Не всё обстояло благополучно в этом смысле и на Востоке, в частности, в Китае.

Среди отечественных исследователей на вопросах этнической экологии Китая заостряет внимание Э.С. Кульпин², однако, он не касается специально северо-западных районов. Виды хозяйственной деятельности и особенности природопользования на территории Восточного Туркестана с древнейших времён до X в. рассматриваются в фундаментальной монографии³, а по интересующему нас периоду имеются статистические отчёты А.Н. Ку-

¹ Козлов В.И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М., 1994. С. 65.

² Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.

³ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура / Под ред. Б.А. Литвинского. М., 1995.

ропаткина⁴ и В.Г. Ласточкина⁵, содержащие сведения о хозяйственном освоении этих земель.

В геоморфологическом отношении, территория Северо-Западного Китая представляет собой сочетание разнообразных по строению и рельефу крупных участков земной поверхности. Это Таримская впадина, ограниченная почти со всех сторон горными цепями. Большая часть её занята песками пустыни Такла-Макан. Этот регион представлен также преимущественно степной Джунгарией, пустынными низкогорьями и равнинами Бэйшаня и Алашаня, впадиной Цайдама с солёными болотами, горами Тянь-Шаня и Куньлуня. Климат значительной части этого региона резко континентальный, засушливый, очень суровый, с большими колебаниями суточных и годовых температур.

Долгое время указанная территория оставалась малоизвестной в Европе, и лишь с середины XIX в. она начала интенсивно изучаться. Приоритет открытия Центральной Азии для широкой общественности того времени принадлежит Н.М. Пржевальскому, совершившему в 1870–1885 гг. четыре экспедиции общей протяжённостью более 31 500 км и собравшему колоссальный естественнонаучный и этнографический материал. Затем последовали экспедиции Г.Н. Потанина, братьев Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло, М.В. Певцова, В.И. Роборовского, П.К. Козлова, А.М. Позднеева, В.А. Обручева и ряда других российских исследователей. С 1873 г. Центральную Азию начали изучать европейские и американские специалисты. В начальный период исследований, образно названный Н.М. Пржевальским «эпическим», населявшие её народы ещё применяли традиционные методы хозяйствования, которые были задокументированы путешественниками.

Методы, посредством которых человек извлекал из окружающей среды всё необходимое для своей жизни, и экологические последствия природопользования не случайно интересно проследить именно на центральноазиатском примере. Природа этой

⁴ *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.

⁵ Восточный Туркестан. Кашгария / Сост. генерального штаба полковник *Ласточкин.* Ташкент, 1911.

обширной географической области чрезвычайно неустойчива к человеческому вмешательству из-за экстрааридного климата и преимущественно высокого положения над уровнем моря. Локальные экосистемы обычно быстро разрушались, если люди не согласовывали ведение хозяйства с природными ритмами и брали от природы больше, чем она могла произвести. Поэтому в течение многих веков у обитавших здесь народов формировался особо осторожный, бережный подход к окружающему миру, с сильнейшим анимистическим акцентом, следы которого можно обнаружить даже сейчас, в наступившем третьем тысячелетии. Однако на территории собственно Северо-Западного Китая ситуация была сложнее. Здесь пересеклись исторические пути многих народов, имевших далеко неодинаковое видение мира и по-разному понимавших место и роль в нём человека, и выработавших различные традиции природопользования.

Религиозные учения, как известно, весьма различаются по своей онтологии, аксиологии, гносеологии, космологическим и мифологическим сюжетам, участвуют в формировании неодинаковой картины мира и др. Одним из следствий этих различий является большая вариативность во взглядах на природу, а также на место, возможности и предназначение человека. В одних случаях сохранностью природы позволительно пренебречь во имя «высших» интересов, в других – человек поставлен в один ряд с другими живыми существами и объектами неживой природы, и не имеет над ними особой власти или каких-то привилегий. Результат длительного господства в обществе той или иной религиозной (или просто мировоззренческой) идеи «прочитывается» по характеру ландшафта, по степени его изменённости, окультуренности либо разрушенности. Однако не правы те исследователи, которые рассматривают религиозно-философские доктрины в отрыве от конкретных природно-климатических условий, реальной исторически сложившейся политической и экономической обстановки.

Развившаяся в Китае система представлений, с ведущей ролью конфуцианства и примесью иных верований и культов, отводила человеку одно из важнейших мест в мироздании, ставя его наравне с Землёй и Небом. Согласно классическим сочине-

ниям конфуцианства («Лунь юй», «Мэн-цзы» и др.), человек призван совершенствовать окружающий мир, окультуривать его. Эта установка не является достоянием только Конфуция и его последователей; её разделяли представители некоторых других философских школ, а ориентация на активное вмешательство в жизнь природы прослеживается в Китае с глубокой древности. На этом основании трудно называть китайскую культуру экофильной, но вместе с тем, более глубокое проникновение в канонические тексты и последующие философские сочинения открывает грандиозную перспективу предназначения человечества, которая представляется безусловно «экологичнее» того, что предлагают монотеистические религии Запада. На деле, однако, было иначе, ибо целью китайских крестьян являлось не абстрактное служение высшим идеалам, а нередко просто физическое выживание. Поэтому нет ничего удивительного в том, что свои интересы они ставили выше интересов природы, и брали из неё столько, сколько могли взять. Китайские же чиновники в большинстве своём стремились успеть обеспечить себя, пока находились у власти, и буквально разграбляли вверенный им край. Восточный Туркестан предоставлял хорошие возможности для бесконтрольной наживы: местному населению жаловаться было некому.

Этнические китайцы (ханьцы) на рубеже XIX–XX вв. не имели здесь численного превосходства над другими народами. Все путешественники отдавали дань исключительному трудолюбию китайских крестьян, их любовному отношению к земле, прекрасному знанию агротехники, соблюдению севооборотов и т. д. Однако, оказавшись не в привычном обжитом агроландшафте, а на лоне дикой природы, китайцы демонстрировали хищнический подход к естественным богатствам, стремясь выгрести природные кладовые дочиста и не заботясь о завтрашнем дне. По-видимому, причина такого подхода заключалась в том, что для многих из них это была чужая земля. После жестокого подавления дунганского восстания (1864–1878 гг.) китайские власти поощряли миграцию жителей внутренних провинций в опустошённый Синьцзян. Пришлого население, оторванное от своих корней, буквально разграбляло вновь приобретённые тер-

ритории. Интересы других народов, населявших эту же местность, игнорировались совершенно. Нравы, царившие среди китайской администрации «Западного края», чётко охарактеризованы в совместном отчёте В.И. Роборовского и П.К. Козлова: «Китайцы в Кашгарии делают, что хотят: законов у них нет, а совесть и сердце отсутствуют при всех делах с туземцами»⁶. К этому мнению присоединяются практически все путешественники, посетившие Западный Китай после событий 1864–1878 гг. По свидетельству П.К. Козлова: «Всюду наблюдалась в большей или меньшей степени борьба человека с природою. В этом смысле китайцы достигли большой виртуозности»⁷.

Показательна судьба центральноазиатских лесов. Известно, что природные условия этого региона мало пригодны для развития древесной растительности, а лесные экосистемы очень хрупки и самовосстанавливаются с большим трудом, причём нередко они могут разрушаться необратимо. В отличие от кочевников, употреблявших на топливо высушенный помёт скота (аргал), осёдлое китайское население отапливалось дровами, хворостом, соломой и т. п. материалом. Поэтому, а также вследствие других хозяйственных нужд, например строительства, китайцы, наряду с другими обитателями городов и селений, были главными потребителями древесины. Насколько можно судить по запискам путешественников, именно они были ответственны за обезлесивание склонов гор и некоторых оазисов. Так, в Алашани процесс истребления лесов наблюдался сначала Н.М. Пржевальским во время Первой и Четвёртой Центральноазиатских экспедиций, а позже П.К. Козловым, который подвёл итог: «На склонах хребта Алашани нет теперь, кажется, такого ущелья, где бы не стояли группами фанзы, где бы не раздавался стук топора, и не мелькали светлые пятна подрубленных стволов. Промышленники проникают до самого верхнего пояса гор, не щадя ни одной породы деревьев, раз дерево достигло известного определённого возраста».

⁶ Роборовский В.И., Козлов П.К. Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции // Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М.В. Певцова. Ч. III. СПб., 1896. С. 14.

⁷ Козлов П.К. Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото. М.; Пг, 1923. С. 522.

та, и только недоступные дикие скалы сохраняют неприкосновенным переросшее дерево. Повсюду среди леса видны дороги, предательские тропинки, приводящие часто к головокружительным крутизнам, откуда сталкиваются в пропасть брёвна и жерди. <...> Если принять во внимание ежегодную, ничем не ограничиваемую убыль леса, то станет понятным, почему систематически пересыхают ключи и колодцы Алашаня, почему оазис Дын-юаньин беднеет водою и почему, наконец, монгольскому населению в самом недалёком будущем грозит полное разорение»⁸. На берегах реки Сулейхэ китайцы время от времени пускали палы в зарослях тамариска и губили множество кустов, чтобы иметь сухие дрова на корню⁹. Когда экспедиция В.И. Роборовского разбила бивуак близ Дуньхуана собралось много местных китайцев, принявшихся интенсивно рубить лес вдоль казённого арыка, до того бывший не тронутым. Роборовский полагал, по-видимому, вполне справедливо, что китайцы рассчитывали поживиться древесиной и свалить вину за порубки на русских¹⁰. В Южной Джунгарии карагачевые леса беспощадно истреблялись китайскими углепромышленниками на древесный уголь¹¹. Подобное происходило во многих уголках Северо-Западного Китая, причём добыча леса китайцами неизменно характеризовалась путешественниками как хищническая и безжалостная. Однако в некоторых местностях было запрещено рубить старые деревья, их даже охраняли китайские солдаты. Тот же В.И. Роборовский сообщал об искусственном разведении леса в пустынной местности близ Сачжоу (к северу от хребта Наньшань), но, к сожалению, без указания на национальную принадлежность лесоводов и мотивы, побудившие их к этому¹².

⁸ Там же. С. 195.

⁹ Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершённой в 1893–1895 гг. под начальством В.И. Роборовского. Отчёт начальника экспедиции *В.И. Роборовского*. СПб., 1900–1901. Ч. I. С. 161.

¹⁰ Там же. С. 155.

¹¹ *Грум-Гржимайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай. М., 1948. С. 118.

¹² Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершённой в 1893–1895... Отчёт начальника экспедиции *В.И. Роборовского*. Ч. I. С. 160, 169.

Совсем по-другому относились китайцы к деревьям и кустарникам в местах своего проживания. Деревни можно было легко узнать издали по густой зелени. В озеленении чаще всего использовали вяз, иву, софору и тополь. Кладбища богатых китайцев были обсажены рядами деревьев: ближе к могиле сосна и ель, дальше тополь, венчала композицию ива¹³. Посаженные по периметру полей и вдоль арыков деревья, использовались для получения топлива весьма расчётливо. Достигшие определённой высоты деревья (обычно быстрорастущие виды – тополь, ива) срубали на высоте двух – четырёх метров от земли, а место сруба замазывали глиной для предотвращения высыхания. Вскоре от пня густо отрастали новые побеги, впоследствии тоже шедшие на дрова. В результате дерево не только давало топливо и продолжало жить, но и приобретало декоративную шарообразную крону. Описанный способ применялся как китайцами, так и оседлыми хара-тангутами в верховьях Хуанхэ и мусульманским населением Восточного Туркестана¹⁴. Под корень рубили только засохшие деревья.

Леса имели особое значение для оазисной цивилизации Восточного Туркестана, так как они окаймляли сплошным, лишь местами разорванным полукольцом, подгорную полосу, где имела в достатке вода, и где было возможно земледелие. Внутри этого лесного кольца находится песчаная пустыня Такла-Макан. Леса слагались почти исключительно тограком – разновидностью тополя (*Populus diversifolia*) и осаждали лёссовую пыль из атмосферы, а главное, препятствовали продвижению песков на оазисы. Однако практиковавшееся местами выжигание лесов с целью облегчить добычу дров и дренаж почвы вокруг селений вели к распространению песков¹⁵.

¹³ Потанин Г.Н. Тангуты-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 1. СПб., 1893. С. 8.

¹⁴ Пржевальский Н.М. Третье путешествие по Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. СПб., 1883. С. 381; Пржевальский Н.М. Четвёртое путешествие по Центральной Азии. От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 389.

¹⁵ Богданович К.И. Геологические исследования в Восточном Туркестане // Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М.В. Певцова. Ч. II. СПб., 1892. С. 25 и сл.

Деревья в Синьцзяне рубили не только на дрова или для получения деловой древесины, но даже на корм скоту. «Исчезновению леса в долине нижней Черчен-дарьи много способствовали лобнорские пастухи, пригоняющие в неё на лето стада овец и откармливающие их, между прочим, листьями тополей, которые они для этого беспощадно рубят», – писал П.К. Козлов¹⁶.

Вокруг лесных богатств иногда возникали межэтнические столкновения. Г.Е. Грумм-Гржимайло полагал, что на тангутских землях леса сохранились благодаря тщательной охране местными кочевниками от китайского топора¹⁷. В Юго-Восточной Монголии китайцам не давали хозяйничать в лесу монголы¹⁸, а в Цайдаме, напротив, сами монголы рубили лес втихомолку от тангутов, когда те откочевывали на летние пастбища¹⁹.

В силу того, что различные народы осуществляли природопользование разными способами и осваивали неодинаковые ландшафты, природные ресурсы использовались более полно. Кроме того, хозяйственная специализация позволяла избегать переэксплуатации того или иного ресурса. Основными видами жизнеобеспечения населения Северо-Западного Китая были интенсивное земледелие, экстенсивное скотоводство, охота и рыболовство, а также торговля и ремёсла.

По оценкам М.В. Певцова, к концу XIX в. оседлое население Восточного Туркестана составляло около 1,8 млн человек, кочевое – порядка 200 тыс.²⁰ Основой существования оазисов были лёсс и вода. Низкое положение над уровнем моря способствовало существованию более длинному вегетационному периоду и мяг-

¹⁶ *Роборовский В.И., Козлов П.К.* Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции... С. 71.

¹⁷ *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай. М., 1948. С. 456.

¹⁸ *Позднеев А.* Монголия и монголы. Т. II. СПб., 1898. С. 254.

¹⁹ Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершённой в 1893–1895 гг. под начальством В.И. Роборовского. Отчёт помощника начальника экспедиции *П.К. Козлова*. СПб., 1899. Ч. II. С. 223.

²⁰ *Певцов М.В.* Путешествия по Восточному Туркестану, Кун-луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889–1890 гг. // Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М.В. Певцова. СПб., 1895. Ч. I. С. 62–63.

кой зиме, чем в соседних Монголии и Тибете. Это позволяло снимать по два богатых урожая в год. Выращивались ячмень, овёс, кукуруза, рис, хлопок, конопля, лён, бобы, дыни, арбузы, огурцы, баклажаны, морковь, лук и другие культуры, а также виноград, яблоки, груши, персики и т. д. Местами было развито шелководство. Возле домов нередко можно было увидеть цветники. В искусстве земледелия с китайцами соперничали дунгане, а порою даже тангуты и карашарские торгоуты. По общему мнению посетивших Северо-Западный Китай путешественников, местные земледельцы достигли особого совершенства в способах орошения своих пашен и садов. Н.М. Пржевальский писал: «Неутомимая нужда заставила туземцев до крайности изоощриться в проведении оросительных каналов (арыков), которые, разветвляясь словно вены и артерии в животном организме, оплодотворяют каждый клочок обрабатываемой почвы. Удивительным для непривычного глаза образом перекрещиваются и распределяются эти арыки по оазису: они то текут рядом, но на разной высоте, то пробегают по деревянным желобам один над другим, то, наконец, струятся по тем же желобам через плоские крыши сакель. <...> В каждую саклю, в каждый садик и огород, мало того, к каждому большому дереву, если только оно стоит в стороне – всюду проведены арыки, то запирающиеся, то отворяющиеся для воды, смотря по надобности. Берега арыков обыкновенно обсажены тополями, ивами, джидою и шелковицею»²¹. В Турфанском оазисе воду добывали с большой глубины посредством особых гидротехнических сооружений – кяризов.

Расходовалась вода бережно, но объёмы водозабора, порой, едва не достигали величины речного стока. Реки мелели, зарастали, исчезали в песках, сокращались площади питаемых ими озёр, на больших территориях изменялась гидрология и, соответственно, дикая флора и фауна.

Землю удобряли почвой, добытой из-под пахотного слоя или с целины, и глиной, выломанной из старых глинобитных постро-

²¹ *Пржевальский Н.М.* Четвёртое путешествие по Центральной Азии. От Кяхты на истоки Жёлтой реки... С. 388–389.

ек, иногда разрушая с этой целью останки древних городов²². Применялся также навоз, городские нечистоты и скапливающаяся в арыках грязь²³. Чтобы защитить почву от выдувания зимними ветрами и сохранить в ней влагу, поля в некоторых местностях затопляли поздней осенью водой. Под слоем льда лёгкие лёссовые частицы были надёжно укрыты до весны, а запасённой влаги могло хватить надолго²⁴. Впрочем, это объяснение имени того путешественника могло быть не единственно верным. Таким способом земледельцы могли также бороться с засолением почв. Вспаханное и засеянное поле устилали камнями величиной с кулак, чтобы не дать воде испаряться быстро²⁵.

Оазисы могли существовать не только за счёт земледелия, но и торговли, и служить «узлами» антропогеоценозов, через которые протекают, перекрещиваясь, сливаясь, разделяясь и преобразываясь, мощные потоки вещества и энергии. Поэтому состоянием природы иногда можно было пренебречь, её эксплуатация достигала возможных пределов, а грязь центральноазиатских городов поражала воображение. Вот какую зарисовку сделал В.И. Роборовский на улицах г. Люкчун: «Улицы города узки, грязны и вонючи, ибо все отбросы и нечистоты выбрасываются и выливаются прямо на улицу. К тому же здесь, как в стране магометанской, нет санитаров китайских городов – свиней, единственных блюстителей чистоты в Китае. Есть, правда, вороны, но нечистот столько, что одним воронам не под силу с ними справиться. Для приезжих из степи зловоние города невыносимо, и многие стараются остановиться не в городе, а где-либо у знакомых в ближайшей деревне»²⁶.

²² *Грум-Гржимайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай. С. 393; Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершённой в 1893–1895 гг. под начальством В.И. Роборовского. Отчёт начальника экспедиции *В.И. Роборовского*. Ч. I. С. 154, 206–207.

²³ *Певцов М.В.* Путешествия по Восточному Туркестану, Кун-луню... С. 115, 148.

²⁴ Там же. С. 323.

²⁵ *Козлов П.К.* Монголия и Амдо... С. 328; *Обручев В.А.* От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М., 1956. С. 97.

²⁶ Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершённой в 1893–1895 гг. под начальством В.И. Роборовского Ч. I. Отчёт начальника экспедиции *В.И. Роборовского*. С. 510.

Кочевая цивилизация Центральной Азии была ориентирована на сохранение ландшафтов в относительно первозданном состоянии. Прежде всего, просто потому, что у скотовода-кочевника не было необходимости что-либо переустраивать в природе. Основное средство производства – трава – отрастает сама. Не меняя почти ничего на месте своей стоянки, кочевник меняет сами стоянки, т. е. не направляет поток ресурсов на себя, а сам находится в постоянном движении в поисках ресурсов. В засушливых областях энергозатраты на перекочёвки существенно меньше, чем на окультуривание ландшафта.

Вместе с тем, говоря о достаточно высокой «экологичности» кочевого скотоводства степей, а равно и о суеверном отношении кочевников Центральной Азии к земле и водным источникам, нельзя забывать, что скот для кочевника представляет гораздо бóльшую ценность, чем чистота и сохранность окружающей среды. Так, близ г. Гучэна в Южной Джунгарии Г.Г. Грумм-Гржимайло наблюдал следующую картину: «Ключевых балок здесь также немало, но днища их давно загажены и вытоптаны скотом, а самые ключи до такой степени загрязнены и забиты, что еле-еле сочатся, превращая ближайшие участки земли в липкие и отвратительные, зловонные массы грязи»²⁷. Сходную зарисовку сделал также П.К. Козлов недалеко от Урги²⁸.

В отличие от монголов, кочующих отдельными семьями, кочевья киргизов состояли из нескольких десятков юрт и создавали катастрофическую пастбищную нагрузку. «Те места, с которых укочевали киргизы, выедены словно саранчою», – писал о них Н.М. Пржевальский²⁹. Снова повстречав киргизские кочевья в долине реки Урунгу на севере Джунгарии во время Третьей Центральноазиатской экспедиции, он описал их в более густых красках: «Вёрст за полтора ста зимовые кочевья киргизов встречались чуть не на каждом шагу. На всём вышеозначенном пространстве положительно не было одной квадратной сажени уцелевшей травы; тростник и молодой тальник также были съедены

²⁷ *Грум-Гржимайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай. С. 125.

²⁸ *Козлов П.К.* Монголия и Амдо... С. 634.

²⁹ *Пржевальский Н.М.* От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор. М., 1947. С. 108.

дочиста. Мало того, киргизы обрубили сучья всех решительно тополей, растущих рощами по берегу Урунгу. Множество самых этих деревьев также было повалено; кора их шла на корм баранов, а нарубленными со стволов щепками кормились коровы и лошади. От подобной пищи скот издыхал во множестве, в особенности бараны, которые возле стойбищ валялись целыми десятками. Даже многочисленные волки не могли поедать такого количества дохлятины, она гнила и наполняла заразою окрестный воздух. Притом помёт тысячных стад чуть не сплошную массой лежал по всей долине средней Урунгу. Грустный вид представляла эта местность, довольно унылая и сама по себе. Словно пронеслась здесь туча саранчи; даже нечто худшее, чем саранча. Та съела бы траву и листья; на Урунгу же не были пощажены даже деревья. Их обезображенные стволы торчали по берегу реки как вкопанные столбы; внизу же везде валялись груды обглоданных сучьев. Местность обезображена была на многие годы»³⁰.

Важным средством существования жителей Северо-Западно-го Китая была охота, хотя среди китайцев охотники были редким исключением³¹. Будучи вовлечённым в активный товарообмен, население добывало зверя и птицу не только для себя; товарно-денежные отношения стимулировали промысел, и дикая фауна терпела значительный урон.

Г.Е. Грумм-Гржимайло отмечал «систематическое избиение маралов» на северных склонах Тянь-Шаня³². Молодые рога марала отправляли во внутренние районы Китая, где из них готовили лекарство. Потребность в пантах была очень большая, поэтому марал преследовался каждую весну «от Туркестана до Японского моря»³³. Сайгу в Джунгарии истребляли «беспощадно»³⁴. В пустынных местностях охотились за диким верблюдом, который

³⁰ Пржевальский Н.М. Третье путешествие по Центральной Азии. Из Зайсана через Хами... С. 21.

³¹ Обручев В.А. От Кяхты до Кульджи... С. 222.

³² Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. С. 67.

³³ Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершённой в 1893–1895 гг. под начальством В.И. Роборовского. Отчёт помощника начальника экспедиции П.К. Козлова. Ч. II. С. 13.

³⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. С. 161.

к тому времени уже встречался редко. Голубой, или ушастый фазан (*Crossoptilon auritum*) истреблялся из-за длинных хвостовых перьев, шедших на оформление шляп китайских чиновников³⁵. Монголы Тянь-Шаня, халхасцы по происхождению, ставили повсюду ловушки на волка³⁶, что не типично для большинства монголов из-за бытующей среди них легенды, зафиксированной ещё в «Сокровенном сказании», согласно которой род Чингис-хана вёл своё происхождение от волка и лани. На этом основании оба животных, как тотемы, перестали преследоваться, причём запретил охотиться на них якобы сам Чингис-хан³⁷. У цайдамских монголов медведь назывался «божьей собакой», считался священным, и охота на него не допускалась. Этого взгляда придерживались также тангуты³⁸.

Рыбной ловлей занималось на реках и озёрах как китайское, так и мусульманское население Восточного Туркестана, использовавшее удочки, остроги, сети. В ряде мест рыбу промыслили монголы. На Баграш-куле местные калмыки прежде никогда не ловили и не ели рыбы, но, потеряв много скота из-за дунганского восстания, занялись рыболовством. Рыбу били острой или забрасывали удочки с насаженной живой или мёртвой рыбой в качестве приманки³⁹. Рыбачили монголы и на Куку-норе, где хара-тангуты иногда покупали или отнимали у них рыбу после разбоев и отпускали её обратно в озеро⁴⁰. Делали они это исходя из постулатов буддийской этики, полагая, что приобретают тем самым религиозную заслугу.

³⁵ Козлов П.К. Монголия и Амдо... С. 207.

³⁶ Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершённой в 1893–1895 гг. под начальством В.И. Роборовского. Отчёт помощника начальника экспедиции П.К. Козлова. Ч. II. С. 147.

³⁷ Лубсан Данзан. Алтан тобчи / Пер., введ., коммент. и прилож. Н.П. Шатиной. М., 1973. С. 236.

³⁸ Пржевальский Н.М. Четвёртое путешествие по Центральной Азии. От Кяхты на истоки Жёлтой реки... С. 167; Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершённой в 1893–1895 гг. под начальством В.И. Роборовского. Отчёт помощника начальника экспедиции П.К. Козлова. Ч. II. С. 146.

³⁹ Роборовский В.И., Козлов П.К. Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции... С. 112.

⁴⁰ Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. М., 1946. С. 238.

Практиковалось создание искусственных озёр по течению Яркенд-дарьи и Черчен-дарьи. Благодаря большой массе влекомых течением и постепенно оседающих на дно лёссовых частиц, русла рек поднимались несколько выше окружающей местности, и вода текла в нерукотворных дамбах. Местное население разрушало эти дамбы в определённых местах, вода затопляла окрестности, образуя озёра, в которых из-за их мелководности хорошо росла рыба, и её легко было ловить. Периодически воду «освежали», пуская новые порции из реки. Постепенно озёра зарастали тростником, который шёл на корм скоту и для постройки жилищ (*самма*), и пересыхали. По мнению Н.М. Пржевальского, западная половина озера Лоб-нор представляла собой болото, созданное людьми, которые прорыли сеть каналов для рыбной ловли⁴¹. Черченцы добывали рыбу на озере Балык-куль посредством отравы⁴². То же происходило на Яркенд-дарье; яд ввозился из Индии⁴³.

Исторический опыт природопользования в значительной мере предопределял выбор новых мест при миграциях. Осваивая привычные типы ландшафтов, различные народы могли снижать остроту конкуренции за ресурсы среды или совсем её избегать. В горных районах номады заселяли склоны, тогда как в долинах обитали земледельцы. Монголы выбирали при кочёвках сухие степи, а тангуты, напротив, предпочитали влажные места⁴⁴; так формировалась естественная граница монгольских и тангутских кочевий. Происходивший товарообмен связывал локальные антропогеоценозы (человеческие коллективы в совокупности с эксплуатируемыми ими территориями), специализирующиеся на каком-либо способе существования, в более крупные общности. Часть антропогеоценозов была преимущественно производящей (оазисы Восточного Туркестана, долины Южного Тибета, степи Джунгарии), часть – потребляющей (некоторые кочевья тангутов).

⁴¹ Пржевальский Н.М. Четвёртое путешествие по Центральной Азии. От Кяхты на истоки Жёлтой реки... С. 292.

⁴² Там же. С. 361.

⁴³ Певцов М.В. Путешествия по Восточному Туркестану, Кун-луню... Ч. I. С. 72.

⁴⁴ Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. С. 225.

Грабёж, бывший одним из важных способов существования тангутов, может быть интерпретирован в свете экологии как обеспечение притока в антропогеоценозы недостающей энергии в виде скота, пищи, а также их эквивалента – денег, серебра и пр. Климат тибетских плоскогорий очень суров, экосистемы крайне малопродуктивны и, очевидно, не могут предоставить населению достаточное количество калорий, поэтому у этих людей выработался особый механизм жизнеобеспечения – грабежи межплеменные и проходящих караванов. Тот факт, что сами тангуты исповедовали буддизм и отличались изрядной набожностью в повседневной жизни, не мешал им обирать идущих в Лхасу или обратно паломников и даже убивать их. Полагают, что аналогичной причиной была вызвана воинственность арабских племён⁴⁵.

Сосуществование в Восточном Туркестане интенсивного и экстенсивного подходов к эксплуатации природных ресурсов вполне закономерно, учитывая специфику природных условий оазисов, степей и пустынь. Каждому подходу соответствовала своя идеология – от ленивой созерцательности принявшего буддизм шаманиста-кочевника до активной, наступательной позиции мусульманских и китайских земледельцев. В целом, коренное мусульманское население Северо-Западного Китая оказывало сильное, но локальное влияние на окружающую среду; китайское – не менее сильное и при этом гораздо более широкое; кочевники – обычно умеренное и относительно широкое. Масштабы и глубина воздействия на природу определялись как принятыми способами жизнеобеспечения, так и господствующей в обществе идеологией и религиозными взглядами. Китайская цивилизация взрастила человека – активного преобразователя природы, чья энергия иногда принимала деструктивный характер и выливалась в разграбление природных ресурсов. Ислам, как и христианство, тоже оставившее свой след в Центральной Азии, поощрял своих последователей распоряжаться земными благами и перестраивать окружающую среду в интересах людей. Буддизма придерживались, главным образом, кочевники: мон-

⁴⁵ Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам. Очерки истории (600–1258). М., 1988. С. 19.

гольские, тибетские и тангутские племена. Однако, приняв учение Будды, они не отбросили прежние анимистические верования, продолжали наделять сознанием горы и реки, и тем самым в ряде случаев (но отнюдь не всегда!) гарантировали их неприкосновенность. Имена племенных божеств заменялись именами буддийских «защитников учения», слагались новые легенды, а природа оставалась слабо изменённой в течение веков. Но в любом случае, интересы выживания вносили серьёзные коррективы в отвлечённые философские конструкции, и поэтому традиционное природопользование различных населявших Северо-Западный Китай народов, несло в себе как «экофильные», так и «экофобные» черты. При этом можно утверждать, что коренное население, окультуривавшее природу оазисов в течение веков и даже тысячелетий, достаточно давно достигло динамического равновесия с натуральными ресурсами, и такая система «человек – природа» могла пребывать в состоянии гомеостаза до тех пор, пока, либо в силу естественных причин не изменялись природные условия, либо не появлялись пришельцы с чуждыми природе края подходами к эксплуатации ресурсов.

Литература

Богданович К.И. Геологические исследования в Восточном Туркестане // Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М.В. Певцова. Ч. II. СПб., 1892.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура / Под ред. *Б.А. Литвинского*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1995.

Восточный Туркестан. Кашгария / Сост. генерального штаба полковник *Ласточкин*. Ташкент, 1911.

Грум-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. М.: Гос. Изд-во Географической лит-ры, 1948.

Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам. Очерки истории (600–1258). М.: Наука, 1988.

Козлов В.И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994.

Козлов П.К. Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото. М.; Пг., 1923.

Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.

Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.

Лубсан Данзан. Алтан тобчи / Пер., введ., коммент. и прилож. *Н.П. Шастиной.* М., 1973.

Обручев В.А. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М., 1956.

Певцов М.В. Путешествия по Восточному Туркестану, Кунлуню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889–1890 гг. // Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М.В. Певцова. Ч. I. СПб., 1895.

Позднеев А. Монголия и монголы. Т. II. СПб., 1898.

Потанин Г.Н. Тангуто-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 1. СПб., 1893.

Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. М., 1946.

Пржевальский Н.М. От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор. М., 1947.

Пржевальский Н.М. Третье путешествие по Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. СПб., 1883.

Пржевальский Н.М. Четвёртое путешествие по Центральной Азии. От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888.

Роборовский В.И., Козлов П.К. Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции // Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М.В. Певцова. Ч. III. СПб., 1896.

Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершённой в 1893–1895 гг. под начальством *В.И. Роборовского.* Ч. I. Отчёт начальника экспедиции *В.И. Роборовского.* СПб., 1900–1901.

Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершённой в 1893–1895 гг. под начальством *В.И. Роборовского.* Ч. II. Отчёт помощника начальника экспедиции *П.К. Козлова.* СПб., 1899.

**The Ethnical Ecology of North-Western China
(on the Materials of Russian Travelers at the turn of the 20th
Century)**

Yu.I. Drobyshev, P.D. Gunin

Institute of Ecology and Evolution, RAS

The article shows a variety of approaches to nature management of different ethnoses in North-Western China as they were observed by famous Russian travelers. In general, the indigenous Muslim population had strong, but local influence on the environment; Chinese – not less powerful and much broader; nomads – usually moderate and relatively widespread.

М.В. Мандрик
СПФ АРАН

К биографии исследователя Центральной Азии геолога И.П. Рачковского¹

Для того чтобы понять эпоху, недостаточно знать, какие идеи владели умами, главное – найти в историческом отрезке времени те имена, которые составили её идейное и практическое наследие. В истории науки много забытых имён, есть имена, которые встречаются в анналах, но какая судьба скрывается за сухими справочными данными – неизвестно. Такова участь большинства учёных, посвятивших свою жизнь научному поприщу. Среди таких малоизвестных «солдат» науки затерялось и имя Ивана Петровича Рачковского – геолога, специализировавшегося на изучении Центральной Азии, одного из активных сотрудников Монгольской комиссии Академии наук СССР (с 1925 г.) и Учёного комитета Монгольской Народной Республики (с 1935 г.). В истории развития российско-монгольских отношений его деятельность освещена недостаточно подробно, несмотря на значительный вклад, который он внёс в изучение геологии России и Монголии.

Информации о жизни и деятельности И.П. Рачковского в некоторые периоды его жизни почти нет, документы Монгольской комиссии, Ф. 339, хранящиеся в СПФ АРАН также мало освещают его биографию. При написании статьи часть сведений по истории семьи Рачковских была получена от дочери учёного – Екатерины Ивановны Рачковской.

И.П. Рачковский происходил из сибирского рода: его дед Иоанн Матвеевич был протоиереем Воскресенского собора Красноярска, известным в крае проповедником «слова Божия» Иоанном, состоял он и гласным Красноярской городской управы².

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 12-06-00005а.

² Очарованные камнем // Красноярский рабочий. 16 ноября 2001: http://www.krasrab.com/archive/2001/11/16/16/view_article (Дата обращения 17.09.2013); о И.М. Рачковском см.: *Потанов И.Ф.* Енисейская губерния. История в документах и фотографиях. Красноярск, 2008. С. 235–236.

Его отец, статский советник Пётр Иванович Рачковский, провёл восемь лет в Петербурге (с 1870 по 1878 г.), где учился на врача, а затем работал три года в Петербургском окружном военно-медицинском управлении. В 1876 г., видимо, навещая родных в Красноярске, он женился на Екатерине Александровне Шепетковской³ и увёз её в столицу. Там, 25 (13) августа 1878 г. на свет появился их первенец Иван. После его рождения семья прожила в Петербурге до декабря и переехала в родной Красноярск⁴. П.И. Рачковский был хорошо известен в губернии и являлся также инспектором Енисейской губернской управы⁵.

Уже будучи гимназистом Иван Петрович заинтересовался социальными вопросами и стал посещать красноярский рабочий кружок самообразования. Возможно, на такой ранний интерес к социальной проблематике повлияли частые инспекционные поездки с отцом по губернии, в которых юноша воочию столкнулся с трудностями быта простых людей. Вскоре кружок был раскрыт охранкой и гимназисту пришлось, бросив обучение, переехать из родного города к родственникам в Санкт-Петербург, где он и завершил обучение в гимназии Гуревича⁶. По окончании её, в 1900 г. Рачковский поступает на Естественное отделение Физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, который окончил только в 1911 г.

Выбор профессии был им определён давно: ещё в далёком детстве, путешествуя с отцом по губернии, Иван Рачковский был очарован скалами Красноярских Столбов, а затем его интерес к геологии усилило знакомство с основателем Минусинского музея Н.М. Мартьяновым. В его семье молодой Рачковский был частым гостем, так же как и в музее, где он подолгу с интересом рассматривал минералогические коллекции. Здесь он познако-

³ Биографические данные получены от Е.И. Рачковской, дочери геолога; СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 2. Д. 5. Л. 11.

⁴ Из устных воспоминаний Е.И. Рачковской; Санкт-Петербург указан как место рождения так же в одной из анкет И.П. Рачковского (СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 2. Д. 5. Л. 5). В других источниках его называют коренным сибиряком.

⁵ Подробнее о П.И. Рачковском см.: *Потанов И.Ф.* Красноярск. История в документах и фотографиях. Красноярск, 2007. С. 376–377.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 2. Д. 5. Л. 12.

мился с ещё одним любителем минералов и геолого-географических исследований – Д.А. Клеменцем, отбывавшим в Минусинске ссылку, где затем остался на долгое время для изучения Сибири⁷.

Ещё в студенческие годы, с 1903 г., Рачковский начинает ездить в научные экспедиции. Первым пунктом стала область Засаянского Енисея в Урянхайском крае (Тува), куда Рачковский был командирован Российским Минералогическим обществом. Это была первая рекогносцировка, положившая начало работам, в которых Рачковский в дальнейшем принимал участие в течение многих лет. Однако так хорошо начавшееся обучение было прервано революционными событиями 1905 г. В стенах университета Рачковский продолжил участие в антиправительственных кружках, снова сблизился с Д.А. Клеменцем, который в 1902 г. переехал в столицу и работал хранителем Этнографического отдела Русского музея. По воспоминаниям Е.И. Рачковской, её отец возглавил «революционную дружину Петербургского района». Его арестовали и приговорили к трём годам, вначале посадили в Петропавловскую крепость, позже – перевели в печально известную тюрьму «Кресты». Обстановка там была напряжённой. Молодой революционер чем-то не понравился местным уголовникам и его попытались убить. Рачковского спасло стечение обстоятельств – с ним в камере сидел литовец, внешне на него похожий, он и оказался случайной жертвой преступников. Не совсем понятно, где Рачковский познакомился с будущей женой, но, находясь в доме предварительного заключения, 29 октября 1906 г. он женился на потомственной дворянке Эмилии Владиславовне (Фелициановне) Завадской (или Завадской)⁸. С 1908 г., вернувшись после заключения к учёбе, Рачковский одновременно начал работать в структуре Академии наук, в штате Геологического и Минералогического музея, в должности учёного хранителя.

В первых экспедициях в Енисейскую и Томскую губернии, а также в Урянхайский край геолог занимался преимущественно

⁷ <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Klements.html> (Дата обращения 6.10.2013).

⁸ СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 2. Д. 5. Л. 21.

петрографией, но впоследствии заинтересовался и общегеологическими исследованиями. Его научная деятельность началась с изучения щелочных магматических пород восточного склона хребта Кузнецкого Алатау (Красноярский край). Работы велись в течение летних сезонов 1909, 1912, 1913 гг. по поручению Минералогического общества и привели к открытию значительной площади нефелиновых щелочных пород, до этого неизвестных в Сибири. В 1912 г., в связи с начатым петрографическим изучением и описанием этих пород, Рачковскому для ознакомления с новейшими достижениями в области методики оптических исследований пришлось побывать в главных центрах развития петрографической мысли того времени – Вене и Гейдельберге.

Всё началось с обнаружения Рачковским в Геологическом музее образца породы из Минусинского музея – тешенита. Нельзя исключать счастливой случайности: камень мог заинтересовать его именно потому, что был ранее в коллекции любимого с детства музея. В 1909 г. студент-геолог выехал на место обнаружения образца, нашёл много других разновидностей щелочных пород и встретил целую гору, сложенную из тешенита. По составу и происхождению тешениты бывают близки нефелинсодержащим породам. Эту близость Рачковскому удалось проследить на месте. Следы нефелинов привели его к восточному склону Кузнецкого Алатау. Он решил подробнее изучить этот регион и выяснил, что характерной особенностью пород этого края является массовое присутствие в них нефелина, это и позволило впоследствии создать здесь крупнейший промышленный алюминиевый комплекс. На всех отчётах по изучению Красноярского края, связанных с нефелиновыми рудами – сырьём для получения «крылатого металла» – стояло имя И.П. Рачковского. Уже в советское время академик А.Е. Ферсман, говоря о месторождениях нефелинов в СССР отмечал, что «третий район после Хибин и Ильменьских гор намечается в Енисейском крае, где И.П. Рачковским была выявлена целая нефелиновая щелочная провинция»⁹. Всё, что связано с сырьевой базой сибирского алюминия, прямо или косвенно относится к Рачковскому. Его имя

⁹ СПФ АРАН. Ф. 339. Д. 109. Л. 1.

числилось одним из первых при создании Красноярского алюминиевого комплекса на базе горы Горячей, при открытии богатого по содержанию месторождения нефелина в Кия-Шалтыре (обследовал ещё в 1913 г., хотя даже в советское время эти места считались труднопроходимыми). Учёный обладал каким-то особым чутьём на нефелин, хотя в то время он ещё не применялся в качестве руды для алюминия¹⁰.

Однако получить повышение по должности было куда сложнее, чем получить командировку для научной работы. 18 марта 1915 г. Рачковского назначили старшим учёным хранителем музея¹¹, но Министерство народного просвещения 3 июня отказало Академии наук в ходатайстве перевести его с должности младшего хранителя на должность старшего, так как «он не имеет соответствующих сей должности чина и т. к. <...> означенная должность не относится к числу тех должностей, которые могли бы быть замещаемы лицами, состоящими в чинах более чем двумя классами ниже оных или вовсе чинов не имеющих»¹². В защиту молодого учёного выступили академики В.И. Вернадский и Н.И. Андрусов: 19 сентября 1915 г. они обратились в правление Академии, приведя примеры с утверждением хранителями Музея А.Е. Ферсмана и В.И. Крыжановского, также не имеющих подходящего чина, но утверждённых в должности после специального обращения Правления Академии наук в Министерство¹³. Правление 13 октября сделало такой запрос, уточнив, что должность старшего учёного хранителя Геологического и Минералогического музея, на которую Конференцией Академии наук был избран Рачковский, – носит чисто учёный характер. Главные обязанности, сопряжённые с этою должностью, – регистрация, содержание в систематическом порядке и научное описание коллекций соответствующих отделов Музея. Правление особо отметило, что необходимые для этой работы знания и подготовка стоят «вне всякой зависимости от условий чиновпроизводства»¹⁴.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 2 об.

¹² Там же. Л. 38.

¹³ СПФ АРАН. Ф. 339. Д. 5. Л. 39.

¹⁴ Там же. Л. 42–42 об., 43.

Дирекция музея и Конференция Академии наук остановили свой выбор на Рачковском потому, что вся его предшествовавшая учёная деятельность давала полное основание считать его вполне заслуживающим этого назначения¹⁵. После ряда согласований, 24 ноября 1915 г. Николай II разрешил назначение «в изъятие из правил»¹⁶.

С 1915 г. Рачковский ежегодно начал выезжать в экспедиции в Монголию, геология которой очень его заинтересовала, в первую очередь, своей неизученностью. Экспедиции он не прекратил и в бурные 1917–1919 гг. Так, например, с мая по октябрь 1917 г. Конференция Академии наук командировала его в Урянхайский край¹⁷. В 1918 г. его командировали в Туву для продолжения геологических исследований, там он провёл около двух лет, возвратившись в Петроград в конце 1920 г.

В 1921 г. Рачковского командировали в Томск и Красноярск для руководства работами по обработке и вывозу в Петроград геологического материала, собранного Урянхайскими геологическими партиями, а на следующий год уже назначили начальником Монгольско-Урянхайской экспедиции, руководство которой он осуществлял до 1934 г. Ещё ранее, видимо, в 1918 г., при посещении Томска Рачковский познакомился с З.А. Лебедевой – подающим надежды молодым геологом. Весьма вероятно, что возникшие между ними профессиональные отношения и личная симпатия, способствовали переезду Лебедевой в Петроград, где она начинает принимать активное участие в экспедициях Рачковского в Монголию. Эта встреча положила начало многолетней дружбе и научному сотрудничеству двух геологов.

О Зое Алексеевне Лебедевой (1893–1975) необходимо сказать несколько слов, т. к. её имя так же незаслуженно забыто, несмотря на значительный вклад в развитие геологической науки в СССР. Её называют одной из первых советских женщин-геологов, посвятивших себя полевой экспедиционной работе,

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 47.

¹⁷ Там же. Л. 3.

которая почти всегда осуществлялась в условиях труднодоступных горно-таежных районов Южно-Сибирской окраины Союза и в районах Центральной Азии. Лебедева начала свою деятельность в 1915 г. ассистенткой на Сибирских высших женских курсах, в 1919 г. – перешла на должность ассистента в Томский государственный университет, по совместительству занимаясь полевыми работами в экспедициях Сибирского отделения Геологического комитета. С 1921 г. Лебедева становится научным сотрудником Геологического музея Академии наук, в 1930 г. её переводят на должность геолога в Геологическом институте. В 1937 г. она становится старшим научным сотрудником Монгольской комиссии АН СССР, постоянно работает в составе Геологического отряда экспедиций в качестве начальника партии, в том числе с неоднократными зимовками на месте работ. Ей поручались задания, связанные со специальными поисками полезных ископаемых или выяснением различных вопросов геологического строения отдельных, наиболее интересных участков Монголии.

В 1920-е гг. Рачковский сосредотачивает своё внимание на изучении геологии северной окраины Центральной Азии. В поле его исследований оказались Монголия, Тува и сопредельные территории южно-сибирских окраин России. 18 июля 1922 г. его назначили начальником Монголо-Урянхайской экспедиции и командировали в Урянхайский край и Монголию для продолжения геологических исследований и выполнения порученных ему работ с 15 июля 1922 г. по 1 января 1924 г.¹⁸ В Россию Рачковский вернулся только 28 января 1924 г.¹⁹ Планомерное изучение региона удалось осуществить с помощью учреждённой в 1925 г. при Совете Народных Комиссаров СССР постоянной Комиссии по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. С момента возникновения комиссии Рачковский активно участвовал в её работе, оставаясь при этом сотрудником Геологического музея²⁰.

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 339. Д. 5. Л. 68.

¹⁹ Там же. Л. 69.

²⁰ См.: Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб., 2006.

С 1926 г. Рачковского стали командировать в Москву по делам Монгольской экспедиции и Монгольской комиссии. Эта работа полностью его захватила, о чём, к примеру, свидетельствует одна из сохранившихся служебных записок. В ней Рачковский просит командировать его за свой счёт в Москву в марте 1926 г. по делам Монгольской экспедиции и комиссии (видимо, в связи с какими-то финансовыми трудностями в Академии наук)²¹. Такое отношение к любимому делу характеризует его не только как личность, преданную своей профессии, но и как романтическую натуру, не чуждую философии подвижничества.

13 декабря этого же года Рачковский был послан Академией наук в Москву для передачи Монгольскому представительству рельефной карты Северо-Западной Монголии, посылаемой в дар Учёному комитету Монголии²². Этот год ознаменовался для него и переменами в личной жизни: он женился на своей коллеге Платониде Петровне Сизовой (1890–1951), сотруднице Геологического музея Академии наук, участнице Монголо-Урянхайской экспедиции (1922–1924). В 1927 г. у них родилась дочь Екатерина²³. Её детство проходило в экспедициях, в которых постоянно участвовали родители. Среди сохранившихся в фонде 339 (оп. 5) фотографий часто можно увидеть маленькую девочку на фоне монгольских степей и рек.

В 1927 г. Монгольская комиссия СНК СССР перешла в ведение АН СССР и Рачковский становится её учёным секретарем. Он продолжает ежегодно с весны до осени ездить в экспедиции. В 1928 г. его уже назначают руководителем геологического отряда Монгольской экспедиции. В марте этого же года Рачковский становится делегатом 3-го Всесоюзного геологического съезда в Ташкенте.

С 8 по 17 июня 1929 г. при активном участии Рачковского был разработан и заключён первый официальный договор между АН

²¹ СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 2. Д. 5. Л. 72.

²² Там же. Л. 78.

²³ Екатерина Ивановна Рачковская – доктор биологических наук, всю жизнь посвятила науке, так же, как и её отец, 20 лет проработала в составе Советско-Монгольской экспедиции. До начала 1980-х гг. была сотрудником Ленинградского Ботанического института им. В.Л. Комарова, позже (в связи с замужеством и переездом) – заведующей лабораторией фитозоологического картографирования Института ботаники Казахстана. В настоящее время проживает в Алма-Ате.

СССР и Учёным комитетом МНР о проведении пятилетнего плана работ по изучению Монголии²⁴. Геологический отряд должен был дать общую ориентировку в отношении основных черт геологического строения территории Монголии. Это явилось бы продолжением работ экспедиций 1923 г. и 1925–1926 гг. в Западную Монголию. Для выполнения этого плана, охватывающего как научные проблемы, так и многие стороны хозяйственной жизни молодого государства, Рачковский проводил значительную организационную работу в Ленинграде и Улан-Баторе.

С 1930 г. география работ экспедиции стала выходить за пределы Западной Монголии. В период с 1931 по 1933 г. Рачковский со своими коллегами составил сводную схематическую геологическую карту МНР, обобщившую все имевшиеся к тому времени данные по исследованию геологии страны, а также карту полезных ископаемых с текстовыми разъяснениями. В 1930 г. его коллега Лебедева изучала образцы минералов в министерстве торговли и промышленности МНР, которые хранились у советника министерства Россалимо, и обратила внимание на кусок кварца, включающий неизвестный минерал, зелёная окраска продуктов разложения которого отличалась по тону от окраски, обычно даваемой медистыми соединениями. Выяснилось, что образец попал в коллекцию от охотника, имя которого было известно, и это позволило выйти на местонахождение камня. В образце Рачковский нашел сульфосоли меди, которые обычно связаны с высокими концентрациями цинка, сурьмы, ртути и, возможно, иных металлов. Эти породы Геологическая экспедиция Монгольской комиссии (Северная группа) искала в районе Дархатской котловины. Обнаружили залежи, но необходимо было более детальное исследование, чему воспрепятствовала наступившая зима. В рукописном отчёте Рачковский писал, что в 1931 г. поехали туда, как только получили образец, спешка была вызвана тем, что найденный в образце минерал сульванит по составу оказался близким сульваниту из одного известного месторождения ванадия в Америке. Поэтому Дархаты сразу же включили в план поездок на 1931 г. и Рачковский специально ездил в Москву на встречу с

²⁴ СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 2. Д. 5. Л. 86.

Г.К. Орджоникидзе, который разрешил эту внеплановую поездку²⁵. В экспедицию выехали в августе 1931 г., по ряду причин задержались и мало что успели (во время одной из остановок утонул шофёр, никто больше машину не водил, попробовали дойти пешком, но не вышло и т. п.). Поездки в Дархаты проходили до 1933 г.²⁶

В 1933 г. удалось проложить геологический профиль через Монгольскую Народную Республику в меридиональном направлении от Дархатского района Прикосоголья через магистральный Хангайский хребет до Гобийского Алтая (хребет Ихэ-Богдо). В течение зимних периодов (1931–1933 гг.) Рачковским и его сотрудниками была составлена первая сводная геологическая карта МНР в масштабе 1:2 000 000. Она обобщила все известные к тому времени данные по геологии Монголии. В 1935 г. Рачковского избрали действительным членом Учёного комитета Монгольской Народной Республики.

За десять лет геологического изучения территории Монголии (1923–1933) под руководством Рачковского публиковались (в основном в изданиях Монгольской комиссии АН СССР) работы сотрудников геологического отряда и различных специалистов, обрабатывающих собранный экспедициями обширный палеонтологический, палеофитологический и петрографический материал²⁷. Часть работ по отдельным вопросам и отдель-

²⁵ Серго Орджоникидзе с 10 ноября 1930 г. возглавил ВСНХ СССР и в его подчинении находилась практически вся промышленность СССР. 5 января 1932 г. ВСНХ разделили на несколько наркоматов и в ведении Оржоникидзе осталась тяжёлая промышленность (Серго Орджоникидзе. Биографический указатель // http://hrono.ru/biograf/bio_o/orzonikidze.php Дата обращения 15.09.2013).

²⁶ СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 5. Д. 107. Дальнейшие события с изучением этого района автором статьи пока не изучены. Возможно, они были засекречены.

²⁷ См., напр.: *Рачковский И.П., Лебедева З.А.* Краткий отчёт о результатах работ Геологического отряда экспедиции АН СССР и Научно-исследовательского комитета Монгольской Народной Республики в 1931 году. Л., 1932. – Труды Монгольской комиссии. Вып. 6; *Чернышева Н.Е.* Силурийские и девонские трилобиты Монголии и Тувы: Материалы экспедиции геологического отряда под рук. И.П. Рачковского. Вып. № 4. М.; Л., 1937. – Труды Монгольской комиссии. Вып. 28; *Рябинин В.Н.* Силурийские строматопороидеи Монголии и Тувы: Материалы экспедиции геологического отряда под рук. И.П. Рачковского. Вып. № 7. М.; Л., 1937. – Труды Монгольской комиссии. Вып. 31. и др.

ным месторождениям полезных ископаемых, как не подлежащие опубликованию, были переданы на хранение в АН СССР и Учёный комитет Монголии.

Сам Рачковский только в декабре 1936 г. на основе многочисленных данных, полученных в экспедициях, защитил докторскую диссертацию «Элементы геологического состава и структуры площади Монголии – Тувы и проблема тектогенеза Восточной Азии». В диссертации впервые давалась характеристика элементов геологического состава на обширной площади Монголии и Тувы, подводились итоги полевых наблюдений в области стратиграфии, тектоники и вулканизма. Диссертация была успешно защищена в Москве в Институте геологии Академии наук СССР. Оппонентами выступили академик В.А. Обручев и доктор геологических наук А.Н. Чураков.

В начале войны учёный находился в Ленинграде и позднее, в 1945 г., был награждён Медалью за оборону города. 17 декабря 1941 г. Рачковского вместе с семьёй эвакуировали «по брони» из блокированного города²⁸. Во время перелёта самолёт подвергся сильному обстрелу и чудом уцелел. Пунктом назначения эвакуированных был Свердловск, где находилась часть академических институтов. Рачковских на время поселили в квартиру В.Л. Комарова, президента Академии наук. Затем семья разделилась и П.П. Сизова с дочерью уехала в Томск к сестре²⁹, а Рачковский некоторое время ещё оставался в Свердловске, а потом переехал оттуда в г. Пржевальск (Киргизия). Летом 1942 г. к нему присоединилась семья. В Пржевальске учёный преподавал в Педагогическом институте: читал курс лекций «Динамическая геология» и вёл геологическую практику. К окончанию войны институт перевели во Фрунзе, где, по другим сведениям, он преподавал в Киргизском государственном университете. В Пржевальск перебралась и Лебедева, которую вместе с приёмной дочерью по «Дороге жизни» вывезли из Ленинграда³⁰.

По просьбе В.Л. Комарова в 1944 г. Рачковский начинает активную деятельность по воссозданию работы Монгольской ко-

²⁸ Из устных воспоминаний Е.И. Рачковской.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

миссии АН СССР. В 1946 г. его включили в состав делегации, которая по приглашению правительства МНР и в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 7 июля 1946 г. принимала участие в праздновании 25-летия Монгольской народной революции³¹.

В конце 1940-х гг. Рачковский, будучи заместителем председателя Монгольской комиссии, вместе с З.А. Лебедевой методично занимался обработкой материалов, полученных ими за два десятилетия экспедиций, в частности, составлял очерк по геологии и геоморфологии северо-восточной части Кобдосского нагорья Западной Монголии³². С 1948 г. вместе с Лебедевой, кроме административной работы по должности заместителя председателя Монгольской комиссии, вёл работу по составлению очерка «Материалы к геологии Западной Монголии», представляющего сводку результатов маршрутных геологических исследований экспедиций АН СССР, с использованием материалов Учёного комитета МНР и опубликованных данных экспедиций Русского географического общества и др. (в одном из отчётов указывалось, что очерк составляет около 15 листов и скоро будет сдан в печать³³). В эту сводку вошло геологическое описание (составляющее первую часть названной работы) следующих районов: северной и центральной части Кобдосского нагорья с прилегающими участками северного склона Монгольского Алтая, западной окраины области озёрных котловин, а также её восточной части (массив Хасакут-хайрхан). Кроме того, приводилось описание разреза Хангайского нагорья по меридиану – озеро Хубсугул – озеро Орок-нор по данным геологических маршрутов 1932–1933 гг. Для площади Кобдосского нагорья и западной окраины области озёрных котловин Рачковский и Лебедева со-

³¹ В дополнительных поступлениях к фонду 339 «Монгольская комиссия» (Оп. 5. Д. 120–121), принадлежащих И.П. Рачковскому и З.А. Лебедевой, сохранились 2 альбома (191 фото), отражающих это событие.

³² *Рачковский И.П., Лебедева З.А.* Краткий отчёт о результатах работ Геологического отряда экспедиции АН СССР и Научно-исследовательского комитета Монгольской Народной Республики в 1931 году. Л., 1932. С. 6. – Труды Монгольской комиссии. 1932. Вып. 6.

³³ СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 2. Д. 4. Л. 3 об.

ставили и подготовили к печати схематическую геологическую карту в масштабе 1:1 000 000³⁴. Рачковский разрабатывал также вопросы, касающиеся геотектонического процесса и генезиса структур, выделенные им в отдельное исследование «К проблеме развития структур Западной Монголии». Лебедева одновременно разрабатывала «Основные вопросы геоморфологии Северо-Западной Монголии»³⁵.

В начале «Материалы по геологии Западной Монголии» ограничивались данными маршрутов Геологического отряда экспедиций АН СССР. Однако в ходе работы выявилась целесообразность более широкого освещения площади, что дало возможность подойти к рассмотрению вопросов тектоники и геологической истории всей территории в целом, а также к выяснению генезиса некоторых структур. В связи с тем, что в описание были включены районы, незатронутые маршрутами экспедиции (их характеристика составлялась по литературным данным), намеченная работа по обобщению материала маршрутов экспедиций АН СССР превратилась в сводку данных по геологии всей площади Западной Монголии³⁶. Работа сильно разрасталась и окончательное её оформление (переписка, чертежи, карты) требовало отпуска дополнительных средств, которые в то время не могли быть предоставлены. Кроме того, личные обстоятельства на время помешали продолжению исследования: в 1951 г. умерла П.П. Сизова. Через некоторое время Рачковский женился на З.А. Лебедевой, которая не одно десятилетие являлась ближайшим коллегой и другом семьи.

К сожалению, завершить исследовательскую работу Рачков-

³⁴ Там же. Автору статьи не известно, была ли карта опубликована.

³⁵ Там же. Л. 3.

³⁶ Там же. Л. 4. Для удобства описания вся эта площадь разбита на три, естественно обособляющихся, крупных единицы: 1. Кобдосское нагорье и западная часть Монгольского Алтая. 2. Область западных озёрных котловин и восточная часть Монгольского Алтая. 3. Область нагорий Срединной части МНР, «Долина Озёр» и западная часть Гобийского Алтая. Особенно крупные изменения, в смысле расширения, касались двух последних разделов: вместо описания разреза Хангайского нагорья по меридиану озёр Хубсугул и Орок-нор по данным маршрутных пересечений 1932–1933 гг. (как это предусматривалось планом) давался обзор материала по всей площади Хангайского нагорья и др.

ский не успел. После смерти мужа, которая последовала 22 октября 1961 г.³⁷, З.А. Лебедева обращалась в АН СССР с просьбой разрешить ей работать с его материалами, сданными на хранение как академическая собственность, но, судя по отсутствию публикации, ей не удалось закончить их многолетний труд.

В 2013 г. в СПФА РАН завершили обработку научного архива Рачковского и З.А. Лебедевой. Материалов оказалось не так много – всего 138 дел. Это путевые заметки из Петербурга в Урянхай в 1903 г., записи во время поездки в Урянхай в 1917 г., а также из Элегеста на Цицирган. Сохранились и его дневниковые заметки во время путешествия в район Дархатской котловины, вместе с П.П. Сизовой и З.А. Лебедевой в 1933 г. В хорошем состоянии представлены дневники экспедиций по [Западной] Монголии (10 блокнотов, отдельные листы) за 1928–1933 гг. Незадолго до смерти Рачковский перепечатал свои записи во время поездки Монгольско-Урянхайской экспедиции в 1922 г. «От Ачинска до Минусинка». Среди фотодокументов, попавших в фонд, встречаются и фотографии, сделанные самим Рачковским, и его редкие снимки во время экспедиций, также есть фото, использованные для иллюстраций к его работам, не всегда, к сожалению, указанным. Основной массив документов составляют неизданные статьи и подготовительные материалы – выписки по темам исследования из советских и зарубежных работ, в переводах З.А. Лебедевой. Наследие учёных ждёт своих исследователей, так как их вклад в развитие геологии Монголии и советско-монгольского научного сотрудничества ещё недостаточно изучен и оценён.

Благодарность. Приношу благодарность за помощь при написании статьи Е.И. Рачковской, её дочери Наталии Дмитриевне Токмачевой и Александре Борисовне Ипполитовой, к.и.н., ведущему научному сотруднику Государственного республиканского центра русского фольклора, дальней родственнице Рачковских, изучающей историю семьи.

³⁷ Тихомиров В.В., Бельская Л.Б. Потери науки. И.П. Рачковский // Известия АН СССР. Сер. геологич. 1962. № 6. С. 108–109.

Литература

Потапов И.Ф. Енисейская губерния. История в документах и фотографиях. Красноярск, 2008. С. 235–236.

Потапов И.Ф. Красноярск. История в документах и фотографиях. Красноярск, 2007. С. 376–377.

Рачковский И.П., Лебедева З.А. Краткий отчёт о результатах работ Геологического отряда экспедиции АН СССР и Научно-исследовательского комитета Монгольской Народной Республики в 1931 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – Труды Монгольской комиссии. 1932. Вып. 6.

Тихомиров В.В., Бельская Л.Б. Потери науки. И.П. Рачковский // Известия АН СССР. Сер. геологич. 1962. № 6. С. 108–109.

Юсупова Т.И. Монгольская комиссия. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб.: Нестор-История, 2006. 279 с.

Очарованные камнем // Красноярский рабочий. 16 ноября 2001: http://www.krasrab.com/archive/2001/11/16/16/view_article (Дата обращения 17.09.2013).

<http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Klements.html> (Дата обращения 6.10.2013).

http://hrono.ru/biograf/bio_o/orzonikidze.php (Дата обращения 15.09.2013).

Архивные источники

СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 2. Д. 4.

СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 2. Д. 5.

**To the Biography of the Explorer of Central Asia and Geologist
I.P. Rachkovsky**

M. V. Mandrik

The Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
Branch

The article discusses the life and scientific path of undeservedly forgotten scientist. Due to his geological investigations in the Krasnoyarsky Krai the aluminum industry was created. He was one of the first who in detail studied tectonic structure of Mongolia. I.P. Rachkovsky was a member of the Mongolian Commission of the Academy of Sciences of the USSR and the Scientific Committee of Mongolia, his activities in these institutions contributed to the development of friendly Soviet-Mongolian relations.

Р.Л. Потапов
ЗИН РАН

Роль П.К. Козлова в изучении северо-восточной окраины Тибетского нагорья

Огромная роль, которую сыграли для изучения Центральной Азии исследования П.К. Козлова, общеизвестна. Мировое признание ему принесли открытие и раскопки древнего города Хара-Хото, а также изучение Кама – сложной горной области, в пределах которой проходит юго-восточная граница Центральной Азии. Все эти свершения были выполнены П.К. Козловым в процессе проведения им крупнейших самостоятельных экспедиций – в Кам и в Амдо, соответственно в 1895–1901 и в 1907–1909 гг. Именно результаты этих знаменитых экспедиций поневоле отодвигали на задний план те достижения, которые были получены им ранее. И поэтому автор данной публикации ставит своей задачей осветить ещё один крупный вклад, сделанный П.К. Козловым в дело изучения природы Центральной Азии в самом начале его экспедиционной деятельности – исследования горного массива Наньшань, выполненные совершенно самостоятельно, но в составе экспедиции, которой официально руководил В.И. Роборовский.

Вполне естественно, что прежде, чем встать во главе столь крупных экспедиций, Козлов прошёл великолепную практику как в организации, так и в работе первых экспедиций такого рода под началом и руководством самого Н.М. Пржевальского, в составе его 4-ой Центральноазиатской (2-ой Тибетской) экспедиции (1883–1885), самой эффективной из всех, проводимых им ранее. Напомню, что в течение почти трёхлетней работы эта экспедиция прошла практически весь Куньлунь – северную ограду Тибета, протянувшуюся на 1 800 км, и оконтурировала обширную Цайдамскую впадину на восточной его границе. Сразу же после преждевременной кончины Пржевальского на самом старте его 5-й Центральноазиатской экспедиции, Козлов принимает активное участие в дальнейшей её работе под руководством М.В. Певцова (в 1889–1890), наряду с другим учеником

Пржевальского – В.И. Роборовским. Здесь следует специально отметить, что неожиданная смерть Пржевальского уже никак не могла приостановить ту огромную работу, которую вели ведущие научные учреждения России, и, прежде всего, Русское географическое общество по изучению огромной неизведанной области, прилегающей к южным границам России, которую так эффективно начал и проводил Пржевальский. Дело Пржевальского было решено продолжать. Возглавивший уже подготовленную очередную экспедицию соратник Пржевальского, авторитетный знаток Центральной Азии М.В. Певцов отнюдь не обладал таким уникальным опытом экспедиционных исследований, как Пржевальский. Естественно он изменил (и не только по своей инициативе) задачи будущей экспедиции и, прежде всего, её масштабы, значительно уменьшив районы предполагаемых работ. Они были ограничены самыми ближайшими к России областями Центральной Азии, в основном, Кашгарией и окружающими её хребтами. Но при этом Певцов сумел компенсировать сокращение общей длины маршрута увеличением площади исследуемых территорий. Эта задача была решена с помощью новой методики: вдоль основного маршрута небольшие группы участников экспедиции, действовавшие по единому плану, совершали боковые разъезды, что резко увеличивало общую площадь исследований (часто на сотни километров в стороны). И именно в этой экспедиции ближайшие ученики и сподвижники Пржевальского – Козлов и Роборовский становились руководителями таких самостоятельных групп, что резко повышало не только эффективность их работы, но и позволяло непрерывно совершенствовать саму эту методику. Это новшество в проведении крупных экспедиций получило всеобщее одобрение и уже в последующей, очередной центральноазиатской экспедиции, организованной Русским географическим обществом, такая методика использовалась в полной мере.

Задачей экспедиции, вошедшей в анналы историографии под названием «Тибетская экспедиция В.И. Роборовского 1893–1895 гг.», являлось достижение и обследование северо-восточной окраины нагорной Центральной Азии – горного массива Наньшань, его связям с хребтами собственно Тибетского наго-

рья и его северной окраиной – системой Куньлунь и с областью истоков крупнейшей реки Китая – Янцзы (Янцзыцзян). Экспедицию было поручено возглавить ближайшим ученикам и сподвижникам Пржевальского – Роборовскому и Козлову, причём главой экспедиции был назначен старший по чину Роборовский (он был в чине поручика, а Козлов – подпоручика). С самого начала этой экспедиции и до её окончания работы велись по методике, разработанной ранее Певцовым.

По сути дела, исследования проводились двумя небольшими отрядами по параллельным маршрутам и по строго разработанным, согласованным и постоянно корректировавшимся планам. Причём один из отрядов возглавлял Роборовский, а второй – Козлов. Большое искусство в производстве съёмок и экспедиционный опыт позволяли им работать независимо друг от друга, и их исследования, как было замечено впоследствии, «можно рассматривать, как выполненные двумя самостоятельными экспедициями»¹. Трёхлетняя экспедиция Роборовского (с 1893 по 1895 гг.) почти целиком и успешно выполнила поставленные перед нею задачи, за исключением достижения области истоков р. Янцзы. Этому помешало внезапное тяжёлое заболевание Роборовского (инсульт), случившееся, когда до достижения последней цели экспедиции оставалось каких-то 300 миль. Но Козлов, автоматически возглавивший при этом экспедицию, не колеблясь ни секунды, повернул назад, делая всё возможное для сохранения жизни своего коллеги. Это, к счастью, удалось, но окончательно поправиться Роборовскому всё же было не суждено, и он больше не смог принимать участие в экспедициях в Центральную Азию.

Система Наньшаня протягивается от восточных окраин Куньлуня (хр. Алтын-Таг). Эта очень сложная в геоморфологическом отношении горная система, представленная целой группой почти параллельных хребтов северо-западного – юго-восточного направления, соединяющихся между собой второстепенными хребтами, придающими всей этой системе в какой-то мере ячеистый характер. Протяжённость горного массива более чем

¹ *Шукина Н.М.* Как создавалась карта Центральной Азии. М., 1955.

800 км, при общей ширине в 300 км, максимальной высоте отдельных вершин до 5 900 м над уровнем моря и свыше 4 000 м над уровнем долин.

Нельзя сказать, что к этому времени Наньшань не был затронут маршрутами российских исследователей. Уже в своей первой экспедиции Пржевальский пересёк самую восточную часть Наньшаня с севера на юг при своём движении к Цайдаму и Кукунору в 1872 г. Во время своего третьего путешествия Пржевальский в 1880 г. пересёк самую северо-западную оконечность Наньшаня, установив связь этого горного массива с системой Куньлуня и открыв, с нанесением на карту, два мощных хребта Наньшаня, названных им хребтами Гумбольдта и Риттера. Но весь основной массив Наньшаня между двумя его окраинами – восточной и западной – оставался практически неизвестным. Сам Пржевальский, при нанесении на карту открытых им хребтов, будучи предельно требовательным к своей работе, оговаривался, предполагая возможную неточность при изображении их расположения.

Двенадцать лет спустя другой знаменитый исследователь Центральной Азии геолог В.А. Обручев, работавший в составе экспедиции Г.Н. Потанина, но совершенно самостоятельно, специально исследовал Наньшань с геологической точки зрения и пересёк его вдоль и поперёк несколькими маршрутами. Именно ему удалось полностью оконтурить горную систему Наньшаня, в том числе, пройдя маршрутами вдоль хребта, названного им хребтом Рихтгофена и составляющего его северо-восточную окраину. Однако же при этом никаких описаний ландшафтного характера, подобных тем, что всегда делал Пржевальский и его непосредственные ученики, выполнено не было и природные условия этой области оставались неизученными. Обручев, насколько известно, собирал только геологические коллекции.

Эти причины и определили главные задачи, выпавшие на долю Козлова – исследование самых сложных частей горного массива Наньшаня, центральной и окраинной северо-западной и изучение природы этих, не известных науке в данном плане областей. Насколько трудоёмкой оказалась эта задача говорит тот факт, что при выполнении исследования отряд Козлова (по сути

дела, кроме самого Козлова, включавший только двух его рядовых помощников) прошёл маршрут общей длиной в 3 300 км (причём эти маршруты пролегали на высотах более 4 000 м над уровнем моря), затратив на это целых семь месяцев. Такой большой временной промежуток был обусловлен тем, что сам массив Наньшань, как уже указывалось, занимая большую площадь (примерно 800 км на 300 км), имеет очень сложную рельефную структуру: восемь почти параллельных хребтов, соединяющихся кое-где смычками и разделённых рядом речных долин. Реки, текущие по этим долинам, почти все относятся к системе бессточной области Внутренней Азии, и только на юго-восточной окраине Наньшаня, с его внешних склонов, сравнительно короткие речки впадают в р. Хуанхэ. О морфологических характеристиках этого массива (таких как, крутизна и характер склонов, ущелий, котловин), ботанических (растительный покров в целом, и в частности) и зоологических (характер и типы фауны) особенностях этой области практически ничего не было известно. Именно эти данные и были собраны экспедицией Роборовского, в ходе работы которой группа Козлова неоднократно пересекала Наньшань в разных направлениях. Что же было получено в результате этих продолжительных исследований?

Прежде, чем перейти к оценке выполненной Козловым работы, необходимо остановиться на некоторых очень важных методологических аспектах работы российских центральноазиатских экспедиций. Достаточно общеизвестен тот факт, что практически все крупные экспедиции в Центральную Азию, проводившиеся по инициативе Русского географического общества и под неперменной его эгидой, выполнялись на исключительно высоком научном уровне и сопровождались, соответственно, сбором самых разнообразных материалов о природе и истории изучавшихся областей. Каждая из этих экспедиций собирала и доставляла для дальнейшего изучения богатейшие коллекционные материалы самого разного характера. Особенно широкую известность получили доставленные ими ботанические, зоологические, минералогические, палеонтологические, этнографические и другие коллекции, которые до сих пор, бережно сохраняясь в соответствующих музеях, являются неистощимым источником сведе-

ний об этих областях. Но именно в этом отношении Наньшаню не повезло и его общие очертания, и внутреннее строение оставались охарактеризованными только с геологической точки зрения. Вследствие этого ботанические и зоологические коллекции, тщательно собиравшиеся как Козловым, так и Роборовским, были крайне важны для оценки всего природного комплекса Наньшаня.

Для нас особенно значимы два основных заключения Козлова по результатам изучения Наньшаня. Он показал, что во всём своём геологическом объёме природа Наньшаня не однородна. И по её характеру Наньшань наиболее явственно делится на западную (прилегающую к Тибету) и восточную части, по которой вообще проходит восточная граница горных (в основном тибетских) поднятий Центральной Азии. Самые первые заключения Козлова по его вступлению в западную часть этой горной области касались не только характера основных форм рельефа, оказавшихся вполне аналогичными тибетским (пологие шлейфы хребтов, спускающиеся к высоко расположенным долинам, их плоскостной характер и значительная высота над уровнем моря), но и растительности, здесь преобладающей. Последнюю он без колебаний, исходя из её общего характера и видового состава, охарактеризовал, как вполне аналогичную той, что доминирует на Тибетском плато.

Во время первого же его маршрута вверх к истокам реки Емахе, берущей начало с южных склонов хребта Дасюэ-Шань, на столь характерной для Тибета плоскости на высоте 12 500 футов над уровнем моря Козлов столкнулся с первым небольшим стадом истинно тибетских обитателей – диких яков (на высотах около 4 000 м над уровнем моря) и здесь же был добыт экземпляр для коллекции. До сих пор это место является самой северо-восточной точкой добычи в ареале этого вида яков.

Козлов образно описывает характерные для Западного Наньшаня высокогорные верховья рек Шарагольджин, Сулей-хэ, Толай-гол, Бухайн-гол и котловину оз. Хара-Нор (повсеместная высота этих, сравнительно пологих, участков рельефа – 3 900–4 100 м над уровнем моря), указывая, что во всех этих местах яков было так же много, как на плато Северного Тибета. Козлов

приводит подробные сведения о распространении в Наньшане не только яков, но и таких характерных эндемиков тибетской фауны, как кианг (кулан), антилопа-ада и, особенно, подчёркивает широкое распространение здесь, как и на тибетском плато, пищух, норами которых были сплошь изрыты отдельные участки долин, котловин и пологих склонов. В соответствие с таким обилием пищух наблюдалось и обилие главного потребителя этих животных – медведя-пищухоеда. Последний, как обнаружил путешественник, в некоторых местах (например, в верховьях той же р. Сулей-хэ) встречался в таком большом количестве, которое наблюдалось им только в северо-западной части Тибетского нагорья. Всё это дало Козлову возможность сделать заключение о неоднородности природы всего горного массива Наньшань, где несомненное преобладание типичных тибетских черт природы, от климата до животного мира, свойственно только его западной половине, непосредственно примыкающей к Цайдамской котловине и западной оконечности Куньлуня. Границей же между Западным и Восточным Наньшанем, весьма нерезкой, является меридиан озера Кукунор, под которым расположены высоты водораздельного характера между океаническим (р. Хуанхэ) и внутриазиатским бессточным бассейнами. Объясняется это, в значительной степени, климатом. При общем холодном характере климата всего Наньшаня, типичного для высокогорной страны, восточная его часть в гораздо большей степени, чем западная, находится в зоне влияния океанических муссонов, идущих с востока. Климат здесь заметно теплее и, главное, влажнее. Именно по этой причине по востоку Наньшаня, особенно в его окраинных юго-восточных областях, развита богатая растительность, как луговая, так и степная и даже лесная, причём здесь, в горах, имеется ясно выраженный лесной пояс. Климат же Западного Наньшаня, лишённый в значительной степени поступления муссонной влаги с востока, отличается большей сухостью, что сказывается и на значительно меньшей степени изрезанности рельефа, и полупустынным характером растительности. Достаточно указать, что годовая сумма осадков в западной части Наньшаня составляет только 400 мм, тогда как в восточной почти вдвое больше (700 мм). Эта же разница сказывается и в высоте снежной ли-

нии – столь важного показателя баланса осадков и атмосферой температуры. В Западном Наньшане она проходит на высоте 5 200 м, в Восточном – на 1 км ниже (4 200 м над уровнем моря). И здесь для животного мира Западного Наньшаня эта сухость, исключаяющая наличие зимой сплошного снежного покрова даёт, как и в Тибете, полную возможность ряду его представителей пользоваться подножным кормом круглый год, не прибегая к сезонным миграциям.

Есть и ещё один очень важный момент, который в полной мере присутствовал в работе практически всех, сколько-нибудь значимых российских центральноазиатских экспедиций, независимо от степени и интенсивности сборов коллекций и их тематической направленности, и на который следует обращать особое внимание. Это – дневники руководителей и сотрудников этих экспедиций, имеющие по прошествии столь большого времени с их написания, исключительно важное значение не только для оценки общего состояния природы изучавшихся территорий, но и для сравнения с её нынешним состоянием. Дневники путешественников являются в своём роде источниковедческими реперами, которые, в отличие от климатических, антропогенных и прочих факторов, не подвергались влияниям постоянно изменяющихся природных условий внешней среды. И именно в этом их невероятно высокая и непреходящая ценность. Другим, чрезвычайно важным обстоятельством является, как правило, обязательная публикация дневников, сразу по окончании экспедиций в солидных научных изданиях России, как например, в изданиях Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге и его региональных отделах. Следует отметить, что при этом не только были недопустимы какие-либо искажения текстов, но и разного рода купюры, не согласованные с авторами (впрочем, были ли тогда даже согласованные купюры?). Более того, эти издания снабжались крупными цветными маршрутными картами, выполненными на весьма высоком полиграфическом уровне (сокращённые переиздания таких дневников в советское время, к сожалению, этим похвастать не могли). Карты являлись результатом съёмок пройденных территорий, где были не только указаны хребты, перевалы, долины рек и речек, котловины озёр и болот, но и их высоты над уровнем моря.

Совершенно необходимо отметить одну особенно важную для нас деталь ведения экспедиционных дневников – подробное описание пройденных по маршруту территорий. А именно: характера рельефа, почвенного и растительного покрова, наличия или отсутствия водоёмов, ручьёв или русел рек и их характер и т. п. При характеристике того или иного перевала через очередную горную цепь приводилось описание панорамы, которая открывалась с него на ту или иную часть света. Последняя деталь особенно важна, так как сегодня даёт возможность при работе с этими материалами определять положение описанной местности наиболее точно. Это обстоятельство обусловлено тем, что первооткрыватели называли хребты либо по той информации, которую давали местные жители, либо, за неимением таковой, давали им свои названия. Таким образом, одни и те же хребты у разных исследователей имели разные имена, называясь то по-китайски, то по-монгольски, либо по-тангутски или на другом языке. Кстати, местные названия, подчас, имели яркий ассоциативный смысл. К примеру, что сейчас значит для россиянина, изучающего современную карту того же Наньшаня, название одного из его хребтов – Сарлык-Ула? А для человека, владеющего монгольским языком, это значит «Хребет диких яков». Но ведь дикие яки – это одни из ярчайших эндемиков Тибетского нагорья, встречающихся только здесь и нигде более. Впоследствии яки там могли и исчезнуть, но название-то на картах, как правило, сохраняется гораздо дольше, чем изменения в природе. И если, к примеру, впоследствии исследователи не обнаружат там диких яков, то название хребта укажет, что они там были, и в немалом количестве.

Меня, как натуралиста, давно поражало то мастерство, с которым Пржевальский и его ученики давали описания того или иного ландшафта. Они настолько мастерски отображали все важные особенности той или иной местности, что у читателя создавалось впечатление собственного присутствия в описываемых местах. У Пржевальского была выдающаяся способность выделять при описании ландшафта его наиболее специфичные черты, которые затем не тонули в массе отдельных деталей, касающихся характера поверхности, грунтов, характера и крутизны

склонов, особенностей русел водотоков, перевалов и т. п. Иными словами, в этих работах наших соотечественников мы имеем все признаки первых исследований, заложивших, со временем, особую отрасль географии – ландшафтоведение. Достаточно напомнить, что впервые в отечественной литературе термин «ландшафт» был введён Л.С. Бергом только в 1913 г.² В целом можно считать исследования, выполненные Пржевальским и его непосредственными учениками Козловым и Роборовским, одними из пионерских работ в этой сфере знания, наравне с Н.А. Северцовым, Л.С. Бергом или В.В. Докучаевым.

Для меня, как для достаточно узкого профессионала-биолога, уже много лет занимающегося изучением птиц Центральной Азии, – этого обширного региона в центре Евразийского континента, всегда представляли огромный интерес все материалы, собранные знаменитыми российскими экспедициями, работавшими практически во всех её частях, которые до второй половины XIX в. оставались не изученными не только в природном, но даже в географическом плане. Я имею в виду, прежде всего, экспедиции, работавшие под началом Н.М. Пржевальского, В.И. Роборовского, П.К. Козлова, братьев Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло, В.А. Обручева, Г.Н. Потанина, М.В. Певцова и Б.Л. Громбчевского. Конечно, коллекционные материалы по птицам собирались далеко не всеми этими экспедициями, но детальное описание природы изучавшихся областей делались всегда. А именно эти материалы совершенно необходимы для монографического описания орнитофауны, как и вообще фауны или флоры любой территории, как натуральной среды, определяющей, в основном, её характер. И здесь материалы упомянутых выше экспедиций оказываются чрезвычайно важными.

Все исследователи, здесь и далее упомянутые, вели свои работы по тому образцу, который был выработан и доведён практически до совершенства Пржевальским и который охарактеризован выше. Для тех, кто стремится получить информацию из этих

² *Берг Л.С.* Опыт разделения Сибири и Туркестана на ландшафтные и морфологические области // Сборник в честь семидесятилетия Д.Н. Анучина. М., 1913. С. 117–151.

коллекций, становятся исключительно важными такие детали в дневниках, как заметки о тех или иных растениях, насекомых, рыбах или других представителях флоры и фауны в конкретных местах, которые, порой, невозможно поместить на этикетке. Так, например, в одной из записей Козлова сообщается о встрече в кустарниках какой-то долины расписной синички, поползня или ещё какого-то дрозда (чётко названного) – и для квалифицированного орнитолога не только становится ясной обстановка, где все эти виды встречены, но и ещё представляется возможность предположить обитание там же тех или иных видов со сходной биологией, гнездящихся в сопредельных областях. Ещё более это относится ко всем данным о сезонных миграциях – перелётах птиц. Одно дело – коллекционный экземпляр какого-нибудь вида, добытый на пролёте (на этикетке указано и время, и место) – он позволяет только судить о месте и времени, где пролетает такой вид, и совсем другое – описание самого этого процесса миграций в той или иной точке, особенно, если речь идёт о Центральной Азии. Ещё раз напомним, что подавляющая часть ландшафтов Центральной Азии, как равнинно-пустынных, так и равнинно-высокогорных (не говоря уже о нивальной зоне, почти сплошь закрытой снегом и ледниками) даёт мигрирующим птицам крайне мало мест для остановок, необходимых для восстановления сил в перерывах между длительными этапами активного полёта. В дневниках Козлова такие описания делались всегда, когда ему удавалось наблюдать подобного рода явления. Чего стоит только одно его описание начала весеннего пролёта в оазисе Са-Чжоу – это под самыми хребтами северо-восточной ограды Тибета и на южной границе обширного пустынного пояса. Здесь весной 1894 г. во время достаточно длительной стоянки экспедиции Козлов полностью пронаблюдал весь весенний пролёт птиц, длившийся почти два месяца. Начавшись очень рано, в середине февраля, он продолжался с различной интенсивностью вплоть до середины мая. Подробное описание этого пролёта, сделанное Козловым, включало конкретные сведения по нескольким десяткам видов – срокам их пролёта, количественным характеристикам (много – мало), направлениями и высотой миграции и многим другим заметкам экологического характера.

В частности, очень образно дано описание начала очередного этапа перелёта через лежащие впереди пустыни у серого журавля – о коллективном, парящем по кругу подъёме стаи на огромную высоту, выборе направления и дальнейшем построении её в обычный треугольник³. Такие данные особенно важны для изучения миграций птиц через огромные пространства Центральной Азии, плохо исследованные до сих пор. Данные такого рода постоянно встречаются на страницах полевых дневников упомянутых исследователей.

В свете всего вышеизложенного мы можем заключить, что в результате проведённых экспедиций, кроме постоянных климатических и навигационных инструментальных измерений и сбора ботанических и зоологических коллекций, Козловым был собран и описан огромный материал по ландшафтному облику изучавшихся территорий (характера поверхности, грунтов, характера и крутизны склонов, особенностей русел водотоков, особенностей перевалов, и т. п.), впоследствии полностью опубликованный.

Сам Козлов не ставил себе целью определить границы Тибетского высокогорья, но собранные им материалы во многом облегчают задачу современным исследователям. Тем более, что Козлов, прекрасно разбираясь в животном и растительном мире изучаемых областей, не уставал не только детально характеризовать отдельные места ландшафта (берег реки, окрестности озера, лесная растительность, болото и т. п.), а также упоминать о встрече в различных местах как растений, так и животных, особо характерных или особенно специфичных для того или иного региона. Данное исследование помогает, в частности, автору этого сообщения, определить природную восточную границу тибетского нагорья в пределах Наньшаня по западным склонам северо-западного окончания хребта Александра III (ныне хребта Рихтгофена).

Иными словами, материалы исследований П.К. Козлова в Наньшане показали значительную неоднородность его природ-

³ Козлов П.К. Отчёт помощника начальника экспедиции // Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершённой в 1893–1895 гг. под начальством В.И. Роборовского. Ч. II. СПб., 1899. С. 1–296.

ных условий. Их анализ показывает, что к области Тибетского нагорья относятся только западные и центральные хребты Наньшаня, тогда как восточные его части уже подпадают под влияние прилегающих к ним обширных пустынь, вследствие чего их растительность и животный мир носят уже совсем иной характер.

Литература

Берг Л.С. Опыт разделения Сибири и Туркестана на ландшафтные и морфологические области // Сборник в честь семидесятилетия Д.Н. Анучина. М.: Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те, 1913. С. 117–151.

Козлов П.К. Отчёт помощника начальника экспедиции // Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершённой в 1893–1895 гг. под начальством В.И. Роборовского. Ч. II. СПб., 1899. С. 1–296.

Семёнов-Тян-Шанский А.П. Зоологические результаты экспедиций П.К. Козлова // Известия Государственного географического общества. 1937. Вып. I. С. 136–137.

Щукина Н.М. Как создавалась карта Центральной Азии. М.: Государственное изд-во географ. лит-ры, 1955. 240 с.

The role of P.K. Kozlov in the Exploration of North-East fringes of the Tibetan Plateau

R.L. Potapov

Zoological Institute, RAS

The paper reexamines the role played by the P.K. Kozlov in the exploration of the Nanshan Mountains. The detailed description of the flora and fauna coupled with the fine description of the geography and landscapes played important role for the future studies of the region as well as it sets new standards for such surveys. Wide-spread usage of the photography during the expedition as well as rich illustrations in the expedition report was perhaps the first ever photo-documented expedition report of the Central Asia. The report itself

was a great illustrated reading at the time, which made the format which was later perfected by the *Natural Geographic Magazine*.

The paper deals with the new facts P.K. Kozlov contributed to the phenology of bird migrations, habitat description and intricate details of fauna distribution in the Nan-Shan region. The Mongolian toponyms written down by P.K. Kozlov provided interesting insights of the fauna of particular region. The paper also stresses the importance of the Russian Geographic Society in sponsoring such difficult expedition.

В.А. Широкова
ИИЕТ РАН

К 160-летию Каспийской экспедиции Карла Максимовича Бэра 1853–1857 гг.

В 1851 г. Министерство земледелия и государственных имуществ, которое ведало организацией исследований природных ресурсов и рыболовством, с участием русского Географического общества, основанного в 1845 г., снарядило многолетнюю научно-промысловую экспедицию на территории Российской империи.

Экспедиция преследовала цель определить рыбные богатства России и получить материалы, которые позволили бы организовать более бережное использование наиболее ценных видов – особенно осетровых в Волго-Каспийском бассейне и судака в Азовском: «Давно уже раздавались жалобы на беспорядочное, хищническое ведение этого промысла, столь важного для государственной экономики России»¹. Экспедиции «надлежало» исследовать на месте способы рыбной ловли, а также решить различные научно-практические вопросы, имеющие отношение к рыбному промыслу. Таким образом, официальная задача первой научно-промысловой экспедиции – обследование рыболовства на Волге и в Каспийском море в техническом, статистическом и естественноисторическом отношениях.

23 марта 1853 г. (здесь и далее даты по старому стилю) был издан указ о назначении Каспийской экспедиции сроком на три года. Во время подготовки экспедиции министр народного просвещения П.А. Ширинский-Шахматов обратился в Петербургскую академию наук с просьбой назначить руководителем её какого-либо известного естествоиспытателя. Выбор пал на знаменитого ихтиолога, профессора зоологии, крупнейшего биолога первой половины XIX в. Карла Максимовича Бэра (*Karl Ernst von Baer*). В экспедицию вошли так же Николай Яковлевич Да-

¹ Цит. по: Карл Максимович Бэр. 1892–1876 // Библиографическая библиотека Ф. Павленкова: жизнь замечательных людей. Т. 2: XVII–XVIII вв. / Под общей редакцией В.В. Овчинникова. М., 2001.

нилевский – зоолог и ихтиолог; Александр Яковлевич Шульц – служащий по Министерству государственных имуществ, начальник Астраханского рыбного управления; Константин Иванович Никитин – препаратор Зоологического музея Петербургской академии наук, который был к тому же прекрасным рисовальщиком; Николай Михайлович Семёнов – хранитель Ботанического музея Московского университета².

13 мая было официально объявлено об отправке экспедиции, а через месяц Бэр выехал из Петербурга. С этого момента по 1857 г. К.М. Бэр совершил четыре научных путешествия на берега Каспийского моря. Они составили единую комплексную научную экспедицию³. Экспедиция несколько лет работала в бассейнах Каспийского, Азовского и Чёрного морей, а её сотрудники изучали состояние рыболовства на Каспийском море и впадающих в него реках, на Азовском, Чёрном и Белом морях, на побережье Северного Ледовитого океана, на озёрах Чудском, Псковском, Ладожском, Ильмень.

Рыбные богатства Нижней Волги ошеломили экспедицию. При ловле частичковых рыб один невод приносил десятки, сотни пудов рыбы, её набивалось в сети столько, что часть рыбы мялась или раздавливалась. На продажу шла только отборная рыба; мелкая, помятая и малоценная, к которой относились чехонь, вобла, синьга и «бешенка», выбрасывалась. На берегах протоков и рукавов волжской дельты валялись кучи гниющей рыбы.

В «Техническом описании Каспийского рыболовства» (1861) «член экспедиции для исследования каспийского рыболовства» писал: «Все европейские морские рыболовства в сравнении с рыболовством Каспийского моря могут быть названы незначительными. Нигде в Европе лов рыбы, особенно красной (белуга, осётр, севрюга и шип), не производится в таких громадных размерах, не составляет столь важной отрасли государственного хозяйства, не приносит столько существенных выгод и правительству, и народонаселению государства, как рыболовство Ка-

² *Троицкий С.К.* Н.Я. Данилевский первый исследователь азовского рыболовства // Вопросы ихтиологии. 1961. Т. 1. Вып. 3. (20).

³ Каспийская экспедиция К.М. Бэра 1853–1857 гг. Дневники и материалы / Сост. *Лукина Т.А.* Л., 1984. С. 16.

спийского моря и впадающих в него рек: Волги, Урала, Куры и других менее значительных <...>. На пространстве тысячи вёрст длины и 300 ширины Каспийского моря, уже несколько десятков лет ловится огромное количество красной рыбы, равно как и в его заливах, бухтах, култуках (заливы в северной части Каспийского моря) и в устьях помянутых рек, а также и в самых этих реках, особенно частичковая рыба (лещ, судак, берш, сазан, щука и другая чешуйчатая рыба). Улов её можно назвать баснословным и не очевидцу он может легко показаться из настоящего описания неимоверным»⁴.

Казалось, богатства Волго-Каспийского бассейна неистощимы. Но экспедиция отметила уменьшение рыбы в Средней Волге по сравнению с прошлыми годами, хищнические, недопустимые методы её добычи и появление на рынках волжских городов большого количества маломерной рыбы. Красная рыба по-прежнему поднималась для нереста по Волге за Кострому и за Ярославль, однако многие традиционные прежде места её ловли были уже забыты⁵.

Итак, маршрут экспедиции был таков. 14 июня 1853 г. Бэр выехал в Москву, а оттуда направился в Нижний Новгород, где встретился с Шульцем, выехавшим из Петербурга ранее, чтобы наблюдать нерест рыб на озере Селигер. Частью водою, частью по берегу путешественники направились вдоль Волги к Каспийскому морю; в Самаре к ним присоединился Данилевский. 12 августа экспедиция прибыла в Астрахань, где и остановилась на квартире у купца Сапожникова. Бэр сделал Астрахань главной квартирой экспедиции. Отсюда в течение трёх лет, используя пароходы и рыбацкие лодки, Бэр со своими помощниками подробно обследовал Нижнюю Волгу и её дельту, каспийские берега и острова, прибрежные районы, устья Урала и Куры.

⁴ Шульц А.Я. Техническое описание Каспийского рыболовства // Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. IV–VI. СПб., 1861.

⁵ Широкова В.А. Возникновение и развитие в России комплексного научного подхода при изучении закономерностей распространения водных организмов и определения рыбных запасов внутренних водоёмов // Современная биогеография. Материалы Всероссийской научной телеконференции «Биогеография на рубеже 21 века», 11–30 мая 2001 г. Москва; Ставрополь, 2001. С. 115–120.

Из Астрахани члены экспедиции сделали многочисленные экскурсии на рыбные ватаги (на Волге и на Каспийском море так называли места ловли рыбы, места неводного залива со всем устройством, а также артели рыбаков для этого лова); ездили на полуостров Мангышлак, где прожили в укреплении (форте) Новопетровск около четырёх недель. В первом плавании по Каспийскому морю в 1853 г. на пароходе «Ленкорань» в форте Новопетровск Бэр познакомился с Т.Г. Шевченко, который содержался там в качестве политического ссыльного на положении простого солдата. Бэр участливо отнёсся к ссыльному поэту и впоследствии старался помочь ему своими связями в Петербурге.

Зимой Бэр вернулся на два месяца в Петербург, но в марте 1854 г. он был уже опять на Волге, наблюдал в Сарепте лов некоторых рыб, ездил в Камышин для изучения образования берегов Волги и посетил также калмыцкого князька Тюмена, чтобы посмотреть храм и богослужение калмыков. В августе он был снова в Астрахани, и экспедиция ещё раз направилась в Новопетровск. Здесь Бэр занимался драгированием (добывание с морского дна животных и растений с помощью особых приборов, называемых драгами и тралами), затем посетил прилежащие острова и устье Урала. По возвращении в Астрахань направился к западным берегам Каспийского моря, посетил важный рыболовный пункт Чёрный Рынок при устье Терека и побывал на соляных озёрах Астраханской губернии. Зимой опять ездил в Петербург, а весной 1855 г. вновь отправился к южному берегу Каспийского моря. На почтовом пароходе «Астрабада» проехал до устья Куры и здесь поднялся в лодке вверх по реке до рыбной ватаги «Божий промысел», где производился лов осетров. После исследования Куры экспедиция посетила Ленкорань, ещё раз «Божий промысел», окрестности Баку с их нефтяными источниками, далее через населённый пункт Шемаху вверх по Куре до богатого рыбой озера Гокчайского. После трёхнедельного пребывания около этого озера и экскурсий в его окрестностях путешественники направились в Тифлис, куда и прибыли в середине октября. В конце декабря Бэр вернулся в Астрахань. Причём на пути, который занял больше месяца, ему пришлось много «натерпеться от холода

и разных дорожных приключений. В Астрахань он прибыл весьма утомлённый и вскоре захворал изнурительной лихорадкой, от которой излечился лишь сильными приёмами хинина»⁶.

Весною, оправившись от болезни, Бэр совершил поездку для исследования долины Маныча; летом он сопровождал «астраханского военного губернатора Васильева в его путешествии по Каспийскому морю; осенью съездил ещё раз на Чёрный Рынок с Ф.В. Овсянниковым, который был командирован в Астрахань для исследований рыбного яда»⁷. Весною 1857 г. он возвратился в Петербург, предоставив продолжение исследований по рыболовству Данилевскому и Шульцу. «Сам он чувствовал себя уже слишком старым для долгих и утомительных странствований на юге и востоке России»⁸.

К.М. Бэр позднее совершил несколько кратковременных путешествий по России, но не столь продолжительных; в 1860 г. – на Чудское озеро, в 1862 г. – на Азовское море для изучения причин его предполагаемого обмеления.

И хотя цель Каспийской экспедиции была довольно узкая – исследование рыболовства, но, тем не менее, она изучила многие чисто физико-географические проблемы, относящиеся к Каспийскому морю и его побережью. Экспедиция исследовала дельты рек Эмбы, Урала, Волги, Терека, западное побережье Каспия, побывала на острове Челекен и в Красноводском заливе. В ходе этой экспедиции К.М. Бэр, совместно с Н.Я. Данилевским и А.Я. Шульцем, в 1853–1856 гг. впервые организовал строго плановые, комплексные исследования гидрологических, гидрохимических и гидробиологических свойств воды Каспийского моря.

Одним из важных результатов Каспийской экспедиции К.М. Бэра – Н.Я. Данилевского – А.Я. Шульца стал сформулированный ими Устав каспийских рыбных и тюленьих промыслов, утверждённый правительством в 1865 г. Устав, в основном, касался вопросов организации промысла в Волго-Каспийском

⁶ См. подробнее: *Холодковский Н.А.* Карл Бэр: его жизнь и научная деятельность. Берлин, 1923. С. 67.

⁷ Там же. С. 70.

⁸ Там же.

рыболовном районе. Причиной беспорядков в рыбном промысле и частых перемен в законодательстве, по мнению К.М. Бэра, было «неимение учёных исследований о жизни рыб в Каспийском море и его притоках, об условиях, действующих на их размножение и уничтожение, и об отношениях, в которых находятся эти условия к способам лова, ныне существующим, и к постановлениям, относительно их изданным»⁹.

Указывая на понижение уровня Каспийского моря, Бэр считал, что оно происходило не постоянно и медленно, а вследствие какой-нибудь одной сильной стремительной катастрофы – провала в юго-западной части моря. По утверждению Бэра об этом свидетельствуют «памятники» – особенным образом расположенные небольшие овально-продолговатые возвышения, своеобразные формы рельефа Прикаспийской низменности – бугры, названные впоследствии его именем (бэровские бугры)¹⁰. Бэр, анализируя рельеф бугров, высказал предположение, что они образовались в результате быстрого и «насильственного» стока каспийских вод в направлении от долины Кумы и Маныча к морю. Кроме раковинных берегов террас, других следов бывшего прибоя волн на таких вдававшихся утёсах, как Большой Богда или утёс Мангышлакского полуострова, Бэр не обнаруживает. Бугры эти в каждом данном месте имеют одно и то же простирание, и продольные оси их параллельны между собой. Происхождение их Бэр объясняет сильными потоками воды при внезапном понижении уровня Каспия. Вследствие этого по расположению

⁹ Бэр К.М. Рыболовство в Каспийском море и его притоках // Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 2. СПб., 1860. С. 9.

¹⁰ Бэровские бугры – это параллельно вытянутые гряды в Прикаспийской низменности между устьями Кумы и Эмбы. Высота их преимущественно от 10 до 45 м, длина до 25 км, ширина 200 – 300 м, при среднем расстоянии между гребнями 1 – 2 км. Бэровские бугры сложены песками и мелкой окатанной крошкой плотных коричневых глин и уплотнены глинистым веществом. Существует несколько гипотез об их происхождении. Наиболее вероятной, по мнению учёных, является гипотеза их эолового (наносного) образования. Рельеф бэровских бугров очень схож с гривами Западной Сибири и песчаными грядами пустынь. Названы по имени академика К.М. Бэра, который впервые описал и изучил их в 1856 г. См.: Свиточ А.А., Кловиткина Т.С. Бэровские бугры загадка Северного Прикаспия // Природа. № 2. 2004. С. 32–39.

бугров можно заключить о бывших потоках и внезапном сокращении бассейна Каспийского моря.

Бэр объяснил причину незначительной солёности воды моря и концентрацию солей в закрытых заливах, как Кара-Бугаз¹¹.

Отметив уменьшение рыбы в Средней Волге по сравнению с прошлыми годами, хищнические, недопустимые методы её добычи, экспедицией также были выяснены причины обеднения рыбных запасов Каспия, отмеченных астраханскими и каспийскими рыбопромышленниками¹². Основной причиной этого явления считалось возможное увеличение солёности за счёт «обмеления моря».

Поскольку для жизнедеятельности каждого вида рыб необходим определённый набор природных факторов, в том числе диапазон солёности, то особое внимание из-за рыбопромышленного «заказа» было уделено определению этого фактора воды.

Пробы воды, отобранные в ходе этих исследований, анализировались в стационарной лаборатории. Было установлено, что солёность каспийских вод (около 1,4 %) вдвое ниже, чем вод открытого океана, но имеет повышенное содержание сернокислого магния. Ещё более пресной была вода в мелководной части северного Каспия в зоне впадения рек Волги, Урала и др. (всего 0,5 %).

Исследования солёности каспийских вод проводились и ранее Г.В. Абихом (*Abich H.V.*)¹³ в 1859 и 1861 гг., однако пробы воды при этом отбирались только в устьевых участках Волги и Урала. Бэр впервые отобрал пробы в неопреснённой части Каспийского моря и тем самым определил действительную солёность каспийских вод, а также проследил зависимость видового состава рыб от изменения солёности воды (научный комплексный подход при изучении биогеографии внутренних водоёмов стал основой для будущих изысканий исследовательских экспедиций).

Научные результаты этой экспедиции К.М. Бэр опубликовал в восьми «Очерках Каспийского моря» (*Kaspische Studien*,

¹¹ Широкова В.А. Гидрохимия в России. Очерки истории. М., 2010.

¹² АВПРИ. Ф. 161, II-6. Оп. 6. 1834–1835. Д. 3. «О мерах, принятых к сохранению от разработки рыбопромышленниками в ущерб казне».

¹³ *Abich H.V. Vergleichende chemische Untersuchungen der Wasser Caspischen Meeres, Urmia und Van-Sees // St.-Pb. Ac. mem. 1856. № 7. S. 1–167.*

1855–1856). Эти исследования позволили К.М. Бэру на основании собственных данных и сведений о заливе-лагуна Каспийского моря Кара-Богаз-голе (Карабугаз), собранных ранее Г.С. Карелиным в 1836 г. (Учёные записки экспедиции Карелина находились у К.М. Бэра и после его смерти доставлены в 1878 г. Министерству иностранных дел) и лейтенантом Жеребцовым в 1847 г. построить «теорию залива»¹⁴. Высказанное Карелиным предположение о том, что причиной постоянного Карабугазского течения является более сильное испарение в заливе, в теории Бэра объясняет также и высокую концентрацию солей в водах залива. Однако К.М. Бэр сделал ошибочный вывод о том, что в заливе Кара-Богаз-гол наблюдается процесс самосадки поваренной соли. В результате, более чем на четверть века в научной литературе установилось ошибочное мнение о Карабугазе, как о самом крупном солёном озере земного шара, типичном примере, объясняющем происхождение крупных месторождений соли, современном образце процессов отложения последних. Ещё более это мнение утвердилось после анализа К. Шмидтом (*Schmidt C.*)¹⁵ образца воды, доставленного О.А. Гриммом (1845–1920) с Карабугаза.

По итогам своих исследований К.М. Бэр представил в Географическое общество и Министерство государственных имуществ целый ряд научных статей. Девять томов «Исследования о состоянии рыболовства в России»¹⁶, увидевших свет в 1860–1875 гг., содержали не только анализ тогдашнего положения в рыбном хозяйстве, но и основы биологии промысловых рыб, и послужили основательным фундаментом для проектов рыболовного законодательства.

¹⁴ *Никитин М.В.* Очерк физико-географических исследований // Карабугаз. 3-е изд. Пг., 1930. С. 24–37;

АВПРИ. Ф. 161. П-21. Оп. 66. 1833–1835. Д. 1. «Об отправлении экспедиции титулярного советника Григория Карелина; водою к северо-восточным берегам Каспийского моря для описания этих берегов и о награждении как самого Карелина, так и прочих лиц, участвовавших в этой экспедиции».

¹⁵ *Schmidt C.* Hydrologische Untersuchungen. Der Aral und Kaspi-See // Bull. Acad. Imp. Sci. Pb., 1874. Vol. 20. S. 130–150.

¹⁶ *Бэр К.М.* Учёные заметки о Каспийском море и его окрестностях // Записки РГО. 1856. Кн. XI.

Хотя естественноисторические исследования Каспийского моря, проведённые К.М. Бэрмом и др., значительно расширили знания по гидрологии Каспийском море, но, тем не менее, полного гидрографического описания моря ещё не было.

Для заполнения этого пробела в 1856 г., вскоре после экспедиции Бэра, снаряжается новая экспедиция под руководством Н.Л. Ивашинцева. Она работала 18 лет. Результатами экспедиции были: 1) определение окружности всего морского бассейна с уточнением всех необходимых для составления генеральной карты Каспийского моря астрономических пунктов; 2) береговая съёмка почти всего каспийского побережья с той же точностью и отчётливостью, какая была необходима не только для мореплавателей, но и для учёных, желающих иметь прочное основание для наблюдений за изменениями береговой линии, как вследствие наносов, вносимых в море его притоками, размыва морскими волнами крутых берегов, так и по причине береговых поднятий; 3) самые подробные прибрежные морские промеры мелководных пространств моря с определением всех отмелей, рифов и других препятствий для мореплавания. Промеры эти были важны с научной точки зрения потому, что дали прочную исходную точку для исследований, изменяется ли уровень Каспийского моря вследствие колебания морского дна, береговых поднятий или отсутствия равновесия между притекающей и испаряющейся водой; 4) исследование всего рельефа и физических свойств дна моря, сбор многочисленных образцов воды на различных глубинах и в разных частях бассейна, а также образцов морских осадков (ила) и морских животных, находимых на значительных глубинах¹⁷.

Среди многочисленных астрономических, топографических и гидрографических результатов экспедиции наиболее выделяются данные об оригинальном характере рельефа дна Каспия. По промерам оказалось, что глубина Каспия распределена очень неравномерно: северная часть моря до линии, соединяющей остров Чеген с мысом Тюб-Караган, очень мелка, глубина его

¹⁷ *Бейсенова А.С.* Исследование природы Казахстана. Алма-Ата, 1987. С. 68–69.

большей частью 5–7 саженей (10–15 м). Дно так плоско и ровно, что как бы представляет продолжение низких астраханских степей. Большая глубина начинается только в 130 км к югу от устья Волги. Глубокая часть разделяется как бы на два бассейна подводным кряжем, простирающимся от Апшеронского полуострова. В северном бассейне наибольшая глубина около 420 саженей (примерно 900 м), а в южном – 516 саженей (более 1 000 м), тогда как в районе подводного кряжа наибольшая глубина около 110 саженей (235 м). Так что если бы уровень воды понизился на 110 саженей, то оба бассейна совершенно обособились бы и представляли бы два различных озера. В результате всего этого Н.Л. Ивашиным и его сотрудниками был составлен полный атлас различных частей Каспийского моря. Основные итоги экспедиции изданы гидрографическим департаментом в 1870 г. отдельным томом с графическими таблицами и магнитными картами Каспийского моря.

Руководитель экспедиции Н.Л. Ивашинов о ходе и результатах наблюдений опубликовал несколько статей¹⁸. В 1870 г. исследователь скончался. Экспедиция закончила работу в 1874 г. под руководством Н.А. Пущина.

В результате этих работ Каспийское море оказалось изученным более обстоятельно, чем многие другие водные бассейны России. Как свидетельствует П.П. Семёнов-Тян-Шанский, академик Бэр на одном из заседаний Географического общества сказал, что «ни одно море не было с такой точностью исследовано экспедициями русских моряков, да и едва ли какой-либо водный бассейн столь подробно изучен в научном отношении, как Каспийское море»¹⁹.

К.М. Бэр совершил четыре научных экспедиции на берега Каспия с 1853 по 1857 гг. Цель этих экспедиций заключалась в обсле-

¹⁸ См.: *Ивашинов Н.Л.* Снаряжение экспедиции для съёмки и промера Каспийского моря // Морской сборник. Т. XXIII. № 9. 1856; *Ивашинов Н.Л.* Новые карты Каспийского моря, составленные гидрографической экспедицией // Морской сборник. Т. LVIII. № 3. 1862; *Ивашинов Н.Л.* О восточном берегу Каспийского моря // Известия РГО. 1869. Т. V.

¹⁹ История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества (1845–1895) / Сост. П.П. Семёнов. СПб., 1896. Ч. 1. С. 329.

довании рыболовства на Волге и в Каспийском море, установлении причин снижения уловов. В результате многолетних исследований, К.М. Бэр не только уточнил видовой состав ихтиофауны Волго-Каспийского бассейна и внёс поправки в её систематику, но и исследования К.М. Бэра, Н.Я. Данилевского, А.Я. Шульца внесли вполне ощутимый вклад в становление ихтиологии как науки на основе комплексного научного подхода при изучении биогеографии внутренних водоёмов, что послужило фундаментом для будущих изысканий исследовательских экспедиций.

На рыболовных промыслах Волги и её притоках, К.М. Бэр проводил сравнительно-анатомические исследования малоизученных видов рыб: лосося, белорыбицы, шипа. Вопреки существующему мнению, учёный доказал, что икротетание осетровых происходит не в море, а в реках. Наблюдая варварское уничтожение некоторых видов рыб, К.М. Бэр начал борьбу против бездумного промысла. По совету К.М. Бэра промышленники решились солить и превратить в пищевой продукт каспийскую сельдь, которую до этого считали рыбой «сорной» и называли «бешенкой».

Результатом экспедиции стали «Учёные заметки о Каспийском море и его окрестностях»²⁰, в которых высказываются научные и до сих пор актуальные гипотезы по гидрологии моря²¹, а именно, К.М. Бэр: 1) излагает свою теорию катастрофического понижения уровня моря с образованием бугров («бэровские» бугры), 2) впервые анализирует солевой состав вод Каспийского моря; 3) разбирает вопрос о том, осолоняется или опресняется Каспийское море.

Во время Каспийской экспедиции 1853–1857 гг. были собраны обширные геологические, зоологические, палеонтологические и краниологические коллекции, поступившие в музей Петербургской академии. Особенно много экспонатов получил от К.М. Бэра и Н.Я. Данилевского Зоологический музей²².

²⁰ Бэр К.М. Учёные заметки о Каспийском море и его окрестностях // Записки РГО. СПб., 1856. № 2.

²¹ Бэр К.М. Записки о путешествиях для исследования рыболовства на Каспийском море и на Волге // Каспийская экспедиция К.М. Бэра 1853–1857 гг. Дневники и материалы / Сост. Т.А. Лукина. Л., 1984. С. 60–342.

²² Там же. С. 6.

Основные результаты каспийских исследований 1854–1857 гг. Бэр изложил в 1860 г. в книге «Рыболовство в Каспийском море и его притоках» (второй том 9-томного издания «Исследования о состоянии рыболовства в России»²³). Представляют огромный интерес сохранившиеся уникальные экспедиционные «Рисунки к исследованию Каспийского рыболовства» (альбом литографий)²⁴, изданные в 1861 г. Министерством государственных имуществ Санкт-Петербурга, большей частью цветных, а меньшей – тоновых литографий Р. Гундризера (*R. Gundriser*) с натуральных рисунков К. Никитина (рис. 1 – 4²⁵). На рисунках – способы и орудия лова рыбы, общие виды промысловых заведений; орудия, употребляемые при приготовлении рыбы и её продуктов.

Среди учёных XIX в. академик К.М. Бэр отличался разносторонностью научных интересов. Ему принадлежит около трёхсот работ по эмбриологии, общей биологии, сравнительной анатомии и физиологии, зоологии, палеонтологии, антропологии, этнографии, географии, геоморфологии, гидрологии, ихтиологии. Но самым важным делом своей жизни К.М. Бэр считал работы на Каспии и придавал им большое значение.

Литература

Бейсенова А.С. Исследование природы Казахстана. Алма-Ата, 1987. 268 с.

Бэр К.М. Записки о путешествиях для исследования рыболовства на Каспийском море и на Волге // Каспийская экспедиция К.М. Бэра 1853–1857 гг. Дневники и материалы / Сост. *Т.А. Лукина*. Л.: Наука, 1984. Научное наследство. Т. 9. С. 60–342.

Бэр К.М. Рыболовство в Каспийском море и его притоках // Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 2. СПб., 1860. 216 с.

²³ *Бэр К.М.* Рыболовство на Каспийском море и его притоках // Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1860. Т. 2.

²⁴ Рисунки к исследованию каспийского рыболовства (альбом литографий). СПб., 1861. 86 с.

²⁵ Хранятся в библиотеке ВНИРО (Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии).

Бэр К.М. Учёные заметки о Каспийском море и его окрестностях // Записки РГО. 1856. Кн. XI.

Бэр К.М. Учёные заметки о Каспийском море и его окрестностях // Записки РГО. СПб., 1856. № 2.

Ивашищев Н.Л. Новые карты Каспийского моря, составленные гидрографической экспедицией // Морской сборник. Т. LVIII. № 3. 1862.

Ивашищев Н.Л. О восточном берегу Каспийского моря // Известия РГО. 1869. Т. V.

Ивашищев Н.Л. снаряжение экспедиции для съёмки и промера Каспийского моря // Морской сборник. Т. XXIII. № 9. 1856.

История полувековой деятельности императорского Русского географического общества (1845–1895) / Сост. *П.П. Семёнов*. Ч. 1. СПб., 1896. С. 329.

Карл Максимович Бэр. 1892–1876 // Библиографическая библиотека Ф. Павленкова: жизнь замечательных людей. Т. 2: XVII–XVIII вв. / Под общей редакцией *В.В. Овчинникова*. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 735–754.

Каспийская экспедиция К.М. Бэра 1853–1857 гг. Дневники и материалы / Сост. *Т.А. Лукина*. Л.: Наука, 1984. 557 с. – Научное наследство. Т. 9.

Никитин М.В. Очерк физико-географических исследований // Карабугаз. 3-е изд. Пг., 1930. С. 24–37. – Труды КЕПС. № 73.

Рисунки к исследованию каспийского рыболовства (альбом литографий). СПб.: Типография В. Безобразова, 1861. 86 с.

Свиточ А.А., Кловиткина Т.С. Бэровские бугры загадка Северного Прикаспия // Природа. 2004. № 2. С. 32–39.

Троицкий С.К. Н.Я. Данилевский первый исследователь азовского рыболовства // Вопросы ихтиологии. 1961. Т. 1. Вып. 3 (20).

Холодковский Н.А. Карл Бэр: его жизнь и научная деятельность: [биографический очерк]. Берлин: З.И. Гржебин, 1923.

Широкова В.А. Возникновение и развитие в России комплексного научного подхода при изучении закономерностей распространения водных организмов и определения рыбных запасов внутренних водоёмов // Современная биогеография. Материалы Всероссийской научной телеконференции «Биогеография

на рубеже 21 века», 11–30 мая 2001 г. Москва; Ставрополь, 2001. С. 115–120.

Широкова В.А. Гидрохимия в России. Очерки истории. М.: ИИЕТ РАН, 2010. 274 с.

Шульц А.Я. Техническое описание Каспийского рыболовства // Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. IV–VI. СПб., 1861.

Abich H.V. Vergleichende chemische Untersuchungen der Wasser Caspischen Meeres, Urmia und Van-Sees // St.-Pb. Ac. mem., 1856. № 7. S. 1–167.

Schmidt C. Hydrologische Untersuchungen. Der Aral und Kaspi-See // Bull. Acad. Imp. Sci. Pb., 1874. Vol. 20. S. 130–150.

Архивные источники

АВПРИ. Ф. 161. II-6. Оп. 6. 1834–1835. Д. 3.

АВПРИ. Ф. 161. II-21. Оп. 66. 1833–1835. Д. 1.

By the 160th Anniversary of the Caspian Expedition Conducted by Karl Ernst von Baer, 1853–1857

V.A. Shirokova

Institute for the History of Science & Technology, RAS

Karl Baer made four scientific expedition to the shores of the Caspian Sea from 1853 to 1857. Their mission was to survey fishing on the Volga and the Caspian Sea, establishing the causes of the declining catches. As a result of his research, Baer not only clarified the species composition of fish fauna of the Volga-Caspian basin and amended its taxonomy. The study Baer, N.Y. Danilevsky, A.J. Schultz made quite a significant contribution to the establishment of ichthyology as a science based on a comprehensive scientific approach to the study of biogeography of inland water bodies, which served as the foundation for future research exploration missions.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова***

*Институт татарской энциклопедии АН Татарстана

**Хакасский НИИ языка, литературы и истории

Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан и его вклад в историко-этнографическое изучение тюркских народов Евразии

Жизнь и деятельность Н.Ф. Катанова с периода учёбы в Санкт-Петербургском университете (1884–1888), научной экспедиции в Южную Сибирь и Восточный Туркестан (1889–1892) и исследовательской и преподавательской работы в Казани (1894–1922) будут связаны с комплексным исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяня, Поволжья и Приуралья.

Эти основные жизненные этапы научно-исследовательской деятельности Н.Ф. Катанова отражают традиционные направления и некоторые особенности его вклада в лингвистическое и историко-этнографическое изучение Евразии в последней четверти XIX – начале XX вв. С первых полевых экспедиций с 1889 г. началось накопление им разнообразных лингвистических и историко-этнографических материалов и формирование научно-методических принципов исследования тюркоязычных народов евразийского пространства.

Годы учёбы в университете и научной экспедиции в Сибирь и Восточный Туркестан стали исключительно значимыми в научной биографии и наследии Н.Ф. Катанова.

После окончания университета Катанов решил посвятить себя научно-педагогической работе. Период с 28 мая по 4 июля 1888 г. в его биографии связан с основными решениями об остав-

лении его «при университете для дальнейшего усовершенствования в тюркских наречиях»¹.

Биографы Катанова справедливо отметили роль академика В.В. Радлова в изучении студентом Н. Катановым в 1885–1888 гг. общетюркской фонетики. Кроме того, по свидетельству профессора И.М. Покровского (1865–1941), «в студенческие годы на Николая Фёдоровича имел сильное влияние кружок Н.М. Ядринцева, известного сибирского публициста, общественного деятеля и путешественника-археолога»². Исключительную роль в формировании его научных взглядов и принципов в период учёбы в университете сыграли Г.Н. Потанин и Э.Ю. Петри.

Важным рубежом жизненного и профессионального пути Николая Катанова стало научное путешествие в 1889–1892 гг. в Южную Сибирь и Восточный Туркестан с целью изучения языков и этнографии тюркских народов, организованное и поддержанное Русским географическим обществом, Петербургской Академией наук и Министерством народного просвещения.

Истоки организации данного путешествия связаны с обсуждением записки В.В. Радлова о перспективности «исследования остатков тюркских племён на крайнем Востоке» на заседании отделения этнографии Императорского Русского географического общества 11 декабря 1887 г.³ под председательством В.И. Ламанского. На заседании было определено представить записку в Совет общества. В этой записке В.В. Радлов дал высокую оценку студенту IV курса восточного факультета Санкт-Петербургского университета Н. Катанову. Радлов писал: «Он занимался со мною в течение 3-х лет и издал уже при Академии несколько статей, касающихся своего родного говора. Из слов профессоров его и из собственных наблюдений я убедился в его усердии, способностях, преданности к науке и знаниях его по избранным предметам, так что нельзя найти более подготовленного и более способного лица для исполнения вышеупомянутого предприятия»⁴.

¹ РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 1–5.

² *Покровский И.М.* Памяти проф. Н.Ф. Катанова // Известия Общества археологии, истории и этнографии (ИОАИЭ). 1923. Т. XXXII. Вып. 2. С. 247.

³ Известия ИРГО. 1889. Т. XXIV. С. 421–423.

⁴ Там же. С. 469.

Он также просил Совет общества выделить в смете 1888 г. 1 000 руб., создать «комиссию для составления подробного плана» экспедиции, а также обещал «ходатайствовать об ассигновании г. Катанову субсидии из штатных сумм Императорской Академии наук».

В октябре – ноябре 1888 г. Катанов принимает окончательное решение. Происходит согласование вопроса о его научном командировании «в Монголию и Северо-Западный Китай для этнографического и лингвистического исследования тюркских племён» между Санкт-Петербургским университетом и Русским географическим обществом.

Указом Александра III от 22 декабря 1888 г. кандидат Катанов был командирован на два года «за границу с учёной целью»⁵.

Министерством внутренних дел от 8 декабря 1888 г. был подготовлен и вручён открытый лист Катанову, командированному в Восточную и Западную Сибирь и Китай с научной целью. Официальный документ, который подписал граф Д. Толстой, предписывал «местам и лицам, подведомственным Министерству внутренних дел, оказывать предъявителю сего всякое законное содействие к исполнению возложенного на него поручения»⁶.

На заседании совета факультета восточных языков от 28 января 1889 г. была утверждена «Инструкция для занятий командированного с учёной целью за границу кандидата Николая Катанова», составленная профессором И.Н. Березиным⁷.

Катанов во время своего научного путешествия в 1889–1892 гг. и после возвращения в Санкт-Петербург в декабре 1892 г. официально оставался при университете до ноября 1893 г. 9 ноября 1893 г. по докладу министра народного просвещения император назначил Катанова «преподавателем восточных языков в Казанском университете»⁸.

⁵ Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 261. Отд. 1. С. 22; РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 13; Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб., 1993. С. 287.

⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8904. Л. 14.

⁷ РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 15–16 об.

⁸ Там же. Л. 50.

В связи с этой научной командировкой Николай Катанов направлял свои отчёты также в Министерство народного просвещения. Одним из первых историко-этнографических отчётов Катанова стал «Результаты путешествия в Урянхайскую землю», направленный в январе 1890 г. министерством народного просвещения в университет. Факультетом восточных языков был подготовлен отзыв на этот научный отчёт⁹.

Впервые в марте 1890 г. факультет восточных языков университета ходатайствовал о продлении срока «оставления при университете для приготовления к профессорскому званию» кандидата Катанова с 1 июля 1890 г. по 1 июля 1891 г. «с сохранением за ним получаемой им стипендии 600 руб. в год»¹⁰. Декан факультета И.Н. Березин писал ректору университета: «Путешествие г. Катанова, судя по полученному Императорским Русским географическим обществом сборнику материалов, добытых нашим молодым исследователем, должно почитаться весьма успешным: он собрал статистические данные относительно посещённых им тюркских поколений, составил описания их обычаев, представил рисунки родовых клейм (тамга) и предметов домашнего обихода, сделал попытку к составлению урянхайского словаря (около 1 150 слов); песни, загадки, сказки, пословицы, шаманские молитвы и причитания считаются в сборнике сотнями»¹¹.

В марте 1892 г. вновь решался вопрос об оставлении Катанова при университете ещё на один срок с 1 января 1892 г. по 1 января 1893 г. В связи с этим был подготовлен новый отзыв факультета попечителю учебного округа: «Пребывание г. Катанова на Востоке продолжается и последние, представленные им Географическому обществу отчёты свидетельствуют, что г. Катанов и в настоящую пору не менее плодотворно продолжает свои исследования. В виду этого, и полагая, что для пользы науки такой ревностный молодой труженик не может быть оставлен без необходимых для него поддержки и руководства учёных специалистов <...>»¹².

⁹ Там же. Л. 23–23 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 23.

¹² Там же. Л. 40 об.

Эта экспедиция по значимости общегеографических, лингвистических и историко-этнографических материалов стоит в ряду известных путешествий в Среднюю Азию, Монголию, Сибирь и Восточный Туркестан, осуществлённых во второй половине XIX – начале XX вв. Как известно, среди участников этих масштабных по научной и культурной значимости исследований были Ч.Ч. Валиханов, Г.Н. Потанин, Н.М. Пржевальский, братья Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло, В.И. Роборовский, В.В. Радлов, П.И. Лерх, В.А. Обручев, П.К. Козлов, Г.Н. Цыбиков, Н.И. Веселовский, В.В. Бартольд, В.А. Жуковский, К.Г. Залеман и другие. В период своего путешествия и в дальнейшем Катанов постоянно обращался к опубликованным материалам этих и других исследователей, посвящённым географии, истории, этнографии и культуре народов Центральной Азии.

В декабре 1888 г. Николай Катанов выехал из Санкт-Петербурга в Сибирь. 19 января 1889 г. он прибыл в Красноярск, позднее – в Минусинск и Аскыз.

Первая его экспедиция была совершена в Урянхайский край (Тува). Из г. Минусинска он выехал 7 марта 1889 г. Подробный маршрут своего путешествия «с целью исследования быта и языка урянхайцев» Катанов описал в своём письме В.В. Радлову¹³. Всего во время путешествия было пройдено около 700 вёрст¹⁴. В этот период были собраны тувинские песни, загадки, сказки, поверья и шаманские молитвы.

Из этой поездки по территории Центральной и Западной Тувы он вернулся в Аскыз 27 августа 1889 г. В своём письме отсюда от 15 сентября 1889 г. Катанов писал Радлову: «Дневник путешествия со включением в него сказок, песен, загадок и шаманских молитв, со включением также описания обычаев Урянхайского народа и рисунков клейм родовых (тамги) и рисунков на предметах домашнего обихода имею представить в скором времени для напечатания Императорскому Русскому географическому обществу»¹⁵.

¹³ Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893. С. 7–8.

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Там же. С. 10.

Уже 22 октября 1889 г. кандидат Императорского Санкт-Петербургского университета Катанов вновь писал Радлову в Аскыз, Минусинского округа Енисейской губернии: «Честь имею известить ваше Превосходительство, что дневник путешествия, исполненного мною по поручению Академии наук и Географического общества, отправлен уже Географическому обществу 28 сентября <...>. Текст ерянхайских сказок (тол), песен (ыр), загадок (тыбызык) и шаманских молитв (кам сузу) уже оканчивается приведением в порядок и будет представлен в скором времени на усмотрение Академии наук»¹⁶.

Основным итогом комплексных исследований Тувы стала рукопись Катанова «Очерки Урянхайской земли»¹⁷, которая имеет неоценимое значение в истории этнографии Тувы.

После этой экспедиции, находясь в Аскызе и Минусинске в сентябре – декабре 1889 г., Катанов занимался перепиской и переводами собранных тувинских текстов. Кроме того, он записывал сказки (нымак), песни (такпак) и загадки (тапчан нымак) «минусинских татар» – хакасов¹⁸.

Определяя итоги и новые задачи дальнейшей работы, Катанов писал своему наставнику Радлову 26 декабря 1889 г. из Аскыза: «Недели через три я выеду для исследования карагасов, обитающих в Каннской и Нижнеудинской тайгах; в настоящее время я собрал богатый материал по части наречий и обычаев абаканских татар (сагайцев, качинцев и бельгиров)»¹⁹.

Следующая этнографическая экспедиция в Восточные Саяны была предпринята в январе – феврале 1890 г. и посвящена полево-

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2, Д. 125. Л. 1.

¹⁷ *Вайнштейн С.И.* Этнографические исследования Н.Ф. Катанова у тувинцев и других тюркоязычных народов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IV. М., 1968. С. 34; *Кужугет А.К.* Неопубликованный труд Н.Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли» // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения Международного научного семинара. Казань, 2006. С. 46–49; *Катанов Н.Ф.* Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл, 2011.

¹⁸ Письма Н.Ф. Катанова... С. 18.

¹⁹ Там же. С. 25.

му лингвистическому и историко-этнографическому исследованию карагасов (тофаларов). Основной путь пролегал через Канский округ (верховья р. Агул) в направлении г. Нижнеудинска²⁰.

Из верховьев р. Бирюсы Нижнеудинского округа в письме Радлову от 18 февраля 1890 г. Катанов сообщал о проделанной работе: «Записал уже многое; между прочим: названия костей карагасских; названия 12 месяцев года; названия рек и речек; названия деревьев; предания о происхождении 5 карагасских костей; обычаи племени: при рождении, женитьбе и похоронах, обряд посвящения горному и водяному духу коней и оленей; о жизни шаманов; о количестве племени карагасов и количестве содержащихся ими оленей и проч.»²¹. Итоги этого периода экспедиции были опубликованы в статье Катанова «Поездка к карагасам в 1890 году»²².

Весна 1890 г. – февраль 1891 г. связаны с проживанием в Асқызе и Минусинске и с интенсивной работой по обработке разнообразных материалов, собранных Катановым в предшествующие периоды экспедиций. Кроме того, летом 1890 г. Катанов посетил восемь китайских центров (Хотан, Кашгар, Ак-су, Кучар, Каракаш, Бая, Логучен и Старый Турфан), где ознакомился с языком и этнографией тюркского населения Восточного Туркестана. Оригинальные оценки были сделаны по итогам этой поездки: «Наречия тюркских обитателей этих городов в фонетическом отношении почти все сходны. Разница заключается лишь в большем или меньшем количестве китайских и монгольских слов», а также ряд других значимых языковедческих выводов о тюркских языках Восточного Туркестана²³.

Сохранился «Дневник путешествия» 1890 г., где представлены материалы поездки Катанова в «Дзунгарию и северную часть Восточного Туркестана»²⁴. Как отмечал путешественник, ему «не

²⁰ Письма Н.Ф. Катанова... С. 26.

²¹ Там же.

²² Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки Русского географического общества. 1891. Т. XVI. Вып. 2. С. 133–230.

²³ Письма Н.Ф. Катанова... С. 95–107.

²⁴ НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 10. «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану. Дневник путешествия, совершённого по поручению Императорского Русского географического общества в 1890 г.». 241 л.

удалось в эту поездку добраться до г. Хами, где можно было бы собрать интересные научные сведения как о языке, так и об обычаях обитателей Хамийского оазиса, неисследованных до настоящего времени ни одним специалистом. Кроме ограниченности средств, препятствием поездки в этот интересный оазис служило задержание нас в г. Урумчи китайскими властями, обещавшими пропустить меня и двух моих спутников не иначе, как по получении из Пекина разрешения»²⁵.

В следующий период путешествия, с февраля по ноябрь 1891 г., в центре полевых исследований Катанова находились тюркоязычные народы (уйгуры, казахи и другие этносы) Восточного Семиречья (Тарбагатай). Наиболее важным итогом экспедиций 1890–1891 гг. стал сбор огромного массива фольклорных материалов: «исторические рассказы о войнах в Восточном Туркестане, песни, распеваемые в главные мусульманские праздники, песни эротические, толкования снов, загадки и пословицы», а также изучение «языка казак-киргизов, состоящих в ведении тарбагатайского хебей-амбана, живущего <...> в г. Дурбульджине»²⁶. Оригинальные тюркские тексты, собранные во время экспедиции, записывались и впоследствии публиковались Катановым в принятой академической транскрипции этого периода. Катанов оставался последователем этой академической традиции: тюркоязычные тексты, термины, названия, имена он записывал максимально приближёнными к тексту или народному звучанию. В 1906 г. в связи с публикацией оригинального таранчинского текста песен, собранных Н.Н. Пантусовым в 1899–1900 гг. в г. Яркенте (Джаркент) Семиреченской области и присланных Катанову в 1904 г., он писал: «Для облегчения чтения текстов я снабдил их русской научной транскрипцией, принятой в тюркских изданиях нашей Академии наук»²⁷.

Местом своего пребывания между поездками Катанов избрал укрепление Бахты Семиреченской области. Обобщённые мате-

²⁵ НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

²⁶ Письма Н.Ф. Катанова... С. 63.

²⁷ Новые песни усекских таранчей, переселенцев из Илийского края. Таранчинский текст с русским переводом и примечаниями Н.Н. Пантусова и с предисловием и транскрипцией Н.Ф. Катанова // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1906. Т. XXII. Вып. 5. С. 303.

риалы экспедиции, собранные в восточных районах Семиреченской области и г. Чугучаке с 24 февраля по 19 октября 1891 г., изложены Катановым в отчёте, направленном Русскому географическому обществу²⁸.

С 13 мая по 7 ноября 1891 г. Катанов жил в г. Чугучак (Китай) с тем, чтобы «подготовиться к путешествию по Китаю»²⁹. Отсюда он писал Радлову: «Подготовка моя заключалась в том, что я нашёл, при помощи русских поданных, живущих в Чугучаке, несколько китайских татар из городов Турфана, Логучена, Аксу, Кучара и Кашгара, записываю с их уст памятники народной литературы и таким образом совершенствуюсь в изучении татарского языка, с которым придётся мне иметь дело во время поездки в Хами и Турфан»³⁰. Именно в Чугучаке в октябре 1891 г. Н.Ф. Катанов переписал тюркский текст литографированной китайской книги «Ли» (Закон). В 1902 г. этот текст был издан при поддержке В.Р. Розена в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества»³¹.

Наиболее протяжённым по времени и значимым по итогам научной экспедиции стали комплексные исследования основных тюркских этносов Синьцзяна. 8 ноября 1891 г. Катанов «покинул г. Чугучак и через гг. Дурбульджин, Кур-Кара-Усу, Манас, Урумчи, Гучен и хребет Тянь-Шань (перевал Гоу-чен-дабан) проехал в г. Хами, где прожил вплоть до 7 марта 1892 г.»³². Эта последняя экспедиция была проведена с ноября 1891 г. по март 1892 г. в Хамийском оазисе и завершилась в марте – мае 1892 г. в Турфане. Специальный паспорт на китайском, русском и маньчжурском языках для продвижения в Хами и Турфан был получен в октя-

²⁸ Отчёты кандидата Санкт-Петербургского университета г. Катанова, отправленного для этнографического исследования тюркских племён в Восточную Сибирь, Монголию и Северный Китай // Живая старина. 1892. Вып. IV. С. 111–122; 134–137.

²⁹ Письма Н.Ф. Катанова... С. 62–63.

³⁰ Там же.

³¹ Катанов Н.Ф. Маньчжурско-китайский «ли» (закон) на наречии тюрков Китайского Туркестана // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1902. Т. XIV. С. 31–75.

³² Катанов Н.Ф. В Императорское Русское географическое общество (отделение этнографии) // Живая старина. 1892. Вып. IV. С. 135.

бре 1891 г. при содействии консула в Чугучаке М.П. Шишмарёва и консула в Кульдже В.М. Успенского.

По свидетельству самого путешественника, «в давно желанный город Хами» он проехал по маршруту «Чугучак – Кара Усу – Урумчи – Гучень – хребет Тянь-Шань – пикет Янь-цзы». «Здесь я намерен пробыть 1,5 – 2 месяца, – писал Катанов в письме от 8 января 1892 г. из г. Хами Радлову, – и потом поеду в г. Логучен или Турфан, где пробуду около 1,5 месяца; далее 1,5 месяца пробуду среди илийских таранчей и оттуда поеду к верховьям р. Томи и Абакан для подробного исследования шаманизма качинцев, сагайцев, бельгиров и койбалов, и оттуда в Санкт-Петербург»³³. Катанов пробыл в Хами до середины марта 1892 г.

Во второй половине марта 1892 г. «приехал на русской телеге из Хами через Пичань в Турфан»³⁴. В этом городе Восточного Туркестана Катанова заинтересовала китайская система управления краем. О власти хамийского и логученского цзюнь-ваней (князя второй степени) он писал: «Оба вана сильно обирают своих подчинённых; крестьяне работают на них три недели и на себя одну. С посевов значительная часть отдаётся в собственность вана»³⁵.

Следующим центром пребывания Катанова в Синьцзяне стал г. Кульджа, куда он прибыл в конце апреля 1892 г. Катанов закончил своё путешествие по китайскому Восточному Туркестану, прибыв в мае 1892 г. в г. Джаркент Семиреченской области. Он писал: «Путешествие по округам Тарбагатаю и Или и новой провинции Гань-су-синь-цзянь я закончил благополучно, собравши богатый этнографический и лингвистический материалы и большую коллекцию денежных знаков. Мною посещены следующие города северо-западного Китая: Чугучак (по-китайски Бияр), Дурбульджин, Кур-Кара-Усу, Манасы, Чан-цзи (Санжи), Урумчи, Гучен, Хами, Пичан, Турфан, Джин-хо, Суйдун и Кульджа, и находящиеся близ них посёлки и деревни. Исследованы мною быт и язык казак-киргизов и китайских татар»³⁶.

³³ Письма Н.Ф. Катанова... С. 69.

³⁴ Письма Н.Ф. Катанова... С. 73.

³⁵ Там же. С. 76.

³⁶ Там же. С. 81–82.

Завершающим этапом масштабного научного путешествия Катанова стал период с июня по декабрь 1892 г., когда он проживал в с. Аскыз и г. Минусинске. В это время Катанов совершал поездки в Минусинском округе Енисейской губернии, изучая языки и этнографию тюркоязычных групп Минусинской котловины и предгорий Западных Саян – бельтиров, сагайцев, койбалов и качинцев. В центре внимания учёного оказался феномен шаманизма хакасов. В основном он записал «шаманские рассказы и молитвы бельтиров, каларов, сагайцев и качинцев»³⁷.

В целом во время путешествия 1889–1892 гг. в центре комплексного исследования Катанова были «минусинские татары» – хакасы. Можно выделить три главных периода целевых полевых исследований языка и быта хакасов: сентябрь 1889 – январь 1890 гг.; апрель – июнь 1890 г. и июль – октябрь 1892 г. Он посетил основные географические зоны кочевьев сагайцев, качинцев, бельтиров, каргинцев и составил уникальные записи об их расселении, верованиях, хозяйстве, административном управлении, этногенезе, миссионерской деятельности, памятниках народной литературы и т. д.³⁸ В одном из своих писем в Академию наук из г. Минусинска от 2 апреля 1890 г. Катанов сообщал: «Теперь я занят переписыванием лингвистических материалов, собранных за время с октября 1889 г. по апрель 1890 года (у минусинских татар и карагасов). Всего накопилось около 3 000 страниц»³⁹.

По пути в Санкт-Петербург Катанов писал своему учителю В.Р. Розену об основных итогах научного путешествия: «Четырёхлетнее странствование моё по степям, горам и пустыням Азии было для меня весьма полезно: я окреп здоровьем, научился многому и видел много редкостного. Бывали во время путешествия и такие минуты, когда проклинал себя за то, что выехал из Петербурга, но теперь всё неприятное забыто, и, кажется, было бы нелишнее съездить куда-нибудь ещё раз, хотя бы, например, в Русский Туркестан. Материалов, не приведённых в порядок, везу с собою четверть пуда. По прибытии в Петербург (в конце

³⁷ Там же. С. 89–95.

³⁸ Там же. С. 107–113.

³⁹ СПФ АРАН. Ф. 87. Оп. 3. Д. 175.

этого месяца) займусь обработкою их, чтобы под свежими впечатлениями издать их как можно лучше»⁴⁰.

Основные историко-этнографические материалы в ходе и по итогам научной экспедиции были опубликованы в известных и забытых работах Катанова⁴¹. В сентябре 1893 г. в предисловии к изданию Радлов, которому были адресованы письма кандидата Санкт-Петербургского университета Катанова, отмечал, что в них «немало сведений, новых и интересных для этнографии и туркологии». Основоположник комплексных историко-этнографических и лингвистических экспедиций среди тюркских народов Сибири второй половины XIX в. Радлов обращал внимание читателя на то, что письма его ученика «представляют особый интерес потому, что описаны на местах исследований и под свежим впечатлением»⁴². Именно его ученику было суждено продолжить и внести огромный вклад в комплексные тюркологические лингвистические, фольклористические и этнографические исследования тюркских народов Центральной Азии.

На протяжении 1889–1892 гг. Катанов собирал и обобщал разнообразный этнографический материал о тюркских, самодийских и монгольских народах на огромных географических пространствах и историко-этнографических областях Евразии. В центре этнографического изучения были современные тюркоязычные народы Алтае-Саянского нагорья – хакасы, тувинцы, тофалары. Кроме того, были собраны этнографические материалы о тюрках Восточного Туркестана – уйгурах, казахах и киргизах.

После возвращения из путешествия в Санкт-Петербург в своём выступлении на общем собрании Русского географического общества (19 мая 1893 г.) Катанов отмечал: «Не входя в подроб-

⁴⁰ СПФ А РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 197. Л. 1 об.

⁴¹ Катанов Н.Ф. Бубен и кологушка шамана по описанию минусинских татар // Известия Томского университета. 1890. Кн. 2. С. 237–239; Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки Русского географического общества. 1891. Т. XVI. Вып. 2. С. 133–230; Катанов Н.Ф. Среди тюркских племён // Известия Русского географического общества. 1893. Т. XXIX. С. 519–541; Отчёт о поездке в Восточную Сибирь, Монголию и Северный Китай в 1890 и 1891 гг. // Живая старина. 1892. Вып. 4. С. 111–122; Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893.

⁴² Письма Н.Ф. Катанова... С. 1.

ное рассмотрение всего обширного и лингвистического материала, собранного мною за 4 года, я остановлюсь лишь на некоторых памятниках народного творчества тюркских племён Северной и Средней Азии, именно на таких памятниках, которые рисуют религиозные воззрения, быт и нравы названных племён и отношения их к соседним народам»⁴³. Материалы этого периода свидетельствуют, что объектами его историко-этнографического изучения стали малоисследованные тюркские этносы. Этот метод полевого этнографического изучения особенно проявился в докладе «Среди тюркских племён» (1893 г.). Оригинальный и комплексный лингвистический и историко-этнографический материал обобщался по следующим тюркским народам – урянхайцам (тувинцы), карагасам (тофалары), казак-киргизам (казахи), сартам (узбеки), китайским татарам (уйгуры и другие тюркские этносы Синьцзяня), минусинским татарам (хакасы).

Опубликованные сведения и материалы по итогам экспедиции в Центральной Азии, посвящённые языкам, истории и этнографии тюркских народов в 1889–1893 гг. группируются по следующим направлениям: географические, административные, экономико-хозяйственные, лингвистические, фольклорные, культурно-исторические и религиозоведческие.

Основные направления полевых исследований позволили путешественнику сформулировать выводы, что тюркские и другие этносы вели активное историко-культурное взаимодействие и взаимовлияние на пространствах Центральной Азии. Например, Н.Ф. Катанов отмечал, что верование урянхайцев «в дракона заимствовано через монголов у китайцев» или, выделяя тюрков Восточного Туркестана как приверженцев суннитского ислама, он пишет, что «жизнь обитателей Хамийского оазиса не обошлась без влияния Китая, сказавшегося <...> на объяснениях некоторых явлений природы и обыденной жизни»⁴⁴.

В 1894–1922 гг. в Казани Катанов развил классическую университетскую традицию тюркологических и, в особенности, ком-

⁴³ Катанов Н.Ф. Среди тюркских племён // Известия Русского географического общества. 1893. Т. XXIX. С. 520.

⁴⁴ Там же. С. 522, 527.

плексных историко-этнографических и фольклористических исследований тюркских народов Евразии. К началу преподавательской деятельности в Казанском университете им был собран огромный лингвистический, фольклорный и этнографический материал.

В целом оригинальные статьи и материалы по истории и культуре тюрков Евразии позволяют выделить сформировавшуюся исследовательскую концепцию Катанова на рубеже XIX – XX вв. Концепция сформировалась под влиянием российской общественно-политической идеологии, уровня знаний о тюркских народах Евразии и социальной среды конца XIX – начала XX вв.

В основе этой концепции находится идея единства и своеобразия истории и культуры различных тюркских народов; целенаправленное и последовательное изучение традиционной культуры и мировоззрения тюрков; упорная борьба с общественным «мнением, что инородцы обречены на вымирание»; «влияние русского населения на татар, на их язык, быт, хозяйство» и др.

В целом лингвистические, фольклорные и этнографические материалы Катанова знакомили читателя с разнообразным миром тюркских народных обрядов, обычаев, песен, преданий и сказок. Особое внимание было уделено шаманским обрядам тюрков Центральной Азии.

Н.Ф. Катанов сыграл исключительную роль в изучении культурного наследия народов Сибири, Восточного Туркестана, Поволжья и Приуралья. В ходе полевых исследований им использовался метод сравнительного изучения разнообразного историко-культурного наследия тюркских, финно-угорских и славянских народов. На протяжении всей творческой деятельности историко-этнографические, лингвистические и фольклористические работы профессора Казанского университета основывались на оригинальном экспедиционном, текстологическом и музейном материале автора и его предшественников.

Литература

Вайнштейн С.И. Этнографические исследования Н.Ф. Катанова у тувинцев и других тюркоязычных народов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IV. М., 1968. – Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 94.

Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 261. Отд. 1.

Известия Императорского Русского географического общества. 1889. Т. XXIV. С. 421–423.

Катанов Н.Ф. Бубен и колотушка шамана по описанию минусинских татар // Известия Томского университета. 1890. Кн. 2. С. 237–239.

Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки Русского географического общества. 1891. Т. XVI. Вып. 2. С. 133–230.

Катанов Н.Ф. Отчёт о поездке в Восточную Сибирь, Монголию и Северный Китай в 1890 и 1891 гг. // Живая старина. 1892. Вып. 4. С. 111–122.

Катанов Н.Ф. В Императорское Русское географическое общество (отделение этнографии) // Живая старина. 1892. Вып. IV.

Катанов Н.Ф. Среди тюркских племён // Известия Русского географического общества. 1893. Т. XXIX. С. 519–541.

Катанов Н.Ф. Маньчжурско-китайский «ли» (закон) на речи тюрков Китайского Туркестана // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1902. Т. XIV. С. 31–75.

Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл, 2011.

[*Катанов Н.Ф.*]. Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана // Записки Императорской Академии наук. 1893. Т. XXIII. С. 1–114 (приложение) / Предисловие *В.В. Радлова*. СПб., 1893.

Куржугет А.К. Неопубликованный труд Н.Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли» // Наследие Н.Ф. Катанова: история

и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного научного семинара, 30 июня – 1 июля 2005 г. Казань, 2006. С. 46–49.

Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1993.

Новые песни усекских таранчей, переселенцев из Илийского края. Таранчинский текст с русским переводом и примечаниями *Н.Н. Пантусова* и с предисловием и транскрипцией *Н.Ф. Катанова* // Известия Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). 1906. Т. XXII. Вып. 5.

Отчёты кандидата Санкт-Петербургского университета г. Катанова, отправленного для этнографического исследования тюркских племён в Восточную Сибирь, Монголию и Северный Китай // Живая старина. 1892. Вып. IV. С. 111–122; 134–137.

Покровский И.М. Памяти проф. Н.Ф. Катанова // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1923. Т. XXXII. Вып. 2. С. 245–259.

Архивные источники

РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933.

СПФ АРАН. Ф. 87. Оп. 3. Д. 175.

СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 125.

СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 197.

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8904.

НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 10.

**The academic journey of N.F. Katanov to Siberia,
Eastern Turkestan and his Contribution
to the Historical and Ethnographic Study of Eurasia's Turkic
Peoples**

R.M. Valeev**, *V.N. Tuguzhekova**

*Institute of Tatar Encyclopedia, Academy of Sciences of Tatarstan

**The Khakass Research Institute of Languages, Literature and
History

The article summarized main data of biography and scientific activities of the outstanding turkologist N.F. Katanov (1861–1922), including Katanov's scientific travel to Siberia, East Turkestan and his contribution to historical and ethnographic studying of the Turkic peoples of Eurasia.

Ю.И. Елихина*, С.С. Миняев**

*Государственный Эрмитаж

**ИИМК РАН

Естественнонаучные методы исследования находок из Ноин-Улы

Могильники в горах Ноин-Ула на севере Монголии относятся к наиболее известным археологическим памятникам сюнну (хунну или азиатские гунны). Они были случайно открыты в 1912 г. горным инженером общества «Монголор» А. Баллодом. В 1924–1925 гг. сотрудники Монголо-Тибетской экспедиции известного русского путешественника и исследователя Центральной Азии П.К. Козлова (1863–1935) обследовали местность, где расположены могильники и зафиксировали здесь более двухсот курганов, сконцентрированных группами в нескольких лесистых распадках. Под руководством С.А. Кондратьева – помощника П.К. Козлова, сотрудникам экспедиции путём прокладки глубоких шурфов удалось проникнуть в погребальные камеры семи курганов и извлечь из них около 2 000 различных предметов, в основном тканей и престижных золотых и серебряных украшений. Ещё один курган (№ 12\24) был исследован известным археологом С.А. Теплоуховым методом «открытой разработки»¹. В 1926–1927 гг. ещё несколько предметов были извлечены из других курганов: из кургана № 49 Г.И. Боровкой, из кургана № 5 и безномерного кургана в пади

¹ Теплоухов С.А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчёты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925. С. 41–52; *Trever K.* Excavation in Northern Mongolia (1924–1925) // *Memoirs of the Academy of History of Material Culture*. Т. II. Leningrad, 1932; *Umehara S.* Мого Ноин-Ура хагкен но ибүсу (Исследование находок из Ноин-Улы, Северная Монголия). Тōкүд.: The Toyo bunko, 1960; *Руденко С.И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962; *Елихина Ю.И.* Коллекция находок из Ноин-Улы, хранящаяся в Эрмитаже (характеристика коллекции) // *Рериховское наследие – III*. СПб. 2007. С. 304–310; *Юсупова Т.И.* История не совсем обычного археологического открытия // *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. С. 9–52.

Гуджиртэ А.Д. Симуковым, участником работ Монголо-Тибетской экспедиции в 1924–1925 гг. Позднее работы в Ноин-Уле проводили ещё ряд экспедиций², в последние годы раскопки памятника продолжены экспедицией Института археологии СО РАН³.

Конструкция раскопанных курганов в общих чертах сходная. Они имели намогильное сооружение в виде квадратной каменной кладки, ориентированной по сторонам света. Под кладкой находилась квадратная могильная яма глубиной от 6 до 13 м. На дне ямы устилался пол, на котором устанавливалась двойная камера с гробом во внутренней камере. Полы застилали коврами, стены драпировали шёлковыми и шерстяными тканями. В коридорах помещался погребальный инвентарь⁴. Ноин-улинские могильники в целом можно датировать I в. н. э.⁵ В настоящее время основная часть находок, полученных Монголо-Тибетской экспедицией (более 1 900 предметов), хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

В данной статье рассматриваются результаты технологического изучения различных материалов из ноин-улинской коллекции.

Шерстяные ткани и войлочные ковры

Шерстяные ткани, войлочные ковры или фрагменты этих изделий составляют значительную часть коллекции Эрмитажа. Войлочные ковры и изделия из шерсти почти сразу после раскопок подверглись химико-технологическому анализу в Лаборатории археологической технологии Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК, ныне Институт исто-

² Доржсүрэн Ц. Умард хунну. Улаанбаатар, 1961; *Erdelyi I.* Archaeological Expedition in Mongolia. Budapest, 2000.

³ Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Эрдэнэ-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2. С. 77–87; Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск, 2011.

⁴ Руденко С.И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М.; Л., 1962; Елихина Ю.И. Коллекция находок из Ноин-Улы, хранящаяся в Эрмитаже (характеристика коллекции) // Рериховское наследие – III. СПб., 2007. С. 304–310.

⁵ *Miniaev S., Elikhina J.* On the Chronology of the Noyon uul barrows // *The Silk Road*. 2009. Vol. 7. P. 21–31.

рии материальной культуры Российской Академии наук, ИИМК РАН). Были проведены химический, микрохимический, гистологический анализы, исследования окраски, техники обработки вышивкой и т. д.⁶

В последние годы исследования тканей были продолжены. Проведено микрофотографирование образцов при различных увеличениях от 200 до 1 000 раз для уточнения техники переплетения нитей в различных видах тканей⁷.

Новым методом полиполяризации было исследовано несколько сотен образцов шерстяных тканей⁸. Данный метод был разработан в последние годы в ИИМК РАН В. Куликовым и Е. Медниковой и подробно охарактеризован в ряде работ⁹. Метод получил своё название из-за большого количества поляризационных зон в исследуемых объектах. Исследования таких объектов толщиной до 20 мкм (максимальная их толщина зависит от прозрачности), проводятся при 350-кратном увеличении и измерении при помощи изображения шкалы оптического микрометра, полученном при таком же увеличении. Основное отличие этого метода от стандартных методов исследования заключается в плавном снижении интенсивности фонового излучения первичного источника (в данном случае – галогенной лампы), проходящего вокруг исследуемого объекта, с целью обнаружения «забываемого» им излучения этого объекта (вторичное излучение). Область применения метода весьма обширна: археология, биология, геология,

⁶ *Воскресенский А.А., Кононов В.Н.* Химико-технологический анализ ковра № 14568 // Известия Государственной академии материальной культуры. 1932. Вып. 7–9. Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Л.: ГАИМК, 1932. С. 76–93.

⁷ *Moulherat C.* La nécropole imperiale de Noin Ula (Mongolei). Quelques exemples de textiles conservés au musée de l'Hermitage à Saint-Petersbourg. Paris: Centre d'étude et de recherche sur les textiles anciens, 2008.

⁸ Данная работа проводилась в рамках проекта РФФИ № 12-0600159а «Исследование археологических объектов методом полиполяризации».

⁹ *Kulikov V.E., Mednikova E.Yu., Elikhina Yu.I., Miniaev S.S.* An experiment in studying the felt carpet from Noyon uul by the method of polypolarization // The Silk Road. 2010. Vol. 8. P. 73–78; *Куликов В.Е., Кидалов В.Н., Медникова Е.Ю., Хадарцев А.А.* Полиполяризационный метод исследования мелкозернистых структур в научных исследованиях на основе системы технического зрения // Вестник новых медицинских технологий. 2010. № 17 (1). С. 7–8.

минералогия, медицина, криминалистика и многие другие. Существенным достоинством метода для археологии является крайне малый размер необходимых для анализа образцов, что практически не нарушает форму и структуру исследуемого предмета¹⁰.

Для исследования древних тканей ноин-улинской коллекции методом полиполяризации был использован созданный в ИИМК РАН эталонный фонд снимков в поляризации волосяного покрова животных, а также волокон растительного и животного происхождения. Впервые данным методом были исследованы образцы ковра на войлочной основе из ноин-улинского кургана № 6 (инв. № МР-1958/1959). Отобранные для исследования фрагменты войлока и нитей орнамента ковра сравнивались с эталонными образцами. Сопоставление макрофотографий эталонов шерсти и образцов ковра позволили заключить, что тонина (величина поперечного сечения отдельного волокна) и конфигурация срединной части волоса (мозгового вещества) войлока и нитей ковра характерны для шерсти верблюда.

Эти исследования были продолжены изучением нескольких сотен образцов нитей шерстяной «завесы» (инв. № МР-1955) (рис. 1) и вышивки с изображением всадников из кургана № 6 (инв. № МР-1953). Снимки в полиполяризации большинства образцов нитей как «завесы» так и вышивки наиболее близки с эталонными снимками шерсти верблюда. Этот вывод относится к монохромным и полихромным тканям, к нитям вышивок и к нитям, сшивавшим разные куски завесы¹¹.

В то же время несколько проанализированных образцов показывают сходство с эталонными анализами нитей льна. Отмеченное сходство позволяет предполагать, что льняные нити в некоторых случаях не только использовались для деталей вышивок,

¹⁰ Куликов В.Е., Медникова Е.Ю., Елихина Ю.И., Миняев С.С. Опыт исследования войлочного ковра из Ноин-Улы методом полиполяризации // Археологические вести. 2011. Вып. 17. С. 119–121; *Kulikov V.E., Mednikova E.Yu., Elikhina Yu.I., Miniaev S.S.* An experiment in studying the felt carpet from Noyon uul by the method of polypolarization // *The Silk Road*. 2010. Vol. 8. P. 73–78.

¹¹ Куликов В.Е., Медникова Е.Ю., Елихина Ю.И., Миняев С.С. Опыт исследования тканей из могильника Ноин-Улы методом полиполяризации // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб., 2012. С. 603–635.

но и вводились как орнаментальные полосы в основу тканей из верблюжьей шерсти.

Особый интерес вызывает выявленные в нескольких образцах волокна хлопка. Следы таких волокон отмечены в нитях самой завесы и в нитях от отдельных частей завесы, которые не реставрировались и сохранились в оригинальном виде. Это обстоятельство показывает, что микроскопические частицы волокон хлопка могли попасть в верблюжью пряжу либо воздушным путём, как частицы хлопковой пыли, либо как остатки хлопковых волокон на ткацком станке, где перед изготовлением тканей из верблюжьей шерсти ткали хлопковые изделия. Это наблюдение имеет существенное значение для определения района изготовления ноин-улинских тканей.

В некоторых образцах верблюжьей шерсти завесы отмечено наличие конского волоса. Как правило, такие образцы представлены нитями контура геометрических фигур (ромбы) или зооморфных изображений (контур панциря черепахи). Конский волос в данном случае не играл роль крепления к основе, а придавал нитям контура необходимую жёсткость, предохранявшую фигуры вышивок от деформации.

Изучение волос

Было исследовано также 110 образцов волос из погребальных кос и изделий из конского волоса. Среди них были определены, не только человеческие волосы, но и конские волосы, и волосы яка. Исследование проводилось под оптическим микроскопом с фотофиксацией волос и их поперечных срезов в инфракрасных лучах и проведением сравнительных измерений¹².

Лакированные изделия

Лакированные изделия представляют собой одну из наиболее ярких категорий материальной культуры древнего Китая. Лак использовался в Китае как защитное водонепроницаемое покрытие с древних времён и изготавливался из сока лакового дерева (сумах лаконосный; кит. *ци-шу*). Природный ареал его произрастания – южные провинции Китая, именно там изначальная зона

¹² Radepont M., Moulherat C. Observation and analyses of fibres from Xiongnu graves. Paris: Centre de Recherche et Restauration des Musée de France. Journal of the C2RMF. 2010, January. P. 2–11.

распространения лаковых изделий. Самые древние лаки *ци-шу* имеют коричневый цвет. Сок лакового дерева практически не смачивает пигменты. Эта задача была решена древними мастерами следующим образом: сок стали смешивать с киноварью, предварительно перетёртой с тунговым маслом (кит. *тун-чжоу*). Причём соотношение тунгового масла в смеси составляет 5–7%.

Лак был антикоррозионным и антибактериальным изолирующим материалом. Он продлевал жизнь изделий не только металлов и терракоты, но и органических материалов. Им окрашивали кожу и все типы изделий из дерева (столы, стулья, сосуды, шкатулки, коробочки, мебель, музыкальные инструменты, оружие, колесницы и гробы). Китайцы смогли окультурить лаковое дерево и вывели сорта, которые смогли выращивать даже в своих северных районах. Количество деревьев и собранного сока строго контролировали и учитывали в специальных учреждениях.

Расцвет лакового искусства приходится на период династий Западная и Восточная Хань (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.). В конце династии Западная Хань и в начале династии Восточная Хань, т. е. в период 1 в. до н. э. – 1 в. н. э. часть престижных лакированных изделий в качестве подарков попадали к представителям сюннуской знати, что хорошо продемонстрировали ноин-улинские находки. В эрмитажной коллекции Ноин-Улы насчитывается около ста лакированных предметов (или со следами лака). К таким находкам относятся чашечки и шкатулки, детали погребальной камеры и гроба, колесниц, ножки столиков, сосуд и фрагменты различных изделий. Пока подробно описаны и введены в научный оборот только материалы по исследованию лакированных чашечек. Стилистический анализ чашечек и перевод надписей на них были проделаны одним из ведущих специалистов в мире М. Пираццоли-Серстевенс¹³.

Проведённые физико-химические исследования чашечек в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа уточнили способ изготовления и состав красок. Плёнкообразова-

¹³ Pirazzoli-t'Serstevens M. Chinese Lacquerware from Noyon uul. Some Problems of Manufacturing and Distribution. The Silk Road. 2009, Autumn. Vol. 7. P. 36–41.

телем всех лакокрасочных покрытий чашечек служил сок китайского лакового дерева. Чашечка из кургана № 6 (инв. № МР-2301) (рис. 2) создана с соблюдением всех технологических норм, в то время как при изготовлении трёх чашечек из кургана № 23 (инв. №№ МР-2302, 2303, 2304) отмечены нарушения и изменения технологии. Они выразились в том, что за счёт разведения красок бóльшим количеством тунгового масла на окраску чашечек пошло меньше дорогих компонентов – лака и киновари)¹⁴.

По данным ИКС (метод инфракрасной спектроскопии) и РФА (рентгенофлуоресцентный анализ) чаша из кургана № 49 (инв. № МР-2551) представляет собой высоконаполненный композит из смеси связующего – природного полимера (содержащего значительное количество ионов цинка, железа и меди) и древесных волокон. Блочный биополимер на основе пирокатехинов *ци-ши* с высокой степенью сшивки по физико-механическим свойствам (твёрдость, термостойкость и др.) можно отнести к природным предшественникам синтетических материалов XX в. фенольного ряда – реактопластов. Изготовлена чаша, по-видимому, методом налива с последовательным использованием двух форм, удаляемых друг за другом по мере высыхания лаковой смеси.

Кроме показанных методов (ИКС, РФА и др.), были применены различные микрохимические анализы (микрокапельный и др.), а также микрофотографирование при различных увеличениях до 750 раз. Это позволило изучить стратиграфию слоёв лакокрасочных материалов (ЛКМ). Также были приготовлены и изучены свойства модельных лаковых систем.

Результаты этих методов были не менее важны, поскольку только после изучения всей совокупности результатов всех применённых методов, возможно было уверенно сделать вывод о технологии изготовления ЛКМ данных экспонатов на основе *ци*-лака.¹⁵

¹⁴ Елихина Ю.И., Новикова О.Г., Хаврин С.В. Китайские лакированные чашечки эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) из коллекции Государственного Эрмитажа // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013. С. 55–58.

¹⁵ Елихина Ю.И., Новикова О.Г. New investigation of Chinese lacquered cups of the Han Dynasty from the collection of the State Hermitage // Asian Archaeology. 2014. Vol. 2. – в печати.

Деревянные изделия

В Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа кандидатом биологических наук М.Н. Колосовой были проведены исследования пород древесины макроскопическим методом по анатомическим признакам¹⁶. Эти исследования показали, что из семидесяти проб древесины в находках Ноин-Улы преобладают сосна и берёза. Кроме того, встречаются также предметы, изготовленные из вяза, лиственницы, пихты, ольхи, ели, черёмухи, ясеня и осины.

Бронзовые изделия

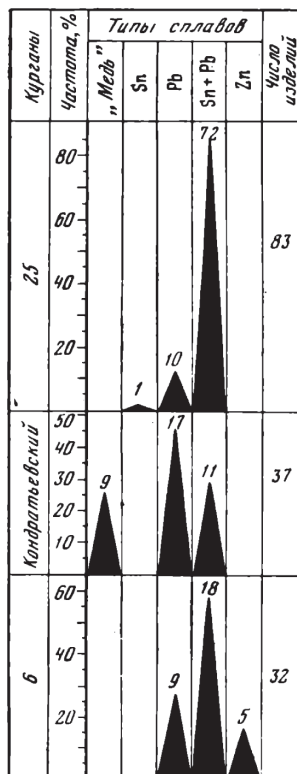
Методом спектрального анализа исследованы все бронзовые предметы, добытые экспедициями П.К. Козлова 1924–1925 гг. и Г.И. Боровки 1926 г.¹⁷ Из анализированных 180 предметов (детали колесниц, пряжки, навершия, фрагменты котлов и т. д.) подавляющее большинство (113 или 62,8 %) изготовлено из оловянисто-свинцовистой бронзы. К свинцовистой бронзе отнесено 47 изделий (26 %), остальные сплавы представлены единичными предметами. Исключение составляют четыре лировидные пряжки и язычок одной из них, найденные в шестом кургане Ноин-Улы. В качестве основного легирующего компонента в них отмечен цинк. Тип таких пряжек не имеет аналогий в других суннуских памятниках, но хорошо известен в погребениях кочевников кушанского времени в северной Бактрии, где они также изготовлены из латуни. Находки лировидных пряжек в Ноин-Уле указывают на определённые связи между Монголией и северной Бактрией в кушанское время.

В целом ноин-улинские бронзовые изделия существенно отличны как типологически, так и по химическому составу от изделий из других суннуских памятников. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что бронзовые предметы Ноин-Улы изготовлены в одной из ханьских литейных мастерских. Принципиальная разница в химическом составе импортных ноин-

¹⁶ Авторы выражают искреннюю признательность кандидату биологических наук, сотруднику ОНТЭ Государственного Эрмитажа М.И. Колосовой за проделанную работу.

¹⁷ *Миняев С.С.* Бронзовые изделия Ноин-Улы (по результатам спектрального анализа) // Краткие сообщения Института археологии. 1981. С. 167, 67–71.

Рис. 1. Распределение бронзовых изделий в курганах Ноин-Улы по типам сплавов (в диаграмму включены данные по трём курганам, где найдено большинство изделий)

улинских и собственно суннуских бронз ещё раз показывает, что сунну имели собственное независимое бронзолитейное производство¹⁸.

Радиоуглеродный анализ

В лаборатории радиоуглеродного анализа ИИМК РАН (руководитель Г. Зайцева) для курганов Ноин-Улы были получены пять дат по С-14. Результаты анализа приведены в следующей таблице:

Номер образца	Курган	Материал	Дата
Ле-7795	Курган 6	Спил колонны, дерево	1840 +30

¹⁸ Миняев С.С. Производство бронзовых изделий у сунну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 47–65.

Номер образца	Курган	Материал	Дата
Ле-7934	Курган 6	Уголь	1910 +50
Ле-8132	Курган 49	Дерево	1855+30
Ле-7935	Курган 49	Уголь	1380+30
Ле-8191	Курган 12	Уголь	1740+ 40

Как видно из таблицы, даты по С-14 в целом не противоречат археологическим датировкам, за исключением образца Ле-7935 из кургана № 49, который относится, видимо, к углю из грабительского хода¹⁹.

Исследования находок из Ноин-Улы продолжают и в настоящее время.

Благодарность. Авторы выражают благодарность коллегам, которые приняли участие в различных исследованиях ноин-улинских находок: В.Е. Куликову, Е.Ю. Медниковой, О.Г. Новиковой, С.В. Хаврину, М.И. Колосовой, К. Мулера (Франция), М. Радепон (Франция), М. Пираццоли-Серстевенс (Франция).

Литература

Воскресенский А.А., Кононов В.Н. Химико-технологический анализ ковра № 14568 // Известия Государственной академии материальной культуры. 1932. Вып. 7–9. Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Л.: ГАИМК, 1932. С. 76–93.

Елихина Ю.И. Коллекция находок из Ноин-Улы, хранящаяся в Эрмитаже (характеристика коллекции) // Рериховское наследие – III / Ред. А.А. Бондаренко, В.Л. Мельников. СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. С. 304–310.

Елихина Ю.И., Новикова О.Г., Хаврин С.В. Китайские лакированные чашечки эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) из коллекции Государственного Эрмитажа // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2013. С. 55–58.

¹⁹ *Miniaev S., Elikhina J.* On the Chronology of the Noyon uul barrows // The Silk Road. 2009. Vol. 7. P. 27; *Минаяев С.С., Елихина Ю.И.* К хронологии курганов Ноин-Улы // Записки ИИМК РАН. Вып. 5. С. 169–182. СПб., 2010.

Краткие отчёты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 58 с.

Куликов В.Е., Медникова Е.Ю., Носов Е.Н. Устройство для оптико-электронного бесконтактного исследования минералов и органических структур. Патент № 2402753 от 27 октября 2010 г., приоритет изобретения 07 апреля 2009 г.

Куликов В.Е., Кидалов В.Н., Медникова Е.Ю., Хадарцев А.А. Полиполяризационный метод исследования мелкозернистых структур в научных исследованиях на основе системы технического зрения // Вестник новых медицинских технологий. 2010. № 17 (1). С. 7–8.

Куликов В.Е., Медникова Е.Ю., Елихина Ю.И., Миняев С.С. Опыт исследования тканей из могильника Ноин-Улы методом полиполяризации // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2012. С. 603–635.

Миняев С.С. Бронзовые изделия Ноин-Улы (по результатам спектрального анализа) // Краткие сообщения Института археологии. 1981. С. 167, 67–71.

Миняев С. С. 1983. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983, С. 47–65.

Миняев С.С., Елихина Ю.И. К хронологии курганов Ноин-Улы // Записки ИИМК РАН. Вып. 5. СПб., 2010. С. 169–182.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М.; Л.: Наука, 1962. 206 с.

Теплоухов С.А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчёты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 41–52.

Тревер К.В. Находки из раскопок в Монголии в 1924–1925 гг. // Сообщения Государственной академии материальной культуры. 1931. Вып. 9–10. С. 40–48.

Юсупова Т.И. История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двад-

цатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. С. 9–52.

Erdelyi I. Archaeological Expedition in Mongolia. Budapest, 2000.

Kulikov V.E., Mednikova E.Yu., Elikhina Yu.I., Miniaev S.S. 2010. An experiment in studying the felt carpet from Noyon uul by the method of polypolarization // *The Silk Road*. 2010. Vol. 8. P. 73–78.

Kulikov V.E., Mednikova E.Yu., Elikhina Yu.I., Miniae S. The method of Polypolarization an Experiment in Studying the Ancient fabrics from Noin uul // *Tyragetia. Arheologie Istorie Antică*. 2012. Serie nouă. Chişinău. Vol. VI [XXI]. № 1. P. 329–345.

Miniaev S., Elikhina J. On the Chronology of the Noyon uul barrows // *The Silk Road*. 2009. Vol. 7. P. 21–31.

Moulherat C. La nécropole imperiale de Noin Ula (Mongolei). Quelques exemples de textiles conservés au musée de l'Hermitage à Saint-Petersbourg. Paris: Centre d'étude et de recherche sur le textiles anciens, 2008.

Radepont M., Moulherat C. Observation and analyses of fibres from Xiongnu graves. Paris: Centre de Recherche et Restavration des Musée de Franncce. *Joural of the C2RMF*. 2010, January. P. 2–11.

Pirazzoli-t'Serstevens M. Chinese Lacquerware from Noyon uul. Some Problems of Manufacturing and Distribution. *The Silk Road*. 2009, Autumn. Vol. 7. P. 36–41.

Trever K. Excavation in Northern Mongolia (1924–1925) // *Memoirs of the Academy of History of Material Culture*. T. III. Leningrad, 1932. 75 p.

Umehara S. Мôко Noin-Ula hakken no ibutsu (Исследование находок из Ноин-Улы, Северная Монголия). Tôkyô: The Toyo bunko, 1960. (на яп. яз.).

Scientific Methods of Investigation of Finds from Noin-Ula

*Yu.I. Elikhina**, *S.S. Miniaev***

*The State Hermitage

**Institute for the History of Material Culture, RAS

Barrows in the mountains of Noin-Ula in northern Mongolia are the most famous archaeological site of Xiongnu (Huns or the Asiatic Huns). This article is devoted to the results of technological investigation of finds made from various materials. Many experts have used and created the different methods of investigation of textiles (silk and wool), lacquered objects, wood, bronze, hair. The investigation of materials contributes to the understanding of ancient objects techniques processes, weave fabrics, the composition of alloys and structures of other materials.

Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева
МАЭ РАН

МАЭ в судьбе востоковеда М.С. Андреева – исследователя Центральной Азии¹

Михаил Степанович Андреев (1873–1948) был известнейшим специалистом в изучении истории, археологии, языков и фольклора многих народов Центральной Азии (в современном толковании этого понятия).

М.С. Андреев родился в эпоху экономического и культурного освоения русскими Туркестана. Его отец Степан Митрофанович в 14 лет стал служащим у купца из Оренбурга, который вёл торговлю со Средней Азией и отправлял юношу в эти края сопровождать свои караваны. Времена были беспокойные, ещё шли военные действия, и Степану Митрофановичу пришлось подолгу оставаться жить в степи, среди казахов. Он хорошо узнал их быт и выучил язык. Так что, в известном смысле, Михаил Степанович со своим увлечением Востоком шёл по «наторенной дорожке».

М.С. Андреев сделал серьёзную академическую карьеру и считался весьма образованным человеком, хотя получал и накапливал знания не совсем простым путём. Родившись в Ташкенте, он уже в ранние годы жизни серьёзно интересовался местными языками и культурой. Чтобы получить образование он был отправлен родителями, людьми небогатыми, в Ташкентскую мужскую гимназию, где проучился 6 лет, но прошёл лишь четыре года основного гимназического курса. В 1889 г. Андреев поступил в Туркестанскую учительскую семинарию. Здесь он изучал персидский, арабский, узбекский языки. Этими же языками он занимался и в одном из местных медресе. Михаила Степановича можно отнести к разряду тех везучих людей, кто рано определяет свои профессиональные склонности и делает этот выбор смыслом своей жизни.

¹ Доклад подготовлен при поддержке Российского фонда гуманитарных исследований (РГНФ), проект № 13-01-00168.

В 20 лет Андреев уже сам преподавал местные языки в той же семинарии. Вскоре он стал активным членом Туркестанского кружка любителей археологии и предпринял ряд поездок для изучения неизвестных языков и диалектов и сбора археологических коллекций.

Важной вехой в его научной судьбе стала работа в Индии, куда он выехал в 1905 г. в качестве секретаря известного русского дипломата, чиновника по особым поручениям МВД А.А. Половцова, назначенного генеральным консулом в Бомбее, а с 1911 г. – в должности и. о. российского консула во французских колониях в Индии и в Индокитае. В Индии Андреев также изучал некоторые местные языки (в том числе хинди и пушту) и начал собирать этнографические коллекции, которые посылал в Музей антропологии и этнографии (МАЭ) Академии наук (всего 3 ценнейших индийских коллекции, каждая из которых заслуживает особого рассказа).

В 1897 г. Андреев приехал в Санкт-Петербург, где занимался под руководством авторитетных востоковедов С.Ф. Ольденбурга, В.В. Радлова и др. Уже после «индийского периода», в 1914 г., он получил предложение поступить преподавателем на восточный факультет университета в Петрограде, но отказался остаться в столице, посвятив свою жизнь любимому Туркестану, где был назначен инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самаркандской области. Во время своих многочисленных поездок по вверенному ему округу он продолжал заниматься сборами этнографических коллекций. К концу 1930 г. М.С. Андреев – профессор, глава двух кафедр и заместитель директора Объединённого Государственного НИИ Таджикской ССР.

Всего от Андреева в МАЭ поступили следующие коллекции. Коллекция № 1789 (поступление 1910 г., 28 предметов) содержит части дворца пешвы из Махараштры (бывшее Бомбейское Президентство), г. Насик. Коллекция № 2055 (поступление 1912 г., 296 предметов) – разнообразные предметы быта, культа и культуры народов Южной Индии. Коллекция № 2418 состоит из образцов ремесленных изделий, характеризующих традиционный быт жителей Южной Индии (поступление 1914 г., 165 предме-

тов). В коллекциях № 3083 (поступление 1924 г., 14 предметов) и № 3458 (поступление 1927 г., 20 предметов) представлены куклы и другие игрушки таджиков и узбеков.

С 1910 г. М.С. Андреев вёл активную переписку с руководителями МАЭ РАН, обсуждая многие детали собирательской деятельности – от выбора объектов вещевых сборов до целей фотографической фиксации объектов традиционной культуры. Он стремился использовать самые современные технические достижения для этнографической работы, в частности, фотографию. Об этом, в частности, свидетельствует одно из его писем к Л.Я. Штернбергу:

Многоуважаемый Лев Яковлевич!

Когда я просил о присылке [фотографического] аппарата, я думал, что он будет послан вслед за мной. Но вот уже скоро 3 месяца, как я уехал и только теперь получаю известия, что аппарат выслан через Гамбург. Т. к. из Гамбурга пароходы идут раз в месяц, находятся в пути тоже месяц, и в Бомбей не заходят, то возможно, что я получу его (через Коломбо) месяца через 1,5–2, тогда я буду в Гималаях и там аппаратом пользоваться не придётся. До сих пор я всё заказываю себе списки в библиотеках Пуны, Патаны и Джессалмира, и таких списков уже у меня много, но я не знаю, будет ли вообще послан аппарат, вследствие его очень высокой цены и потому предпочёл не ожидать. Я буду просить о продлении моего отпуска, т. к. 6 – 7 месяцев в Индии для моей работы далеко недостаточно и если мне его продлят, то тогда, конечно, я широко им воспользуюсь в Бенаресе и, может быть, в Непале.²

Также детально Михаил Степанович обсуждает, какие объекты предпочтительны для этнографических сборов, и следует рекомендациям петербургских учёных. Так, Андреев сообщает Василию Васильевичу Радлову из г. Пондишери в Индии:

Исполняя желание Музея, мною собрано в настоящее время некоторое количество предметов из обихода населения Южной Индии. Собрание ещё не закончено и надеюсь составленную коллекцию ещё несколько дополнить. Имею честь приложить при сем

² СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 61. Л. 46–46 об. 7.03.1910.

первые 8 страниц списка предметов, приобретённых мною для Этнографического музея. Помимо описанных 56 №№, приобретён ещё ряд предметов для Музея, описание которых пока не составлено. Кроме этого, мною также приобретены ещё некоторые дополнительные к моей личной индийской коллекции, выставленной в Музее.

Ввиду возможного моего возвращения в непродолжительном времени в Россию, для избежания затруднения с таможенной (вероятно, в Одессе) покорнейше прошу не отказать, если найдёте возможность, прислать удостоверение, что при мне имеется научная коллекция из предметов этнографического интереса, собранных в Индии.

Это, я полагаю, будет достаточно для обеспечения беспешинного провоза коллекций через таможеню, что, как показал мне опыт с провозом около 2 лет тому назад индийской коллекции, выставленной теперь в Музее, сопряжено с многими затруднениями. Был бы также признателен, если бы Вы указали, каким путём отправить коллекции в Музей из Одессы в Петербург, т. к., возможно, она будет довольно тяжёлой. Был бы очень рад, если бы во время своего пребывания в Индии мог бы оказать Вам чем-либо полезным³.

Рассматривались учёными корреспондентами и многие, так сказать, «технические» проблемы этнографического коллекционирования. Часть таких проблем обозначена и в приведённых письмах.

В целом, деятельность Андреева как учёного собирателя, востоковеда и этнографа высоко оценивалась руководителями МАЭ. Это ярко отражено, например, в их ходатайстве Туркестанскому генерал-губернатору о позволении Андрееву заниматься собирательской деятельностью на территории Средней Азии (часть этих сборов впоследствии поступила и в МАЭ):

МАЭ, весьма заинтересованный системным изучением этнического состава Туркестана, желал бы использовать для этой цели лингвистический опыт и знание страны вновь назначенного Инспектора народных училищ Самаркандского округа М.С. Андреева.

³ Там же. Д. 65. Л. 280–281 об. Письмо М.С. Андреева к В.В. Радлову, 12–25 сентября 1913 г.

Музей поэтому обращается с просьбой к Вашему Высокопревосходительству разрешить г. Андрееву принять на себя поручение Музея о собирании этнографического материала и вместе с тем не отказать в распоряжении местным властям в оказании ему сильного содействия. Директор Музея, академик В.В. Радлов⁴.

Действительно, Андреев умел увидеть главное и характерное для конкретной этнической культуры. Хотя в Индии это делать было непросто (как в прошлом, так и в наше время). Андреев прямо пишет об этом В.В. Радлову и даже обращается за советом:

Я теперь нахожусь в Калькутте, где и думаю побыть несколько месяцев. А потому я опять хочу предложить Музею свои услуги по примеру прошлых лет в качестве «коллектора».

Разумеется, прошу точно указать, если Вам интересны такие коллекции, – что именно собирать – Индия так громадна, так подавляет своей бесконечной множественностью, что до некоторой степени трудно ориентироваться здесь.

Конечно, редкостей здесь найти трудно – ведь сказывается английское правительство. Но «быт», ежесдневный, – очень богат и доступен⁵.

Безусловно, Андреев глубоко сознавал научные цели коллекционирования, важность сбора не только «роскошных» произведений восточной культуры, но и обыденных предметов, содержащих ценную этнографическую информацию. При этом он умел сопоставлять цену предмета и его научную значимость.

После выявления ценных для науки экспонатов и тщательного их отбора Андреев немедленно совершал первичную регистрацию предметов, фиксируя дополнительную информацию об их бытовании и применении. Сопроводительные материалы от него разнообразны: список предметов, этикетки на предметах, зарисовки, фотографии, ценники, схемы восстановления предмета после распаковки. Собиратель был очень внимателен к сопроводительной документации, никогда не забывал об исправлении временных упущений. Вот примеры тому в цитатах из его писем в музей:

⁴ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 66. Л. 412. Письмо, от 23 мая 1914 г.

⁵ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 67. Л. 105–106. Письмо от 27 марта 1914 г.

На случай, если бы ярлычки с №№ при пересылке каким-нибудь образом отделились от предметов, в списке мною прибавлены рисунки с общими очертаниями последних, что может помочь в ориентировании в случае потери ярлыков⁶.

Имею честь препроводить при этом продолжение списка последней индийской коллекции, привезённой мною из Индии в 1914 г. и отправленной из Одессы в Музей по железной дороге⁷. Эти сведения он посылает в МАЭ даже в 1918 г., через четыре года после поступления коллекции.

Андреев всегда осознавал риски и искал способы их уменьшения при доставке коллекций. Для этого он, в частности, страховал экспонаты, заручался письменными ходатайствами музея о помощи различных инстанций при их приобретении и перевозке. При этом он был морально готов к отказу Музея от собранных им предметов и выражал согласие на альтернативные возможности использования вещей (например, предложить их другим музеям). Выражал он и готовность полностью отказаться от вознаграждения за свою работу.

При этом собирательскую работу Андреев всегда вёл с величайшим энтузиазмом:

Я был бы очень рад, если бы смог оказать чем-нибудь полезным для Музея или своим пребыванием в Индии непосредственно и сношениями с туземцами или, например, через справки в индийских библиотеках Королевского Азиатского общества, членом которого состою (Bombay Branch), или в каком-нибудь другом отношении. Всё, что я смогу, я сделаю с удовольствием⁸.

А между тем, собирательство было не единственной его целью. Много времени и сил ему приходилось отдавать для сбора разведывательной информации для российской контрразведки в Индии и Туркестане. По возвращении из Индии Андреевым был представлен Туркестанскому генерал-губернатору доклад «Об английской разведочной организации в Индии и сопредельных странах»⁹.

⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 65. Л. 280–281 об. Письмо от 12–25 сентября 1913 г.

⁷ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 70. Л. 7. 7.02.1915.

⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 61. Л. 79. 12/25.06.1910.

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15/с. Д. 41. Л. 16.

Методика собирательства, отработанная Андреевым в Индии, применялась им затем в Средней Азии. При этом следует подчеркнуть, что в то время в МАЭ ещё отсутствовали доступные программы и методики собирания коллекций. Даже первая инструкция по их регистрации была опубликована лишь в 1916 г.

История индийских сборов Андреева для МАЭ поучительна по многим причинам. Прежде всего, с точки зрения методической, которая актуальна и сегодня. Судя по переписке Андреева с руководителями МАЭ, выработка методики научно-собирательской деятельности ещё в начале XX века шла стихийно, создавалась в музее коллективными усилиями. В этот период общими усилиями определялись научные цели коллекционирования, вырабатывались формы сопроводительной документации и другие приёмы музеефикации собранных предметов и коллекций (зарисовки, определение цены предметов, описание технологии изготовления и пр.). В этот процесс Андреев внёс существенный вклад и сам развивался как учёный, как специалист по музейному делу. Судя по всему, его собирательский опыт учли и А.М. и Л.А. Мерварты во время экспедиции 1914–1918 гг. на Цейлон и в Индию. Его подходы к собирательской деятельности представляют интерес и для современных этнографов.

Необходимо отметить, что пример научной деятельности М.С. Андреева, безусловно, свидетельствует о единстве российской востоковедной этнографической школы, которая объединяла представителей академических учреждений Петербурга с исследователями и собирателями в разных частях страны.

Литература

Акрамова Х., Акрамов Н. Востоковед Михаил Степанович Андреев (научно-биографический очерк). Душанбе, 1973.

Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев (1873–1948) – исследователь культуры и быта народов Средней Азии // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VII. / Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Вып. 104. М., 1977. С. 126–132.

Решетов А.М. Судьба учёного: цветы и тернии (К 120-летию со дня рождения М.С. Андреева) // Краткое содержание докла-

дов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. 1993 г. СПб., 1994. С. 78–80.

Андреев Михаил Степанович // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Под ред. Я.В. Василькова, М.Ю. Сорокиной. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 32–34.

Краснодембская Н.Г., Кисляков В.Н., Соболева Е.С. М.С. Андреев как пионер формирования методики научно-собирательской деятельности МАЭ (по материалам восточных коллекций МАЭ РАН и архива РАН) // Полевые этнографические исследования: Материалы Восьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 335–340.

Краснодембская Н.Г., Кисляков В.Н. М.С. Андреев как один из создателей Кунсткамеры (о научном пути учёного и его вкладе в коллекции МАЭ) // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг. К столетию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2009. С. 29–32.

Архивные источники

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 61. Д. 65, 65, 67, 70.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15/с. Д. 41.

The Museum of Anthropology and Ethnography in the Career of a Central Asian Explorer M.S. Andreev

N.G. Krasnodembskaya, E.S. Soboleva
Museum of Anthropology & Ethnography, RAS

M. Andreev (1873–1948) was an eminent specialist in the field of ethnology of the Central Asia. While working in India (1905–1914) he gathered some valuable collections for the Museum of Anthropology and Ethnography (MAE). Andreev actively corresponded with the leaders of the MAE. The archival materials cited here (some just for the first time) show that the methods of gathering of ethnographical

collections had been worked out collectively, and the Russian school of oriental studies was united in its roots. These methods were developed by the first ethnographical expedition to South Asia organized by the MAE in 1914.

M.-K. Lang

Institute for Social Anthropology (Vienna, Austria)

Hans Leder and his Mongolian Collections. Links between Vienna, Urga and St. Petersburg

Introduction

In this article I shall give a short outline of my research on Mongolian artefacts in European Museums. In my work I follow their movements and trace their histories and intend to re-connect them in several ways¹. The artefacts concerned, mainly objects connected with Buddhist ritual practice, were collected by the Austrian traveller Hans Leder (1843–1921) during several journeys in northern Mongolia between 1892 and 1905. Most of the time on his own and with little institutional background support, he followed his entomological and ethnographic collecting endeavours and scholarly interests at the time of the well-known Russian explorations in the same region. So far, I am not aware of any evidence that Leder and P.K. Kozlov ever met in person but at least Leder must have been informed about Kozlov's explorations, as networks amongst scholars were well established at that time. Within the correspondences of Kozlov Leder is mentioned in regard to Agvan Dorjiev².

Leder's extensive collections of more than 4 500 items are scattered over several ethnographic museums in Europe: the Weltmuseum Wien (the former Museum für Völkerkunde Wien), the Linden-Museum Stuttgart, the Völkerkundemuseum der J. & E. von Portheim Stiftung Heidelberg, the Grassimuseum für Völkerkunde zu Leipzig, the Völkerkundemuseum Hamburg, the Ethnologisches Museum Berlin, the Néprajzi Museum Budapest and the Náprstek Museum in Prague.

¹ My previous project "Mongolian Ethnographica of the Austrian Collector Hans Leder in European Museums" (2010–2012) was supported by the research programme *for Muse* (Research at Museums) of the Austrian Federal Ministry for Science and Research and my new project entitled "Nomadic Artefacts" (2013–2016) is supported by the Vienna Science and Technology Fund within the programme "Public Spaces in Transition".

² Personal communication with Alexandre Andreyev.

Biographical notes on the collector Hans Leder

Hans Leder was born in 1843 in Jauernig near Troppau, the capital of Austrian Silesia, then part of the Austro-Hungarian monarchy, today Opava in the Czech Republic.

Modest family circumstances did not allow him to complete his studies. In 1867 he left Europe for northern Africa to study French and Arabic and started collecting entomologica. In 1872 he returned home, until leaving again in 1875 for a two-year research expedition to the Caucasus. This journey turned out to be unexpectedly successful: Leder discovered a variety of hitherto unknown insect species and butterflies. They all bear the name of the collector, “Lederi”.

Then after Leder returned to the Caucasus nearly every year to continue entomological activities. In 1882, after his marriage, he and his young wife moved to the German settlement of Helenendorf near Elisabethpol and stayed for six years. Helenendorf was Leder’s starting point for several exploration trips to nearer and more distant regions. Some explorations were joint ventures together with Gustav Radde (1831–1903), director of the Caucasus Museum in Tiflis or with General A.W. Komarov, head of the Administration for Mountain inhabitants [Bergvölkerverwaltung im Kaukasus].

Gustav Radde was an important contact person in Tiflis for European travellers and researchers at that time; several relations and networks were established through him. During a visit to Radde’s summer residence in Borshom (Borjomi) in the mid 1870s Leder met the sons of Grand Duke Mikhael Nikolaievich of Russia. The three of them were eagerly collecting insects and presenting their finds to Leder. Nikolai Mikhailovich, who became a passionate lepidopterist, would later thank Leder for his collecting endeavours in volume one of the *Mémoires sur les Lépidoptères*³. Several specimens collected by Leder are published in this work.

Some years later, in 1891, Grand Duke Nikolai Mikhailovich of Russia, by then president of the Imperial Russian Geographical Society, sent Leder to southern Siberia primarily to continue his entomological work. This was how he came more close to Mongolia.

³ (Romanoff 1884). *Romanoff N.M.* Mémoires sur les lépidoptères. Vol. I. St. Pétersbourg, 1884.

After some months in the Sayan mountains, he was not too satisfied with his new findings and decided to move southwards to get to know as he called it “the mystical land of the Mongols”⁴. He reached Urga (*Ikh Khüree*) on May 5th 1892 and recruited a small caravan to travel westwards to Erdene Zuu Monastery.

Leder returned to Mongolia several times on his own, mostly without institutional support.

His further stays can be retraced for the years 1899/1900, 1902, and 1904/05.

On his first Mongolian journey he was still mainly collecting insects. Today these are part of the collections in the natural history museums in Vienna and Budapest. Afterwards, his collecting focus drifted gradually from entomologica to ethnographica. By 1905 he had become a renowned collector of Mongolian ethnographic items, mainly Buddhist ritual artefacts. Leder died in 1921 in Troppau.

Hans Leder’s Travels in Mongolia

Though not always correct or precise, a map of the route taken in 1892 is an important source for the identification of places visited by Leder which I also follow in my field research⁵.

Leder describes his first journey in 1892, taking about four months, in several articles. Even then he noted many details of the Mongolian lifestyle and countryside he experienced.

In his preparations to travel to the countryside he was supported by Russian Consul General Ya.P. Shishmarev in Urga. During his first journey Leder was, as he writes, repeatedly suspected of being a Russian spy, which in his opinion never had a negative connotation. On the contrary, Leder noticed the Mongolians’ desire to have the reign of the Emperor of China replaced by that of the Russian “*tsagan khan*” (“*zagan chan*”) or “*white tsar*”⁶. This underlines the strong

⁴ Leder H. Reise von Irkutsk nach Urga in der Mongolei // Globus. 1893. Band N 64. P. 319.

⁵ Lang M.-K. Mongolische Ethnographica in Wien. Die Sammlung Hans Leder im Museum für Völkerkunde Wien // Veröffentlichungen zur Sozialanthropologie. Band 13. Vienna, 2010; Lang M.-K. Die Sammlung Hans Leder. Mongolische Ethnographica. Vienna, PhD thesis. Vienna: University of Vienna, 2010.

⁶ Leder H. Eine Sommerreise in der nördlichen Mongolei im Jahre 1892 // Mittheilungen der k. k. Geographischen Gesellschaft. Wien, 1895. Vol. 38. S. 26–57, 85–118.

pro-Russian tendencies as early as 1892, which were increasingly reinforced by the Tibetan side⁷.

Heading west to Erdene Zuu Monastery Leder partly took routes not previously taken by foreign scholars, the journey took about a month. He described the Erdene Zuu Monastery complex with its more than sixty buildings and notes the ruins very close to the monastery gates and rightly assumed that they concern the ancient remains of the former Mongolian capital Karakorum. From Erdene Zuu Monastery they departed for the ruins of Khara Balgas which at the time some Western scholars held to be the remains of Karakorum. Seeing the location and the ruins Leder had his doubts. The caravan moved further west to Sain Gegeen Monastery. On their way Leder recognised ruins smaller but similar to those of Khara Balgas. From the Ongiin river at the border of the Gobi region they moved northwards, back to Erdene Zuu Monastery where they witnessed a Tsam-dance performance on August 21.

As a result of lectures and publications on his first stay in Mongolia, Leder was encouraged by colleagues to travel to Mongolia again, this time with a special emphasis on ethnographica. It may have been that it was additionally the upcoming interest and the quest for ethnographic items for the emerging ethnographic museums in Europe that led him to return to Mongolia with this additional focus.

During his second journey to Mongolia in 1899/1900 Leder acquired the first larger collections of ethnographica for the imperial Naturhistorische Hofmuseum in Vienna. Besides collecting ethnographic items and studying Mongolian Buddhism, one of Leder's declared aims was to travel to Tibet disguised as a pilgrim. This plan failed. Another intention was to clarify the location of the historic Mongolian capital, Karakorum. Not only by visual inspection but also by documents he recovered, he was able to verify that the ruins of Khara Balgas were definitely not the location of the historic Mongolian capital Karakorum. In March 1900 Leder travelled with a caravan to Irkutsk escorting the wife and child of the Finnish linguist G.J. Ramstedt (1873–1959). In Irkutsk he met a Cossack named Maxim to travel together to the Altai region⁸.

⁷ *Andreyev A.* Soviet Russia and Tibet. Leiden; Boston, 2003.

⁸ *Leder H.* Vom Changai nach dem Altai // *Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik.* Vienna; Leipzig, 1908/1909. S. 7–23, 69–79.

On 8 July 1902 Leder left Troppau by train. He arrived in Kyakhta after a nineteen-day journey, changing trains four times. This time Leder was already focused on collecting ethnographica, especially additional artefacts as an extension to a collection he had sold to Graf von Linden, director of the Linden Museum in Stuttgart, in April 1902.

In 1904–1905 during his last stay in Mongolia, Leder spent the winter in Urga. Here he became witness of important historical events unfolding in Mongolia. At that time he was lodging in the complex of the Russian consulate from where he could observe the flows of pilgrims. On 27 November 1904 he witnessed the arrival of the Thirteenth Dalai Lama Tubten Gyatso (1876–1933) in Urga. Leder noticed the growing excitement after the rumour of the impending arrival had spread. Notably, only the Eighth Bogdo Gegeen, Jebtsundamba (1870–1924), was absent at this extraordinary event, a fact commented on in different ways⁹. Concerning the Eighth Bogdo Gegeen, Leder writes that he met him for the first time when he was in his twenties, while he was going for a horse ride escorted by his favourite wife¹⁰.

Another of Leder's meetings with an important personality was with Agvan Dorjiev (1854–1938). Leder firstly addressed Dorjiev with a letter written in Russian concerning his wish to be received in audience with the Thirteenth Dalai Lama. As a reply he received a blue *khadag* (ritual silk scarf) and a yellow visiting card conveyed by Ovshe M. Norzunov, Dorjiev's private secretary. After several visits and conversations on religious questions with Norzunov, Leder was invited to a meeting with Dorjiev at Gandan. He drove there but Dorjiev was absent; he had left for the "steppe" to meditate. Leder described this first meeting with Dorjiev in the Mongolian steppe, which led to further meetings and discussions. He was promised an audience with the Dalai Lama and among others a travel of the Dalai Lama to the European courts offering Leder the prospect of

⁹ Leder H. *Das geheimnisvolle Tibet*. Leipzig, 1909. *Shakabpa Ts.W.D.* One Hundred Thousand Moons // *An Advanced Political History of Tibet* / transl. and annotated by Maher D. Vol. 2. Leiden; Boston, 2010.

¹⁰ Lang M.-K., *Collector and Collections* // Lang M.-K., Bauer St. (eds.). *The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder*. Vienna, 2013. P. 9–24.

taking part as a kind of travel guide was discussed. Leder was asked to leave his European address and later, supported by his meanwhile growing recognition within the entourage of the Dalai Lama, he should succeed attending an official audience with the Dalai Lama and receiving a personal gift of the latter, but the planned travel was not realized.

Leder saw Dorjiev as a highly influential figure: “he actually combines the highest power in his hands, which he naturally can only exercise through the medium of the Dalai Lama”¹¹ and emphasised Dorjiev’s sympathy for Russia. In spring of 1905 Leder travelled once more to Erdene Zuu Monastery and to the Khangai mountain range. In July he returned to Troppau. He had reached the age of 62.

When he returned home his “Mongolian Collections” were extensive and it was to take great efforts to sell these in the way he had imagined. Finally his financial situation forced him to sell the collections well below his asking price and even more importantly, this led him to divide his collections, often reluctantly. As a result today they are held in ethnographic museums in Vienna, Prague, Budapest, Heidelberg, Leipzig, Hamburg, Berlin and Stuttgart.

Leder’s recollections, written from the viewpoint of an European “in the field”, enrich the understanding of the prevailing atmosphere and the political climate in and around Mongolia at that time. They form the historic matrix for the material collections assembled. Furthermore, his collections of Mongolian ethnographic artefacts are tangible evidence that enables us to establish a direct link to the past¹².

The collections

Leder’s ethnographic collections are important as they represent and convey a kind of snapshot of material culture connected to daily religious life in Mongolia around 1900.

¹¹ Leder H. *Das geheimnisvolle Tibet*. Leipzig: Th. Grieben’s Verlag, 1909. S. 72. Translation by the author.

¹² Lang M.-K. *Collector and Collections // Lang M.-K., Bauer St. (eds.)*. The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder. Vienna, 2013. P. 9–24. Lang M.-K. *Ritual Objects between Conflict and Consensus: The Social Life of Sacred Artefacts during Periods of Political Transformation in Mongolia // Kiliánová G., Jahoda C., Ferencová M. (eds.)* Ritual, Conflict and Consensus. *Denkschriften der phil.-hist. Klasse*. 432. // *Veröffentlichungen zur Sozialanthropologie*. Band 16. Vienna, 2012. P. 51–62.

The collections are composed of more or less similar object groups such as for example: groups of *thangkas*, small ritual cards (*tsakli*), prints, prayer flags, amulets, clay votive offerings (*tsha tsha*), house-altars, sculptures in metal, clay and papier-maché, manuscripts, printing blocks, jewellery and a group of wooden figures depicting characters of the Mongolian Tsam dance ritual, one of the most important Tibetan Buddhist festivities. As mentioned before, Leder had witnessed a Tsam performance already in 1892.

A special group of Tsam figurines

Several groups of these small wooden figures form an extraordinary group within the Leder collections. The figures in the various museums are between 20 and 37 cm high; they all are carved in wood and painted in various colours. Altogether, there are at least 65 figures spread among five museums. And here is another close relation to St. Petersburg:

No historic wooden statues of Tsam dancers like these can be found in Mongolia itself, but similar items are part of the collections of the *Kunstkamera* (72 pieces) and the Russian Museum of Ethnography in St. Petersburg (up to 108 items). According to the *Kunstkamera* inventory, these figures were acquired by a Russian merchant G.M. Osokin from Kyakhta in Urga at the end of the nineteenth century by request of the Mongolist D.A. Klementz and entered the collections in 1897. There is no specific information on their artistic origin and the place of making. They are smaller in size (average height of 18–20 cm) than the ones ordered by Leder; in the style of making they could be made of the same artist's hands as the group of Leder's collection in Budapest.

The Russian Museum of Ethnography received their collection of wooden Tsam dance figurines in 1909 among other objects as a gift from Consul General Shishmarev¹³. The latter is probably the most complete set, including up to 108 figures, the whole cast of a Tsam performance. They are of about same size as the ones in the *Kunstkamera*, but the figure's heads are executed in a more refined style.

¹³ *Boikova E.* Mongolian Collections in the Russian Ethnographical Museum (Saint Petersburg) // Proceedings of the 45th International Altaistic Conference (PIAC) in Budapest. Moscow, 2003. P. 63–68.

What are the histories and origins of these unique artefacts?

The information on the museum objects was rather scarce but there were some:

The Museum of Ethnology in Vienna (then the anthropological-ethnographical department of the Imperial Naturhistorische Hofmuseum) acquired the Tsam-group from Leder after his last visit to Mongolia, in 1904–1905. The original handwritten inventory by Leder gives the following information on the objects: “Wood carving; Tsam figure. Newly made to order. Painted or gilded”.

The Museum of Ethnology in Leipzig acquired their first collection from Leder, including the Tsam figures, in 1907. The museum inventory of 1907 gives very similar brief information on this group of figures: “Tsam figure (Wood carving). Newly made to order by a lama-autodidact. Painted or gilded”.

The ethnography museums in Heidelberg and Hamburg acquired their figures through the J.F.G. Umlauff trading company and the figures entered the Museum in Hamburg in 1909. The original inventories for the collection in Heidelberg disappeared during or after World War II.

The object lists written by Leder in the museums in Vienna and Leipzig include information on denomination, size, material, condition and local names of artefacts. Leder collaborated mostly with local monks, who translated for him. The terms are Leder’s transcriptions of names as given to him.

The evidence shows that Leder ordered the sets of Tsam figures to be made for sale to the European museums. The figures were created by (still) anonymous monk artisans. Comparing the sets of Tsam figures in the various museums, it is difficult to tell absolutely if they were made by just one artist-monk and at the same workshop at one monastery.

Additionally we know that Hans Leder witnessed a Tsam dance performance already during his first journey in 1892 in the eminent monastery Erdene Zuu. In several articles he described Tsam ceremonies and his book *Das geheimnisvolle Tibet* from 1909 includes a photograph of a cast of Tsam dancers. Apparently the original photograph was taken by the photographer Kuznetsov from Nerchinsk in 1891 in *Atsagat* Monastery in Burjatia. Kuznetsov’s

services were engaged by Count Ukhtomskij, who accompanied Crown Prince Nicolai on his tour in Transbaikalia and compiled an important collection of Lamaist Buddhist art. A Tsam dance was performed in 1891 out of season just in honour of the visit of the future Czar¹⁴.

Analyzing the archival material connected to the Leder collections in Europe, I found a passage in a letter written by Leder in 1902 addressed to the director of the Linden-Museum in Stuttgart. Recently returned from Mongolia, Leder reported the following, concerning his new acquisitions:

“A special ornament is a collection of very beautifully carved, painted and gilded figures in wood that feature the Tsam masks. I ordered them to be made by a lama living in a monastery some miles away from Urga, who as I knew, had carried out a similar commission for the Imperial Academy in Petersburg”¹⁵.

So in fact, these artefacts are commissioned work: objects intentionally created by demand of a collector, following the example of some specific items in the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. Collectors, scientists, officials and travellers of that time were well informed about museum collections, demands and policies through established networks and relations on which they had to and could rely on¹⁶. For example, as early as his first travels in Mongolia in 1892, Leder followed the advice of Consul Shishmarev, an important contact person for foreign travellers in Urga at that time. The Tsam dance figures in St. Petersburg and the collections of Leder are most probably not ethnic Mongolian art products but rather commissioned works for foreigners or museum collections.

One main research target was and is to establish the first general view on the Leder collections as a whole. By this, object groups once divided, are conjoined virtually by database and homepage¹⁷, in publications and in planned museum exhibitions.

¹⁴ *Fontein J.* (ed.). *De dansende demonen van Mongolie* Amsterdam, 1999.

¹⁵ Letter from Leder, 03.12.1902. Archive Linden-Museum Stuttgart.

¹⁶ *Penny Gl.* *Objects of Culture*. Chapel Hill, 2002.

¹⁷ www.moncol.net

Bibliography

Andreyev A. Soviet Russia and Tibet. Leiden; Boston: Brill, 2003.

Boikova E. Mongolian Collections in the Russian Ethnographical Museum (Saint Petersburg) // Proceedings of the 45th International Altaistic Conference (PIAC) in Budapest. Moscow, 2003. P. 63–68.

Fontein J. (ed.). De dansende demonen van Mongolie Amsterdam: V+K Publishing/ Inmerc, 1999.

Jisl L. Hans Leder, ein vergessener Reisender // Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Völkerkunde Dresden. 1963. Vol. 22. P. 25–56.

Lang M.-K., Bauer St. (eds.) The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder. Vienna: Austrian Academy of Science Press, 2013.

Lang M.-K. Collector and Collections // *Lang M.-K., Bauer St.* (eds.). The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder. Vienna: Austrian Academy of Science Press, 2013. P. 9–24.

Lang M.-K. The Tsam Figures – A Reunion // *Lang M.-K., Stefan Bauer* (eds.). The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder. Vienna: Austrian Academy of Science Press, 2013. P. 58–75.

Lang M.-K. Mongolian Tsam. Dance Figures between Repression and Reawakening // *Danced Creation: Asia's Mythical Past and Living Present.* Exhibition catalogue. Weltmuseum Wien. Vienna: Brandstätter, 2013. P. 66–75.

Lang M.-K. Ritual Objects between Conflict and Consensus: The Social Life of Sacred Artefacts during Periods of Political Transformation in Mongolia // *Kiliánová G., Jahoda C., Ferencová M.* (eds.) Ritual, Conflict and Consensus. Denkschriften der phil.-hist. Klasse. 432. // Veröffentlichungen zur Sozialanthropologie. Band 16. Vienna: Austrian Academy of Science Press, 2012. P. 51–62.

Lang M.-K. Scharfen Blickes. Die Sammlungen des Forschungsreisenden Hans Leder mit einem Exkurs über den Tsam-Tanz in der Mongolei // *Archiv für Völkerkunde.* Vienna: LIT Verlag, 2012. P. 59–60.

Lang M.-K. Mongolische Ethnographica in Wien. Die Sammlung Hans Leder im Museum für Völkerkunde Wien // *Veröffentlichungen zur Sozialanthropologie.* Band 13. Vienna: Austrian Academy of Science Press, 2010.

Lang M.-K. Die Sammlung Hans Leder. Mongolische Ethnographica. Vienna, PhD thesis. Vienna: University of Vienna, 2010.

Leder H. Reise von Irkutsk nach Urga in der Mongolei // *Globus*. 1893. Band 64. P. 319–326, 343–349.

Leder H. Besuch von Urga in der Mongolei // *Globus*. 1894. Vol. 66. P. 49–53, 68–72.

Leder H. Reise an den oberen Orchon und zu den Ruinen von Karakorum // *Mittheilungen der k. k. Geographischen Gesellschaft*. Wien, 1894. Vol. 38. S. 407–36.

Leder H. Wald, Wild und Jagd in Sibirien // *Zentralblatt für das gesamte Forstwesen*. Wien, 1894. S. 60–66, 149–208.

Leder H. Eine Sommerreise in der nördlichen Mongolei im Jahre 1892 // *Mittheilungen der k. k. Geographischen Gesellschaft*. Wien, 1895. Vol. 38. S. 26–57, 85–118.

Leder H. Reisebrief von Hans Leder aus Kiachta // *Landwirtschaftliche Zeitschrift für österreichisch-Schlesien*. 1902. S. 533–534.

Leder H. Vom Changai nach dem Altai // *Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik*. Vienna; Leipzig, 1908/1909. S. 7–23, 69–79.

Leder H. Das geheimnisvolle Tibet. Leipzig: Th. Grieben's Verlag, 1909.

Penny Gl. *Objects of Culture*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2002.

Romanoff N.M. Mémoires sur les lépidoptères. Vol. I. St. Pétersbourg: Imprimerie de M.M. Stassuléwitch, 1884.

Shakabpa Ts.W.D. One Hundred Thousand Moons // *An Advanced Political History of Tibet* / transl. and annotated by Maher D. Vol. 2. Leiden; Boston: Brill, 2010.

Archives

Archiv Weltmuseum Wien (former Museum für Völkerkunde Wien).

Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien.

Archiv Völkerkundemuseum der J. & E. von Portheim Stiftung Heidelberg.

Archiv Grassi-Museum für Völkerkunde zu Leipzig.
Archiv Linden-Museum, Staatliches Museum für Völkerkunde
Stuttgart.
Archiv Náprstek Museum Prague.

Ганс Ледер и его монгольские коллекции

М.-К. Ланг

Институт социальной антропологии,
Австрийская Академия наук

В статье представлены результаты работы автора по проектам, посвящённым австрийскому исследователю, путешественнику Гансу Ледеру (1843–1921) и его коллекциям из Монголии. У него были тесные связи с российскими исследователями-энтомологами: энтомологией он увлекался с юности. Прежде всего, следует упомянуть Великого князя Николая Михайловича, с 1892 г. президента РГО. По его поручению Ледер совершил в 1891 г. путешествие в южную Сибирь, главным образом, чтобы продолжить энтомологические сборы. Отсюда Ледер впервые попал в Монголию. Затем он побывал здесь в 1899–1900, 1902, 1904–1905 гг. Во время своего первого путешествия в Монголию Ледер преимущественно занимался сбором насекомых, и сегодня его коллекции находятся в естественноисторических музеях Вены и Будапешта. Позже его внимание с энтомологии переключилось на этнографию. С 1905 г. он стал известен как коллекционер монгольских этнографических предметов, в основном, буддийских ритуальных артефактов. Многочисленные коллекции Ледера хранятся в крупных этнографических музеях Центральной Европы. В результате нескольких исследовательских проектов коллекции Ледера были описаны как единое целое и представлена возможность познакомиться с ними на одной из страниц интернета. Работа в архивах помогла выяснить подробности его жизни и деятельности и историю его музейных коллекций.

В.В. Лебедева
СПбГАУ

П.К. Козлов и В.К. Арсеньев: к вопросу о значении профессионального сотрудничества исследователя Центральной Азии и исследователя-этнографа Дальнего Востока

Очень важно для человека в начале своего профессионального пути встретить талантливых и чутких учителей, опытных наставников для того, чтобы любимое дело стало делом и смыслом всей жизни¹. Одним из таких учителей стал для Владимира Клавдиевича Арсеньева известный путешественник и исследователь Центральной Азии Пётр Кузьмич Козлов. В.К. Арсеньев – личность интереснейшая и многогранная; выдающийся путешественник, этнограф, географ, писатель, исследователь, посвятивший тридцать лет своей жизни изучению Дальнего Востока.

Биография дальневосточного исследователя началась в столице Российской империи – Санкт-Петербурге. Родился Владимир Клавдиевич в 1872 г. в семье железнодорожного служащего. С детства увлекался чтением приключенческой, а в дальнейшем научной и природоведческой литературы. Как следует из Послужного списка, воспитывался Владимир Арсеньев во Владимирском городском училище, «выдержал установленное испытание при 1-м Кадетском корпусе и окончил курс в Санкт-Петербургском пехотном юнкерском училище по 1 разряду; <...> произведён в младшие унтер-офицеры 1892 октября 1; <...> командирован в Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище для прохождения курса оногo 1893 сентября 1; прибыл в Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище и зачислен в младший класс с переименованием в юнкера, определением

¹ *Лебедева В.В.* В.К. Арсеньев и П.К. Козлов: к вопросу о значении профессионального сотрудничества в становлении исследователя-этнографа Дальнего Востока // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). СПб., 2013. С. 67.

учебного комитета переведён в старший класс училища 1894 июня 17 <...>².

Арсеньеву очень повезло в начале научного, творческого, а по большому счёту и жизненного пути. В 1892–1898 гг. в Санкт-Петербургском юнкерском училище преподавал военную географию путешественник, изобретатель М.Е. Грумм-Гржимайло (брат известного исследователя Г.Е. Грумм-Гржимайло). Михаил Ефимович обратил внимание на способного юношу и на круг его интересов и стал давать ему для чтения книги по географии Сибири, Алтая, Памира, Туркестана. Больше всего привлекали В.К. Арсеньева книги по Восточной Сибири, и уже тогда у него появилось желание посвятить себя изучению этого далёкого края³, Дальнего Востока, исследованию которого он впоследствии и отдал большую часть своей жизни. Арсеньев видел свой идеал учёного-исследователя в лице многих русских офицеров, начиная с Г.И. Невельского, М.И. Венюкова и заканчивая Н.М. Пржевальским и П.К. Козловым. Учителями для него в разное время были: антрополог Э.Ю. Петри, географы М.Е. и Г.Е. Грумм-Гржимайло, этнограф Л.Я. Штернберг.

После окончания юнкерского училища «Приказом начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа переименован в подпрапорщики 1895 августа 12; <...> прибыл к полку 10 сентября»⁴. Арсеньев получил назначение в Польшу, но по личной просьбе в 1900 г. был переведён в г. Владивосток.

С 1900 г. Арсеньев начинает свои первые походы с окрестностей Владивостока, постепенно удлиняя и расширяя географию маршрутов. В начале XX в. он провёл свои знаменитые исследования Приамурья (бассейн Среднего и Нижнего Амура и его притоков) и Приморья (Южно-Уссурийский край)⁵.

² СПФ АРАН. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 2.

³ *Кабанов Н.Е.* Путешественник, учёный, писатель // Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Хабаровск, 1988. С. 340.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

⁵ *Аргудяева Ю.В.* В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф. Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии. Владивосток, 2007. С. 7.

Сфера его научных интересов и практической деятельности была разносторонней и многогранной, не замыкалась в рамках одной научной дисциплины. Он был историком, этнографом, антропологом, географом, топографом, а также писателем, одним из создателей краеведческого направления в отечественной научно-художественной литературе, но всё-таки большее значение в своих исследованиях он придавал этнографии, считая себя, прежде всего этнографом.

Кроме плановых исследований в условиях интенсивного заселения территории Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. Арсеньев среди прочих поручений постоянно получал задания по изучению колониальной ёмкости того или иного малоисследованного района, куда предполагалось поселить представителей восточнославянского крестьянства, прежде всего русских⁶.

В 1903 г. Владимир Клавдиевич избирается действительным членом Общества изучения Амурского края (г. Владивосток), а с 1909 г. – действительным членом ИРГО (Санкт-Петербург).

Первые экспедиции Владимир Клавдиевич совершает в качестве военного топографа, проводя маршрутную съёмку местности, попутно собирая научный материал о рельефе, флоре и фауне, а также этнографические сведения о коренных народах, населяющих районы Южного Приморья и Сихотэ-Алиня. При поддержке Русского географического общества в 1908–1910 гг. Арсеньев исследовал район Северного Приморья⁷.

5 января 1911 г. в жизни Арсеньева-этнографа происходит важное событие. В этот день на заседании отделения этнографии Русского географического общества он познакомился со многими выдающимися исследователями, интересующимися жизнью инородцев: В.В. Радловым, Д.А. Клеменцом, Ю.М. Шокальским, П.П. Семёновым-Тян-Шанским, С.Ф. Ольденбургом и П.К. Козловым. Впоследствии Арсеньев не раз обращался к Петру Кузьмичу Козлову за советами, делился своими успехами, проблемами, планами и очень высоко ценил его мнение как

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Материал, полученный в ходе экспедиций, собран В.К. Арсеньевым в «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края», которой был издан в 2-х тт. в 1911–1912 гг.

опытного путешественника-исследователя. Позже, в одном из писем П.К. Козлову (1 августа 1915 г.), осознавая значимость и уникальность научных исследований и самого выдающегося учёного для отечественной науки, обеспокоенный вестью о мобилизации П.К. Козлова на войну, Арсеньев писал: *«Берегите себя на войне! Ваша жизнь для нас дорога. Полковников много, а П.К. Козлов один: полковника найдут кем заменить, а Козлова не заменят!»*⁸.

Вклад Арсеньева в познание края является вместе с тем и крупным вкладом в общую географию, ботанику, зоологию, орнитологию, ихтиологию и особенно в этнографию. В письме, адресованном Петру Кузьмичу от 28 октября 1911 г., Владимир Клавдиевич писал: *«В это лето я продолжал свои работы: 1) По изучению орочей.<...> 2) Я собрал большую коллекцию предметов религиозного культа; 3) Произвёл раскопки двух стоянок каменного века»*⁹. (рис. 1).

Собранные Арсеньевым коллекции обрабатывали известные и авторитетные учёные: Лев Семёнович Берг работал над его ихтиологическими коллекциями, Сергей Александрович Бутурлин над орнитологическими, Иван Владимирович Палибин занимался ботаническими сборами. Работали над его коллекциями и другие исследователи¹⁰.

Исследовательская работа проводилась Арсеньевым параллельно с выполнением его непосредственных служебных обязанностей. Так, в том же письме П.К. Козлову он писал: *«По прибытии на Дальний Восток (из Петербурга – В.Л.), меня ожидала новость. По воле судьбы, а вернее по воле Приамурского генерал-губернатора, я вновь попал в дебри Уссурийского края, откуда Вам и пишу, пользуясь случайной оказией. Генерал-губернатор возложил на меня организацию борьбы с китайским засильем в Приамурье. Вот я и выступил текущим летом в Прибрежный район Зауссурийского края. Работа интересная, ответственная, но опасная! <...> Я мирюсь с новой работой только потому, что*

⁸ Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985. С. 28.

⁹ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 21. Л. 1–3.

¹⁰ Самобытность В.К. Арсеньева: http://arsenevvladimir.ucoz.ru/news/samobytnost_v_k_arseneva/2012-07-16-5 (Дата обращения: 12.10.2013).

она позволяет параллельно с ней вести и свои научные исследования <...>. Гондатти (Генерал-губернатор) хочет пристягнуть меня к администрации – а я брыкаюсь. Как в грандиозном кинематографе меняются картины одни другими: охота, инородцы, приключения, новости и открытия – всё это вознаграждает путешественника за те лишения, трудности и опасности, которым он неизбежно должен подвергнуться во время пути в стране дикой и малоизведанной...»¹¹.

Подтверждение слов Арсеньева, о засилье китайцев можно найти в одной из его научных работ. Арсеньев писал: «<...> для китайцев Уссурийский край – золотое дно. Они нашли здесь для себя многочисленные заработки. Впечатления всего виденного мною таковы: кругом валяются деньги, усердно подбираемые сынами Поднебесной Империи; зачем копать из глубины земли руды, когда огромные богатства валяются на поверхности. И что обиднее всего, что богатства эти не остаются в стране, а все уходят в Чифу (Чжи-фу), Сань-Син и Маньчжурию»¹².

Кроме глубокой и интенсивной научно-исследовательской работы Арсеньев активно занимался педагогической и литературной деятельностью, а в 1910–1918 гг. общим собранием Приамурского отдела Русского географического общества был избран директором музея¹³. Кроме того, в разные годы Владимир Клавдиевич являлся членом многих научных обществ: «Действительный член обществ: 1) Русского географического в г. Ленинграде, 2) Приамурского, ныне Дальневосточного краевого отдела того же общества в г. Хабаровске, 3) Всероссийской научной ассоциации Востоковедения в г. Хабаровске, 4) Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете, 5) Антропологического при Ленинградском университете, 6) Общества Археологии, истории и этнографии

¹¹ АРГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 21. Л. 2.

¹² Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический / В.К. Арсеньев. Собрание сочинений в 6-и томах. Том III. Научно-практические публикации, отчёты, доклады. 1906–1916 гг. Владивосток. 2012. С. 323–506.

¹³ Дункай Н.В. Арсеньев и музейное дело // Записки Общества изучения Амурского края. Т. 36. Вып. 1. Владивосток, 2002. С. 76.

при Казанском университете, 7) Русского орнитологического Комитета при Обществе Акклиматизации животных и растений в г. Москве, 8) Вашингтонского национального географического общества, 9) Российской Академии истории материальной культуры. Пожизненный член общества изучения Маньчжурии в Харбине. Почётный член общества: 1) Приморского Лесного, 2) Русских ориенталистов в г. Харбине, 3) Приморской губернской архивной комиссии, 4) Владивостокского отдела Русского географического общества»¹⁴.

Арсеньев был неразрывно связан с дальневосточным краем. Он был не только исследователем, путешественником, но и постоянным его жителем. Уроженец столицы, он называл себя сибиряком-дальневосточником. Для Арсеньева на первом плане стояли неизменно местные задачи, с которыми его исследования и путешествия были связаны неразрывно и органически. Он не только прокладывал и описывал новые пути, изучал рельеф гор и очертания берегов, устанавливал состав и характер местных лесов, изучал местную флору и фауну, но и с особой тщательностью изучал традиционный быт коренных народов края и его историю. И одновременно он разрешал важнейшие задачи, связанные с общегосударственными проблемами, главным образом, с вопросами обороны края и его роли в возможной будущей войне с Японией. В центре его работ и исследований стояли проблемы стратегического характера, в свете которых он разрешал и вопросы местной экономики, и вопросы колонизации, и вопросы о формах более тесной связи Уссурийского края с жизнью всей страны, и вопросы о мерах для поднятия благосостояния жителей края. Его горячая и энергичная деятельность в защиту малых народностей была вызвана и его гуманистическим мировоззрением, и сознанием государственной важности правильной политики по отношению к дальневосточным аборигенам¹⁵.

В докладе, прочитанном Арсеньевым в 1913 г. на Съезде врачей в г. Хабаровске, он отмечал: «Посмотрите, кто указал нефть на Сахалине? – Иностранцы. Кто указал золото? – Иностранцы.

¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 22. Л. 268.

¹⁵ *Арсеньев В.К.* Жизнь и приключения в тайге. М., 1957. С. 15–16.

Кто указал самый низкий перевал через горный хребет Сихотэ-Алиня? – Иностранцы. Кто указал места открытые, чистые, годные для заселений? Опять-то. Кто являлся проводниками в бесчисленных экспедициях по Амуру и Приморью? – Иностранцы. Многие места без помощи иностранцев оставались бы навсегда непроходимыми. Далее, одним из главных богатств Приамурья, включая Приморье, была пушнина. Ежегодно отсюда вывозилось мехов на несколько миллионов рублей золотом. Главными охотниками за пушниной являлись, опять-таки, иностранцы. Благодаря иностранцам Россия вела большую торговлю мехами чуть ли не со всем миром. Наконец, самый факт жизни этих людей где-то в глухой тайге, в тысячах километрах от населённых пунктов – является, несомненно, полезным. Представьте себе, что всё иностранческое население Сибири почему-либо погибло. Это значило бы, что населённые области превратились бы в пустыни. Мириться с вымиранием иностранцев – значит мириться с вымиранием большей части населения Сибири. Вся разница только в том, что такое обезлюдение страны происходит не вдруг, а постепенно»¹⁶.

Владимир Клавдиевич Арсеньев состоялся не только как учёный-исследователь, но и как писатель. Советы Петра Кузьмича Козлова в этом отношении, имели для Арсеньева важное значение. В частности Арсеньев в письме Козлову пишет: *«Я помню Ваш совет издать литературно добытые материалы – что и делаю»*¹⁷.

Этому совету Петра Кузьмича Козлова Владимир Клавдиевич следовал всю жизнь и лучшим памятником дальневосточному путешественнику и исследователю стали его книги. Примечательно то, что в отчёте о докладе в Императорском Русском географическом обществе по итогам экспедиции Арсеньева 1908 г. владивостокская газета «Приамурье» (от 10 апреля 1910 г.) отметила огромное научное значение исследований учёного, и поставила его имя в один ряд с именами великих

¹⁶ Арсеньев В.К. Вымирание иностранцев Амурского края. Лекция, прочитанная Директором Гродековского Музея В.К. Арсеньевым в г. Хабаровске на съезде врачей в 1913 г. / В.К. Арсеньев. Собр. Соч. в 6-и томах. Том III. С. 507–522.

¹⁷ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 21. Л. 3.

русских путешественников Н.М. Пржевальского и П.К. Козлова¹⁸.

Результатом многочисленных экспедиций Ареньева явились содержательные труды, написанные литературным языком, а также художественные произведения: «По Уссурийскому краю» (1921) и «Дерсу Узала» (1923). Позже эти книги были выпущены в одном томе под названием «В дебрях Уссурийского края» (1926), выдержали большое количество изданий и впоследствии были переведены на 36 языков.

Экспедиционная деятельность В.К. Арсеньева дала огромный научный материал по этнографии, археологии, географии, флоре и фауне Дальнего Востока, вошедший в бессмертные научно-популярные и художественные произведения великого путешественника и писателя-краеведа¹⁹.

Впервые работы исследователя были собраны в шесть книг, которые увидели свет в 1948 г.²⁰. В начале нового столетия назрела необходимость переиздать сочинения В.К. Арсеньева в полном, не сокращённом варианте. В 2007 г. издательство «Рубеж» выпустило в свет первый, из планируемых шести, том Полного собрания сочинений В.К. Арсеньева. Это первое полное издание его произведений, научно-практических работ, докладов, отчётов, которые, опять же впервые, после 1921 года публикуются без цензурных сокращений и изъятий, по текстам дореволюционных прижизненных книг автора. Все выходящие до этого труды Арсеньева были сильно сокращены советской цензурой. В 2009 г. вышел второй том, а в 2012 г. – третий том, приуроченный к 140-летию Владимира Клавдиевича Арсеньева, выдающегося отечественного исследователя, путешественника, писателя и военного востоковеда, любившего Дальневосточный край, связавшего с ним свою жизнь и свою научную судьбу, и оставшегося с ним навсегда.

¹⁸ Начало экспедиции Владимира Клавдиевича Арсеньева на Сихотэ-Алинь (1908–1910): <http://www.arseniev.org/dates/1908-06-24-nachalo-ekspeditsii-vladimira-klavdievicha-arseneva-na-sihote-alin-1908-1910.htm> (Дата обращения 13.10.2013).

¹⁹ *Масло О.А.* Общества научной мысли. О деятельности научных обществ на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX веков). Хабаровск, 2011. С. 213.

²⁰ *Арсеньев В.К.* Полное собрание сочинений в 6-и кн. Владивосток, 1948.

Литература

Аргудяева Ю.В. В.К. Арсеньев-путешественник и этнограф // Русские Приамурье и Приморье в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии. Владивосток: ДВО РАН, 2007. 272 с.

Арсеньев В.К. Жизнь и приключения в тайге. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 286 с.

Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6-и томах. Том III. Научно-практические публикации, отчёты, доклады. 1906–1916 гг. Владивосток: Рубеж, 2012. 784 с.

Дункай Н.В. Арсеньев и музейное дело // Записки Общества изучения Амурского края / Отв. ред. *И.Н. Егорчев*. Т. 36. Вып. 1. Владивосток: ОИАК, 2002. 84 с.

Кабанов Н.Е. Путешественник, учёный, писатель // *Арсеньев В.К.* По Уссурийскому краю. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1988. 352 с.

Лебедева В.В. В.К. Арсеньев и П.К. Козлов: к вопросу о значении профессионального сотрудничества в становлении исследователя-этнографа Дальнего Востока // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). Международная научная конференция 15–17 октября 2013 г. Санкт-Петербург. Тезисы докладов / Отв. ред. *К.В. Чистяков*, ред.-сост. *Т.И. Юсупова*. СПб.: Политехника-сервис, 2013. С. 67–69.

Масло О.А. Общества научной мысли. О деятельности научных обществ на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX веков. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 2011. 300 с.

Самобытность В.К. Арсеньева: http://arsenevvladimir.ucoz.ru/news/samobytnost_v_k_arseneva/2012-07-16-5 (Дата обращения 12.10.2013).

Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985. 216 с.

Архивные источники

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 21.

СПФ АРАН. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 11.

СПФ АРАН. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 22.

ЦГВИА. Посл. сп. 80-720/51. Стр. 245–248 об.

**P.K. Kozlov and V.K. Arsenyev: to the Question of the
Importance of Professional Collaboration of the Explorer of
Central Asia and the Ethnographer of the Far East**

V.V. Lebedeva

St. Petersburg State Agrarian University, Pushkin

The article is devoted to the ethnographer, traveler and explorer of the Far East – V.K. Arsenyev. On the basis of archival sources, published archival documents, scientific literature, this article discusses the question of formation of scientific views V.K. Arsenyev in the process of professional collaboration with P.K. Kozlov and other prominent figures of science.

Н.В. Полосьмак, Е.С. Богданов
ИАЭТ СО РАН

Новые исследования ноин-улинских курганов

Так случилось, что в судьбе Петра Кузьмича Козлова особо важное место заняла Монголия. Во многом благодаря археологии. В 1924–1925 гг. экспедиция под его руководством осуществила раскопки семи больших курганов хуннской знати в укромных падах ноин-улинских гор¹. С тех пор ноин-улинские погребения являются одними из наиболее известных памятников археологии хунну. Выдающиеся образцы китайского и переднеазиатского искусства, ковры, ткани, детали колесниц, лаковая посуда являются в настоящее время украшением Эрмитажа и Национального музея г. Улан-Батора. Однако общий уровень науки начала прошлого века стал причиной того, что раскопки большинства курганов проводились с помощью узких шурфов, не позволяющих произвести полное обследование всего погребального комплекса. Таким образом, внушительная часть научной информации была не доступна. Трудоёмкость и масштабность продолжения работ способствовала тому, что почти 80 лет раскопки ноин-улинских курганов не проводились. И только в 2006 г. в Северной Монголии начала свою работу Российско-Монгольская экспедиция. В течение шести последующих лет вручную, без применения большой техники было исследовано 4 погребальных комплекса в пади Суцзуктэ горного массива Ноин-Ула².

¹ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1924. СПб., 2003; Руденко С.И. Культура хунну и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.

² Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Исследование ноин-улинского кургана № 31 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск, 2009. С. 372–376; Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Раскопки кургана № 11 в пади Суцзуктэ (Ноин-Ула, Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. Новосибирск, 2011. С. 226–228; Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск, 2011.

Все три пади, в которых расположены захоронения (Суцзуктэ, Цзурумтэ, Гуджиртэ), представляют собой живописную местность с многочисленными ручьями, настоящий заповедник, в котором до сих пор водится много зверей и птиц. Обнаружить ноин-улинские курганы можно только по характерным глубоким воронкам от древнего грабежа. Наземные сооружения представляют собой четырёхугольную платформу, оконтуренную крепидой (оградой) с дромосом – входом с южной стороны (рис. 1–2).

В отличие от рядовых кочевников, у которых наземное погребальное сооружение представляло собой кольцевидную выкладку из камней, ограда больших ноин-улинских курганов была сложена очень тщательно в виде стен до 1 м высотой. Подобной стеной хунну перегораживали вход из дромоса в могильную яму. Четырёхугольную форму курганов хунну, пришедшую на смену круглым насыпям скифской эпохи в Центральной Азии, можно объяснить только китайским влиянием, поскольку эпохальным этот переход признать нельзя – сарматские курганы евразийских степей продолжают оставаться круглыми. Все китайские погребальные сооружения ханьского времени (II в. до н. э. – II в. н. э.) являлись пирамидальными курганными насыпями, построенными на прямоугольной или квадратной земляной платформе. Эта традиция строительства платформы соблюдалась и при сооружении погребальных комплексов хуннской знати.

Ещё одной зафиксированной чертой китайской погребальной обрядности можно считать рвы, обнаруженные вокруг кургана № 11 (рис. 1). Землю из рвов использовали для возведения платформы. Обычно для строительства наземного сооружения использовали грунт, вынутый из могильной ямы. Однако могильная яма 11-го кургана занимала лишь половину площади ограды, а камни дромоса на поверхности были лишь имитацией длинного «коридора». Сама могильная яма была неглубокой (всего 5 м) и в ней отсутствовала погребальная деревянная камера. Таким образом, с одной стороны мы обнаруживаем большое сооружение на поверхности, характерное для знатного хунну, а с другой – на невысокий социальный статус указывает размер ямы, её глубина, отсутствие срубов, и бедный инвентарь. Разгадка, вероятно, скрывается в том, что в этом кургане была похоронена молодая девушка. Очевидно,

она не успела достигнуть высокого социального статуса, но происходила из знатного влиятельного рода, члены которого решили не отступать от стандартов обряда на своём кладбище. Однако курган со рвами был скорее исключением из правил.

У всех ноин-улинских курганов могильные ямы были поделены на «отсеки» с помощью каменных перегородок. И это характерно для всех без исключения курганов хуннской знати. Перегородки начинают фиксироваться от уровня древней дневной поверхности и залегают в глубину вплоть до первого каменного перекрытия. В одном месте это могут быть мощные сплошные «стены» из камней и плит, уложенных друг на друга, в другом – ряд из отдельных курпных валунов.

Все ямы имели по пять ступеней, ширина которых колебалась от 30 см до 1 м, высота от 1,5 м до 2 м. В 31-м кургане практически на середине каждой ступени были положены крупные камни, по всей видимости, строительного назначения. Они как бы размечали пространство ямы, соответствовали направлению и расположению каменных перегородок. Очевидно, что на уровне последней ступени и обрыва дромоса древние строители кургана сооружали деревянный помост для выемки грунта при сооружении отвесной шахты. Так отверстия от опорных балок в стенках могильных ям были зафиксированы в 20-м и 22-м курганах (рис. 3). В 11-м кургане брёвна, оставленные в дромосе, так же могли быть остатками помоста. В 20-м кургане каждой ступени соответствовало мощное каменное перекрытие (рис. 4). В 31-м было три перекрытия, в 22-м – два, в 11-м одно. В 20-м кургане на последнем каменном перекрытии лежали черепа копытных животных. В 31-м кургане перекрытия сооружены из камня другого цвета, нежели камни ограды.

Смысл деления могильной ямы на отсеки и возведения мощных каменных перекрытий во всех курганах хуннской знати состоит в том, что большие по площади и глубине погребения должны были быть засыпаны так основательно, чтобы по прошествии времени, не проседали³. На первый план выходит практи-

³ Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган... С. 68.

ческое, утилитарное значение. И делалось это по всем правилам строительной техники того времени. Ступенчатая конструкция могильной ямы с дромосом, прослеженная при раскопках ноин-улинских курганов – имеет широкий круг аналогов среди исследованных ханьских могил на территории Китая. Вполне возможно, что хуннские курганы сооружались при помощи и участии китайских «перебежчиков» или пленных. Хотя нельзя оставлять без внимания и то, что количество перекрытий, их конструктивные и цветовые особенности могли быть связаны с представлениями хунну о загробной жизни.

По китайским меркам хуннские курганы не были большими. «Размеры насыпей, как свидетельствуют китайские летописные источники, строго нормировались законами в соответствии со степенью знатности человека. Так, насыпи высотой более четырёх чжан (12,8 м) могли иметь только члены императорской фамилии. Люди, принадлежавшие к рангу *лехоу* (высшая знать), могли иметь насыпь до 12,8 м, а обычные сановники не более 1,5 чжан (4,8 м)»⁴. Но, не будучи большими в своей наземной части, курганы хунну, нередко, имели очень глубокие и обширные могилы, сооружение которых требовало много времени и сил. Если для китайских императоров и вельмож строительство гробниц начиналось вскоре после их вступления на должность, то для знатных хунну, вероятно, могилу начинали готовить только после смерти. Следуя китайской традиции, государя полагалось хоронить через семь месяцев после кончины, аристократов высшего ранга – через пять, остальных рангов – через три⁵. Времени вполне достаточно для того, чтобы подготовить могилу и деревянные срубы. Что в это время происходило с телом умершего – пока для нас остаётся загадкой. Можно лишь предположить, что с ним были проведены определённые манипуляции, позволявшие сохранить тело до момента похорон. Это соответствует китайской традиции, которой, вероятно, следовали хунну.

Достаточная выборка исследованных на сегодняшний день больших хуннских курганов показывает, что явным признаком

⁴ Терехова Н.П. Погребальные конструкции эпохи Хань // Советская археология. 1959. № 3. С. 42.

⁵ Там же.

высокого статуса погребённого было наличие китайской колесницы в могиле. Колесницы *яо чэ* с зонтами были обнаружены в 20-м и 22-м курганах пади Суцзуктэ⁶. Их сняли с колёс, положили в могильную яму в её южной части, у входа в дромос, плотно заложив кузов камнями. Боковые стенки лёгкого кузова были покрыты красным лаком снаружи, а передняя и задняя – чёрным (рис. 5). Высота колесниц вместе с колёсами была не более 1,6 м. *Яо чэ*, наряду с другими изысканными вещами, были одним из даров хуннским шаньюям и конструктивно находят многочисленные параллели среди настенных росписей ханьского Китая.

Так же как и в Китае, в Ноин-Уле двойные деревянные погребальные камеры с мощными перекрытиями сооружались из сосны, отсеки (коридоры между срубам) служили для сопровождающих погребённых вещей (рис. 6). Срубы из тщательно стёсанных полубрёвен с матицами (несущими плахами) и столбами с базами и капителями указывают на незаурядное мастерство в плотницком деле. Все конструкции изготавливались по одному и тому же шаблону. Правда, в тридцать первом кургане отсутствовало перекрытие внешнего сруба, но это исключение из правил, и причина этого явления не совсем ясна. Столбовые конструкции в виде опоры с капителями, шиповые соединения брёвен срубов находят также многочисленные аналогии на территории ханьского Китая.

Склеп княгини Синь в Мавадуе (Китай, ранняя Хань) был весь покрыт слоем древесного угля⁷. Данная традиция прослеживается почти во всех материалах по большим курганам хунну. В ноин-улинских курганах внешний сруб дополнительно засыпался с четырёх сторон мелким камнем. Кроме угля в 20-м, 22-м и в 31-м курганах впервые зафиксирована специально уложенная вдоль стен сруба голубая глина, которая вместе с углём должна была на века «запечатать» погребения, как это было в Мавадуе. Но этого не произошло из-за грабежей, нарушивших герметичность деревянных склепов.

⁶ Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н. Ханьская колесница из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 63–69; Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. След китайской колесницы // Наука из первых рук. 2012. № 4 (44). С. 6–17.

⁷ Погребённые царства Китая. М., 1998. С. 146.

Все сосновые гробы, найденные в ноин-улинских курганах, сделаны по одному строительному канону. Они собирались из хорошо отёсанных толстых досок, скреплялись с помощью Х-образных шипов, врезных отверстий такой же формы и врезных прямоугольных пластин из дерева. В некоторых случаях (курган № 20) с внешней стороны саркофаг покрывался красным лаком. Также ноин-улинские гробы украшались ромбическим орнаментом из перекрещенных деревянных тонких полосок и четырёхлепестковых розеток, обтянутых золотой фольгой. Они прикреплялись, вероятно, к шёлковой ткани, обтягивавшей гроб, с помощью золотых гвоздиков.

Большой удачей были находки костных останков и (или) зубов людей в исследованных нами курганах⁸. При грабительских действиях больше всего страдали останки погребённых, которых, по всей видимости, вытаскивали наружу. Поэтому чаще всего мы имеем дело с единичными антропологическими находками очень плохой сохранности. Только в кургане № 11, в котором не было деревянных конструкций, грабители, основательно перевершив небогатое захоронение, оставили кости в могильной яме. Благодаря полученному палеоантропологическому материалу у нас появились новые данные о людях, погребённых в ноин-улинских курганах. В настоящее время возможности разработки данной темы существенно расширяются благодаря объединению традиционных археологических и антропологических подходов с данными, получаемыми в ходе молекулярно-генетического анализа образцов ДНК. В этой связи очень важной деталью погребального обряда становятся массовые находки в Ноин-Уле заплетённых человеческих кос и отдельных пучков волос.

Усыпальницы хуннской знати стали сокровищницей не только для разнообразных «подарков» ханьского императорского двора шаньюям, но и для различных предметов роскоши, доставляемых по Шёлковому пути с Запада. Однако, как уже сказано выше, все без исключения ноин-улинские погребения были

⁸ *Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Волков П.В.* Одонтологический материал из кургана 20 в Ноин-уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (39). 2009. С. 145–151.

ограблены ещё в древности, не позднее чем через 100–200 лет после строительства курганов. Поэтому практически все личные вещи погребённого исчезли, за исключением мелких золотых украшений одежды. После варварского «погрома» об изначальном расположении предметов в деревянном склепе можно лишь догадываться.

Почти во всех ноин-улинских погребениях пол во внутреннем срубе был устлан войлочным ковром с подкладом из ткани, украшенный спиралевидным и геометрическим орнаментом со сценами борьбы животных по контуру и шёлковой оторочкой по краю. Данный факт свидетельствует о том, что у хунну производство подобных изделий было стандартизировано и поставлено на поток⁹. Только в тридцать первом кургане весь пол погребальной камеры вместо ковра покрывала одноцветная толстая шерстяная ткань. Если принять во внимание идею, что погребальная камера в какой-то мере представляла собой имитацию жилища, то не удивляет, что многие ковры долгое время использовались в быту, и носят следы починки и жирных пятен. То есть, ковры не изготавливались специально для погребальной церемонии.

Северный коридор представлял собой «хозяйственный отсек» – во всех погребениях на полу вдоль стены внешнего сруба стояли керамические сосуды (обычно не больше трёх) и мешки с чумизой. В основном, керамика из хорошо отмученной глины, превосходного обжига, с блестящей лощёной поверхностью. В больших сосудах грушевидной формы с широким, слабо выраженным горлом, вероятно, содержалась жидкая пища и вода. Тулово украшалось волнистыми врезными линиями. На дне заметны квадратные вдавления, указывающие на закрепление горшков при их выделке на ручном гончарном диске с шипом. Такие же вдавления есть и на двух глиняных светильнях, найденных в одиннадцатом и тридцать первом курганах. Данная посуда находит аналогии среди китайских материалов, поэтому вполне вероятно, что в большинстве случаев китайцы изготавли-

⁹ Руденко С.И. Культура хунну и ноинулинские курганы... С. 117–124; Богданов Е.С. Ещё раз к вопросу о происхождении ноин-улинских ковров // Маргулановские чтения – 2011. Астана, 2011. С. 42–46.

ли такие сосуды для хунну. Отсутствие глиняной посуды в двадцать втором кургане может объясняться тем, что её заменяла несохранившаяся кожаная посуда или же бронзовые котлы могли унести грабители (обломки таких сосудов китайского производства были найдены при раскопках двадцатого и тридцать первого курганов).

В северные части западных и восточных коридоров складывали различные предметы конского снаряжения и деревянные сёдла. Были они выюнными или верховыми – сложно сказать. Ни стремян, ни деревянной основы седла при раскопках обнаружено не было. Найдены только передние и задние луки (в обломках) и деревянные палочки, которые их соединяли. Каждая лука состояла из двух дощечек, на месте их скрепления между собой сделан вырез. Для соединения передней и задней лук продольными палочками в них проделаны круглые или квадратные отверстия. Скорее всего, дощечки лук связывались друг с другом кручёными волосяными верёвочками. В двадцатом кургане рядом с обломками седла были обнаружены остатки подушек, набитых травой, куски войлочного потника и чепрака. Что касается самой конской сбруи с украшениями, то она могла висеть на стенках внешнего сруба, поэтому зачастую грабители обходили их своим вниманием. Самая большая коллекция предметов данной категории была обнаружена в 20-м ноин-улинском кургане (рис. 7: 1, 3–6). Там найдено более 40 серебряных блях с изображением единорогов, драконов, козлов, оленей; большое количество разнообразных медных и покрытых золотой амальгамой налобников, псалий, подпружных пряжек, подвесок, распределителей ремней.¹⁰ Устройство конской узда легко воссоздать. Она была ременная: состояла из оголовья и, скорее всего, налобного и подшейного ремня. В местах перекрестия ремни скреплялись бронзовыми обоймами (распределителями) с отверстиями, и украшались круглыми серебряными или медными (бронзовыми) бляхами. Особенно уникальна находка се-

¹⁰ Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н. Серебряные украшения конской упряжи из кургана 20 могильника Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (46). 2011. С. 46–54.

ребряного с позолотой диска с дионисийской сценой, который хунну использовали в качестве конского налобника (рис. 7:1). Изначально этот предмет был создан для украшения пиршественной утвари мастером, работающим в традициях пергамской школы, и мог попасть к варварам только в качестве дипломатических даров¹¹. Остальные серебряные и медные предметы были изготовлены китайскими мастерами на территории ханьской империи. Об этом свидетельствует не только изящность, мастерство изготовления и состав металла, но и сами образы и орнамент, которые напрямую связаны с китайской мифологией. В двадцать втором кургане был найден всего один комплект конской упряжи, который состоял из трёх видов серебряных блях с изображением единорога (рис. 7: 2, 7). Это два круглых наплечных фалара, более десяти (часть в обломках) блях по форме тыквы-горлянки¹² и четыре круглых маленьких бляхи. Композиция из двух стоящих друг напротив друга единорогов на наплечных фаларах среди хуннских и китайских древностей встречена впервые.

В западном коридоре двадцать второго кургана кроме деталей конского снаряжения были обнаружены ещё части зонта: деревянное навершие, спицы покрытые чёрным лаком с медными набалдашниками. Рядом были найдены две человеческих косы в наконечниках из шёлковой ткани и обшитых снаружи горизонтальными рядами треугольных фестонов и больше десятка разнообразных шёлковых флажков.

Рядом с гробом (в изголовье) в северной части камеры складывались самые важные вещи для погребённого: лаковая посуда (скорее всего, на столиках), разнообразный шёлк (как отрезки материи, так и одежда), шерстяные ткани, меховые изделия, головные уборы, обувь, личные вещи. К сожалению, из-за деятельности грабителей и агрессивной среды (глина из заполнения могильной ямы), мы получили в своё распоряжение лишь фрагменты

¹¹ Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган... С. 110–117; Полосьмак Н.В. Свет далёкой Эллады // Наука из первых рук. 2011. № 1 (37). С. 94–107.

¹² Полосьмак Н.В. «Там, на неведомых дорожках следы невиданных зверей» // Наука из первых рук. 2009. № 5 (29). С. 64–75.

этих вещей. Но и это стало возможно только после многолетнего кропотливого труда российских специалистов из реставрационных центров Москвы и Новосибирска. Экспедиции П.К. Козлова очень повезло, поскольку большинство вещей из органики в исследованных ими курганах сохранили свой первозданный вид¹³, почти не потребовав широкомасштабной реставрации, а, скорее, консервации. Тем не менее, нам удалось восстановить значительные части: верхней одежды, шёлковых халатов с подкладом из шёлковой ваты и меховой отделкой, шёлкового кафтана с вытканными изображениями сцен охоты, танца и, возможно, битвы¹⁴, штанов из шерсти и шёлка, обуви. Наряду с многочисленным и разнообразным шёлком китайского производства, в исследованных нами погребениях были обнаружены шерстяные ткани гобеленового переплетения с вышитыми изображениями людей и сцен мифологического содержания¹⁵ (рис. 8). С.И. Руденко считал, что такими «занавесями» были частично задрапированы стены ноин-улинских погребальных камер¹⁶. Однако мы их обнаружили возле гробов, в виде сильно смятых, рваных и частично сшитых фрагментов. Возможно, после погребальной церемонии они покрывали сверху гробы, но впоследствии были сброшены грабителями. Данные ткани сирийского производства (сшитые, возможно, на территории индо-скифских (сакских) государств в юго-западной Индии) бесценны и не имеют аналогов нигде в мире. Попали они в могилы хунну из Парфии, благодаря Великому Шёлковому пути. Столь же уникальны лаковые изделия и посуда, обнаруженные в двадцатом и тридцать первом ноин-улинском курганах. На трёх, найденных в 20-м и 31-м курганах чашечках бэй, есть иероглифические надписи, содержащие информацию о месте и времени (9 г. до н. э.) их производства,

¹³ Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и России. СПб., 2006. С. 175, 211.

¹⁴ *Полосьмак Н.В.* Лица из прошлого // Наука из первых рук. 2012. № 1 (43). С. 78–101.

¹⁵ *Полосьмак Н.В.* История вышитая шерстью // Наука из первых рук. 2011. № 2 (38). С. 112–133; *Полосьмак Н.В.* Фрагмент вышитой завесы из кургана 31 могильника Ноин-Ула // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск, 2013. С. 352–365.

¹⁶ *Руденко С.И.* Кульгура хунну и ноинулинские курганы... С. 97.

этапах изготовления, а также с указанием имён мастеров и чиновников, участвующих в процессе изготовления этих ценных вещей¹⁷. Благодаря лабораторным исследованиям этих лаковых изделий удалось прояснить загадку древнего китайского лака¹⁸.

Внутри гробы были практически пусты за исключением обрывков шёлковой ткани, нескольких мелких золотых украшений одежды и зёрен проса. Целиком сохранился только гроб из двадцать второго кургана, остальные найдены в обломках. Остаётся только предполагать, как и в каком виде был погребен знатный хунну. В китайских письменных источниках лишь сообщается, что хунны «употребляют наружный и внутренний гробы, облачение из золотой и серебряной парчи и меховое»¹⁹. А об изначальном богатстве погребений знатных хунну мы можем лишь догадываться. Вот что сообщается в китайских хрониках о дани, которую в 52 г. до. н. э. получил шаньюй Хухань от китайского двора: «20 гинов золота и 200 000 медной монеты, шляпу, пояс, верхнее и нижнее одеяние, золотую печать с жёлтыми шнурами, меч, осыпанный драгоценными камнями, поясной нож, лук и четыре выпуска стрел, десять чеканов с чехлами, колесницу, узду, пятнадцать лошадей, семьдесят семь перемен одежды, 8 000 кусков разных шёлковых тканей, 6 000 гинов шёлковой ваты»²⁰. Даже небольшая толика от этих сокровищ могла побудить к ограблению хуннских погребальных комплексов, несмотря на сложность, трудоёмкость и опасность такого предприятия. Нужно было выкопать узкий лаз-шахту на 13–18 метров в глубину,

¹⁷ Чистякова А.Н. Иероглифическая надпись на лаковой чашке из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 59–68.

¹⁸ Кундо Л.П., Симонов В.Г. Опыт сохранения восточноазиатских лаковых чашек из могильника Ноин-Ула в Северной Монголии // Консервация, реставрация и экспертиза музейных памятников. VI Международная научно-практическая конференция. Киев, 2008. С. 268–271; *Polosmak N.V., Bogdanov E.S., Chistiakova A.N., Kundo L.P.* Lacquer Ear-Cups from Burial Mound 20 in Noin-Uul // *Xiongnu archaeology. Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. Bonn contributions to Asian archaeology. Vol. 5.* Bonn, 2011. С. 327–332.

¹⁹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 50.

²⁰ Там же. С. 89.

через каменисто-щебенистый грунт, насыщенный водой, через несколько мощных каменных перекрытий, прорубив мощный бревенчатый настил над срубам. Хотя, как представляется, главной причиной ограбления или, правильнее, осквернения могил, была не алчность, а сведение счётов.

Материалы четырёх элитных курганов из пади Суцзуктэ, исследованных российско-монгольской экспедицией, значительно дополнили коллекцию сокровищ хуннских вождей, составленную в результате работ экспедиции П.К. Козлова. Новые исследования позволили внимательно проследить все детали погребальной обрядности больших ноин-улинских курганов и, тем самым, восполнить недостающую, по этому выдающемуся памятнику, информацию. В настоящее время ноин-улинские курганы, включая раскопанные под руководством П.К. Козлова, являются одними из наиболее полно и всесторонне изученных погребальных комплексов хуннской элиты. Изучение материалов, полученных в ходе полевых исследований последних лет, ещё продолжается, поскольку в курганах Ноин-Улы были сосредоточены исключительные по своей информативности и редкости предметы.

Литература

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. М.; Л.: Наука, 1950. 471 с.

Богданов Е.С. Ещё раз к вопросу о происхождении ноин-улинских ковров // Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной конференции. Астана, 2011. С. 42–46.

Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и России / Сост. *И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков.* СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 409 с.

Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1924 / Ред.-сост. *Т.И. Юсупова*, ред. *А.И. Андреев.* СПб.: Наука, 2003. 1037 с. – Научное наследство. Т. 30.

Кундо Л.П., Симонов В.Г. Опыт сохранения восточноазиатских лаковых чашек из могильника Ноин-Ула в Северной Монголии // Консервация, реставрация и экспертиза музейных памят-

ников. VI Международная научно-практическая конференция. Киев, 2008. С. 268–271.

Погребённые царства Китая. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. 168 с.

Полосьмак Н.В. «Там, на неведомых дорожках следы невиданных зверей» // Наука из первых рук. 2009. № 5 (29). С. 64–75.

Полосьмак Н.В. Свет далёкой Эллады // Наука из первых рук. 2011. № 1 (37). С. 94–107.

Полосьмак Н.В. История вышитая шерстью // Наука из первых рук. 2011. № 2 (38). С. 112–133.

Полосьмак Н.В. Лица из прошлого // Наука из первых рук. 2012. № 1 (43). С. 78–101.

Полосьмак Н.В. Фрагмент вышитой завесы из кургана 31 могильника Ноин-Ула // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 352–365.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Исследование ноин-улинского кургана № 31 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 372–376.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. След китайской колесницы // Наука из первых рук. 2012. № 4 (44). С. 6–17.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Раскопки кургана № 11 в пади Суцзуктэ (Ноин-Ула, Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 226–228.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. 184 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н. Ханьская колесница из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 63–69.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н. Серебряные украшения конской упряжи из кургана 20 могильника Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 46–54.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Волков П.В. Одонтологический материал из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 145–151.

Терехова Н.П. Погребальные конструкции эпохи Хань // Советская археология. 1959. № 3. С. 28–47.

Руденко С.И. Культура хунну и ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 203 с.

Чистякова А.Н. Иероглифическая надпись на лаковой чашке из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 59–68.

Polosmak N.V., Bogdanov E.S., Chistiakova A.N., Kundo L.P. Lacquer Ear-Cups from Burial Mound 20 in Noin-Uul // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. Bonn contributions to Asian archaeology. Vol. 5. Bonn, 2011. С. 327–332.

The New Exploration of the Noin-Ula Mounds

N. V. Polosmak, E. S. Bogdanov

Institute of Archaeology & Ethnography, Siberian Branch of RAS

In 2006 the Russian-Mongolian expedition started working in North Mongolia. Within six years they excavated and investigated four sepulchral complex of the Hun (xiongnu) in the Sutzuktae – one of the valleys of the mountains Noin-Ula. The findings of these burial grounds complemented the findings of the Mongolian-Tibetan expeditions conducted by P.K. Kozlov in 1924–1925. New investigations allowed us to study in detail the obsequies of Huns in the big Noin-Ula mounds, and therefore complete the information about this outstanding archaeological site. In the meantime the Noin-Ula mounds, including those excavated under supervision of P.K. Kozlov, are amongst the most comprehensively examined sepulchral complex of Huns aristocracy.

Martin Slobodník

Comenius University, Bratislava (Slovakia)

Labrang Monastery in the Eyes of Pyotr Kuzmich Kozlov and Other Foreign Visitors¹

Pyotr Kuzmich Kozlov (1863–1935) visited Labrang Monastery (Tib. *bla brang bkra shis 'khyil*) during his expedition to Mongolia and Sichuan in the years 1907–1909², staying there in February 1909 for over two weeks. My contribution deals with the perception of Labrang Monastery in his published travelogues and his diary.

In recent years several monographs and volumes of conference proceedings have been devoted to the analysis of the Western perception of Tibet, Tibetans and Tibetan Buddhism³. Unfortunately, the Eastern, i.e. mainly Chinese, perspective has thus far not been analyzed in such detail despite the existence of abundant sources in Chinese and the extensive 1400-year long history of Sino-Tibetan relations; so far only a small number of research articles have dealt with these issues⁴. Most of the authors dealing with the Western

¹ This paper is the result of research kindly supported by the Gerda Henkel Foundation (Germany), project № AZ 11/ZA/07. I am indebted to Dr. T.I. Yusu-pova (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg) for providing me with the relevant parts of the diary of P.K. Kozlov from his stay at Labrang Monastery (Archives of the Russian Geographical Society (RGS). F. 18. Inv. 1. Un. 156).

² For details related to his life and this expedition see: *Yusupova T.I.* P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition (1907–1909): the Discovery of Khara-Khoto // *Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century*. St. Petersburg, 2008. P. 112–129.

³ See: *Bishop P.* The Myth of Shangri-la: Tibet, Travel Writing and the Western Creation of Sacred Landscape. Berkley, 1989; *Bishop P.* Dreams of Power: Tibetan Buddhism and the Western Imagination. London, 1993; *Dodin T., Räther H.*, eds. *Mythos Tibet, Wahrnehmungen, Projektionen, Phantasien*. Köln, 1997; *Lopez D.S.Jr.* Prisoners of Shangri-La: Tibetan Buddhism and the West. Chicago, 1998; *Brauen M.* Traumwelt Tibet, Westliche Trugbilder. Bern, 2000; *Esposito M.*, ed. *Images of Tibet in the 19th and 20th Centuries*. Paris, 2008.

⁴ See: *Heberer T.* Old Tibet – A Hell on Earth? The Myth of Tibet and Tibetans in Chinese Art and Propaganda // *Imagining Tibet: Perceptions, Projections and Fantasies* / Ed. by *Dodin T., Räther H.* Boston, 2001. Pp. 111–150; Slobodník M. The Perception of Tibet in China: Between Disdain and Fascination // *Fu Jen Historical Journal*. 2016. № 17. P. 71–110.

perception of Tibet and Tibetan Buddhism state that in the various sources (especially scholarly works) from the turn of the 20th century there is a predominantly distorted image of Tibetan Buddhism, which can be characterized by the negative presentation of “Lamaism” in the monograph by the British explorer, army surgeon and Tibetologist L.A. Waddell (1854–1938) titled *The Buddhism of Tibet or Lamaism*⁵, where Tibetan Buddhism is presented as primitive “Lamaism”: a corrupt form of Indian Buddhism which he associated with devil worship and the overall degeneration of religious practice⁶ According to this understanding, Tibetan Buddhism (“Lamaism”) represented the exact opposite of the earlier “pure” scholarly Buddhism of the early Theravada and Mahayana Indian Buddhist texts.

An interesting and so far neglected topic is the issue of the perception of Tibetan Buddhism and Tibet in the writings of Russian scholars and travelers from the late 19th and early 20th century. Vera Tolz provided an insightful analysis of Russian and early Soviet scholarship focusing on East Asia in her monograph⁷. Tolz stresses the different scholarly approaches in Russia and Western Europe. For Russians the study of Tibetan Buddhism was not just an exotic topic of academic research. Due to the Buryat and Kalmyk ethnic groups – followers of Tibetan Buddhism inhabiting Tsarist Russia – as well as the common border with Mongolia with its Tibetan Buddhist tradition, Russian scholars had a strong interest in getting a thorough understanding of the history and current state of Tibetan Buddhism with the aim of further developing Buddhist Studies in Russia as well as strengthening the integration of ethnic groups with a predominantly Tibetan Buddhist religious identity into Tsarist Russia. One of the leading intellectual discourses in Russia at the time argued that Russia should be considered as a bridge uniting Western Europe and Asia; therefore Russian scholars argued that they were able to view Asia without the usual prejudices

⁵ *Waddell L.A.* *The Buddhism of Tibet or Lamaism*. London, 1895.

⁶ For a compelling discussion on this negative perception of Tibetan Buddhism in the late 19th century, see: *Lopez D.S.Jr.* *Prisoners of Shangri-La: Tibetan Buddhism and the West...* P. 35–39.

⁷ *Tolz V.* *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford, 2011.

of Western perceivers, and thus approach it in a more objective, fair and just way⁸. Due to the initiative of such eminent scholars as Aleksei Matveyevich Pozdnev (1851–1920), Sergey Fyodorovich Oldenburg (1863–1934) and Fyodor Ippolitovich Shcherbatskoy (1866–1942), Saint Petersburg became one of the most famous centers of Buddhist Studies. Russian scholars were explicitly opposed to Western Buddhist scholarship, which focused mainly on early Indian textual sources and considered Tibetan Buddhism to be a degenerated form or corruption of Buddhism, which did not even deserve to be called Buddhism. Hence the neologism “Lamaism” was coined⁹. S.F. Oldenburg and F.I. Shcherbatskoy explicitly criticized this negative image and proposed and promoted a new approach towards the study of Buddhism which was meant to focus not only on the text but also on the oral living tradition of Tibetan Buddhism among the Mongol (including Buryat and Kalmyk) and Tibetan people. This goal included training in Western academic disciplines and cooperation with native (Buryat) scholars in order to utilize their traditional Buddhist education which they had received in Buryat monasteries¹⁰. The three outstanding Buddhists and scholars trained in this program were Gombojab Tsebekovich Tsybikov (1873–1930), Bazaar Baradievich Baradin (1878–1937) and Tsyben Zhamtsaranovich Zhamtsarano (1880–1942)¹¹ – Tsybikov and Baradin visited Labrang, and Baradin’s information on this monastery was crucial for Pyotr Kuzmich Kozlov. In the following part, I will tackle the question of whether one can illustrate these differing (Western versus Russian) perspectives of Tibetan Buddhism with the example of the depiction of Labrang Monastery from 1906 to 1917, taking the writings of Kozlov as the starting point of this analysis.

⁸ *Ibid.* P. 41, 54–57.

⁹ *Ibid.* P. 106, 128.

¹⁰ *Ibid.* P. 114–117.

¹¹ For more information on these three Buryat scholars, travelers and Buddhists, see: *Ibid.*, pp. 117–124; *Ermakova T.V.* Budiyskiy mir glazami rossiyskikh issledovateley XIX – pervoy treti XX veka (The Buddhist World through the Eyes of Russian Researchers of the 19th Century and the First Third of the 20th Century). St. Petersburg, 1998. P. 98–111.

Labrang Monastery was established in 1709 by the First Jamyang Zhepa (Tib. *jam dbyangs bzhad pa*) and it became one of the most influential Gelugpa (Tib. *dge lugs pa*) Buddhist monasteries in Tibet, housing about 3 000 monks by the early 20th century¹². The highest successive reincarnations of the monastery, Jamyang Zhepa and Gungthang (Tib. *gung thang*), had been the *de facto* political rulers of large parts of the Amdo region in the northeastern part of the Tibetan Plateau. Labrang Monastery played a crucial role in the spread of Gelugpa teaching towards Mongolia and Buryatia, and until the mid-20th century monks from Mongolia and Buryatia frequently stayed and studied at Labrang Monastery. Due to its vicinity to Mongolia and western China, Labrang Monastery was repeatedly visited by foreign visitors from the late 19th century and therefore quite a number of written sources describing the monastery are available. According to available sources, the first foreign explorer who visited and described Labrang was the Russian explorer Grigory Nikolayevich Potanin (1835–1920), who visited Labrang in May 1885 during his expeditions in Eastern Tibet from 1884 to 1886¹³. He established a link between Russian scholarship (geographers, explorers and Buddhist scholars) and this renowned monastery. The beginning of the 20th century was the last heyday period of Labrang Monastery, when its religious, political and economic influence reached its peak. With the death of the Fourth Jamyang Zhepa Kelsang Thubten Wangchug (*skal bzang thub bstan dbang phyug*, 1856–1916) in 1916, and as a consequence of the search for his successor, an internal conflict erupted among the Tibetan hierarchs in Labrang. The Labrang area was also involved in the turmoil associated with the access to regional power by the Muslim warlords of the Ma family residing in the Gansu Province.

Kozlov was not the first Russian citizen to visit Labrang. Besides Grigory N. Potanin, Labrang was also visited by the Buryat Buddhist

¹² For a history of Labrang Monastery, see: *Nietupski P.K.* Labrang Monastery – A Tibetan Buddhist Community on the Inner Asian Borderlands, 1709–1958. Lanham, 2011.

¹³ For his description of Labrang, see: *Potanin G.N.* Tangutsko-tibetskaya okraina Kitaya i Centralnaya Mongoliya (The Tangut-Tibetan Periphery of China and Central Mongolia). Moscow, 1950. P. 256–268.

and scholar Gombojab T. Tsybikov, who stayed over a week in Labrang in February 1900 on the way to Lhasa and described this monastery in his work *Buddhist-palomnik u svyatykh Tibetu* (“A Buddhist Pilgrim at the Holy Places of Tibet”), which was published in 1918 in Saint Petersburg¹⁴. His brief portrayal of the monastery, which includes descriptions of individual temples and festivals, stresses the strict discipline of the monks and their devotion to Buddhist studies. It thus provides a positive image of Labrang. His younger colleague Baradin stayed at Labrang Monastery for seven months from the end of June 1906 until the end of January 1907, and after his return to Russia he published two papers directly dealing with his stay at the monastery¹⁵. The comprehensive and informative article “Voyage to Labrang: A Buddhist Monastery in the North-Eastern Edge of Tibet in the Years 1905–1907”, published by Baradin in 1908, was the crucial source of information on Labrang Monastery for Kozlov when he was writing his article in English and his travelogue in Russian.

When discussing the issue of the portrayal of Labrang Monastery and its inhabitants in the writings of Kozlov, we have at our disposal three sources: his unpublished diary,¹⁶ his 1910 article published in

¹⁴ This book was also translated into the Czech language. For the description of Labrang, see: *Cybikov G.C. Cesta k posvátným místům Tibetu* (The Road to the Holy Places of Tibet). Prague, 1987. Pp. 37–45. Tsybikov’s book was published in 1918, but Kozlov did not refer to it despite its informative description (approx. 8 pages) of Labrang.

¹⁵ *Baradin B.B. Puteshestviye v Lavran: buddiyskiy monastyr v severo-vostochnoy okraine Tibetu v 1905–1907 gg.* (Voyage to Labrang: A Buddhist Monastery in the North-Eastern Edge of Tibet in the Years 1905–1907) // *Izvestiya IRGO*. 1908. Vol. 19. № 4. Pp. 183–232; *Baradin B.B. Statuya Maytrei v Zolotom khrame v Lavrane* (The Statue of Maitreya in the Golden Temple of Labrang). Leningrad, 1924. Another valuable source for his stay in Labrang Monastery, which was published only posthumously, is his diary – *Baradin B.B. Zhizn v tangutskom monastyre Lavran: Dnevnik buddiyskogo palomnika (1906–1907 gg.)* (Life in the Tangut Monastery Labrang: Diary of a Buddhist Pilgrim (the Years 1906–1907)). Ulan-Ude; Ulanbator, 1999.

¹⁶ *Kozlov P.K. Dnevnik Mongolo-Sychuanskogo puteshestviya 1907–1909 gg.* (Travel Journal of the Mongolia and Sichuan Expedition in the Years 1907–1909), preserved in the Archives of the Russian Geographical Society. F. 18. Inv. 1. Un. 156. Approx. 38 pages from the diary (Vol. 3) were written by Kozlov during his stay in Labrang.

English¹⁷ and his book published in Russian in 1923,¹⁸ which received the widest readership (and not only in Russia as it was translated into several languages); I will use this narrative as the starting point of my analysis. Labrang Monastery is described in chapters 19 and 20 in the book titled *Mongolia, Amdo and the Dead City of Khara-Khoto*. However, what we find in this book (and to a certain degree also in his English-language article, which very briefly deals with Labrang on pp. 295–297) is to a large extent not his personal view of the monastery and its inhabitants but a reflection of the paper published by Baradin in 1908 about his stay in Labrang¹⁹. About a third of the text dedicated to Labrang in Kozlov's book (approximately 6 of the 18 pages in the Czech translation) comprises direct quotations from Baradin's article, which he refers to in the notes. In addition to the verbatim quotations from Baradin, Kozlov's whole text on Labrang was very strongly influenced by Baradin's perception of Labrang even in those parts of the two chapters where Kozlov is not directly quoting him. This reliance on already published scholarly works related to a monastery which Kozlov had personally visited can be seen not only in the case of his description of Labrang but also in his account of Kumbum Monastery (Tib. *sku 'bum*), where Kozlov repeatedly referred to a variety of authors: particularly the American diplomat and scholar W.W. Rockhill (1854–1914), the German explorer W. Filchner (1877–1957), the Russian Orientalist B.I. Vladimirtsov (1884–1931) and the Russian explorer Grigory N. Potanin²⁰. One can see that

¹⁷ *Kozloff P.K.* The Mongolia–Sze-Chuan Expedition of the Imperial Russian Geographical Society // *The Geographical Journal*. 1910. Vol. 36. № 3. P. 288–310.

¹⁸ *Kozlov P.K.* *Mongoliya i Amdo i mertvyi gorod Khara-Khoto (Mongolia, Amdo and the Dead City of Khara-Khoto)*. Moskva; Peterburg, 1923. When quoting from this book, I will refer to the Czech translation (transl. by J. Dýma): *Mrtvé město Chara-Choto (Mongolsko a Amdo) (The Dead City of Khara-Khoto (Mongolia and Amdo))*. Prague, 1929.

¹⁹ From Kozlov's diary it is clear that he was aware of the trip to Labrang made by Baradin as well as of the publication of his article in 1908, and he noted down that he was looking forward to reading it after his arrival back in Saint Petersburg: *Kozlov P.K.* *Dnevnik Mongolo-Sychuanskogo putesthestvyia 1907–1909 gg.* Archives of the RGS. F. 18. Inv. 1. Un. 156. P. 371 a.

²⁰ *Kozlov P.K.* *Mrtvé město Chara-Choto (Mongolsko a Amdo)...* Pp. 219, 220, 230, 232 and 234.

Kozlov systematically restrained his personal perspective in favor of already published scholarly sources written by established authors in the parts of his 1923 work on Kumbum and Labrang.

From his description of the Amdo part of his 1907–1909 trip it is obvious that Kozlov enjoyed this leg of his Central Asian journey²¹. He contrasts the oppressive and narrow-minded Chinese environment with the seclusion and closeness to nature in the Tibetan monastery, which he perceived positively²². His positive image of the Tibetan monastery in particular is not a coincidence. In the parts of Kozlov's travelogue dealing with Amdo, one can find numerous negative references to lay Tibetans, mainly nomads; he describes them as a group of warlike and violent robbers and bandits, and as provocative, impudent and uncanny people who represented a permanent threat to his expedition²³. During the part of his trip immediately before reaching Labrang in particular his caravan was repeatedly attacked by local Tibetan nomads, and thus he was impatiently longing to arrive in Labrang, a place which in his eyes represented a "*promised land*"²⁴ where he and his companions could rest unhindered by the regular attacks of the nomads. His portrayal of lay Amdo Tibetans is mainly negative and in sharp contrast with the positive description of the Buddhist dignitaries, monks and lamas.

Kozlov's positive attitude towards the Labrang lamas can be seen from the very first glimpse of Labrang Monastery: "*[The Labrang] monks protect all manifestations of life; in this quiet, secluded corner they are studying the great truths of the Buddhist religion. In summer the gracious breath of nature is lulling the soul in quiet corners and it forces everybody to commit himself to deep thinking and contemplation and to strive for the ideals of moral perfection*"²⁵. Labrang is thus a place

²¹ His fascination with Tibet was also documented in the diary of his 1923–1926 expedition to Mongolia, where the blue sky and high mountains of Tibet symbolized his yearning for freedom and open space; see: *Kozlov P.K. Dnevnik Mongolo-Tibetskoi ekspedicii 1923–1926* (The Travel Journal of the Mongolo-Tibetan Expedition in 1923–1926). St. Petersburg, 2003. P. 52. (October 17, 1923).

²² *Kozlov P.K. Mrtvé město Chara-Choto (Mongolsko a Amdo)...* P. 237.

²³ *Ibid.* P. 254, 335, 350–355.

²⁴ *Ibid.* P. 358.

²⁵ *Ibid.* P. 363. Similar words of admiration can also be found in his unpublished diary (Archives RGS. F. 18. Inv. 1. Un. 156. P. 363 a).

where monks in solitude devote their lives to the study of Buddhist tenets. He praises Labrang Monastery – quoting Baradin’s 1908 article published in Russian – for its model discipline of monastic life as well as the modesty and good organization of the community, moral purity and exceeding modesty of the monks of Labrang²⁶. Similar expressions can be found also in Kozlov’s description of Kumbum Monastery²⁷. The contrast between the lamas (a positive image) and lay people (a negative or neutral portrayal) can be further illustrated in the following quote: *“Lamas as a more cultural element of the Tangut population behave to the Europeans with suspicion and with fear that the Europeans may affect their personal interests, while the common people look at the Europeans completely indifferently, showing just a simple curiosity in foreigners”*²⁸. Even though Kozlov perceived his stay in the vicinity of Labrang as a “safe heaven”, his entourage encountered negative reactions from the local lay population when they mixed with the crowd in the monastery compound during the arrival of a Chinese official: *“First they received us in a quite friendly manner: apparently, we only caused curiosity. But soon we heard angry shouts of “Orus-Orus!” and stones were thrown from somewhere. Another minute passed and we were surrounded by evil, bold faces who were threatening and molesting the handful of foreigners. “They should be chopped up,” someone suggested, and immediately there was a movement in the crowd”*²⁹.

Kozlov’s positive perception can be traced back directly to the 1908 article by Baradin, the main and only source of information which

²⁶ Ibid. P. 363 (similarly p. 377). We can find the same sentence in his English article: *Kozloff P.K. The Mongolia–Sze-Chuan Expedition of the Imperial Russian Geographical Society // The Geographical Journal, 1910. Vol. 36. № 3. P. 296*. However, in the article Kozlov did not quote Baradin, and he did not even mention his name even though the paragraphs with the description of Labrang were obviously based on Baradin’s 1908 article.

²⁷ *Kozlov P.K. Mrtvé město Chara-Choto (Mongolsko a Amdo)...* Pp. 230–231.

²⁸ Ibid. P. 369. We also find this exact sentence in Baradin’s 1908 article (p. 204). Kozlov uses a verbatim quotation without the reference to Baradin’s original article.

²⁹ Ibid. P. 369. This incident is also noted in Kozlov’s diary (Archives of the RGS. F. 18. Inv. 1. Un. 156. P. 376 b–377 a), where, obviously scared from this attack, he even recalled the name of the Russian diplomat Aleksander Sergeevich Griboyedov (1795–1829), who was massacred by an angry mob in Tehran.

Kozlov quotes. In Baradin's eyes, Labrang represented a Buddhist "university" and "an example of an outstanding monastery – a seminary of the Buddhism of the Tsongkhapa School"³⁰ with monks fully devoted to their studies who strictly abided by their monastic vows (including celibacy), and who were living according to moral principles. Baradin repeatedly mentioned the positive aspects of Labrang Monastery and its inhabitants, and from his texts one can see that he enjoyed his stay at Labrang Monastery; immediately after his arrival he identified himself with the monastic community³¹. His academic education in Saint Petersburg at the gymnasium and then at university (Faculty of Eastern Languages)³² was reflected in occasional comparisons between Tibetan monasteries and Ancient Greece: Baradin compared the Tibetan oraculum with Pythia, the priestess at the Temple of Apollo at Delphi, and the oral examination of Tibetan monks under the open sky in the garden (Tib. *chos rwa*) of Labrang Monastery with Plato's Academy established near Athens in the 4th century BC³³. Baradin's academic background and scholarly understanding of Buddhism is evident in his writing; he mentioned that Buddhism enjoyed a higher position among Tibetans than was the case with Mongols and Buryats. According to him, even an ordinary Tibetan was able to distinguish between Buddhist and shamanist beliefs,³⁴ even though in his diary he recorded discussions with Labrang monks about rituals (such as the offerings to local protective mountain deities at the obo or labtse /Tib. *la brtsas/* cairn) which in Baradin's understanding were a shamanic contamination of Buddhism³⁵.

³⁰ Baradin B.B. Puteshestvye v Lavran: buddiyskiy monastyr v severo-vostochnoy okraine Tibeta v 1905–1907 gg. // Izvestiya IRGO. 1908. Vol. 19. № 4. P. 227.

³¹ Ibid. P. 198.

³² Ermakova T.V. Budiyskiy mir glazami rossiyskikh issledovateley XIX – pervoy treti XX veka. St. Petersburg, 1998. P. 102.

³³ Baradin B.B. Puteshestvye v Lavran: buddiyskiy monastyr v severo-vostochnoy okraine Tibeta v 1905–1907 gg. // Izvestiya IRGO. 1908. Vol. 19. № 4. P. 189; Baradin B.B. Zhizn v Tangutskom monastyre Lavran: Dnevnik buddiyskogo palomnika (1906–1907 gg.). Ulan-Ude; Ulanbator, 1999. P. 87–88.

³⁴ Baradin B.B. Puteshestvye v Lavran: buddiyskiy monastyr v severo-vostochnoy okraine Tibeta v 1905–1907 gg. // Izvestiya IRGO, 1908. Vol. 19. № 4. P. 204.

³⁵ Baradin B.B. Zhizn v Tangutskom monastyre Lavran: Dnevnik buddiyskogo palomnika (1906–1907 gg.). Ulan-Ude; Ulanbator, 1999. P. 185.

The positive image of this renowned Tibetan monastery inspired Kozlov to predict that Labrang “*is destined to fulfill a great task in the history of the development of the spiritual and physical potency of the Amdo people in the near future.*”³⁶ However, a short comment in the final paragraphs of chapter 19 illustrates the fact that he also harbored some doubts about the current state of the monastery: “*At present, Tibetan science in Labrang is not developing but is rather declining.*”³⁷

In the early 20th century Labrang was visited by other foreign visitors and their depictions provide an interesting comparative framework. The first one of them was the Finnish-Russian explorer and military officer in the Imperial Russian Army Carl Gustaf Emil Mannerheim (1867–1951), who in March 1908 stayed in Labrang for four days during his expedition from western China to Beijing. His diary records³⁸ depict some of the temples and his general impression from the area, which was to a large degree very negative as he encountered hostility from both the lay Tibetan population and the lamas: “*The population seemed to be anything but friendly. When I showed myself, I was hooted at and hissed from some part of the large yard. <...> We risked being stoned. <...> The bareheaded lamas, dressed in red, appeared on all sides like an army of ants. Hooting, jeers, stones etc.*”³⁹ Mannerheim described the temples with admiration. However, it was difficult for him to arrange a visit to these temples and finally he “lost his temper” and decided to leave Labrang prematurely.

The French explorer and military officer Henri d'Ollone (1868–1945) and his entourage spent several days at Labrang Monastery in May 1908 and he was fascinated by its splendor⁴⁰. He praised Labrang Monastery (which in his words was “*a lamas' city*” or “*priestly city*”): “*These buildings are the most magnificent we had ever seen in the whole*

³⁶ Kozlov P.K. Mrtvé město Chara-Choto (Mongolsko a Amdo). Prague, 1929. P. 384.

³⁷ Ibid. P. 373. Almost identical words can be found in his unpublished diary (Archives of the RGS. F. 18. Inv. 1. Un. 156. P. 372 a).

³⁸ Mannerheim C.G.E. Across Asia: From West to East in 1906–1908. Oosterhout: Anthropological Publications, 1969.

³⁹ Ibid. P. 618, 624.

⁴⁰ D'Ollone H. In Forbidden China, The d'Ollone Mission, 1906–1909. China–Tibet–Mongolia. Boston, 1912.

Chinese Empire.⁴¹ However, the positive description of the temples and other buildings in Labrang is contrasted with his very negative attitude of the monks he encountered: “[W]e discovered that the majority of the lamas were violently hostile towards us. Our courtyard was constantly invaded by a crowd of young monks who insulted our men and loaded the Chinese who had come to our rescue with abuse.”⁴² “The young lamas were still extremely hostile towards us, being furious that we had crossed their hitherto inviolate country, and on several occasions, despite the presence of the delegate of the Living Buddha, we were very near being stoned. The greatest reserve was essential.”⁴³ Thus d’Ollone’s general impression of Labrang combines his positive appraisal of the architecture with a negative image of the Tibetans, both lay people and lamas.

The British explorer and military officer George Pereira (at the time the British attaché in Peking) visited Labrang in May 1912 and dedicated a short article⁴⁴ to his visit in which he also partially dealt with the interethnic relations in the area. The description of the monastery and the temples is rather brief and predominantly reflects a very negative image of the Tibetans: “*The Tibetans are a lawless race, possibly 90 per cent are robbers; they are continually at war amongst themselves. <...> The Tibetans appear to spend their time between robbing and being robbed.*”⁴⁵ His article reflects a certain ignorance and disinterest towards Tibetan Buddhism: “*I did not visit any of the interiors of the temples, as they were all locked up, but, as is the case with all Chinese temples, there is nothing of interest there.*”⁴⁶ Pereira’s additional remark about the immortality of monks and reincarnations⁴⁷ – which he left uncommented – illustrates his limited capability to provide a deeper insight.

The last visitor to Labrang in the beginning of the 20th century to be mentioned here is the British diplomat Eric Teichmann, who visited

⁴¹ Ibid. P. 284.

⁴² Ibid. P. 283.

⁴³ Ibid. P. 287.

⁴⁴ Pereira G. A Visit to Labrang Monastery, South-West Kan-su, North-West China // The Geographical Journal. 1912. Vol. 40. № 4. P. 415–420.

⁴⁵ Ibid. P. 418.

⁴⁶ Ibid. P. 419.

⁴⁷ “*Immortality appears to be very prevalent in the monasteries, and not rare even among the living buddhas*”. Ibid. P. 418.

Labrang Monastery sometime in 1916–1917. During this period the local Gansu Muslims were strengthening their influence in the area; Teichmann observed that the area was “*now entirely under the thumb of General Ma An-liang,*”⁴⁸ a local military leader from nearby Hezhou (today’s Linxia). Teichmann perceived Tibetans as ruffians and robbers, but he also noted their friendliness: “*Indeed the Amdo Tibetan of the Kokonor grass country is about the last kind of individual one would choose to meet alone on a dark night, and a wilder or more picturesque looking lot of ruffians would be difficult to imagine. They always go heavily armed, and are robbers by nature. Once properly introduced to them, however, one can count on friendly treatment, and we had nothing to complain of in this respect.*”⁴⁹ According to Teichmann, Labrang was the most important religious center between Lhasa and Urga, and he stressed the high level of monastic education in Labrang (in his words a “*university*”). Teichmann openly acknowledged his own lack of competence to provide a more detailed account of the monastery, but his positive image of Labrang Monastery is obvious: “*I am not sufficiently acquainted with Lamaism to be able to give an intelligent description of what we saw, but the temples were the finest and richest I have visited in China, and the residences of the monks the usual gloomy buildings common to all lamaseries.*”⁵⁰

The different images of Labrang and its inhabitants found in the above mentioned works can be explained by the length of the stay; the general background information on its history and on Tibetan Buddhism, which the authors were able to acquire either before their visit to Labrang or before the publication of their articles (or monographs); their linguistic competence – some of the visitors spoke Chinese (Pereira and Teichmann), while others were accompanied either by Chinese-language or Chinese- and Tibetan-language interpreters; and the character of their writings (unpublished diaries and travel journals as well as published articles and books). Often the authors would distinguish between a negative image of local lay Tibetans (the recurrent topics of violence, lawlessness, robbery and hostility towards foreigners) and a positive

⁴⁸ *Teichmann E.* Travels of a Consular Officer in North-West China. Cambridge, 1921. P. 138.

⁴⁹ *Ibid.* P. 140.

⁵⁰ *Ibid.* P. 145.

or neutral image of the Buddhist monastery and its monks and lamas. In Kozlov's writings we can see a very positive perception of Labrang Monastery as the center of Buddhist knowledge, wisdom and education as well as more detailed and correct facts on its history, religious traditions, education and festivals.⁵¹ Both his appraisal and background information stem from his acquaintance with Baradin's 1908 article. On the other hand, the Western European visitors limited their perspective to a superficial description of the temples without providing more information on the philosophical tenets, ritual practices or iconography of Tibetan Buddhism.⁵² However, the very negative "Waddellian" image of "Lamaism" cannot be traced to these writings. Their negative attitude did not result from any previously acquired image of Tibetan Buddhism and Tibet but from their – often unpleasant – first-hand experiences in Amdo.

Another interesting feature of Kozlov's description is the gap between his first-hand experiences and impressions, which we find in his unpublished travel journal, and the more detached academic perspective of his 1923 book. Some of his personal observations recorded in the travel journal during his stay in Labrang "leaked" into his published monograph, but Kozlov's personal perspective is to a large degree intentionally suppressed in favor of the more authoritative and scholarly voice of Baradin, who was at that time the leading authority on Labrang not only in Russia but generally in the West. Kozlov started to write his book *Mongolia, Amdo and the Dead City of Khara-Khoto* as late as ten years after his return home, and four years later it was published. It seems that an important role in this process was played by his wife E.V. Kozlova (1892–1975), who, according to T.I. Yusupova⁵³,

⁵¹ While in Labrang, Kozlov noted in his diary in February 1909 that the monastery had been founded 230 years previously (see Archives of the RGS. F. 18. Inv. 1. Un. 156. P. 371 b); in fact it had been founded 200 years previously and we find this correct information both in Baradin's article and Kozlov's book.

⁵² It is worth noting that at that time there was no substantial study on Labrang which Western authors could refer to in a language other than Russian.

⁵³ Yusupova T.I. P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition (1907–1909): the Discovery of Khara-Khoto // Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century... P. 114. For information on E.V. Kozlova, see the article: Gnatyuk T.Y., Yusupova T.I. V svobodnom polete. E.V. Kozlova – uchonyi, puteshestvennitsa, zhena (In Free Flight: E.V. Kozlova – Researcher, Traveler, Woman) // Nauka iz pervykh ruk. 2010. № 1 (31). P. 48–65.

intended to give the book a more academic character. This was noted also by the reviewers of Kozlov's monograph, who complained that in the book the reader did not feel the distinct perspective of the author, which made it less interesting and emotive than the two volumes titled *Mongoliya i Kam* [Mongolia and Kham] published by Kozlov in 1905–1906. Kozlova was also responsible for the posthumous publication of Kozlov's travel journal from his 1923–1926 expedition to Mongolia which appeared in 1949⁵⁴ in a very abridged edition and to a large extent literally rewritten by Kozlova⁵⁵. It is therefore plausible to assume that the interference of Kozlova could have caused a strong reliance on the academic article written by Baradin on Labrang in chapters 19 and 20 of the 1923 book by Kozlov⁵⁶.

The emotional attachment of Kozlov to Labrang Monastery and the deep impression it left on him can be seen in his diary, in which he concludes the notes on his stay there with the following exclamation: “*Farewell Labrang, farewell rich, interesting Amdo monastery! Farewell kaleidoscope of nations!*”⁵⁷ Despite his longing for Tibet, after his departure in 1909 Kozlov no longer had the opportunity to see Labrang and access to Tibet as such was completely denied to him.

Bibliography

Baradin B.B. Puteshestvye v Lavran: buddiyskiy monastyr v severo-vostochnoy okraine Tibeta v 1905–1907 gg. (Voyage to Labrang: A Buddhist Monastery in the North-Eastern Edge of Tibet in the Years 1905–1907) // *Izvestiya IRGO*. 1908. Vol. 19. No. 4. P. 183–232.

Baradin B.B. Statuya Maytrei v Zolotom khrame v Lavrane (The Statue of Maitreya in the Golden temple of Labrang). Leningrad: RAN, 1924.

Baradin B.B. Zhizn v tangutskom monastyre Lavran: Dnevnik buddiyskogo palomnika (1906–1907 gg.) (Life in the Tangut Mon-

⁵⁴ *Kozlov P.K.* Puteshestvye v Mongoliyu 1923–1926 gg. (Journey to Mongolia in the Years 1923–1926). Moscow, 1949.

⁵⁵ Personal communication with Dr. T.I. Yusupova, October 2013.

⁵⁶ On the other hand, the voice of Baradin, the crucial source of information for Kozlov already at that time, is completely silenced in the 1910 English-language article written by the Russian traveler.

⁵⁷ Archives of the RGS. F. 18. Inv. 1. Un. 156. P. 379 a.

astery Labrang: Diary of a Buddhist pilgrim (the Years 1906–1907)). Ulan-Ude; Ulanbator: The Centre for Buddhist Culture and Studies, National University of Mongolia, 1999.

Bishop P. The Myth of Shangri-la: Tibet, Travel Writing and the Western Creation of Sacred Landscape. Berkley: University of California Press, 1989.

Bishop P. Dreams of Power, Tibetan Buddhism and the Western Imagination. London: The Athlone Press, 1993.

Brauen M. Traumwelt Tibet. Westliche Trugbilder. Bern: Verlag Paul Haupt, 2000.

Dodin T., Räther H., ed. Mythos Tibet. Wahrnehmungen, Projektionen, Phantasien. Köln: DuMont Verlag, 1997.

Ermakova T.V. Budiyskiy mir glazami rossiyskikh issledovateley XIX – pervoy treti XX veka (The Buddhist World through the Eyes of Russian Researchers of the 19th Century and the First Third of the 20th Century). St. Petersburg: Nauka, 1998.

Espósito M., ed. Images of Tibet in the 19th and 20th Centuries. Paris: École française d'Extrême-Orient, 2008.

Gnatyuk T.Y., Yusupova T.I. V svobodnom polete. E.V. Kozlova – uchonyi, puteshestvennitsa, zhena (In Free Flight. E.V. Kozlova – Researcher, Traveler, Woman) // Nauka iz pervykh ruk. 2010. No. 1 (31). P. 48–65.

Heberer T. Old Tibet – A Hell on Earth? The Myth of Tibet and Tibetans in Chinese Art and Propaganda // Imagining Tibet: Perceptions, Projections and Fantasies / Ed. by *Dodin T., Räther H.* Boston: Wisdom Publications, 2001. P. 111–150.

Kozloff P.K. The Mongolia – Sze-Chuan Expedition of the Imperial Russian Geographical Society // The Geographical Journal. 1910. Vol. 36, No. 3. P. 288–310.

Kozlov P.K. Mongoliya i Amdo i mertvyi gorod Khara-Khoto (Mongolia, Amdo and the Dead City of Khara-Khoto). Moskva; Peterburg: Gosizdat, 1923.

Kozlov P.K. Mrtvé město Chara-Choto (Mongolsko a Amdo) (The Dead City of Khara-Khoto (Mongolia and Amdo)). Prague: Nakladatelství “Pokrok”, 1929.

Kozlov P.K. Puteshestvye v Mongoliyu 1923–1926 gg. (Journey to Mongolia in the Years 1923–1926). Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo geograficheskoy literatury, 1949.

Kozlov P.K. Dnevnik Mongolo-Tibetskoj ekspedicii. 1923–1926 (The Travel Journal of the Mongolo-Tibetan Expedition in 1923–1926) / Ed. by *T.I. Yusupova, A.I. Andreyev*. St. Petersburg: Nauka, 2003.

Kozlov P.K. Dnevnik Mongolo-Sychuanskogo puteshestviya 1907–1909 gg. (Travel Journal of the Mongolia and Sichuan Expedition in the Years 1907–1909) // Archives of the Russian Geographical Society. Fund 18. Inv. 1. Unit 156.

Lopez D.S.Jr. Prisoners of Shangri-La. Tibetan Buddhism and the West. Chicago: University of Chicago Press, 1998.

Mannerheim C.G.E. Across Asia: From West to East in 1906–1908. Oosterhout: Anthropological Publications, 1969.

Nietupski P.K. Labrang Monastery – A Tibetan Buddhist Community on the Inner Asian Borderlands, 1709–1958. Lanham: Lexington Books, 2011.

d'Ollone H. In Forbidden China. The d'Ollone Mission, 1906–1909. China – Tibet – Mongolia. Boston: Small, Manyard and Comp., 1912.

Pereira G. A Visit to Labrang Monastery, South-West Kan-su, North-West China // The Geographical Journal. 1912. Vol. 40, No. 4. P. 415–420.

Potanin G.N. Tangutsko-tibetskaya okraina Kitaya i Centralnaya Mongoliya [The Tangut-Tibetan Periphery of China and Central Mongolia]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo geograficheskoy literatury, 1950. P. 256–268.

Slobodnik M. The Perception of Tibet in China: Between Disdain and Fascination // Fu Jen Historical Journal. 2016. No. 17. P. 71–110.

Teichmann E. Travels of a Consular Officer in North-West China. Cambridge: Cambridge University Press, 1921.

Tolz V. Russia's Own Orient. The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Waddell L.A. The Buddhism of Tibet or Lamaism. London: W. H. Allen & Co., 1895.

Yusupova T.I. P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition (1907–1909): the Discovery of Khara-Khoto // Russian expeditions

to Central Asia at the Turn of the 20th Century / Ed. by *I.F. Poroga*. Saint Petersburg: Slaviya, 2008.

**Монастырь Лабран глазами П.К. Козлова и других
иностранных визитеров**

Мартин Слободник

Университет Коменского, Братислава (Словакия)

В статье анализируется описание П.К. Козловым в его опубликованных и неопубликованных трудах буддийского монастыря Лабран (Лабранг), который он посетил в феврале 1909 г., и проводится сравнение его восприятия этого буддийского храма с описаниями Лабрана в работах бурятско-русского учёного Б.Б. Барадийна, финско-русского офицера К.Г. Маннергейма, французского исследователя Х. де Оллоне (*H. d'Ollone*), британского исследователя Г. Перейра (*G. Pereira*) и британского дипломата Э. Тейхмана (*E. Teichmann*). Такой широкий выбор авторов даёт возможность на примере монастыря Лабран представить на обсуждение восприятие тибетского буддизма в начале XX века.

Н.А. Сулягина
Государственный Эрмитаж

Баллодовский курган (Ноин-Ула, Северная Монголия). Исследователи и коллекции¹

Одним из выдающихся результатов работы Монголо-Тибетской экспедиции (1923–1926 гг.) под руководством П.К. Козлова стало открытие для мировой науки погребальных памятников хунну в горах Ноин-Ула (Северная Монголия). Однако первое знакомство с этими захоронениями произошло на десять лет раньше и связано с деятельностью А.Я. Баллода, руководителя работ по поиску рудного золота общества «Монголор» в долине реки Хара. Зимой 1913 г. А.Я. Баллод с группой рабочих обнаружил в долине Цзурумтэ древние ямы, которые принял за рудные разработки. Получив специальное разрешение на их изучение, он проник внутрь одной из ям, где обнаружил совершенно неожиданный для себя материал: фрагменты горелого дерева, угли, обрывки тканей. Вскоре Баллод понял, что столкнулся здесь с древними могилами.

Найденное погребение вошло в историю по имени своего первооткрывателя – Баллодовский курган. Памятник расположен в верховьях речки Цзурумтэ на склоне и является самым северным в центральной группе погребений (курган № 1, рис. 1). Вплоть до настоящего времени этот курган остаётся самым крупным захоронением в Ноин-Уле. Высота его составляет более 3 м, длина стороны насыпи – около 35 м. Однако материалы погребения до сих пор практически не учитываются в археологических исследованиях, поскольку сведения о нём крайне скупы.

Открытие, сделанное Баллодом, осталось фактически незамеченным его современниками. В 1926 г. в отчёте о работе в Северной Монголии С.А. Теплоухов сухо сообщает, что в 1912 г. Баллод заложил шурф в самом большом кургане, «добыл оттуда несколько вещей, часть которых поступила в Иркутский музей, а другая часть была куплена экспедицией П.К. Козлова от

¹ Работа выполнена в рамках гранта СПбГУ 2.38.525.2013.

вдовы Баллода»². По инициативе Я.Н. Ходукина в 1926 г. была опубликована переписка Баллода с ВСОРГО, где он даёт описание произведённых им раскопок, опись найденных предметов, а также рисунки некоторых находок. Публикация была снабжена небольшими комментариями Ходукина, а также рисунками вещей³.

В одной из работ А. Сальмони (*Al. Salmony*) знакомит европейское научное сообщество с новейшими открытиями в Ноин-Уле, в том числе с результатами раскопок 1913 г. Он публикует фотографии нескольких предметов из раскопок Баллода и даёт им собственные интерпретации⁴. Специальное внимание археологическому изучению Баллодовского кургана уделил С.И. Руденко. Учёный опубликовал краткое описание кургана и чертежи погребальной камеры, а также привёл изображения отдельных находок⁵. Наиболее полная публикация этих вещей с их краткими описаниями была предпринята Г.Л. Ивановым спустя почти сто лет с момента открытия этого памятника⁶.

История раскопок

Если история открытия памятника и череда дальнейших событий, связанных с изучением погребений хунну в Ноин-Уле, подробно изучена⁷, то полного археологического описания Баллодовского кургана до сих пор не существует.

В ходе разведывательных работ Баллод заложил несколько шурфов в старые ямы. Наиболее информативным оказался

² *Теплоухов С.А.* Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчёты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925. С. 13.

³ *Ходукин Я.Н.* Первые раскопки в горах Ноин-Ула. Иркутск, 1926. С. 1–13.

⁴ *Salmony A.* Der erste Fund von Noin-ulla // *Artibus Asiae*. Vol. 4. 1930–1932. № 2/3. P. 86–92.

⁵ *Руденко С.И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. С. 12–14. табл. XXXV, 4, 5.

⁶ *Ivanov G.L.* The early history of the study of the mounded tombs at the Noyon Uul necropolis – the collection of Andrei Ballod at the Irkutsk Museum of Regional Studies // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Empire in Inner Asia*. Bonn, 2011. P. 285–289.

⁷ *Юсупова Т.И.* История не совсем обычного археологического открытия // *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск, 2011. С. 9–51.

шурф № 2, который попал прямо на погребальную камеру кургана. Сведения именно об этом объекте нашли отражения в письмах, адресованных в ВСОРГО, где он старательно описал то, что обнаружил внутри кургана.

В письме от 9 марта 1913 г. читаем⁸: «Намеченная для закладки шурфа яма представляла из себя большой ров глубиной около 1,3 с[ажени]⁹ и большим отвалом кругом ямы из камня и частью рыхлой глинистой породы. В заложенном на дне ямы шурфе на глубине 2,5 с[ажени] начали встречаться разные изделия из меди, железа и проч. Кусочки древесного угля во всей породе встречались с самого начала работ [по] углублен[ию]. Далее от 2,5 с[ажений] до 4,8 тоже встречаются обломки медных изделий и в большом количестве медной окиси (зелени). На этой глубине встречено деревянное крепление, изображавшее из себя, как оказалось далее, крышу или потолок, сдавленный и обгоревший, покрытый сверху камышовой настилкой около 0,1 с[ажени] толщиной, – тоже сильно обгоревшей снаружи, но внутри огнём не тронутой. Настилка эта состоит, частью, из плетёного камыша наподобие китайских циновок, и частью, из одной соломы того же камыша. В этом слое вместе с медными, чугунными, железными, деревянными изделиями, большей частью пострадавшими от огня и ржавчины, находили и золотые пуговицы, золотые листочки толщиной с папиросную бумагу и приблизительно таких же размеров. Пуговицы своей формой представляют из себя (величиной, и объёмом, и формой) пистон от патрона ружейного центрального боя с двумя отверстиями в нижней части по бокам. Далее, после разборки потолочного крепления, на 5,2 с[ажени] встречен и пол. Обнаружились две боковые стены из крупного соснового дерева и сплошь обугленные и обгоревшие. Деревянное сдавленное и изломанное крепление или строение и мёрзлая порода сильно препятствовали ведению работ далее. Из шурфа были заложены четыре квершлага. Из них верхний пройден 1 пог[онную]

⁸ Тексты архивных документов печатаются в современной орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей автора.

⁹ В оригинале после каждого размера Баллод ставит «с.с.» Вероятно, что таким образом он обозначал множественное число слова «сажень».

с[ажень], правый 0,5 с[ажени], левый 0,5 с[ажени] и нижний 1,5 с[ажени].

В первых 3-х квершлагах кроме незначительных обломков меди, железа и проч. ничего не встречено. Из-за сильных обвалов рыхлой породы и валуна, также и деревянных брёвен, работы были приостановлены. От начала нижнего квершлага начали попадаться предметы предположительно человеческого обихода, как то: 1 уцелевший наполовину глиняный кувшин внушительных размеров, несколько таких же кувшинов (лонхонов) ещё больших размеров, разбитых. Встречались опять те же золотые пуговицы. Далее, вдоль старой стены, встречена в том же направлении перегородка, представляющая из себя два отделения. Из этих отделений извлечены волосы человеческие длинные, обрезанные, в форме кос и распущенные. Из принадлежностей женского туалета найдены: шпилька черепаховая головная для волос, похожее что-то на брошку из тонкой золотой пластинки. Служившие, наверно, украшением круглые крупные (бусы?) из смолистого вещества (смола лиственницы или канифоль). Хрупкие. Ломкие. Цветом весьма похожий на янтарь. Из того же материала фигуры: лежачего верблюда, слона, крупного змея, дракона и прочее. Волосы разных цветов: русые – кофейно, каштанового цвета, а другие грязно-рыжего или же жёлто-лняного цвета. <...> Из платья или одежды встречались обугленные и истлевшие лоскутья, но исключительно из шёлковых материй, а из пушнины – соболь и бобёр»¹⁰. Здесь же он отмечает, что в могиле встречались кости животных, но человеческих останков найдено не было.

В письме от 5 мая 1913 года содержатся некоторые уточнения описания открытой конструкции: «<...> заложенный шурф № 2 в углублении старой ямы на (приблизительно) 4,8 с[ажени] сел на потолок (крышу) строения из крупного леса, большею частью обгоревшего и проломанного, сдавленного до пола, который встречен на 5,2 с[ажени] глубины.

По направлению продольной стены вверх и вниз нами были заложены квершлагги, из которых верхний пройден 1 пог[онную]

¹⁰ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 700. Л. 17–18.

саж[ень], нижний же 1,5. Найденные предметы встречены были большею частью в нижнем квершлагае.

Встреченный лес со старой постройкой сильно препятствовал работе. К этому местами попадалась мерзлота <...> и ещё далее исключительно беспорядочная, рыхлая, укладка из камней (валуна), которая при малейшем сотрясении обрушивалась. Ко всему этому во второй половине февраля настала тёплая погода и в нашем подземелье образовался такой отвратительный запах, что рабочие-китайцы, довольно неразборчивый народ в этом отношении, но и те категорически отказались продолжать работу. <...> Сквозь щели каменной укладки впереди забоя был виден ещё один глиняный сосуд, но добраться до него не удалось»¹¹.

Вместе с письмами в ВСОРГО были отправлены фотографии, сделанные в полевых условиях, и лист с рисунками нескольких находок (рис. 2). На снимках запечатлены вещи из шурфа № 2 (рис. 3), что подтверждает цельность найденного комплекса.

К письму от 22 мая 1913 г. была приложена опись предметов¹², обнаруженных в шурфе № 2 и отправленных двумя ящиками в Троицкосавск, а затем в Иркутск. «Представляя при сем опись предметов найденных при разведке речки Цзурунтая, левого притока р. Хара ш[урфа] № 2-го (старой ямы), честь имею довести до сведения Вашего, что с любезного разрешения господина главноуправляющего Общества рудного дела в Монголии Тушетухановского и Цэцэнхановского аймаков Ипполита Владимировича Покровского, все предметы, указанные в описи, отправлены мною 22 мая с. г. в г. Троицкосавск на имя Александра Петровича Чижова, комиссионера Общества Монголов, для переправки Восточно-Сибирскому отделу Императорского Географического общества, г. Иркутск»¹³. В ящики были упакованы изделия из бронзы, большей частью детали колесницы, а также фрагменты лаковых чашечек, фрагменты тканей, нефритовые пластины, посуда, украшения.

¹¹ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 700. Л. 5, 5 об., 19, 19 об.

¹² См.: *Ходукин Я.Н.* Первые раскопки в горах Ноин-Ула... С. 10–11.

¹³ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 700. Л. 21, 21 об.

Баллод приложил невероятные усилия, чтобы найденные им материалы не были «опять на долгое время похороненными для людей науки». Несмотря на отсутствие специального образования в области археологии, он понял значение собственной находки и попытался продолжить раскопки уже на научной основе. Зная, что местное население готово было приступить к самостоятельным раскопкам, а фактически к ограблению могил, он в каждом письме в переписке с ВСОРГО ожидал положительного ответа относительно дальнейших исследований обнаруженного им могильника. Но судьба распорядилась иначе.

Вновь к изучению этого кургана обратились уже в 1924 г. участники Монголо-Тибетской экспедиции под руководством П.К. Козлова. Знаменитый путешественник узнал о проведённых раскопках в Баллодовском кургане и о составе найденных вещей, отправленных в Иркутск, от одного из сотрудников Монголо-Тибетской экспедиции. Об этом свидетельствует запись в его дневнике от 29 февраля 1924 года: «Холмы древнего происхождения с глубокими могилами! Таких групп, говорят, три, в недалёком соседстве одна от другой. Одна из таких групп и была обследована – разрыт один курган. Извлечены очень интересные находки – колясочка, золотые украшения, лаковые изделия, волосы, вазы и проч. Интересен орнамент на золотых украшениях. <...> Бóльшая часть добытых предметов отправлена в Иркутск, в отдел РГО, меньшая, но ценная – золото – припрятана по карманам»¹⁴. При этом работе Баллода он дал крайне негативную оценку: «Что же Баллод сделал, как не испортил больший, лучший курган? Он такой же был хищник, как и монголы»¹⁵.

24 марта 1924 г. началась «разработка Баллодовского шурфа» Монголо-Тибетской экспедицией, который стал своеобразной учебной площадкой для её сотрудников: «На Баллодовском шурфе мы брали уроки – учились для последующих работ. Всякое побочное обстоятельство, изучаемое нами, могло пригодиться нам в ведении работ в новых курганах», – писал в дневнике

¹⁴ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. С. 144.

¹⁵ Там же. С. 359.

П.К. Козлов¹⁶. Но, несмотря на «учебный» характер раскопок, по заведённой традиции на всех этапах работы велось подробное описание, были выполнены планы гробницы и разрез кургана (рис. 4–5), составлена опись предметов, обнаруженных в погребении (рис. 6). Бóльшая часть полевой документации была сделана С.А. Кондратьевым, которому П.К. Козлов поручил руководство раскопками, или при его непосредственном участии. Совместно с А.Д. Симуковым и К.К. Даниленко были проведены съёмки могильников, в том числе и могильника в пади Цзурумтэ. В общей сложности здесь было зафиксировано двенадцать курганов, из которых для десяти составлены общая характеристика и приведены размеры¹⁷.

Далее представлен полный текст описания работы на этом погребении, составленный П.К. Козловым по материалам сотрудников экспедиции:

«Курган № 1 Цзурумтайской группы – «Баллодовский».

Баллодовский курган из всех известных на Ноин-Уле курганов, самый большой. Граница его квадратного основания [периметр] имеет в длину 140 м, [длины продольной и поперечной сторон] 35 × 35; высота насыпи колеблется между 3,20 – 3,50. Мощный вал образует по углам плоские террасы 7 × 7. Ширина навала над входом у его основания – 10, 80; на расстоянии 8 м от основания – 9,35. Длину южного навала измерить не удалось, т. к. в конце он расплылся и неуловимо сливается с окружающей ровной поверхностью. Баллодовский курган, как и все прочие курганы группы Цзурумтэ, расположен в сосновом лесу, на пологом склоне невысокой относительно тальвега Цзурумтэ береговой террасы. В группе близких друг от друга восьми курганов он занимает наиболее высокое положение, знаменуя собой, в то же время, северную точку группы.

Летом 1912 г. техник золотопромышленного общества «Монголор» Баллод проник в погребальное помещение этого кургана и найденные там предметы отослал в Иркутский Музей Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества.

¹⁶ Там же. С. 193.

¹⁷ АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 57. Л. 2, 3, 6, 12.

О деталях этих раскопок (в подробном отчёте) очевидец работ Баллода И.Я. Ежо своим рассказом об этом заинтересовал нас могильниками Ноин-Ула.

Я тотчас командировал С.А. Кондратьева в предварительную рекогносцировку. Когда Кондратьев 25 февраля впервые по глубокому снегу взойшёл на насыпь кургана, он увидел на дне воронки, уходящей вниз, деревянный сруб, в верхней своей части – пустой, ниже – заполненный льдом. Вокруг вершины сруба лежали в беспорядке, занесённые снегом, полусгнившие брёвна. Нижняя сторона насыпи была рассечена, очевидно, для выноса земли или воды.

В разработке Баллодовского кургана видно пропедевтическое значение. Зная, что потолок и стены погребального помещения были прорублены, а все вещи извлечены, можно было быть менее щепетильным в работе, быстро спуститься уже проложенным входом в гробницу и там всё внимание обратить на конструкцию помещения, чтобы уяснить себе общий план постройки, и тем самым подготовиться к разработке гробниц ещё не тронутых курганов.

Очистку Баллодовского хода начали 24 марта; лёд начинался на глубине 2,72 от вершины сруба. Мощность ледяного слоя оказалась равной 5,52. Ниже его обнаружилась вода, которую откачивали с 6 апреля по 2 мая то бадьями, то насосом. Всё погребальное помещение оказалось наполненным водой, а в нижней своей части и грязью¹⁸.

В северную часть наружной камеры, N [северный] коридор, мы проникли через отверстие, прорубленное Баллодом в N стене внутренней камеры. Этот коридор, как и в кургане № 6, оказался значительно шире меридиональных коридоров.

За обследованием трёх коридоров N [северного], O [восточного] и W [западного] последовала разработка внутренней камеры. При очистке от земли её S [южной] части, обнаружилось отверстие в SW углу потолка, может быть грабительский ход. Насколько закрепив отверстие (т. к. через него сыпалась земля), мы очистили всю внутреннюю камеру, вплоть до S её стены. Вещей при этом, как и в коридорах, найдено было очень немного¹⁹.

¹⁸ Далее следует ссылка на рисунок IX, приложенный к отчёту.

¹⁹ Далее следует ссылка на Опись находок.

Остатков гробницы не нашли вовсе; вероятно Баллод извлёк доски гробницы наружу²⁰.

Непосредственно после очистки внутренней камеры и трёх коридоров нами были проделаны отверстия в 3-х наружных стенах, N, O и W; таким образом мы определили толщину наружных стен и выяснили за каждой из них наличие крупно-щебнистого грунта. Вслед за этим было вырезано в полу внутренней камеры квадратное отверстие, $0,60 \times 0,60$; под полом, близь восточного края отверстия, встретили толстую матицу, положенную в меридиональном направлении и покоящуюся на полу наружной камеры²¹, <...> очистив отверстие от грязи, пропилили под ним и нижний пол, который оказался непосредственно настланным на ровную каменную поверхность.

Таким образом, необследованным в Баллодовском кургане остался только S коридор. Проникновению в него должны были предшествовать кропотливые, сопряжённые с постоянным откачиванием воды, подготовительные работы, т. к. прорубить S стену внутренней камеры представлялось небезопасным, ввиду разрушенного состояния обоих потолков в этой части погребального помещения.

Ко всему этому, сделав необходимые замеры, мы 15 мая закончили работы в Баллодовском кургане.

Из всех курганов, раскопанных нами, только в Баллодовском потолок сохранился сравнительно неповреждённым. Сохранность эту можно объяснить большим количеством крепких стоек под потолочными матицами, а также наличием пресловутой «каменной плиты» (о ней в подробном отчёте), предохранившей погребальное помещение от разрушительного действия атмосферных осадков, постоянно скоплявшихся в воронке кургана.

Самостоятельный пол у внутренней камеры – особенность постройки Баллодовской гробницы, не повторившаяся в прочих разработанных курганах».

Далее П.К. Козлов приводит таблицу измерений, которые были сделаны внутри погребальной камеры:

²⁰ Далее следует ссылка на рисунки X, XI, приложенные к отчёту.

²¹ Далее следует ссылка на рисунки X, XI, приложенные к отчёту.

Измерения

Внутренняя длина наружной камеры	5,84 + ширина S коридора
[Внутренняя] ширина [наружной камеры]	3,80
[Внутренняя] высота [наружной камеры]	2,13 (7 брёвен)
[Внутренняя] длина [внутренней камеры]	4,27
[Внутренняя] ширина [внутренней камеры]	2,14
[Внутренняя] высота [внутренней камеры]	1,51 (5 брёвен)
Ширина N коридора	1,60
[Ширина] W [коридора]	0,68
[Ширина] O [коридора]	0,68
Толщина стен наружной камеры	0,16 – 0,17
[Толщина стен] внутренней [камеры]	0,15 – 0,16
[Толщина] пола [внутренней камеры]	0,10
[Толщина] потолка [внутренней камеры]	0,10
[Толщина] матиц наружного потолка	0,20
[Толщина] матицы под полом внутренней камеры	0,20
[Толщина] матиц [под] потолком [внутренней камеры]	0,16
Поперечные сечения стоек	от 0,12x0,14 до 0,15 – 0,17
Число стоек во внутренней камере	8
[Число стоек в] S коридоре	6
[Крайние пары стоек N коридора в створах меридианальных стен внутренней камеры]	
Число брёвен в потолке внутри камеры	15
[Число брёвен в] полу [внутри камеры]	15

Брёвна внешнего потолка и внешнего пола одинаковой ширины с брёвнами внутреннего потолка и внутреннего пола»²².

Несмотря на сокрушения П.К. Козлова о том, что все вещи были извлечены ещё Баллодом и «в коридорах кроме илистого песка, ничего; под капитальным полом также»²³, к отчёту приложена опись находок – 15 предметов и фрагменты костей²⁴. Из приведённой описи следует, что «в северной комнате» [вероятно, имеется в виду северный коридор погребальной камеры – *Н.С.*] была найдена «почерневшая черепная крышка (лобная и темен-

²² Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 4–5. Единицы измерения в источнике не указаны, в одном случае указаны метры.

²³ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг... С. 193.

²⁴ АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 16 об.

ная кости). В ней лежали: левая височная кость и 2 куска деревянной фанеры». Остальные вещи были найдены «на полу главного помещения» гробницы: «два куска (обрывка) красноватой материи, два кусочка тёмной материи, несколько (4) кусочков бересты (виден шов), обломок дерева, покрытый неизвестным чёрным составом, части позвонка человека, белый камень». Ещё три предмета ошибочно попали в «Суцзуктинский список» под следующими номерами: № 7 («Кусок шёлковой ткани. Баллодовский шурф. На вывалившемся бревне в северной комнате»), № 10 («Кусок шёлковой ткани. Баллодовский шурф, в песке, в коридоре»), № 11 («Часть обода деревянного колеса. Баллодовский шурф, в песке, в коридоре»), о чём есть отметка руководителя экспедиции²⁵.

Из дневников С.А. Кондратьева мы узнаем, что «<...> пришёл от супруги Баллода Ежо и принёс хранившиеся у неё остатки вещей, выкопанных из могилы на Дзурумтэ: несколько мелких обломков листового золота (один с инкрустацией), маленькие кусочки сероватой материи, которой были обклеены стены комнат, кусок дерева, отполированный с двух сторон, прядь чёрных волос и змея из прозрачной оранжевой массы, напоминающей не то янтарь, не то канифоль»²⁶. Таким образом, общее количество находок экспедиции пополнилось ещё несколькими изделиями.

Судьба коллекции

Волею судеб находки из Баллодовского кургана оказались разделёнными между двумя музеями – Государственным Эрмитажем и Иркутским областным краеведческим музеем. В Иркутск попали вещи из раскопок 1913 года, в Государственный Эрмитаж – 1924–1925 гг., а также предметы, полученные от вдовы Баллода.

Однако коллекции эти не сразу оказались там, где они хранятся ныне. Баллод пишет: «Должен упомянуть, что отправленные мною предметы, полученные от зимних разведок, до 10 июня, как видно, пролежали на прииске Иро, а потом отправленные при

²⁵ Там же. Л. 12.

²⁶ Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России. СПб., 2006. С. 147.

моём проезде в г. Троицкосавск, были задержаны в Кяхтинской таможне и о дальнейшей судьбе посылки мне ничего неизвестно, хотя за дальнейший пропуск их взялся хлопотать господин Покровский И.В., главноуправляющий приисками Общества «Монголор»²⁷.

Интересно, что в Книге поступлений № 1 Кяхтинского краеведческого музея появляется отметка, что в апреле 1914 г. Баллод сдал в музей «археологические находки из шурфа № 2 (старая яма) «О-ва Монголор» по речке Цурунта, бассейн р. Хара-гол в Монголии: обломок тонкой золотой пластинки, позолоченной застёжки, 10 круглых и 5 продолговатых мелких золотых украшений с дырочками по краям». Позднее весь материал, получивший инвентарный номер 2689, был списан²⁸.

Вероятно, находки из Баллодовского кургана никогда не поступали в Кяхтинский музей, поскольку уже в августе 1913 г. они находились в Иркутске. Об этом свидетельствует запись в Книге поступлений Иркутского областного краеведческого музея (№ 1. Ч. 2. 1897–1922 гг.) от 15 августа 1913 г.: «7217. Золотых мелких как бы украшений – 14. Два предмета из камня и один из бронзы – 3. Нефритовых пластинок зелёных – 33. Кусков дерева бывшего в обработке – 10. Медных обломков – 25. Осколков черепаховой гребёнки – 1. Кварцевый валун с богатым содержанием золота – 1. Кварцевая жила без видимого содержания золота куски – 1. Человеческий череп – 1. Кость – 1. Верхняя часть глиняного горшка склеенного из черепков – 1. От Баллода. Цзун-моде, Иро, речка Цзунмод».²⁹ Позднее принятые предметы были занесены в Инвентарную книгу Иркутского музея³⁰.

Что касается находок из курганов, раскопанных в 1924–1925 гг., то их ждали многочисленные переезды, прежде чем они окончательно поступили на хранение в Сектор Востока Государ-

²⁷ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 700. Л. 11, 11а об.

²⁸ Цит. по: *Сахаровская Л.М.* Материалы из Ноин-Улы в собрании Кяхтинского краеведческого музея имени академика В.А. Обручева. Рукопись. С. 1.

²⁹ Книга поступлений Иркутского областного краеведческого музея. № 1. Ч. 2. С. 221.

³⁰ Инвентарный список коллекции № 7217 Иркутского областного краеведческого музея.

ственного Эрмитажа в 1934 г.³¹ Вместе с вещами были переданы описи находок для каждого из раскопанных курганов и черновые материалы, касающиеся этой коллекции. Для вещей из Баллодовского кургана была составлена отдельная опись (№ 2) «1925 г. Коллекция П.К. Козлова. Монголия, близ Урги. Раскопки – 1924 г. Цзурумтэ, Баллодовский курган»³². При сопоставлении полевой описи предметов, сделанной в 1924 г., и описи коллекции Баллодовского кургана, переданной в Государственный Эрмитаж, выяснились следующие обстоятельства. Перечень предметов в обоих документах совпадает в первых семи пунктах, десятом и одиннадцатом. А в середину музейного списка были включены №№ 6–7 – «поделка из янтаря в виде свернувшегося зверька, сломанная на два куска и склеенная, и маленькая круглая янтарная буса – 2» и №№ 8–12 – «золотые украшения (трубочка, 2 пластинки, одна украшена зернью, другая со следами эмали и 10 обломков золотых листков) – 13» с пометкой «№№ по этикеткам Теплоухова»³³. В описи № 10 («1925 г. Коллекция П.К. Козлова. Монголия, близ Урги. Раскопки 1924 г. Предметы без указания курганов и №№ (глиняные черепки из ящика № 35, доставленные Козловым и предметы, доставленные Теплоуховым – куски тканей неизвестного происхождения и 2 золотые вещи из Баллодовского кургана, (по словам Кондратьева)»)³⁴ числятся два предмета – «золотая продолговатая пластинка со штамповым изображением лежащего коня» и «золотая ажурная круглая бляха» с пометкой «по словам Кондратьева происходят из Баллодовского кургана»³⁴. Вероятно, изделия из золота и янтарные украшения впервые были включены в состав комплекса Баллодовского кургана С.А. Теплоуховым при составлении му-

³¹ Юсупова Т.И. История не совсем обычного археологического открытия... С. 42–45. В настоящее время – Отдел Востока Государственного Эрмитажа.

³² Архив Государственного Эрмитажа (ГЭ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 1789. Л. 93, 93 об.

³³ Там же. Л. 93 об.

³⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1789. Л. 118; Елихина Ю.И. Золотые и серебряные находки из Ноин-Улы, хранящиеся в Эрмитаже // Рериховское наследие – III. ч. 1: Восток – Запад на берегах Невы. СПб., 2007. Рисунки на с. 539–540; Елихина Ю.И. Коллекция находок из могильников Ноин-Улы // Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. СПб., 2011. С. 132–143, кат. 359, 362.

зейной описи коллекции между 1925 и 1934 годом. Можно предположить, что сюда вошли как раз те предметы, которые были переданы экспедиции вдовой Баллода. К сожалению, в документах Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. отсутствует указание на точное происхождение этих вещей, не приводится количество и описание полученных предметов. На принадлежность этих вещей именно к Баллодовскому кургану (шурф № 2) указывают лишь косвенные данные. По этим причинам в настоящее время недостаточно сведений для уверенной атрибуции большей части изделий из золота, полученных в результате этой передачи, как вещей относящихся к комплексу Баллодовского кургана. Лишь для трёх предметов можно найти подтверждение их принадлежности к комплексу. Речь идёт о золотой бляшке с двумя отверстиями по краям в виде свернувшейся змеи с вставкой голубого цвета и изделиях из янтаря – поделка в виде свернувшегося зверька и круглая янтарная бусина. Вещи были не только описаны, но и зарисованы Баллодом (рис. 2, изображения под номерами 1, 4, 6), что позволяет сделать такое предположение.

Интерпретация

Сведения, полученные в ходе работы с архивными материалами и музейными коллекциями, позволяют реконструировать детали погребального обряда Баллодовского кургана, атрибутировать некоторые предметы сопроводительного инвентаря.

В текстах содержится информация, позволяющая сделать стратиграфические наблюдения. В заполнении ямы на глубине от 2,5 до 4,8 саженей (5,3–10 м) встречались «обломки медных изделий и в большом количестве медной окиси». Так как большинство бронзовых вещей из Иркутского музея являются деталями колесницы, а в Государственном Эрмитаже хранится фрагмент колеса из этого кургана, то велика вероятность, что на указанной глубине находилась колесница. Для сравнения: колесницы в 20-м и 22-м ноин-улинских курганах помещались на глубине 10–14 м³⁵,

³⁵ *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый Ноин-улинский курган. Новосибирск, 2011. С. 77–82; *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С.* След китайской колесницы // Наука из первых рук. 2012. № 4 (46). С. 6.

в кургане 7 пади Царам – 10,5–11 м³⁶, в кургане 1 могильника Гол Мод – 1–10 м³⁷. Большая часть деталей колесницы из Баллодовского кургана довольно типична для погребений хунну, однако встречаются и уникальные вещи, не имеющие аналогий в других захоронениях хуннской знати³⁸.

На глубине 4,8 саженей (10 – 10,5 м) были встречены следующие элементы конструкции. Описанную А.Я. Баллодом «камышовую настилку» можно сопоставить со слоем покрытия из тростника, который лежал на уровне первого и второго перекрытий в кургане 7 могильника Царам³⁹. Любопытно упоминание и о «наличности пресловутой «каменной плиты». Вероятно, речь идёт о крупных каменных плитах, которые использовались при строительстве третьего и четвёртого перекрытий в выше названном памятнике⁴⁰. Выкладка из крупных камней зафиксирована и в 31-м кургане в пади Суцзуктэ на глубине 10,5 – 11 м над деревянной погребальной камерой⁴¹. Возможно, что и в Баллодовском кургане исследователи столкнулись с перекрытием могильной ямы.

Что касается внутримогильного сооружения, то здесь также можно отметить интересные детали. Нижний квершлаг, заложённый на глубине пола (5,2 саженей, что соответствует 11 м), видимо, попал в северную часть внутренней погребальной камеры, из которой можно было проникнуть в северную часть наружной камеры. Об этом свидетельствуют находки глиняных кувши-

³⁶ Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Ханьская колесница из могильника Царам // Археологические вести. Вып. 14, М., 2007. С. 131.

³⁷ André G., Desroches J.-P. Une tombe princière Xiongnu à Gol Mod, Mongolie (campagnes de fouilles 2000–2001) // Arts asiatiques. 2002. Vol. 57. P. 197.

³⁸ Сутягина Н.А. Детали колесницы с геральдическими сценами из Баллодовского кургана (Ноин-Ула, Монголия) // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Т. 3. Томск, 2013. С. 305–310, илл.

³⁹ Миняев С.С. Элитный комплекс суннских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2009. № 2 (38). С. 51.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. и др. Исследование ноин-улинского кургана № 31 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск, 2009. С. 373.

нов «внушительных размеров», а также указание на то, что «<...> вдоль старой стены встречена в том же направлении перегородка, представляющая из себя два отделения». П.К. Козлов отметил наличие «илистого песка» в коридорах гробницы. Возможно, речь идёт о той самой голубой глине, которой были заполнены помещения ноин-улинских курганов в пади Суцзуктэ⁴². После того, как в трёх наружных стенах были прорублены отверстия, обнаружилось «наличие крупно-щебнистого грунта». Такая засыпка пространства между внешней стеной гробницы и стенкой могильной ямы – характерный для курганов хунну строительный приём. Об ещё одной черте погребального обряда – наличие зёрен в захоронении – свидетельствуют запекшиеся на втулке колеса цветковые чешуйки зерновок.

Деревянная конструкция погребальной камеры имеет следующую особенность. В отличие от большинства курганов в Ноин-Уле, где внутренняя камера гробницы стояла на полу внешней камеры⁴³, в Баллодовском кургане внутренний сруб имел собственный пол. Подобная ситуация была прослежена в кургане 7 могильника Царам, на что указывает следующее описание С.С. Миняева: «Как и наружная камера, сруб имел перекрытие из поперечных досок и дощатый пол также из поперечных досок».⁴⁴ Способ соединения продольных и поперечных брусьев был точно определён только для внутренней камеры, для внешнего сруба он был вычерчен по аналогии (рис. 5). Под полом деревянной гробницы сотрудники экспедиции П.К. Козлова зафиксировали выровненную каменную поверхность.

Предметы сопроводительного инвентаря довольно стандартны и имеют аналогии в других курганах хунну. Глиняный сосуд

⁴² Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг... С. 194; Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. и др. Исследование ноин-улинского кургана № 31 (Сверная Монголия)... С. 374; Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган... С. 62; Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. След китайской колесницы... С. 6, 14 – рисунок.

⁴³ Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы... С. 9–17, рис. 4–6, 10–13, 15, 16; Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган... С. 65, рис. 2.30.

⁴⁴ Миняев С.С. Элитный комплекс сюннских захоронений в пади Царам (Забайкалье)... С. 53.

по форме и орнаменту близок найденному в кургане 2 могильника Дурлиг Нарс⁴⁵. Узор на ручках лаковых чашечек и металлические окантовки имеют аналогии в кургане № 6 и № 20 пади Суцзуктэ⁴⁶. Особого внимания заслуживает большое количество крупных нефритовых пластин, которые могли быть помещены как по отдельности, так и представлять собой предметы сакрального назначения⁴⁷. Фрагменты тканей и меха, о которых упоминает Баллод, практически не сохранились. Лишь несколько маленьких кусочков шёлка напоминают о богатом одеянии погребенного здесь человека.

В истории археологии стал известен ещё один счастливый случай. Этому кургану в некоторой степени повезло. Несмотря на то, что Баллод не был профессиональным археологом, он приложил все силы, чтобы сохранить и передать учёным максимально возможную информацию об этом погребении. Результаты работ экспедиции П.К. Козлова восполнили те пробелы, которые образовались по причине неопытности первооткрывателя Ноин-Улы. Благодаря труду многих людей, в разной степени причастных к судьбе могильников в горах Ноин-Ула, к архивным документам и музейным коллекциям, сегодня появилась возможность представить самый большой курган в этой местности – Баллодовский курган – с максимально полной документацией. Это позволяет вернуть его в науку и сделать полноценным участником всех исследований в области культуры хунну.

Благодарность. Автор выражает благодарность Л.М. Сахаровской за возможность использовать рукопись неопубликованной статьи.

⁴⁵ Дуурлиг нарсны Хүннү булш (I). Монгол-Солонгосын хамтарсан археологийн судалгааны тайлан – 5. 2011. С. 50, рис. 11. С. 179, рис. 4.

⁴⁶ *Miniaev S.S., Elikhina J.* On the Chronology of the Noyon uul Barrows // *The Silk Road*. 2009. Vol. 7. P. 31, ill. A-2; *Юсупова Т.И.* История не совсем обычного археологического открытия... С. 119–122, 125, рис. 5.6, 5.13, 5.14.

⁴⁷ *Сутягина Н.А., Иванов Г.Л.* Нефритовые изделия из коллекции Баллодовского кургана (по материалам иркутского областного краеведческого музея) // *Древние культуры Монголии и Байкальской степи*. Вып. 3. Т. 2. Улан-Батор, 2012. С. 441–447.

Литература

Дуурлиг нарсны Хүннү булш (I): Монгол-Солонгосын хамтарсан археологийн судалгааны тайлан – 5 (Могильник хунну Дурлиг Нарс (I): Отчёт об исследованиях совместной Корейско-Монгольской экспедиции в Монголии – V). Улан-Батор, 2011. 313 с.

Елихина Ю.И. Золотые и серебряные находки из Ноин-Улы, хранящиеся в Эрмитаже // Рериховское наследие – III. Ч. 1: Восток – Запад на берегах Невы. СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. С. 537–541.

Елихина Ю.И. Коллекция находок из могильников Ноин-Улы // Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2012. С. 132–143.

Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России / Сост. *И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 404 с.

Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. / Ред.-сост. *Т.И. Юсупова*, ред. *А.И. Андреев*. Научное наследие Т. 30. СПб.: Наука. 2003. 1093 с.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Ханьская колесница из могильника Царам // Археологические вести. Вып. 14, М.: Наука, 2007. С. 130–140.

Миняев С.С. Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2009. № 2 (38). С. 49–58.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. и др. Исследование ноин-улинского кургана № 31 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 372–376.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. 184 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. След китайской колесницы // Наука из первых рук. 2012. № 4 (46). С. 6–17.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 205 с.

Сахаровская Л.М. Материалы из Ноин-Улы в собрании Кяхтинского краеведческого музея имени академика В.А. Обручева. Рукопись. С. 1–5.

Сутягина Н.А., Иванов Г.Л. Нефритовые изделия из коллекции Баллодовского кургана (по материалам иркутского областного краеведческого музея) // Древние культуры Монголии и Байкальской степи. Вып. 3. Т. 2. Улан-Батор: Изд-во Монгольского гос. ун-та, 2012. С. 441–447.

Сутягина Н.А. Детали колесницы с геральдическими сценами из Баллодовского кургана (Ноин-Ула, Монголия) // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Т. 3. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2013. С. 305–310.

Теплоухов С.А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчёты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–23.

Ходукин Я.Н. Первые раскопки в горах Ноин-Ула. Иркутск, 1926. С. 1–13. Бюллетень всесоюзной научной ассоциации востоковедов (Иркутский филиал).

Юсупова Т.И. История не совсем обычного археологического открытия // *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. С. 9–51.

André G., Desroches J.-P. Une tombe princière Xiongnu à Gol Mod, Mongolie (campagnes de fouilles 2000–2001) // Arts asiatiques. Vol. 57, 2002. P. 194–205.

Ivanov G.L. The early history of the study of the mounded tombs at the Noyon Uul necropolis – the collection of Andrei Ballod at the Irkutsk Museum of Regional Studies // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Empire in Inner Asia, Bonn. 2011. P. 285–289.

Miniaev S.S., Elikhina J. On the Chronology of the Noyon uul Barrows // The Silk Road. 2009. Vol. 7. P. 21–35.

Salmony A. Der erste Fund von Noin-ulla // Artibus Asiae. 1930–1932. Vol. 4 № 2/3, P. 86–92.

Архивные источники

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1789.

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 57.

Архив РГО. Ф. 18. Оп 1. Д. 102.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293.
Оп. 1. Д. 700.

ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 26.

Инвентарный список коллекции № 7217 Иркутского областного краеведческого музея.

Книга поступлений Иркутского областного краеведческого музея. № 1. Ч. 2.

Ballodovskii Barrow (Noyon Uul, Northern Mongolia). Discoverers and Museum Collections

N.A. Sutyagina
The State Hermitage

Ballodovskii barrow was opened by A. Ballod in 1913. He found some pieces of chariot, wooden details, jewelry, jades, fragments of lacquered cups, ceramics. All these items are deposited now in Irkutsk. The excavations were continued by Mongolian-Tibetan expedition headed by P.K. Kozlov in 1924–1925. Newly discovered collection of Ballodovskii barrow is housed now in the State Hermitage. On the bases of archaeological collections of two Museums and archive documents the article attempts to reconstruct the real complex of the largest barrow in Noyon Uul.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.И. Андреев
СПбФ ИИЕТ РАН

Несбывшиеся мечты о Лхасе: Тибет в исследованиях П.К. Козлова (научные и политические аспекты)¹

*Я всегда стремлюсь к свободе и простору,
меня властно зовет к себе голубая даль высокого Тибета!*

П.К. Козлов

Тибет занимает особое место в путешествиях П.К. Козлова. Будучи учеником и сподвижником Н.М. Пржевальского, Козлов унаследовал от своего учителя не только его исследовательскую методику – метод общегеографических «научных рекогносцировок» и принципы организации экспедиций, но и целиком программу будущих исследований региона, намеченную Пржевальским в своём последнем отчётном труде («От Кяхты на истоки Жёлтой реки», 1888). На первом месте в этой программе стоял Тибет, который Пржевальский условно делил на три района: 1) Северо-Тибетское плато, 2) Восточный Тибет (Кам и Амдо) – горные альпийские области, богатые флорой и фауной, и 3) Южный Тибет – «от Лхасы до Гартока»². Эту территорию Пржевальский считал «самой лакомой истому путешественнику» в силу её малой изученности. Что же касается столицы Тибета, Лхасы, то она была практически недоступной и потому особенно притягательной для западных путешественников.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научно-го фонда (РГНФ), проект № 12-33-01065а.

² *Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 65.

Пржевальский, как известно, положил начало исследованиям Тибета, прежде всего его северной и северо-восточной окраин. Впервые он поднялся на Тибетское плато в конце 1872 г. на завершающем этапе своей 1-ой Центральноазиатской экспедиции, и его пионерные исследования получили продолжение в последующие годы в ходе ещё двух путешествий (в 1879–1880 и 1883–1885 гг.). После смерти Пржевальского в Тибете работали его преемники М.В. Певцов, В.И. Роборовский, П.К. Козлов и другие путешественники.

Следует отметить, что во всех своих четырёх экспедициях, включая Лобнорскую, прерванную из-за тяжёлой болезни, Пржевальский строил планы пройти до Лхасы. Ближе всего к столице Тибета и буддийской Мекке он подошёл со своим небольшим отрядом в конце 1879 г. во время 3-ей экспедиции (1-ой Тибетской). Будучи остановлен тибетцами вблизи горы Бумза (в 250 вёрстах от Лхасы), Пржевальский после недолгих переговоров повернул назад. Уже в ходе этого путешествия ему удалось собрать разнообразные сведения о Лхасе, Далай-ламе и народонаселении Тибета, однако большой новизной, по его собственному признанию, эта информация не обладала. Информатором Пржевальского был монгольский лама из Карчина (Внутренняя Монголия), проживший шесть лет в Тибете и хорошо знавший Лхасу. Со слов этого ламы Пржевальский составил схематичный план Лхасы, который мы находим в его путевом дневнике³. План этот, однако, не был опубликован и путешественник даже не упомянул его в своём отчётном труде («Из Зайсана через Хами в Тибет», 1883). А между тем на тот момент это был первый план Лхасы – факт совершенно не известный современным тибетологам, равно как и биографам Пржевальского. До сих пор принято считать, что наиболее ранний план Лхасы был составлен англичанами на основе данных индийского пандита-разведчика Кишен Сингха (*Kishen Singh*, кодовое имя «А – к»), проведшего в

³ Архив РГО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 68. Л. 122 (карандашный рисунок; в верхнем правом углу рукою Пржевальского написано: «Сделан по указанию и рисунку монгольского ламы (из Карчина), возвращавшегося с нами в Цайдам»); «Объяснения к плану г. Лхасы» (38 пунктов). Л. 123–124; Заметка «О Лхасе и населении Тибета». Л. 153–154.

Лхасе около года (1878–1879)⁴. План Кишен Сингха, выполненный в определённом масштабе с привязкой к дорожно-речной сети, выглядит более совершенным по сравнению с немасштабированным и схематичным, скорее рисунком, чем планом, карчинского ламы-паломника; он неоднократно воспроизводился в различных изданиях, посвящённых Тибету, в том числе в книге российского путешественника Гомбожаба Цыбикова «Буддист-паломник у святынь Тибета»⁵.

Но вернёмся к Козлову.

Впервые он побывал в Тибете в составе 4-ой Центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского (1883–1885) и исследовал его северо-восточную окраину. Посещённые им местности, особенно живописные берега горной реки Тэтунг (Датунхэ), о которых он много слышал от Пржевальского, произвели неизгладимое впечатление на юного Козлова и эту любовь к природе Восточного Тибета он сохранил на всю оставшуюся жизнь. Много лет спустя – в 1906 г., томясь от отсутствия «живого дела» в Москве, Козлов напишет своему другу, секретарю РГО А.А. Достоевскому: «Милый Кам, его чудная природа манит меня опять к себе. Чаще и чаще вижу во сне экспедиционную обстановку, вижу долины бассейна Меконга, вижу собственный караван,

⁴ План Лхасы был составлен в 1884 г. сотрудником геодезического бюро (*Survey of India*) в Дера Дуне (Dehra Dun) Дж.Б. Хеннеси (*J.B.N. Hennessey*). Этот план стал известен российским путешественникам в 1890-е гг. после его публикации в отчёте Хеннеси, см.: Report on the explorations in Great Tibet and Mongolia, made by A-k in 1879–1882, prepared by *J.B.N. Hennessey*, Dehra Dun, 1891. В отчёте были также опубликованы выдержки из путевых записей пандита (Translation from diary and notes. P. 31–95). В архиве РГО имеется несколько копий этого плана: Ф. 18. Оп. 6. Д. 65. Английский географ Томас Холдиш (*Thomas Holdish*) в книге «Таинственный Тибет» утверждает, что пандиту Кришне мы обязаны «первым и единственным планом Лхасы», до того как столицу Тибета посетила в 1904 г. военная миссия Фр. Янгхазбенда (*Holdish Sir Thomas*. Tibet, the mysterious. London, 1908 (repr. Delhi, 2004). P. 211). О путешествии пандита Кишен Сингха и времени, проведённом им в Лхасе, см. доклад ген. Дж.Т. Уолкера: *J.T. Walker*. Four Years' journeys through Great Tibet, by one of the Trans-Himalayan explorers of the Survey of India // Proceedings of the Royal Geographical Society and monthly Record of Geography. New Monthly Series, Vol. 7 (2), Feb. 1886. Pp. 65–92.

⁵ Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, ведённым в 1899–1902 гг. Пг., 1918. С. 95.

пробирающийся по лесным и кустарным зарослям или высоко в области альпийских лугов. Помимо моей собственной воли, мысль уносится к озеру Русскому, к походной точке вниз по Жёлтой реке <...>. Примите все силы к выдворению или, вернее, выселению меня из нынешней России в Азию, в ту её часть, которая мне так дорога»⁶.

Козлову довелось дважды побывать в Восточном Тибете (Кам и Амдо) в ходе Монголо-Камской и Монголо-Сычуаньской экспедиций (1899–1901 и 1907–1909) и продолжить начатые Пржевальским исследования этой малоизученной горной страны. Итоги его работ приведены в отчётных трудах и ряде других публикаций⁷, поэтому я не стану подробно останавливаться на них. Отмечу лишь, что уже в ходе Монголо-Камской экспедиции маршрутно-глазомерная съёмка Козлова покрыла огромное пространство Восточного Тибета, были собраны чрезвычайно ценные зоологическая и ботаническая коллекции (последняя включала около 1 000 видов цветковых растений) и сведения об обитателях этой альпийской страны. Путешественник первым проник в бассейн Меконга и проработал там в течение полугода, что являлось выдающимся достижением для того времени. Таким образом, Козлов с успехом выполнил две из поставленных Пржевальским задач – его заветов будущим путешественникам. Оставалась нерешённой последняя и самая трудная – исследование Южного Тибета и посещение «запретной» Лхасы.

Здесь надо сказать, что главный организатор экспедиций Пржевальского и Козлова, Русское Географическое общество (в лице его вице-председателя П.П. Семёнова) оказывало всемерную поддержку планам обоих путешественников, в том числе проектам исследования Тибетского плато, огромного «белого пятна» на географических картах «эпохи Пржевальского». Од-

⁶ Цит. по: *Козлов П.К.* Неопубликованные письма / Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 4. М., 1964. С. 604. Письмо П.К. Козлова А.А. Достоевскому от 22 августа 1906.

⁷ См., напр.: *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама. Пг., 1920 (Переизд. под ред. С.Л. Кузьмина, М., 2004); *Он же.* Тибет // Новый мир. 1928. Вып. 2. С. 256–267; *Он же.* Тибет / Известия. № 117 (3653). 25 мая 1929. С. 5. В 1930 г. П.К. Козлов написал очерк «Тибетский Далай-лама» (Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 134. 24 л.).

нако международная конъюнктура, прежде всего, обострившееся в конце XIX в. англо-русское соперничество в Центральной Азии, так называемая «Большая игра», серьёзно тормозила экспедиционную деятельность российских путешественников в тибетском направлении. О значении Тибета для России в контексте «Большой игры» красноречиво говорит следующая цитата из докладной записки главы Азиатского отдела Главного штаба А.Н. Куропаткина императору Александру II, составленной в 1878 г. в связи с организацией 2-ой Тибетской экспедиции Н.М. Пржевальского:

«Помимо научных изысканий, предполагается произвести <...> разведку относительно политического строя Тибета, его отношения к своим соседям, наконец, возможности завязать и упрочить наши сношения с Далай-ламою. Политика в этом направлении, даже при малой удаче, может открыть путь нашему влиянию через всю внутреннюю Азию, вплоть до Гималаев»⁸.

Снаряжая экспедиции в Западный Китай и Тибет, руководству РГО и Генерального штаба неизбежно приходилось принимать во внимание внешнеполитическую ситуацию, особенно возможную реакцию Англии на посылку Россией своих исследователей в этот регион. Известны случаи, когда экспедиционные проекты Общества наталкивались на противодействие со стороны руководителей министерства иностранных дел и военного ведомства. Так, в 1894 г. начальник Генерального штаба и член Государственного совета генерал Н.Н. Обручев дал весьма критический отзыв о проекте совместной франко-русской научной экспедиции в Тибет (Лхасу): «Все, даже чисто научные экспедиции, которые мы предприняли в районах соседних с Индией, давали только повод Англии к новым захватам и расширению политического влияния, оправдывая то и другое ложными обвинениями России в воинственных замыслах. <...> Лучше оставить Лхасу в покое, чтобы не облегчать доступ в Тибет Англии»⁹.

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 553. Л. 24. Отчёт А.Н. Куропаткина Александру II. Ноябрь 1878.

⁹ РГВИА. Ф. 401. Д. 52 (1894). Л. 1. Переписка с МИД и штабами военных округов о составлении проекта организации франко-русской научной экспедиции в Тибет.

Ставший в 1898 г. военным министром А.Н. Куропаткин, некогда поддержавший инициативу Пржевальского, выступил против посещения Тибета Монголо-Камской экспедицией Козлова, и лишь вмешательство П.П. Семёнова-Тян-Шанского и великого князя Николая Михайловича (председателя РГО) заставило Куропаткина изменить своё мнение. Вот как об этом рассказывает в письме Козлову его помощник А.Н. Казнаков:

«Был в Главном штабе и нашёл всё дело в Военно-учёном комитете. Стахович говорит, что дело теперь налажено, но что Куропаткин одно время артачился, говорил, что *нам не следует исследовать Тибет* и т. п., когда у нас необходимость познакомиться с Куантунским полуостровом и Амурской областью. Но благодаря уверению Семёнова, что это в последний раз и письму Николая Михайловича, он согласился»¹⁰.

В результате Козлову удалось снарядить большую экспедицию в Монголию и Восточный Тибет, при этом Николай II – «державный покровитель РГО» – высказал пожелание, чтобы Козлов и его спутники непременно «прошли в Лхасу»¹¹. О политической подоплёке этой экспедиции свидетельствует отрывок из письма великого князя Николая Михайловича министру иностранных дел графу М.Н. Муравьёву:

«Новой экспедиции поставлена задача: обследовав по пути ближайшие к нашим границам местности Монголии, начиная от Большого Алтая через Гоби и альпийскую страну Нань-Шань и не посещённую ещё ни кем излучину верхнего течения Жёлтой

¹⁰ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 265. Л. 22 об. Письмо А.Н. Казнакова П.К. Козлову от 17 февраля [1899]. П.А. Стахович – сотрудник Военно-учёного комитета Главного штаба; великий князь Николай Михайлович – председатель РГО (с 1892 г.).

¹¹ В письме П.К. Козлову А.Н. Казнаков писал: «Ухтомский хлопочет усиленно пока; он сегодня был у Государя и объяснил ему, что надо торопиться с подарками, а что Фредерикс тянет дело. Государь обещал «похлопотать». Григорьева об этом извещу и П.П. Семёнов, приехавший вчера, со своей стороны нажмёт на Фредерикса. Государь сказал сегодня Ухтомскому, что он непременно хочет, чтобы мы прошли в Лхасу» (Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 265. Л. 20, 21. б/д). В.Б. Фредерикс (1838–1927) – граф, генерал-адъютант, министр Императорского Двора (1897–1917). Э.Э. Ухтомский (1861–1921) – князь, приближённый Николая II; редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости», председатель правления Русско-Китайского банка, востоковед, сторонник сближения России и Тибета.

реки, выйти в пограничную полосу Тибета и Китая. Здесь <...> снаряжаемая экспедиция найдёт ту дверь в самое сердце Тибета, через которую неустанно движутся на поклонение далай-ламе толпы ламаитов и чрез которую можно надеяться рано или поздно *достигнуть Лхасы и завязать дружественные отношения с духовным главою миллионов буддистов*»¹².

В Лхасу экспедиция Козлова, однако, пройти не смогла. В верховье Меконга, в Каме, на пути к границам далай-ламских владений, её остановили тибетцы. В лагерь экспедиции прибыли послы Далай-ламы, чтобы выяснить, являются ли путешественники русскими или англичанами. Как объяснил Козлову один из послов: «Если русские, то приказано тотчас же познакомиться с вами и передать от далай-ламы привет, а если англичане, то, не заводя никаких разговоров, ехать обратно в Лхасу»¹³.

Иными словами, не смотря на своё стремление завязать дружественные отношения с Россией, Далай-лама ещё не был готов или даже опасался допустить русскую научную экспедицию в свою столицу. Эти его колебания нашли отражение в речи посла, не вошедшие в опубликованный текст отчётного труда Козлова: «У нас в Лхасе давно пришли к тому убеждению, что в Россию необходимо послать тибетское посольство, сначала лишь разведочное, а потом более обстоятельное. <...> Так или иначе, заключает посол, а нам придётся открыть двери своей столицы <...> нам почему-то думается, что мы их откроем «мирно» только вам, русским»¹⁴.

Тибет стал «яблоком раздора» для Российской и Британской империи в самом конце XIX столетия. По странному стечению обстоятельств, именно в 1898 г., когда Козлов начал готовиться к Монголо-Камской экспедиции, Петербург тайно посетил посланец 13-го Далай-ламы, учёный бурятский лама Агван До-

¹² Цит. по: *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006. С. 87.

¹³ *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Труды экспедиции РГО, совершённой в 1899–1901 гг. Т. 1. Ч. 2. Кам и обратный путь. СПб., 1906. С. 483–484.

¹⁴ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 40. Л. 3. Докладная записка П.К. Козлова начальнику Военно-статистического отдела Главного Штаба (рук. копия, б/д, конец 1903?).

ржиев (1854–1938). Тогда же он впервые получил аудиенцию у Николая II, что положило начало российско-тибетскому диалогу¹⁵. Тем временем, ещё не зная об этом визите, англичане забili тревогу. Ведущие английские и англо-индийские газеты почти одновременно заговорили о необходимости присоединения Тибета к Британской Индии в ответ на русские завоевания в Средней Азии. Автор одной из заметок, появившейся в газете “Englishman”, Остин Уодделл (*L.A. Waddell*) призывал безотлагательно аннексировать южную часть Тибета, вместе с Лхасой и долиной р. Брахмапутры (тиб. *Цангпо*). Этим шагом, по мнению Уодделла, «мы не только предупредим возможность территориальных захватов со стороны России между нашими владениями в Индии, Бирме и Китае, но и укрепим наше положение на всём материке Азии»¹⁶.

Начав политический диалог с Тибетом – страной, находившейся в то время в полувассальных – *сюзеренных* – отношениях с Цинским Китаем, Россия, по правде говоря, не преследовала каких-либо далеко идущих целей и стремилась, главным образом, противодействовать английской экспансии в направлении Тибета. Так, в конце 1901 г., вскоре после третьего визита Доржиева в Петербург, МИД принял решение об учреждении особого консульства в г. Да-цзян-лу в провинции Сычуань – для поддержания связи с Тибетом, но, прежде всего, чтобы следить за деятельностью англичан и французов в Сычуани и Тибете. То есть, фактически, консульство должно было выполнять функции секретного наблюдательного пункта. Просуществовало оно около года (между осенью 1903 – октябрём 1904 г.). Любопытно, что возглавлял консульство не профессиональный дипломат, а специально назначенный МИДом агент, конфидент А. Доржиева, некто Будда Рабданов – образованный агинский бурят, в

¹⁵ О визитах А. Доржиева в Россию см.: *Андреев А.И.* Тибет в политике... С. 77 и далее.

¹⁶ Цит. по: *Грулёв М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909. С. 73. См. также: *Андреев А.И.* Монголо-Камская экспедиция П.К. Козлова // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXIV годичной конференции СПб Отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. Вып. XIX. СПб., 2003. С. 122–127.

прошлом много путешествовавший по Азии с экспедициями В.А. Обручева и Г.Н. Потанина¹⁷.

Русско-тибетское сближение, на которое Козлов возлагал большие надежды, однако, оказалось мимолётным и в большой степени эфемерным. Серьёзным испытанием для него стала посылка вице-королём Индии лордом Керзоном в Лхасу в 1903 г. военно-дипломатической экспедиции во главе с Френсисом Янгхазбендом (*Francis Younghusband*) – для срыва «русской интриги» в Тибете. В результате Далай-ламе пришлось бежать из Тибета во Внешнюю Монголию, и настойчиво, хотя и безуспешно, добиваться защиты и покровительства у Петербурга, где у него появилось немало друзей, составлявших своего рода «тибетское лобби» в околоправительственных кругах. Одним из них был П.К. Козлов. Проникшись глубоким сочувствием к трагической судьбе Далай-ламы, он выступает в 1903–1906 гг. с рядом политических инициатив и принимает активное участие в разрешении «тибетского вопроса», неожиданно вставшего на повестке дня российской дипломатии.

Перечислю их вкратце:

В конце 1903 г., когда в петербургских газетах появились первые сообщения об английской экспедиции в Тибет, Козлов подаёт докладную записку начальнику Военно-статистического отдела Генерального штаба, в которой предлагает отправить в Тибет российскую военную экспедицию. Её цель – «открыть» Тибет для русских буддистов и товаров, т. е. добиться паритета в отношениях к Тибету России и Англии, нарушенного англичанами. Возглавить такой отряд намеревался сам Козлов¹⁸.

Весной 1905 г. Козлов совершает поездку в Ургу (столицу Монголии) для встречи и переговоров с Далай-ламой по поручению МИДа и Генерального штаба «под флагом ИРГО». Эта поездка имела три цели: 1) поднесение Далай-ламе подарков от имени РГО; 2) выяснение вопроса, какую помощь Россия могла

¹⁷ Андреев А.И. Тибет в политике... С. 95–96.

¹⁸ Более подробно об этом см.: Андреев А.И. Секретная миссия в Лхасу Нарана Уланова // От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.; Самара; Прага, 1997. С. 34–37.

бы оказать Тибету; 3) негласная разведка в Восточной Монголии¹⁹. Ещё до поездки в Монголию, Козлов предложил оказать Далай-ламе содействие в возвращении в Тибет путём предоставления ему «русского конвоя» из казаков-буддистов. Возглавить такой конвой собирался, разумеется, он сам. Эта идея была в принципе одобрена руководством Генерального Штаба и МИДа, однако в ходе Ургинской миссии Козлова дипломатическое ведомство изменило своё мнение, сославшись на отказ англичан от навязанного ими ранее тибетцам в Лхасе договора. Следовательно, Далай-лама мог самостоятельно вернуться на родину без всякого «русского конвоя», не опасаясь за свою безопасность. Российская дипломатия, очевидно, стремилась не обострять отношений с Англией из-за Тибета.

В начале 1906 г., после того как Далай-лама переехал из Урги во Внутренний Китай, Козлов возвращается к идее организации русской экспедиции в Лхасу – с научными и дипломатическими целями одновременно. По сути, он пытается реанимировать отвергнутый ранее МИДом проект о «русском конвое» для сопровождения Далай-ламы в Лхасу. В июне и декабре 1906 г. Козлов дважды встречается с министром иностранных дел А.П. Извольским для обмена мнениями по тибетскому вопросу²⁰.

В 1907 г. Козлов снаряжает новую экспедицию в Центральную Азию, получившую название Монголо-Сычуаньской. В Лхасу он особенно не стремился, поскольку Далай-лама находился в это время в монастыре Гумбум в Амдо, и именно там Козлов встретился с правителем Тибета вторично в феврале 1909 г., на завершающей стадии своего путешествия. Две недели путешественник проводит «в гостях у Далай-ламы», который вновь приглашает его посетить Лхасу. Это было большой честью для Козлова, ибо никогда прежде ни один западный путешественник не получал подобного приглашения. В отчёте об экспедиции Козлов процитировал слова Далай-ламы: «Я надеюсь, что вы приедете ко мне в Лхасу, где для вас, путешественника-иссле-

¹⁹ Козлов П.К. Дневник по поездке в Монголию (в 1905 году) // П.К. Козлов. Тибет и Далай-лама / Ред. С.Л. Кузьмин. М., 2004. С. 98.

²⁰ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 427. Л. 2, 3 (письма А.П. Извольского П.К. Козлову от 2 мая и 1 декабря 1906).

дователя, найдётся много интересного и поучительного. Приезжайте, я Вас прошу, надеюсь, не будете жалеть потраченного времени на такое большое путешествие. <...> Я буду ждать вас в Лхасе»²¹. И далее, описывая прощание с Далай-ламой, он отмечает: «Минуты расставания с далай-ламой бодрили дух, крепили тело и вливали струю сознания о возможности нового, последнего путешествия – *путешествия, в котором я должен выполнить последний из заветов моего великого и дорогого учителя*»²².

В 1911 г., после окончательного англо-русского размежевания в Азии, Козлов строит планы новой Тибетской экспедиции, опять-таки с двойной целью – научной и политической. Как и в 1905 г. он хочет содействовать «водворению» Далай-ламы в Лхасу, после его вторичного бегства в 1910 г. из Тибета в Даржилинг, в Британскую Индию, на этот раз от вторгшихся в страну китайских войск. Идея Козлова состояла в следующем: Россия посылает в Тибет небольшой экспедиционный отряд, а Англия со своей стороны «эскортирует» Далай-ламу из Даржилинга в Лхасу. Там обе экспедиции встречаются, и Далай-лама, таким образом, оказывается под двойной англо-русской защитой, гарантирующий ему безопасность²³. Но из этого проекта также ничего не вышло.

В 1914 г. Козлову, в конце концов, удалось организовать новую экспедицию. Одна из её главных целей формулировалась им как «более широкое изучение Тибетского нагорья и бассейнов верхнего течения Янзцы-цзяна, Меконга и Салуэна». О посещении Лхасы в научной программе экспедиции прямо не говорилось, хотя Лхаса, несомненно, являлась конечной целью путешествия. Мировая война, однако, не позволила Козлову осуществить свои планы, но он вернулся к ним в 1922 г., при этом его новый проект, повторявший проект 1914 г.²⁴, получил поддержку советского правительства и солидное финансирование. Объяснялось это

²¹ Козлов П.К. Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото. 2-е изд. М., 1948. С. 275.

²² Там же. С. 317.

²³ Андреев А.И. Тибет в политике... С. 184–185.

²⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 302; 303; 304. Доклад П.К. Козлова в Совете РГО, 19 августа 1922 г.

тем, что большевики видели в «независимом» Тибете удобный плацдарм для борьбы с британским империализмом в юго-восточной Азии. В результате Козловым были подготовлены ценные подарки Далай-ламе и его приближённым²⁵. Однако путешественнику вновь не повезло – на этот раз в Лхасу он не попал уже не по вине англичан или тибетцев, а вследствие доноса на него в ОГПУ²⁶. (Официально невозможность посещения Тибета Козлову объяснили неблагоприятной политической конъюнктурой)²⁷.

Наконец в ноябре 1927 г., через год после окончания Монголо-Тибетской экспедиции (1923–1926), Козлов делает последнюю попытку. Он предлагает РГО и Академии наук проект новой экспедиции. Её цель – изучение Тибетского нагорья в области истоков р. Мурусу (Янцзы), «последнего белого пятна на карте Азии». Этот проект, одобренный руководством РГО (Ю.М. Шокальский) и Академии (С.Ф. Ольденбург), был, однако, заблокирован Наркоматом иностранных дел и ОГПУ²⁸. Козлов, впрочем, не терял надежды. В конце 1928 г. он обращается к своему старому другу, управделами СНК Н.П. Горбунову, с просьбой «устроить» его новую экспедицию в «заветный край» с тем, чтобы выполнить последний из заветов Пржевальского²⁹. Отправиться в Тибет Козлов намеревался по воздуху – на дирижабле, подобно Р. Амундсену, полагая, что от Урги до Лхасы можно долететь всего за двое суток. Совершить такое фантастическое путешествие он хотел вместе с Горбуновым, который неожиданно сделался путешественником (в 1928 г. он исследовал Памир во главе

²⁵ ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 4. Д. 37. О ценностях, выданных Монголо-Тибетской экспедиции для подарков. Отдел научных учреждений при СНК СССР, 1927–1928. Согласно этому документу в самом начале путешествия Козлов отправил в Тибет (в Лхасу) Далай-ламе и его свите 81 предмет вместе с каменным львом, символом страны (Л. 14).

²⁶ См. *Андреев А.И., Юсупова Т.И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // ВИЕТ. 2001. № 2. С. 51–74.

²⁷ *Андреев А.И.* Почему русского путешественника не пустили в Лхасу // *А.И. Андреев.* От Байкала до священной Лхасы... С. 99.

²⁸ Более подробно об этой несостоявшейся экспедиции см.: *Юсупова Т.И.* Несуществующая мечта П.К. Козлова // *Природа.* 2003. № 9. С. 52–56.

²⁹ Там же. С. 55.

Советско-Германской экспедиции), и представителем Тибета в СССР Агваном Доржиевым!

Подводя итог можно сделать следующие выводы:

1) П.К. Козлов, несмотря на все его усилия, не смог завершить программу исследования Тибета, намеченную его учителем Н.М. Пржевальским. Ему не удалось охватить своими рекогносцировками Южный Тибет, находившийся в границах «далай-ламских владений» (в сфере влияния англичан), и это притом, что он – единственный из российских и западных путешественников – находился в дружеских отношениях с Далай-ламой и неоднократно получал от него приглашения посетить Лхасу и подарки. Южный Тибет и Лхаса остались недостижимой мечтой для Козлова, как, впрочем, и для многих других путешественников той героической эпохи первопроходцев Тибета.

2) Исследования Козлова ограничивались в основном территориями северо-восточной и юго-восточной окраин Тибета (Амдо и Кам). Свои экспедиции он рассматривал как продолжение работ, начатых Пржевальским, что позволяет говорить не только о преемственности в исследовании Центральной Азии российскими путешественниками, но и о *едином центральноазиатском проекте России*, частью которого являлись исследования Тибета, столь привлекательного как в научном, так и политическом отношениях. Сведения о недоступном Южном («далай-ламском») Тибете Козлов собирал так же, как это делал его учитель, путём расспроса местных жителей – тибетцев (тангутов) и монголов, побывавших в Лхасе, а также послов Далай-ламы, посетивших его лагерь на берегу Янцзы (в Каме) во время Монголо-Камской экспедиции. В этом ему активно помогал В.Ф. Ладыгин, записывавший всё услышанное в отдельную тетрадь³⁰. В ней мы находим не только общие сведения о Тибете и его населении, но и краткое описание Лхасы и её главных монастырей. Эти записи в отредактированном виде вошли затем в отчётный труд П.К. Козлова «Монголия и Кам»³¹.

³⁰ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 61. Материалы по истории и этнографии Тибета. Б/д.

³¹ *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1906. С. 481–491 (рассказ о приезде в экспедицию тибетского посольства и сообщённые послами сведения о Тибете, Лхасе и Далай-ламе).

Из своих путешествий П.К. Козлов привёз в Петербург обширные и ценнейшие коллекции, в том числе собранные в Северном и Северо-Восточном Тибете.³² Одним из наиболее ценных предметов этнографической коллекции П.К. Козлова, хранящейся в фондах МАЭ, является план далай-ламского дворца Потала и главнейших буддийских монастырей в окрестностях Лхасы, нарисованный акварелью и чёрной и красной тушью в старинной китайской манере (№ 1821-13)³³. По мнению этнографа Р.Ф. Итса, этот план, вероятно, был нарисован китайским художником по заказу П.К. Козлова. По сообщению синоведа Б.И. Панкратова³⁴, подобного плана, который не редкость для Китая, он не встречал в известных ему публикациях (в том числе и европейских)³⁵.

3) Козлов, как уже отмечалось, сформировался как полевой исследователь-рекогносцировщик в значительной степени под влиянием Пржевальского, унаследовав от своего учителя методы и саму систему попутных маршрутных рекогносцировок. В дальнейшем он усовершенствовал методику полевых исследований. Так, находясь во главе основного экспедиционного каравана, Козлов нередко отправлял своих помощников (В.Ф. Ладыгин, А.Н. Казнаков, А.А. Чернов, П.Я. Напалков и др.) в различных направлениях от магистрального пути для проведения самостоятельных исследований. Благодаря такой системе «боковых разъездов» (термин Козлова), район исследования значительно расширился и, соответственно, многократно увеличивалась «научная добыча» путешественников³⁶. Другим новшеством было создание стационарных баз – метеорологических будок и скла-

³² См.: Российские экспедиции в Центральную Азию: Организация, полевые исследования, коллекции. 1870 – 1920-е гг. / Ред. А.И. Андреев. СПб., 2013.

³³ *Итс Р.Ф.* Китайские коллекции П.К. Козлова в собраниях МАЭ // Сборник МАЭ. 1961. Т. XX. С. 24–26; *Решетов А.М.* Тибетская коллекция МАЭ. (Материальная культура) // Сборник МАЭ. 1969. Т. XXV. С. 117.

³⁴ Панкратов, Борис Иванович (1892–1979) – российский востоковед (китаист, монголист), специалист в области истории и культуры Дальнего Востока и Центральной Азии.

³⁵ *Итс Р.Ф.* Ук. соч. С. 26.

³⁶ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 30. Л. 2 об., 3. П.К. Козлов. Программа доклада о Тибетской экспедиции.

дов для собранных коллекций. Такие пункты были необходимы, прежде всего, для систематического ведения метеорологических наблюдений, которые занимали важное место в научной программе Козлова. Козлов использовал более точные измерительные инструменты и вспомогательные средства для ведения различных исследований (примером чего может служить разборная брезенто-пробковая лодка для лимнологических работ), а также активно внедрял фотографию в практику путешественников. Так, во время Монголо-Камской экспедиции им было сделано около 200 фотоснимков.

И последнее, о чём следует сказать, это влияние геополитического фактора на исследования Козлова. Здесь необходимо отметить, что Козлов, в отличие от Пржевальского, являлся сторонником «мирной экспансии» России в направлении: Монголия – Восточный (Китайский) Туркестан – Тибет. Так, в разгар русско-японской войны (1905) он утверждал, что России следует завязать дружеские отношения с Далай-ламой, ибо последний мог бы способствовать «более мирному занятию стран Монголии и Восточного Туркестана русскими». В этой экспансии он видел альтернативу губительной для России войны на Дальнем Востоке³⁷.

Козлов в гораздо большей степени, чем другие российские исследователи Центральной Азии, оказался вовлечённым в «Большую игру». Видя, что Далай-лама открыто тяготеет к России и ищет в русском царе возможного покровителя буддийского Тибета, более могущественного, чем император Цинской империи, Козлов пытался использовать это обстоятельство не только в политических, но и научных целях. Правда, его экспедиционные проекты 1903–1911 гг. кажутся довольно авантюристичными и потому они остались нереализованными. Именно «Большая игра» сделала невозможным посещение Лхасы и Южного Тибета Козловым, как, впрочем, и другими российскими исследователями конца XIX – начала XX века.

Козлову не удалось стать «открывателем» Лхасы для науки и, таким образом, он не смог выполнить последний из заветов

³⁷ Козлов П.К. Дневник по поездке в Монголию (в 1905 году). С. 118 (запись от 7 июля 1905).

Пржевальского. В то же время «Большая игра», парадоксальным образом, способствовала увеличению его «научной добычи». Так мы знаем, что в ходе Монголо-Камской экспедиции (1899–1901), помимо намеченных им исследований, Козлов выполнял побочные задания – занимался сбором военно-статистических сведений и экономической разведкой. В результате один из его помощников В.Ф. Ладыгин подготовил большой отчёт о состоянии торговли в южной Монголии, китайской провинции Ганьсу и Тибете, в котором содержались ценные статистические и иные сведения и давались практические рекомендации российскому правительству³⁸.

Вообще научные и политические мотивы (отстаивание геополитических интересов России в Центральной Азии) не просто уживались, но тесно переплетались в деятельности Козлова, по крайней мере, в дореволюционный период. Являясь истым русофилом и англофобом, Козлов сурово критиковал англичан за вторжение в Тибет³⁹ и в то же время поддерживал дружеские отношения с Королевским географическим обществом в Лондоне – долгие годы состоял в переписке с учёным секретарем Общества сэром Джоном Скоттом Келти (*John Scott Keltie*), публиковал отчёты о своих экспедициях в журнале общества (*The Geographical Journal*). Но иначе, наверное, и не могло быть, ибо путешественник – военный географ – не в силах был отделить себя от политического контекста эпохи, которой принадлежал.

Литература

Андреев А.И. Почему русского путешественника не пустили в Лхасу / А.И. Андреев. От Байкала до священной Лхасы: Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.; Самара; Прага, 1997. С. 92–120.

³⁸ Ладыгин В.Ф. Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899–1902 г., снаряжённой ИРГО в Центральную Азию. СПб., 1902. С. 70–84.

³⁹ См., напр.: Козлов П.К. Английская экспедиция в Тибет // Исторический вестник. 1907. № 1. С. 230–249.

Андреев А.И. Монголо-Камская экспедиция П.К. Козлова // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXIV годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники «Санкт-Петербург и мировая наука». Вып. XIX. СПб., 2003. С. 122–127.

Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2006. 464 с.

Андреев А.И., Юсупова Т.И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51–74.

Грулёв М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб, 1909. 380 с.

Итс Р.Ф. Китайские коллекции П.К. Козлова в собраниях МАЭ // Сборник МАЭ. 1961. Т. XX. С. 6–29.

Козлов П.К. Монголия и Кам. Труды экспедиции РГО, совершённой в 1899–1901 гг. Т. 1. Ч. 2. Кам и обратный путь. СПб., 1906. С. 257–734.

Козлов П.К. Английская экспедиция в Тибет // Исторический вестник. 1907. № 1. 1907. С. 230–249.

Козлов П.К. Тибет // Новый мир. 1928. Вып. 2. С. 256–267.

Козлов П.К. Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото. 2-е изд. М.: ОГИЗ, 1948. 328 стр.

Козлов П.К. Неопубликованные письма (предисл. и прим. С. Белова) // Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сборник 4. М.: Советский писатель, 1964. С. 600–610.

Козлов П.К. Тибет и Далай-лама / Ред. С.Л. Кузьмин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. С. 11–96.

Козлов П.К. Дневник по поездке в Монголию (в 1905 году) // П.К. Козлов. Тибет и Далай-Лама / Ред. С.Л. Кузьмин. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2004. С. 98–127.

Ладыгин В.Ф. Тибет / Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899–1902 г., снаряжённой ИРГО в Центральную Азию. СПб., 1902. С. 70–84.

Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888. 537 с.

Решетов А.М. Тибетская коллекция МАЭ (Материальная культура) // Сборник МАЭ. 1969. Т. XXV. С. 114–135.

Российские экспедиции в Центральную Азию: Организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг. / Ред. *А.И. Андреев*. СПб.: Нестор-История, 2013. 321 с.

Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, ведённым в 1899–1902 гг. Петроград, 1918. 482 с.

Юсупова Т.И. Неосуществлённая мечта П.К. Козлова // Природа. 2003. № 9. С. 52–56.

[*Hennessey J.B.N.*]. Report on the explorations in Great Tibet and Mongolia, made by A-k in 1879–1882. Dehra Dun, 1884. 122 p, with 4 sheets of maps and plan of Lhasa.

Holdich Thomas. Tibet, the mysterious. (Repr. ed.). New Delhi, 1994. 356 p.

Walker J.T. Four Years' journeys through Great Tibet, by one of the Trans-Himalayan Explorers of the Survey of India // Proceedings of the Royal Geographical Society and monthly Record of Geography. New Monthly Series. 1886. Vol. 7 (2). P. 65–92.

Архивные источники

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 30.

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 40.

Архив РГО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 68.

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 265.

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 427.

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 61.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 553.

РГВИА. Ф. 401. Д. 52 (1894).

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 9.

ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 4. Д. 37.

**The Unrealised Dreams of Lhasa:
Scientific and Political Aspects of the Exploration of Tibet by
P.K. Kozlov**

A.I. Andreev

Institute for the History of Science & Technology, RAS
St. Petersburg Branch

Kozlov visited Tibet for the first time as a young man with Przhevalsky's last expedition (1883–1885), and it was thanks to Przhevalsky that he acquired the necessary practical skills as a land surveyor and collector of various naturalist specimens and cultural artefacts. Kozlov's field work focused on Eastern Tibet, with its Alpine provinces of Amdo and Kham, the only parts of the country accessible then to Russian explorers. Yet his great and life-long dream, like Przevalsky's, was to move further southward across the plateau with a view to reaching Tibet's capital, the 'Forbidden City' of Lhasa.

The paper assesses briefly the results of Kozlov's exploration of Tibet by underscoring the impact of the geopolitical factor, the so-called "Great Game", on his scientific pursuits. Special attention is given to his unrealized Lhasa-oriented projects, such as those made in 1903–1911 in connection with the Dalai Lama's flight from Lhasa (on account of the two invasions of Tibet, first by the British mission under F. Younghusband in 1903–1904, and then by Chinese troops in 1909).

М.К. Басханов
Глазго (Великобритания)

«Не ковром была постлана нам дорога в глубь Азии»: феномен эпохи русских «географических генералов»

История географического изучения Центральной Азии российскими путешественниками, несмотря на обилие научной литературы, ещё содержит достаточно малоизученных тем и сюжетов, имеются и вопросы, которые требуют переосмысления и новой интерпретации. Одной из таких тем является взаимодействие Императорского Русского географического общества (ИРГО) и Военного министерства в географическом изучении Центральной Азии.

К последней трети XIX в. сложился целый набор исторических факторов, которые способствовали тесному взаимодействию русских географов и военных в организации масштабных экспедиций в Центральной Азии. Следует отметить фактор политический – активизацию внешней политики России на Востоке, прежде всего, в отношении Китая, Японии и Кореи, появление международной договорной базы для организации русских путешествий в Китай (договор 1858 г.). Борьба великих держав за доминирование в Азии имела и географическое измерение, которое заключалось в активной политике по сбору географических сведений и описанию малоизвестных территорий глубинной Азии, – явление, получившее в литературе название «географическая гонка».

Фактор экономический – экспансия русского торгово-промышленного капитала на Востоке. Вхождение в состав Российской империи Средней Азии и хозяйственное освоение территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока способствовало активизации географических исследований, как в Азиатской России, так и на сопредельных территориях азиатских государств.

Благоприятным фактором для развёртывания масштабных исследований в Центральной Азии явилось создание региональных центров ИРГО – Восточно-Сибирского, Западно-Си-

бирского, Приамурского и Туркестанского отделов. С первых дней своего существования отделы имели теснейшие связи с Военным министерством. Сама инициатива их открытия принадлежала генерал-губернаторам Сибири и Туркестана, которые одновременно являлись командующими военных округов. Часто председателями отделов ИРГО являлись высшие должностные лица военной администрации, как правило, начальники окружных штабов. Среди членов региональных отделов традиционно имелось немало офицеров Генерального штаба, строевых офицеров и военных чиновников. Региональные отделы находились в городах, где размещались штабы азиатских военных округов. Это обстоятельство благоприятно сказывалось на взаимодействии между региональными отделами и военным ведомством, особенно в организационных вопросах. Достаточно сказать, что периодические издания трёх региональных азиатских отделов ИРГО – Западно-Сибирского, Приамурского и Туркестанского, печатались в типографиях штабов военных округов¹.

Интерес ИРГО к более тесному сотрудничеству с Военным министерством был также связан и с тем обстоятельством, что на Востоке России, особенно до начала активной колонизационной и переселенческой политики существовал дефицит людей образованных и интеллигентных, из среды которых могли быть выдвинуты потенциальные исследователи территорий Азиатской России и сопредельных стран Востока. Продолжительное время армейские гарнизоны в Туркестане, Сибири и на Дальнем Востоке оставались единственными очагами цивилизации, образованности и научного знания на сотни вёрст полудикой округи. Офицеры, особенно Генерального штаба, весьма часто были единственными профессионально подготовленными специалистами, на которых ИРГО могло рассчитывать при развёртывании географических исследований на азиатской окраине России. Кроме того, изучение малоизвестных территорий Азиатской России и, особенно, глубинных территорий сопредельных стран Востока,

¹ *Базылева Е.А.* Русское географическое общество и книга. Очерк истории издательской, библиотечной и библиографической работы в XIX – начале XX вв. Новосибирск, 2008. С. 128, 162, 181.

было сопряжено с огромными физическими нагрузками и опасностями, необходимостью постоять за себя и товарищей силой оружия и навыками специальной военной подготовки. По этой причине офицеры представляли собой прекрасно подготовленный, а порой, и единственно возможный кадровый потенциал для организации научных исследований. Не случайно, что основные действующие лица эпохи географического изучения Центральной Азии вышли из офицерского корпуса азиатских военных округов – Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, Б.Л. Громбчевский.

Было бы неверным утверждать, что сотрудничество ИРГО с Военным министерством в деле изучения Центральной Азии не имело проблем. В самом Географическом обществе существовала своего рода оппозиция, которая высказывала недовольство «засильем военных» и чрезмерным увлечением экспедиционной деятельностью в Центральной Азии в ущерб географическому изучению собственно российских территорий. Особенно активна была в ИРГО так называемая «картографическая оппозиция». Когда в 1876 г. в Обществе обсуждался вопрос по исправлению 40-вёрстной карты Европейской России, изданной ИРГО в 1862 г., то специально образованная для рассмотрения этого вопроса комиссия пришла к выводу, что исправить карту не представляется возможным не только по финансовым соображениям, но и в силу того, что с 1862 г. в геодезическом и топографическом изучении отдельных внутренних районов Европейской России мало что изменилось и по-прежнему существуют «непополненные пробелы». Комиссия при этом сделала вывод: «Чтобы делать географические открытия нам незачем уходить вглубь Азии, мы и в Европейской России можем найти обширные районы, нуждающиеся в исследованиях с чисто картографической целью»². В этом, безусловно, была доля правды. К началу XX столетия, как это ни парадоксально, отдельные районы Центральной Азии были для русской географической науки известны более чем, например, большинство территорий Восточной Сибири.

² Журнал заседания Комиссии по исправлению 40-вёрстной карты Европейской России, 18 ноября 1876 г. // Известия ИРГО. 1878. Т. XIV. Вып. 1. С. 20.

Для Военного министерства сотрудничество с ИРГО также имело свой интерес и мотивацию. Здесь, прежде всего, следует отметить фактор военно-стратегический – обустройство и оборону русских военных границ в Азии, потребность в сведениях для военного планирования и организации боевых действий на удалённых и неподготовленных театрах военных действий. Роль географической информации приобретала в этих вопросах доминирующее положение. Не случайно и то обстоятельство, что первый опыт совместных экспедиций ИРГО и Военного министерства – 1-я Центральноазиатская экспедиция Н.М. Пржевальского, как раз и был основан на необходимости продолжить военно-статистические работы полковника М.И. Венюкова в Китае в 1869–1870 гг., которые велись в связи с подготовкой им фундаментального описания русских границ в Азии³. В докладе на Высочайшее имя по вопросу организации 4-й Центральноазиатской экспедиции Пржевальского военный министр П.С. Ванновский отмечал: «Военное министерство считает нравственной своей обязанностью оказать и со своей стороны возможное содействие новому учёному предприятию полковника Пржевальского, тем более, что проектированная им экспедиция, независимо от высокого научного интереса, имеет и специальный военный по исследованию путей и вообще доступности различных частей Центральной Азии, могущих иметь значение в случае борьбы с Китаем»⁴.

Немаловажное значение имел и такой фактор, как появление в русской военной науке новых исследовательских дисциплин – военной географии и военной статистики, которые в немалой степени способствовали развитию общегеографической науки в России. К важному фактору относится и появление в России специализированных органов военного управления, непосредственно вовлечённых в изучение стран Востока: центральные – Главный штаб и его подразделения – Военно-учёный комитет (ВУК), Азиатская часть и Военно-топографический отдел, и ре-

³ РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. Д. 67 (1870 г.). Л. 10.

⁴ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 36 (1883 г.). Л. 19–19 об. Доклад военного министра на Высочайшее имя, 2 апреля 1883 г.

гиональные – штабы и военно-топографические отделы азиатских военных округов.

Наконец, сотрудничество Военного министерства с ИРГО, как и Императорской Академией наук, другими российскими научными обществами имело важное значение для административного управления азиатскими территориями, особенно теми, которые входили в систему военно-народного управления. Военная администрация на местах часто обращалась с просьбами к научным обществам прислать своих специалистов для ведения географических, статистических, этнографических, геологических и др. исследований на территориях Азиатской России. Это позволяло ускорить процессы описания территорий и их хозяйственного освоения.

Взаимодействие с ИРГО в изучении Центральной Азии представляло Военному министерству возможность получить ценную стратегическую информацию об удалённых театрах, опираясь на два благоприятных обстоятельства. Во-первых, использовать авторитет и вес ИРГО для преодоления трудностей внешнеполитического характера, прежде всего, со стороны китайских властей, а частично, инерции и чрезмерной осторожности российского министерства иностранных дел. Во-вторых, провести глубинные рекогносцировки сопредельных территорий без значительных расходов «от казны», поскольку основное финансовое бремя по организации центральноазиатских экспедиций несло на себе ИРГО.

Кроме того, экспедиционная деятельность в Центральной Азии являлась для Военного министерства неформальным средством «прощупать» военно-политический ландшафт региона, отследить реакцию основных политических игроков – Китая и Британской Индии на действия России, заявить свои права на свободу действий и очертить политический ареал русского влияния. Пржевальский и его коллеги много сделали для «маркирования» этого виртуального ареала, нанеся на географическую карту региона десятки русских географических названий, которые ушли в небытие вместе с утратой русского политического влияния в Центральной Азии.

Экспедиции в Центральную Азию давали Военному министерству прекрасную возможность отработать в полевых условиях концепции «войны в песках» и «войны в горах», передвижение и

снабжение войск на удалённых театрах боевых действий в сложных природно-климатических условиях, опробовать новые виды оружия, снаряжения, обмундирования и довольствия войск.

Активное участие русских военных в центральноазиатских экспедициях имело большое влияние на формирование в офицерской среде образа мужественности и героической службы на азиатских окраинах. Это было особенно важно для стимулирования интереса офицеров к службе в отдалённых азиатских гарнизонах, привития интереса к спорту, охоте, здоровому образу жизни. Психологическое и нравственное воздействие русских военных исследователей Азии на офицерскую среду было огромным. Пример Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, Б.Л. Громбчевского, В.И. Роборовского и П.К. Козлова способствовал росту интереса к Азии, к службе на азиатских окраинах. Не случайно, именно в этот период в Главный штаб поступают различные предложения от строевых офицеров с предложениями по организации экспедиций в Центральной Азии. Рост интереса армейской общественности к изучению Азии синхронно совпадал с процессом усиления русского военного потенциала в Сибири и на Дальнем Востоке. Именно в этот период происходило усиление азиатских военных округов, развёртывание у границ с Китаем новых гарнизонов, передислокация из Европейской России соединений и частей.

Под влиянием идей Пржевальского происходило формирование в русской армии основ армейской тактической разведки – «охотничьих команд», отлично себя проявивших в русско-японской и Первой мировой войнах. Высочайшим указом (21 октября 1886 г.) в пехотных, кавалерийских и артиллерийских частях создавались особые «охотничьи команды» с целью «заблаговременно подготовить достаточное число людей, способных исполнять в военное время отдельные поручения, соединённые с особой опасностью и требующие личной находчивости (служба в дозорах, секретах и пр.)»⁵. Основу подготовки «охотничьих ко-

⁵ Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича, 1881–1890 гг. СПб., 1892. С. 89–90.

манд» составляло участие в охотах, совершение значительных переходов с упражнением в изучении местности и приёмов разведки, плавание, управление лёгкими гребными и парусными судами, гимнастика.

Наиболее заметный след в истории изучения Центральной Азии оставили совместные экспедиции ИРГО и Военного министерства. Всего за почти 40-летний период, от первой (Монгольской) экспедиции Н.М. Пржевальского (1870–1873) и до Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова (1907–1909), было организовано 12 совместных географических экспедиций, каждая из которых представляла собой уникальный научный проект, для реализации которого использовались значительные финансовые, организационные и интеллектуальные ресурсы⁶. Каждый проект был неповторим как по географическому охвату, целям и задачам, методам и приёмам исследований, так и по сложности проблем, с которыми приходилось сталкиваться при организации и осуществлении полевых работ.

В императорской России термин «совместная экспедиция» не был принят на официальном уровне и его использование относится к относительно более позднему времени. Вместе с тем, более чёткая семантическая и историческая детерминация этого термина важна для классификации центральноазиатских экспедиций. Общий взгляд на историю «совместных экспедиций» позволяет выделить атрибуционные признаки таких экспедиций. Прежде всего, это наличие совместной научной программы, для разработки которой привлекались представители от Совета ИРГО и Военного министерства (преимущественно от Главного штаба). Затем следует участие Военного министерства в финансирова-

⁶ К ним относятся: экспедиции Н.М. Пржевальского – 1-я Центральноазиатская (Монгольская, 1870–1873), 2-я Центральноазиатская (Лобнорская, 1876–1877), 3-я Центральноазиатская (1-я Тибетская, 1879–1880), 4-я Центральноазиатская (2-я Тибетская, 1883–1885); экспедиции М.В. Певцова – Монголо-Китайская (1878–1879); Тибетская (1889–1891); экспедиции Б.Л. Громчевского – Памирская (1888), в Канджут и Северо-Западный Тибет (1889–1890); 1-я Центральноазиатская экспедиция (1889–1890) Г.Е. Грум-Гржимайло; экспедиция «спутников Пржевальского» – В.И. Роборовского и П.К. Козлова (1893–1895); экспедиции П.К. Козлова – Монголо-Камская (1899–1901), Монголо-Сычуаньская (1907–1909).

нии экспедиции. Оно заключалось, главным образом, в покрытии расходов на содержание офицеров и нижних чинов – сохранение должностных окладов на весь экспедиционный период (с выплатой авансом), выплата подъёмных и прогонов (стоимость проезда к отправной точке экспедиции). Важным признаком «совместной экспедиции» являлось участие военного ведомства в её оснащении: поставка вооружения и боеприпасов, предметов снаряжения, научных инструментов и, частично, продовольствия. Наконец, участие Военного министерства в формировании экспедиционного отряда – выдача разрешений офицерам на участие в экспедиционной деятельности, утверждение кандидатур начальника экспедиции и его помощников, отбор и прикомандирование к экспедиции нижних чинов. Руководителем экспедиции назначался офицер, которому подчинялся весь личный состав экспедиционного отряда – конвой и гражданские исследователи (если таковые имелись)⁷. В период руководства экспедиционными отрядами Пржевальским ему присваивались должностные права командира пехотного полка (мог инициировать награждение и повышение в чине офицеров, самостоятельно повышать в воинских званиях и представлять к награде нижних чинов). В конвой назначались нижние чины от строевых пехотных или казачьих частей, как правило, унтер-офицерского звания.

Весьма интересной особенностью организации «совместных экспедиций» является тот факт, что ни одна из них не была инициирована Военным министерством. Более того, как показывает анализ документов Главного штаба, обращения отдельных офицеров с предложениями по исследованию территорий Центральной Азии, не подкреплённые рекомендацией Совета ИРГО, редко принимались к делопроизводству. Инициатива всегда была на стороне ИРГО, которое обеспечивало не только финансирование предприятия, но, что более существенно, политическую поддержку со стороны правящей российской элиты.

⁷ Исключением здесь является 1-я Центральноазиатская экспедиция (1889–1890) Г.Е. Грумм-Гржимайло. Он являлся начальником экспедиции, но без права командования конвоем, который был передан в ведение его брата, поручика лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады Михаила Ефимовича Грумм-Гржимайло.

Кроме «совместных экспедиций» существовала ещё одна форма взаимодействия ИРГО и Военного министерства – участие военного ведомства в экспедициях, организованных Географическим обществом. В экспедициях этого типа, в отличие от «совместных», участие военного ведомства ограничивалось выделением военных геодезистов и топографов, а также, при необходимости, нижних чинов для конвоя. Расходы по финансовому обеспечению личного состава на весь период экспедиционной деятельности Военное министерство брало на себя. К этому типу экспедиций в Центральной Азии относятся, к примеру, экспедиции Н.Г. Потанина (1-я и 2-я Монгольские и 1-я Китайско-Тибетская экспедиции).

Наконец, взаимодействие ИРГО и Военного министерства в изучении Центральной Азии осуществлялось и при организации военно-географических экспедиций военного ведомства. Результаты этих экспедиций, во главе которых, как правило, стояли офицеры Генерального штаба, частично или полностью обнародовались на заседаниях или в печатных изданиях ИРГО. Часто при организации военно-географических экспедиций и рекогносцировок в Азии Военное министерство получало от Совета ИРГО или его региональных отделов просьбы учесть научные интересы Общества и собрать сведения, которые расширили бы географические познания о том или ином районе. Известны примеры, когда офицерам, отправляющимся в продолжительные командировки в страны и территории Центральной Азии, ИРГО составляло специальные исследовательские программы. В ноябре 1899 г. Туркестанский отдел ИРГО снабдил отдельной инструкцией Генерального штаба капитана Л.Г. Корнилова, назначенного в длительную служебную командировку в Кашгар, в которой подробно отмечался перечень научных вопросов («изыскания этнографические, лингвистические и метеорологические»), представляющих для отдела большой интерес⁸.

⁸ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГАРУ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 70. Л. 116–118. Инструкция Туркестанского отдела ИРГО экспедиции Генерального штаба капитана Л.Г. Корнилова.

Организация русских центральноазиатских экспедиций постоянно совершенствовалась и за свою историю претерпела значительную эволюцию. Существенно улучшились финансирование, материальная и научная база экспедиций, возросла их численность, автономность и продолжительность нахождения в «поле». Значительно расширился географический охват исследуемых территорий, возрастала глубина проникновения в удалённые районы Центральной Азии. Претерпели эволюцию приёмы и методы научных исследований, обработки полевых материалов и издания трудов экспедиций. Последовательно расширялся круг исследовательских задач, кроме традиционных тем – географии, статистики, геодезии и топографии, зоологии, ботаники к концу рассматриваемого периода добавились геология, этнография, археология. Преимущественно военные по составу экспедиции стали включать в себя и гражданских специалистов. Экспедиции всё больше становились комплексными.

Непрерывно совершенствовались экспедиционные технологии, приёмы и методы научных исследований. Пржевальским была введена практика создания промежуточных баз – «складочных пунктов», которые позволяли увеличить пространственную глубину географических исследований. Сами исследования велись в форме «научных рекогносцировок», в ходе которых осуществлялись маршрутно-глазомерные съёмки, геодезические работы (определение координат и абсолютных высот), ботанические и зоологические исследования, сбор геологических коллекций. В более поздний период учениками Пржевальского – Роборовским и Козловым была введена практика «радиальных экскурсий» от базового лагеря, создание стационарных метеорологических станций, использование компактных плавсредств и фотографического оборудования.

На примере пяти центральноазиатских экспедиций Пржевальского можно проследить качественные изменения в их организации, составе и оснащении (табл. 1). Из приведённой таблицы видно как последовательно возрастало финансирование, численный состав и огневая мощь экспедиций.

Таблица 1. Качественные параметры центральноазиатских экспедиций Н.М. Пржевальского

Параметры	1-я ЦА экспедиция 1870–1873	2-я ЦА экспедиция 1876–1877	3-я ЦА экспедиция 1879–1880	4-я ЦА экспедиция 1883–1885	5-я ЦА экспедиция 1888
Стоимость	3 000 руб.	24 740 руб.	35 440 руб.	59 670 руб.	80 335 руб.
Количество участников, в т. ч. военнослужащих	4/4	10/9	13/11	21/19	29/27
Вооружение	штуцер Бердана, 3 штуцера Снайдера, магазинное ружьё Генри Мартина, 13 револьверов, два скорострельных пистолета Ремингтона, двустольный штуцер Ланкастера, 4 охотничьих ружья, 4 000 патронов, 2 пуда пороха	10 винтовок Бердана, 20 револьверов Смит и Вессона, 3 000 ружейных (по 300 на ружьё) и 4 000 револьверных (по 200 на револьвер) патронов, 3 пуда винтовочного пороха	7 ружей, 11 винтовок Бердана, 22 револьвера Смит и Вессона, 9 000 патронов (6 000 для винтовок, 3 000 для револьверов) и 3 пуда пороха	15 ружей, 5 драгунских винтовок, 40 револьверов, 16 000 патронов и 4 пуда пороха	25 пехотных и 3 драгунских винтовок, 30 револьверов, 25 000 патронов к винтовкам, 1 000 – к револьверам, 4 пуда пороха, пулемёт Максим и патроны к нему

Принцип военной организации экспедиций, заложенный М.Н. Пржевальским, сохранялся на протяжении всей истории русских центральноазиатских экспедиций. В этом принципе и было главное отличие русских экспедиций от иностранных.

Экспедиционные отряды Пржевальского больше походили на воинские подразделения, где помимо регламента экспедиционной деятельности сохранялось действие воинских уставов, армейская дисциплина и субординация. Сохранились и элементы службы войск – караульная служба, боевое охранение, внутренние наряды. Участники экспедиций носили военную форму и сохраняли знаки отличия.

В экспедиционных отрядах была установлена строгая воинская дисциплина, случаи нерадивого отношения к службе,

пьянства, утраты имущества сурово наказывались. Известен и случай откомандирования нижних чинов из состава экспедиции. Фактически экспедиционные отряды действовали по условиям военного времени. Об этом свидетельствовал и сам Пржевальский: «Отряд мой *вполне на военном положении* (курсив М. Б.), все отлично вооружены, днём и ночью очередные караулы, дисциплина неумолимая. Мои помощники Роборовский и Козлов усердствуют до крайности. Словом, всё идёт отлично»⁹.

Одним из главных условий успешной работы экспедиции Пржевальский считал хорошее вооружение отряда и отличные навыки владения оружием. «Умение хорошо стрелять, – отмечал он, – стояло вопросом первостепенной важности – это была гарантия нашей безопасности в глубине азиатских пустынь, наилучший из всех китайских паспортов. Не будь мы отлично вооружены, мы никогда не проникли бы ни во внутрь Тибета, ни на верховья Жёлтой реки. Мы не могли бы <...> идти напролом, не спрашивая позволения, или лучше сказать, не слушая китайских стражаний и запрещений»¹⁰. Он искренне считал, что право на изучение Центральной Азии может быть только завоёвано с помощью оружия («завоевать оружием исследование»).

Пржевальский уделял большое внимание огневой мощи своих отрядов. Перед выступлением в экспедицию производились пробные стрельбы, на основании которых определялся темп стрельбы за фиксированное время (1 или 2 минуты). К примеру, перед выступлением в третье путешествие проведена контрольная стрельба из всех имевшихся видов оружия, в течение двух минут было выпущено 72 пули из Берданок и 130 из револьверов¹¹. Из своего опыта Пржевальский прекрасно знал, что бой в глубинах Центральной Азии скоротечен и номады, атакующие густыми конными массами, редко выдерживают губительный огонь скорострельного оружия при высоком темпе стрельбы.

⁹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 36 (1883 г.). Л. 84 об. Письмо Генерального штаба полковника Пржевальского к российскому посланнику в Пекине, 10 марта 1884 г.

¹⁰ *Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. СПб., 1883. С. 8.

¹¹ *Дубровин Н.Ф.* Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб., 1890. С. 279.

Пржевальский для достижения успеха своих экспедиций часто прибегал к приёмам того, что в более поздний период получило название «специальных психологических операций» или «психологической войны». Находясь на маршрутах своих экспедиций, он организовывал информационный барраж с целью придать себе сверхъестественный образ, а своему отряду вид значительной военной силы. В первую Центральноазиатскую экспедицию он старался ассоциировать себя с живым воплощением Будды – «наша воображаемая святость гарантировала нас от всяких нападений»¹². С этой целью им распространялись ложные слухи, при большом стечении народа устраивались показательные стрельбы для демонстрации невероятной мощи оружия. В 4-е Центральноазиатское путешествие им была взята электромагнитная машинка, «которая повсюду производила громадный эффект». Цель этих «уловок», как отмечал сам Пржевальский, состояла в том, «чтобы заставить дикарей смотреть на нас как на полубогов. Но в этом-то и заключалась вся наша сила, и от этого зависел весь успех путешествия»¹³.

Путешествия Пржевальского в Центральную Азию создали своеобразный эталон для организации экспедиционной деятельности, определили на много лет вперёд критерии отбора и требований к руководителям и участникам экспедиций. Показателен в этом отношении один исторический сюжет.

В апреле 1887 г. адъютант командующего войсками Виленского военного округа подполковник Козлов¹⁴ представил своему начальнику, генералу от инфантерии Н.С. Ганецкому, запи-

¹² РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. Д. 67 (1870 г.). Л. 69. Письмо Пржевальского в ВУК Главного штаба, 30 октября 1873 г.

¹³ Там же. Л. 68.

¹⁴ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 45 (1887 г.). Л. 12–12 об. Выписка из послужного списка подполковника Козлова. Козлов (1854–?). Образование получил в Пажеском корпусе. Из корпуса вышел в лейб-гвардейский конный полк (1872), уволен со службы (1874), вновь определён на прежнее место службы (1875), переведён на службу во Владикавказский полк Терского казачьего войска, есаул (1877), прикомандирован к штабу войск Гвардии и Петербургского ВО, майор (1878), уволен со службы по домашним обстоятельствам (февраль 1879), чиновник при министре государственных имуществ, коллежский асессор (март 1879), определён на службу, адъютант командующего войсками Виленского ВО (1885). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

ску об организации военно-научной экспедиции в Центральную Азию¹⁵. Смысл записки сводился к необходимости снаряжения экспедиции для всестороннего изучения в военно-географическом отношении Западного Тибета и перевалов в Гималаях, ведущих в Индию, т. е. района, оставшегося вне сферы исследований Пржевальского. Продолжительность работ Козлов оценивал в три с половиной года. Кроме Козлова своё желание участвовать в экспедиции выразили несколько офицеров.

ВУК и Азиатская часть Главного штаба изучили проект Козлова и пришли к выводу о его полной несостоятельности. Начальник Главного штаба генерал-адъютант Н.Н. Обручев в своём заключении по проекту экспедиции высказал мысль о желательности изучения в военном отношении Восточного Туркестана и Северо-Западного Тибета, но выразил сомнение в способности подполковника Козлова реализовать проект. «От начальника военно-научной экспедиции кроме опытности, – отмечал Обручев, – требуются многосторонние и основательные знания. Генерал Пржевальский, с молодости мечтавший о путешествиях по неисследованным странам Центральной Азии, чтобы подготовиться к этому окончил курс наук Генерального штаба, а потом поступил в Варшавское юнкерское училище преподавателем географии и истории и в продолжение двух лет пользовался свободным временем для изучения естественных наук. За сим он отправился на службу в Восточную Сибирь и в виде опыта исследовал на собственный счёт Уссурийский край, о котором издал целое сочинение. Когда генерал Пржевальский предпринял своё первое путешествие в Центральную Азию он уже пользовался известностью и Военное министерство для каждой экспедиции оказывало ему содействие по ходатайству Географического Общества <...>. При такой обстановке Военное министерство не могло не относиться сочувственно к экспедициям генерала Пржевальского»¹⁶.

Оценивая пригодность Козлова к роли начальника экспедиции, генерал Обручев отмечал: «Готовясь в трёхлетнюю экспе-

¹⁵ Там же. Л. 5–7.

¹⁶ Там же. Л. 9 об.–10. Докладная записка по Главному штабу, 20 мая 1887 г.

дицию, подполковник Козлов не отдаёт себе отчёта о трудностях подобной экспедиции и об ответственности, лежащей на её начальнике. Полученное им образование и предшествовавшая служба представляют мало гарантий в успешном исполнении задуманной экспедиции <...>. Подполковник Козлов не исполнил ни одной работы, по которой можно было бы судить о его способности руководить учёною экспедициею и не имеет никакой опытности по части дальних путешествий, а без таких гарантий казалось бы опасным доверить ему участь трёх офицеров и 14 нижних чинов и произвести затрату в 8 тыс. рублей на экспедицию, материальные средства которой совершенно не выяснены».

Обручев указывал также, что проект подполковника Козлова не получил официального одобрения со стороны ИРГО или рекомендации генерала Ганецкого, не ясны были и источники финансирования. Им также было выражено сомнение в возможности «проникнуть через Кашгарию в Тибет» в связи с возможным отказом китайских властей и тем обстоятельством, что, как отмечал генерал Пржевальский, «пробраться в Тибет можно только со стороны пустыни».

Этот эпизод важен в том отношении, что даёт представление о взглядах русского военного руководства на организацию крупных экспедиций на Востоке, и о тех требованиях, которыми руководствовались при принятии решений. Основными среди этих требований были практическая значимость экспедиций с военной точки зрения, их выполнимость, высокая профессиональная и специальная подготовка, опытность начальника и основных членов экспедиции. Важное внимание обращалось на поддержку предполагаемых экспедиций со стороны ИРГО и на определение источников финансирования.

Географические исследования в Центральной Азии очень персонифицированы, это громкие открытия и большие имена. Можно с уверенностью сказать, что изучение Центральной Азии стало своеобразной визитной карточкой ИРГО, его узнаваемым и широко известным брендом. Также узнаваемы и основные действующие лица из военной среды – Пржевальский, Певцов, Громбчевский, Роборовский и Козлов – «географические генералы». Таковыми они были и в прямом и в переносном смысле.

Из пяти путешественников только полковник В.И. Роборовский по причине преждевременной смерти не успел дослужиться до генеральских погон. Общественное признание и научный авторитет обеспечивал им неоспоримое «генеральское» место в русской географической науке. Феномен «географических генералов» заключался в том, что в русской армии, начиная с 1870 г. и до Первой мировой войны существовал неофициальный, не объявленный в штатных расписаниях военного ведомства институт профессиональных военных географов. Они имели совершенно особый служебный статус, отличный от остального офицерского корпуса императорской армии. На них не распространялся официально принятый порядок чинопроизводства и прохождения службы. Иной была и система награждения, как правило, «в изъятие из правил» – внеочередные воинские звания, ордена и пожизненные пенсии (иногда двойные). Послабления касались и коммерческой деятельности. Продажа подполковником Пржевальским своих коллекций, собранных в ходе путешествий, для всего офицерского корпуса выглядела делом неслыханным.

«Географические генералы» имели большой общественный вес, но самое главное, большие связи в русской политической элите, особенно, среди членов императорской фамилии. Фактически, власть военного ведомства распространялась на них весьма условно, такова была степень их влияния. Это были люди, принадлежавшие к абсолютно уникальной надминистерской корпорации, которую негласно учредили ИРГО и Военное министерство.

Эпоху русских географических экспедиций в Центральной Азии можно условно разделить на два периода – собственно путешествий Пржевальского и экспедиций его последователей и учеников. Хотя в экспедиционных отчётах Роборовского и Козлова постоянно содержатся указания на то, что их система организации экспедиций и научных работ во многом унаследовала школу и традиции, заложенные их великим учителем, но следует все же сказать, что изменения произошли и они были существенны.

В 1872 г. Пржевальский в одном из писем признался о своей заветной мечте: «Если бы я имел с собою 15 хороших солдат со скорострельными ружьями, я бы также головой ручался, что пройду через всю Центральную Азию». Осенью 1888 г. он как никогда был близок в реализации своей давней мечты – достичь

Лхасы. На восточной оконечности озера Иссык-куль у ворот Китая был собран им большой экспедиционный отряд, скорее «географический спецназ» – 27 хорошо вооружённых и обученных военнослужащих при пулемёте – чуде военной технике, о котором ещё мало кто знал и в просвещённой Европе. Из состава экспедиционного отряда Пржевальский, как перед боем, исключил всех гражданских лиц – «в видах сохранения дисциплины».

В 5-й Центральноазиатской экспедиции Пржевальский не имел чётких политических инструкций, ему не были поставлены лимиты его полномочий. Вместе с тем, Главный штаб был осведомлён о его намерениях пробиться в Тибет «любой ценой». В докладной записке на имя военного министра генерал-адъютант Обручев в связи с отказом китайских властей выдать паспорт для экспедиции замечал, что в Тибет «генерал Пржевальский, в крайнем случае, согласен идти и без китайского паспорта»¹⁷.

Под занавес своей блистательной карьеры Пржевальский уже интуитивно почувствовал очертания новой эпохи в изучении Центральной Азии, когда говорил, что «переживаемый нами эпический, так сказать, период путешествий по Центральной Азии, вероятно, протянется недолго». Последняя экспедиция Пржевальского уже явно обозначила внешнеполитические лимиты его активности в Центральной Азии. Правительство Китая занимало всё более жёсткую позицию в отношении его путешествий. Как отмечал российский императорский посланник в Пекине А.М. Кумани, «всё дело заключается в опасениях [китайских] министров, вызванных огласкою воззрений генерал-майора Пржевальского»¹⁸. Министра иностранных дел Н.К. Гирса также тревожил негативный эффект публичных высказываний Пржевальского «дать почувствовать Китаю силу нашего оружия»¹⁹.

¹⁷ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 40 (1888 г.). Л. 67 об. Докладная записка начальника Главного штаба военному министру, 11 июля 1888 г.

¹⁸ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 40 (1888 г.). Л. 65–65 об. Отношение товарища министра иностранных дел военному министру, 8 июня 1888 г.

¹⁹ Там же. Л. 65. Среди других высказываний Пржевальского известны и такие, как «тряхнуть хорошенько Срединное государство», «повторить в Китае подвиги Кортеса», «тысячи наших солдат достаточно, чтобы покорить всю Азию от Байкала до Гималая», «здесь [в Китае] везде можно проникнуть, только не с Евангелием под мышкою, а с деньгами в кармане, со штуцером в одной руке и с ногойкой в другой» (См.: *Дубровин Н.Ф.* Николай Михайлович Пржевальский. С. 161).

Генерал-адъютант Обручев прозорливо рассмотрел за действиями китайских властей в отношении предполагавшейся экспедиции Пржевальского новую политическую силу, которая будет осложнять ведение русских географических работ в Центральной Азии – правительство Британской Индии. «Англичанам, – замечал Обручев, – а не китайцам опасно появление генерала Пржевальского в Тибете»²⁰. Эпоха географического изучения Центральной Азии вне контекста международных отношений подходила к концу. Опрометчивое вторжение капитана Громбчевского в 1889 г. в Канджут и Хунзу в зону британского влияния в Центральной Азии имело печальные последствия – спровоцировало «памирский кризис» и привело к британской оккупации Гилгита.

Столкнувшись с внешнеполитическими проблемами вокруг 5-й Центральноазиатской экспедиции, Главный штаб совместно с Советом ИРГО продолжали «продавливать» идею её осуществления, оказывая давление на российский МИД с целью побудить к более активному отстаиванию российских интересов в Китае. В докладной записке Обручева на имя военного министра прямо указывалось, что экспедиция Пржевальского должна состояться при любых условиях, поскольку русскому путешественнику не нужны гарантии безопасности от китайского правительства, свою безопасность он обеспечит самостоятельно (по опыту предыдущих путешествий); на подготовку путешествия затрачены большие средства; о предстоящем путешествии уже знает учёный мир и широкая публика в Европе и, наконец, «ввиду милостивейшего внимания, которое оказывают путешествию Государь Император и Государь Наследник Цесаревич»²¹.

Предоставив в распоряжение Пржевальского большие материальные и военные ресурсы, но, не ограничив его никакими политическими инструкциями, Главный штаб создавал довольно опасную ситуацию, которая могла привести к серьёзным политическим осложнениям в регионе. Для Пржевальского,

²⁰ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 40 (1888 г.). Л. 67 об. Докладная записка начальника Главного штаба военному министру, 11 июля 1888 г.

²¹ Там же. Л. 67–68 об.

который уже ощущал наступавший упадок сил и здоровья, экспедиция 1888 г. должна была стать кульминацией его служебной и научной карьеры. В этих условиях цель достичь Лхасы – мечты всей его жизни, приобретала самодовлеющее значение. В 1888 г. Пржевальский готов был рискнуть по-крупному. К риску он вообще относился как к необходимому элементу экспедиционной жизни: «По опыту предшествующих странствий мне было достаточно известно, что успех путешествия в таких диких странах какова Центральная Азия, много, даже очень много, зависит от удачи, счастья, т. е. от таких условий, которые невозможно определить заранее. Необходимость рисковать, и в этом самом риске кроется значительный, пожалуй, даже наибольший шанс успеха»²². Фактически при молчаливом согласии Главного штаба последняя экспедиция Пржевальского очень сильно походила на готовившийся «вооружённый прорыв» в Тибет и имела достаточно зримые очертания политической авантюры. Политические и гуманитарные последствия такого «прорыва» сейчас трудно представить.

Для Пржевальского географические исследования и внешняя политика были неразделимыми понятиями. На пике своей известности и влияния он всё больше и больше вторгался в область большой политики и в вопросы международных отношений и значительно перешагнул те рамки, которые определялись его служебным положением, – должностью сверхштатного члена ВУК Главного штаба. С мнением Пржевальского в Военном министерстве не только считались, но и редко подвергали критической оценке. Его телеграммы и докладные записки представлялись на Высочайший доклад без изъятий и правок. Это порой приводило к неловким ситуациям. В телеграмме о завершении 4-й Центральноазиатской экспедиции Пржевальский сообщал: «Путешествие окончено благополучно с богатыми результатами для науки. Положение в Восточном Туркестане ужасное, китайцы в конец разоряют эту страну, восстание готово вспыхнуть ежеминутно, власть китайская держится на волоске, все пожелания, надежды туземцев устремлены на Россию. Достаточно гор-

²² Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет... С. 2.

сти наших солдат, чтобы завоевать эту страну. Полковник Пржевальский». На полях телеграммы сохранилась собственноручная пометка императора Александра III: «Сомневаюсь в пользе этого присоединения»²³.

Пржевальский много сделал для русской науки и для роста в русском обществе интереса к Востоку и к жизни русских азиатских окраин, в этом его заслуга огромна и очевидна. Но не менее сделал он для формирования основ той авантюрной внешней политики на Дальнем Востоке, которая и привела Россию к Цусиме и Мукдену и открыла дверь «русской смуте».

Со смертью Пржевальского географические исследования в Центральной Азии были продолжены ещё в больших масштабах, но это уже была другая эпоха. Из экспедиционного лексикона исчезла воинственная риторика, демилитаризации подверглась сама экспедиционная деятельность: сократились вооружённые конвои, стали приглашаться гражданские исследователи.

Русское географическое изучение Центральной Азии достигло своего исторического апогея к концу существования императорской России. После 1917 г. эта феноменальная и блистательная эпоха прекратила своё существование, став достоянием истории.

Литература

Базылева Е.А. Русское географическое общество и книга. Очерк истории издательской, библиотечной и библиографической работы в XIX – начале XX вв. Новосибирск: СО РАН, Государственная публичная научно-техническая библиотека, 2008.

Дубровин Н.Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб.: Военная типография, 1890.

Журнал заседания Комиссии по исправлению 40-вёрстной карты Европейской России, 18 ноября 1876 г. // Известия ИРГО. 1878. Т. XIV. Вып. 1.

Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования Государя Императора

²³ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 36 (1885 г.). Л. 126. Копия телеграммы Генерального штаба полковника Пржевальского из Пишпека от 2 ноября 1885 г. в ВУК Главного штаба.

Александра Александровича, 1881–1890 гг. СПб.: Военная типография, 1892.

Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. СПб.: тип. В.С. Большева, 1883.

Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888.

Архивные источники

РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. Д. 67 (1870 г.).

РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 36 (1883 г.).

РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 36 (1885 г.).

РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 45 (1887 г.).

РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. Д. 40 (1888 г.).

Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГАРУ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 70.

“No Red Carpet Was Rolled out for Us into the Depths of Inner Asia”: the Phenomenon of the Era of Russian “Geographical Generals”

M.K. Baskhanov

Independent Researcher, Glasgow (Scotland, UK)

Despite the sheer abundance of scientific literature on the historical and geographical study of Inner Asia by Russian travellers, there still remain many overseen themes and subjects as well as issues, which from the standpoint of today’s knowledge require rethinking and readdressing. The unforgettable words of Nikolai Mikhailovich Przhevalsky indicate the very direction of research – travelling into the depth of Inner Asia was both a complex and multifaceted historical phenomenon, which had always required new approaches, themes and perspectives. One such topic is the history of interaction

between the Imperial Russian Geographical Society (IRGO) and the War Ministry in the geographical exploration of Inner Asia.

The struggle for dominance in Inner Asia between the great powers had not only a political, economic and military-strategic interest but a geographical dimension too. The essence of this geographical interest lay in the active security policy of collecting geographical information on the barely known areas hidden deep in Inner Asia – a phenomenon which would later be coined as the “geographical race”. The military-strategic factor included the establishing of Russian borders in Inner Asia and a call for defence planning and organisation of military operations on the remote and unprepared theater of war. Equally important were the advances in the development of Russian military science research, such as military geography and statistics. Just as important was the presence of specialised military command and control agencies directly involved in the study of the East which included the central military command bodies (Military Scientific Committee, the Asian Section, and Military Topographical Department of the Main Staff) and the regional military authorities such as the headquarters and military topographical departments of the Asian military districts. The corps of officers of the General Staff played a vitally important role, many members of which were actively involved in the affairs of the East. Last but not least, one should note the influence and activities of the “war lobby” within the IRGO.

The organisation of Russian Inner Asian expeditions was based on the military principles which had undergone a significant evolution over the short period of time. Funding, material and scientific base of these expeditions had significantly improved, as well as their numbers, autonomy and length of time in the “field.” The coverage of the areas studied had vastly expanded into remote areas of Inner Asia. Techniques and methods of research, field data processing and publication of scientific results of expeditions all too had evolved and developed. The range of research tasks had consistently expanded, in addition to traditional topics – geography, statistics, geodesy and topography, zoology, and botany – a number of further fields were included as well as geology, ethnography, and archaeology.

Ю.М. Батурин
ИИЕТ РАН

**«Военно-учёные» экспедиции в Синьцзян,
секретная «трасса Z» в 1937–1943 гг.
и неизвестный эпизод дипломатического противоборства
на китайском направлении**

После поражения в Крымской войне начались реформы в русской армии и на флоте. В частности, преобразованию подверглись методы добывания информации, то есть разведка. В ходе военных реформ 1860-х – 1870-х гг. была создана и развита единая централизованная структура разведки. Военно-разведывательная деятельность в Азии осуществлялась Азиатской частью Главного штаба. В Положении о ней в числе основных функций значилось «снаряжение военно-учёных и других экспедиций»¹. Основным заказчиком этих экспедиций наряду с Императорским Русским географическим обществом было военное министерство Российской империи в лице Генерального штаба. Да и в самом Императорском Русском географическом обществе (ИРГО), созданном в 1845 году, было много военных, – цели учёных и военных часто совпадали.

Одним из крупнейших военных разведчиков был знаменитый путешественник и ученый Н.М. Пржевальский. Его ученик П.К. Козлов потому и поступил на военную службу, что в разведывательно-научные экспедиции отбирались исключительно военные: каждую экспедицию планировали как рейд разведывательного отряда на период от нескольких месяцев до трёх лет.

Военно-разведывательная деятельность в Азии

В 1881 г. Россия и Китай подписали Кульджинский договор, по которому район Или возвращался Китаю, но взамен были признаны интересы российских купцов в крае и получено согласие на учреждение российских консульств в пяти пограничных пунктах и в городе Урумчи. Именно чиновники пограничных по-

¹ *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Книга первая. М., 1998. С. 71.

стов и купцы собирали основную развединформацию, а также, конечно, дипломаты и военные атташе, но последних было значительно меньше. Такая разведка носила пассивный характер. Поступление сведений не было системным, перепроверялись они, лишь когда представлялось возможным, чтобы сложить достоверную картину требовались годы, в течение которых ситуация значительно менялась.

Николай Михайлович Пржевальский предложил перейти к активным разведывательным действиям, не ждать сведений, а искать их, то есть вести оперативную разведку, посылая экспедиционные отряды в рейды. Выпускник Академии Генерального штаба Н.М. Пржевальский сам практически проверил свою идею в 1867–1869 годах в экспедиции по Дальнему Востоку вдоль рек Амур и Усури.

В дальнейшем Н.М. Пржевальский организовал и провёл пять экспедиций в Центральную Азию, подготовил учеников, среди которых наиболее успешными были В.И. Роборовский, М.В. Певцов и П.К. Козлов. Экспедиции имели не только научные цели – географические, археологические, этнографические, но и военные: картографирование и описание климата (здесь цели учёных и военных совпадали), поиск удобных перевалов, проходов в горах и иной сложной местности, выяснение вооружённости населения, влияния других держав и др.

Каждую экспедицию планировали, намечали маршрут разведывательного выхода, порядок его проведения, экипировку; по итогам составляли отчёты, многие из которых были и остаются секретными. Состав экспедиционных отрядов подбирался тщательно: люди уходили на годы и должны были пройти десятки тысяч километров. Набирались только добровольцы-военные (15–20 человек, включая охрану, как правило, из пограничной стражи и местных проводников), в пути не обходилось без боевых столкновений, некоторые экспедиции гибли, так что боевые награды, наряду с научными, были вполне заслуженными.

П.К. Козлов проходил через Синьцзян:

– в экспедиции Н.М. Пржевальского в 1885 г. при возвращении через Синьцзян: озеро Лобнор, Тарим, по Кашгарии до Хотана, на Аксу и через Тянь-Шань (перевал Бедель) к Иссык-Кулю;

– в экспедиции М.В. Певцова, вышедшей в 1889 г. из Каракола в юго-восточном направлении: Яркенд, Кашгария, низовья Тарима, Лобнор далее – Тибетское плато; возвращались также через Синьцзян: через Урумчи в Зайсан;

– в экспедиции В.И. Роборовского, которая также вышла в 1893 г. из Каракола, через Турфан, опять Лобнор, Дуньхуан, далее на юг за пределы Синьцзяна; возвращались через Турфан, Джунгарию в Зайсан.

Предвоенные экспедиции в Синьцзян

С тех пор Синьцзян не оставался без внимания «военно-учёных» экспедиций многих стран. Особенно интересны периоды, предшествовавшие Второй мировой войне и самой мировой войны.

В первом периоде можно отметить финансируемую «исследовательским бюро» британской армии экспедицию 1931 г. Ауреля Штейна, наверное, лучшего европейского знатока Синьцзяна, первый раз посетившего этот район ещё в конце XIX в.; также британскую экспедицию под командованием полковника Стюарта 1931–1932 гг.; экспедицию Свена Гедина 1934–1935 гг. (Бейпин – Тайюань – Ланчжоу – Ганьчжоу – Сучжоу – Хами – Урумчи – Кашгар).

Во втором периоде особенно интересны 4 (!) экспедиции 1943 г., из которых три были направлены центральным правительством Китая, а четвёртая была китайско-американской.

Экспедиция численностью 28 человек под руководством Ло Цзя-луня работала в Синьцзяне более шести месяцев и имела столь широкие полномочия, что могла вмешиваться в любые направления деятельности в Синьцзяне. Ло Цзя-лунь – ответственный чиновник министерства просвещения Китая. Родился в 1896 г. в Чжецзяне. Окончил Пекинский университет, учился в Принстонском, Колумбийском, Лондонском, Берлинском и Парижском университетах. В 1928 г. – президент Национального университета Циньхуа, в 1930–1933 годах – директор Центрального политического института, в 1933–1941 – президент Национального центрального университета. С 1931 г. – кандидат в члены ЦИК Гоминьдана. Перед назначением в экспедицию – специальный уполномоченный контрольного Юаня при

Правительстве Синьцзяна. Состав экспедиции: Тань Синьи, Ли Цэнъюн, Лин Хунсюнь, Шао Ичжоу, Ян Кайцюань, Тан Циюй, У Ванцзе, Цянь Юйча, Яо Синьюань, Ян Кэи и др. Экспедиция возвратилась в Чунцин 17 октября 1943 г.

Другой экспедицией руководил Гу Юй-сю, инженер и писатель. Родился в 1901 г. в Цзянсу. В 1929–1931 годах – профессор и декан факультета инженеров-электриков Чжецзянского государственного университета. В 1931–1932 годах – ректор инженерного колледжа при Центральном государственном университете. В 1932–1937 годах – ректор инженерного колледжа Национального университета Циньхуа. С 1938 г. – вице-министр просвещения, президент общества инженеров-электриков.

Третью экспедицию возглавлял Хуан Вэнь-би. В составе экспедиции: Ин Цзуин, Цзинь Сю, Кэ Цзинбан и др.

Четвёртую экспедицию возглавлял Вальтер С. Лоудермилк – американец, «специалист штаба по изучению почв»². По рекомендации министра финансов Китая доктора Кун Сян-си в 1943 г. был назначен на пост советника Исполнительного Юаня. По указанию из США организовал экспедицию, в которую он включил восьмерых экспертов. Экспедиция проделала за шесть месяцев десять тысяч километров по провинции. После её завершения В.С. Лоудермилк был возвращён на доклад в США (видимо, почвы Синьцзяна были для США одним из самых важных вопросов в разгаре второй мировой войны).

На фоне такого значительного количества экспедиций представляется поразительным факт организации, проведения с 1937 по 1943 г. и сохранения в полной секретности специальной, геостратегического характера, операции Отдела (впоследствии Управления) спецзаданий Генштаба Красной Армии, целью которой было снабжение Китая оружием, боеприпасами и другими военными материалами.

В 1937 г. Япония захватила большую часть Китая. Некоторые историки, особенно в Китае, склонны именно это считать началом Второй мировой войны (тогда как общепринятая точка

² Архив Министерства экономического развития и торговли. Фонд «в/о Со-синьгорг». Оп. 12924. Д. 145. Л. 25–26.

зрения – 1939 г.), такой же точки зрения придерживается и автор статьи. В то время действовал Договор о ненападении между СССР и Китаем. И по нему Китай мог рассчитывать на помощь СССР: кредиты, вооружение. В 1938–1939 гг. между СССР и Китаем были подписаны три договора на общую сумму 250 млн долларов.

В порядке советской помощи Китаю в последние месяцы 1937 г. начались поставки артиллерийского, авиационного, автобронетанкового снаряжения, пулемётов и боеприпасов через вьетнамский порт Хайфон и далее по железной дороге. Этот маршрут действовал до оккупации Японией северных районов Индокитая и блокады морского побережья Китая. Почти полная утрата Китаем возможностей постоянных сношений с внешним миром отвели провинции Синьцзян первостепенное значение как одной из важнейших сухопутных связей страны с СССР и Европой. Единственной коммуникационной линией между Китаем и миром оставался древний Великий шёлковый путь. Это были старые грунтовые, во многих местах прерывающиеся пустынями и горами древние тропы. Поэтому с началом японо-китайской войны в 1937 г. китайское руководство обратилось к Советскому Союзу с просьбой о помощи в создании транспортного маршрута через провинцию Синьцзян. Эта трасса должна была стать основным маршрутом переброски советского вооружения во внутренние районы Китая. Правительство СССР ответило согласием, и уже в октябре 1937 г. китайские рабочие под руководством советских инженеров и техников начали проектирование и прокладку автомобильной трассы. Опишем тракты и маршруты, которые предстояло привести в состояние, допускающее круглогодичное, днём и ночью движение тяжёлых грузовых автомашин.

Тракты и маршруты

Общее руководство перевозкой военных грузов в Китай должен был осуществлять оперативный штаб, находившийся в Алма-Ате. Начинаясь у станции Алма-Ата, дорога в описываемые времена проходила через город Алма-Ата (8 км) и далее вела к пограничному пункту Хоргос по двум направлениям (географические названия даются по состоянию на описываемый период).

Первое направление, называемое Кульджинским трактом, через посёлок Алексеевка длиной 73 км (Алма-Ата – Алексеевка – 30 км; Алексеевка – Балтобай – 30 км; Балтобай – Маловодное – 13 км). Второе направление всего лишь на километр короче – через станицу Талгар, мимо винокуренного завода, посёлок Азат, станицу Иссык, станицу Тюрмень и посёлок Маловодное, где сходятся оба направления (Алма-Ата – Талгар – 25 км; Талгар – Иссык – 20 км; Иссык – Тюрмень – 12 км; Тюрмень – Маловодное – 15 км). Далее до границы СССР дорога проходила через посёлок Чилик (перегон 45 км), посёлок Чарын (перегон 109 км), Илийскую – Борохудаирскую переправу (перегон 124 км), посёлок Борохудаир (перегон 22 км), город Джаркент (перегон 16 км), пограничный пункт Хоргос (перегон 34 км). Всего от Алма-Аты до Хоргоса 423 км. Дороги естественно-грунтовые, накатанные. Но был выбран, хотя и более сложный путь, но в два раза короче.

Начинаясь у железнодорожной станции Сары-Озек на Турксибе, другой маршрут, именуемый Хоргосский им. С.М. Кирова тракт, шёл по направлению к Хоргосу через почтово-телеграфную станцию Алтын-Эмель (перегон 43 км), Алтын-Эмельский перевал (перегон 15 км), почтовая станция Бас-Чий (перегон 13 км), почтовая станция Айна-Булак (перегон 27 км), посёлок Конур-Улен (перегон 24 км), почтовая станция Кайбин (перегон 24 км), посёлок Борохудаир (перегон 25 км), город Джаркент (перегон 16 км), пограничный пункт Хоргос (перегон 34 км). На этом тракте дорожные работы были начаты ещё в 1929 г., однако, они проводились крайне неудовлетворительно. В результате, автотранспорт мог участвовать в перевозках лишь на отдельных участках. Грузы приходилось в пути переваливать с гужа на автотранспорт. Прежде грузы доставлялись гужом на участке Сары-Озек – Бас-Чий, там переваливались на автотранспорт, и оттуда непосредственно доставлялись до Хоргоса на расстояние 156 км. Особо трудным для автотранспорта участком был Алтын-Эмельский перевал. К описываемому времени дорожно-строительные работы на Хоргосском тракте были полностью закончены, и он обеспечивал круглогодичное движение на трёхтонных грузовиках.

От Алма-Аты до Хоргоса имелось ещё одно направление: до посёлка Чилик, далее на Калаканскую переправу через реку Или с выходом на почтовую станцию Бас-Чий. Этот маршрут был ответвлением от двух описанных направлений.

Главный выбор трассы надо было сделать, опираясь на имеющиеся транспортные артерии Синьцзяна. Возможности для выбора были следующими.

Дорога Хоргос – Урумчи – Хами протяжённостью по Синьцзяну 1 477 км разделялась на естественные участки: Хоргос – Урумчи – 650 км; Урумчи – Хами – 607 км; Хами – Шин-Шинся – 220 км. Далее она проходила по провинции Ганьсу до Ланчжоу – около 900 км.

Путь от Урумчи до Хами идёт через Фукан (перегон 63 км), Гучен (перегон 201 км), Мулихо (перегон 272 км), Чиги-Чинзе (перегон 408 км) – всего 607 км.

От дороги Хоргос – Урумчи – Хами было несколько ответвлений: на Кульджу – через 70 км (всего от границы СССР до Кульджи – 120 км); Урумчи – Гучен – через 210 км; Хами – Баркуль – через 170 км (участок служил выходом в Баркульскую долину и связью Баркуля с окружным центром Хами); Шихо – Чугучак – через 450 км. Кульджа находится далеко в стороне от направления Хоргос – Шихо.

Путь на Баркуль шёл через Мулихо через те же населённые пункты, сворачивая несколько дальше Мулихо на восток. От Мулихо до Баркуля 234 км, а всё расстояние Урумчи – Баркуль составляло 506 км. Из Баркуля в Хами было два пути: один вёл через перевал (Тянь-Шаньский хребет), который обычно проходили на лошадях (133 км), но иногда и на машине; второй пролегал через возвращение в Чиги-Чинзе (перегон 182 км), а оттуда в Хами (перегон 183 км) – всего 365 км.

Вторая дорога грунтовая, протяжением 2 150 км, связывала округа Южного Синьцзяна и Урумчи с Восточным Китаем: Урумчи – Карашар – Кучар – Аксу – Маралбаши – Кашгар – Хотан. Отдельные её участки:

– Урумчи – Карашар протяжённостью 420 км пролегал по каменной пустыне;

– Карашар – Кучар – Аксу протяжённостью 660 км проходил по твёрдому грунту;

– Аксу – Маралбаши – Кашгар протяжённостью 520 км проходил северным краем пустыни Такла-Макан, дорога пыльная и сильно выбита;

– Кашгар – Хотан длиной 550 км пролегал по пустыне Такла-Макан.

После изучения трактов и маршрутов Синьцзяна трассу было решено прокладывать от станции Сары-Озек через пункты Байгозы – Алтын-Эмель – Бас-Чий – Айна-Булон – Конур-Улен – Кайбин – Бороходаир – Джаркент – Хоргос (граница СССР).

От Сары-Озека до Алтын-Эмельского перевала дорога проходила по ровной местности и твёрдому грунту, со временем её даже гудронировали. Ближе к перевалу дорога идёт горным серпантинном. От перевала до Бас-Чий – крутой спуск около километра (на обратном пути – крутой подъём, который с трудом брала машина; в сырую погоду, под дождём – непреодолим). Далее – Алтын-Эмельское ущелье, потом до Бас-Чий, Айна-Булак и Конур-Улен дорога шла по равнинной местности, грунт мягкий. Затем трасса проходила Кайбинским ущельем и до Борохудаира, естественно-грунтовая мягкая дорога, много промоин от паводковых вод. Движение автомобилей лёгкого тоннажа было возможно в сухую погоду. Для тяжёлых машин дорога неудобна даже в сухой период. В распутицу дорога не проходима. Наконец, на участке Джаркент – Хоргос движение машин затруднено, вследствие прохождения большого количества обозов, которые разбивали колею. В период дождей и распутицы дорога для автотранспорта не проходима³.

Далее на трассе было несколько развилок: а) на Урумчи – Хами; б) на Кульджу.

Более сложный путь через Кульджу пролегал через Суйдин, шёл вдоль реки Или, и быстро проводил в Кульджу, где располагалась советская авиабаза, на которой проходили обучение китайские лётчики. Далее через долину горной дорогой к Кинсайскому перевалу (перевал Талки), длинный, около 70 км спуск по трудному крутому серпантину выводил к огромному солёно-

³ Архив Министерства экономического развития и торговли. Фонд «в/о Со-синьгорг». Оп. 11924. Д. 114. Л. 14, 17–21, 45, 54–61, 79–83, 114–135.

му озеру Сайрам-Нур, окружённому голыми горами. Теперь караваны оказывались на равнинном северо-западе Джунгарии и шли джунгарской «северной дорогой» (Бей Лу), продолжением Хоргосского тракта, вдоль Большого Тянь-Шаня через хребет Боро-Хоро в Цзиньхо и затем в Шихо, где находилась ещё одна советская авиабаза. На этом пути множество речек. Когда тают снега на Тянь-Шане, они размывают дорогу, сносят мосты, заносят машины по кабины песком. После Манаса направо от трассы уходила дорога на, так называемый, «Завод сельхозмашин», где, на самом деле, собирали самолёты. Сама же трасса уже приближалась к Урумчи, столице Синьцзяна.

От Урумчи через Турфан и Пичан, либо через Фукан, Гучен и Мулихо, трасса приводила в Чиги-Чинзе (или – Цзигэ Цзинцзы – «несколько колодцев») и краем пустыни Гоби – в следующий крупный пункт на трассе, Хами (что в переводе и означает «пустыня»). Там находилась автобаза и ещё несколько советских воинских частей. Наконец, с промежуточными остановками в Шин-Шинся, Анъси, Цзяюй, Сучжоу, Увей завершалась в Ланьчжоу. Общая её протяжённость от станции Сары-Озек до Ланьчжоу составляла 2 925 км⁴.

«Трасса Z»

Переброска по специальной трассе (в документах обозначалась как «трасса Z») военных грузов автокараванами из Сары-Озека началась 17 октября 1937 г.: в счёт предоставленного Китаю кредита в 500 млн. долларов шла переброска оружия из СССР. Одновременно продолжили работы по созданию более пригодной для перевозок автотрассы Сары-Озек – Урумчи – Ланьчжоу (2 925 км). После первого рейса на автотрассе были произведены дополнительные работы по расчистке и расширению перевалов, отремонтированы мосты. На строительстве были заняты несколько тысяч советских специалистов. К середине ноября 1937 г., несмотря на сложные условия, весь маршрут был полностью освоен. По просьбе китайской стороны в 1938 г. трасса

⁴ Градов Ю. Караван на перевале (неизвестная хроника 30-х годов) // Проблемы Дальнего Востока, 1990. №№ 2, 3, 4; *Он же*. Шёлковый путь и три моих Китая // М., 2004; *Он же*. А машины шли и шли... (Ещё один невидимый фронт) // Литературная газета. 2000. 6–12 сентября. № 6.

была продолжена до Сяньяна, её общая протяжённость составила 3 750 км, а затем грузы поступали через Ченду в Чунцин. Этот путь снабжения китайской армии оставался самым надёжным и действовал до конца 1944 г. в условиях абсолютной секретности, сохранённой, кстати, до нашего времени.

В первый период основная часть советского контингента в Синьцзяне была занята обеспечением бесперебойной деятельности и охраной трассы. Для этого была создана особая войсковая часть (в/ч № 4279), в распоряжении которой находилось 750 грузовых автомобилей, и подчинявшаяся Отделу спецзаданий Генштаба Красной Армии (полковник Н.В. Славин, позднее – генерал-лейтенант). Всего в транспортировке оружия принимали участие две тысячи автомашин ЗИС-5 и другие. Для перевозки грузов сформировали особую бригаду того же подчинения (в/ч № 8285), осуществлявшую эту миссию, «экспедицию», так её тогда и называли (полковник Лобанов, подполковник Зезюлин, с 1943 г. капитан Б.И. Журкин, позднее – полковник).

Вдоль трассы были организованы 20 пунктов ночёвок, питания и заправки машин, из которых 18 располагалось на китайской территории.

Рейс автокараванов в одну сторону по опасным серпантинам горных перевалов через несколько тянь-шаньских хребтов и над бездонными пропастями, по пескам в пекле пустыни Гоби, по «долинам смерти», заполненным костями погибших животных, зимой и летом продолжался около месяца. Бензин на трассу завозился из СССР, ремонт – на оборудованных базах на трассе. А в кузове ЗИС-5 – авиабомбы (две – три в зависимости от размера), а то и самолёт-истребитель И-16 со снятыми крыльями, которые тут же, в кузове, закреплены вдоль фюзеляжа. Ездили в гражданском, старались всё камуфлировать под невоенное, ибо стремились не провоцировать Японию, с которой тоже был заключён пакт о нейтралитете. Япония, конечно, догадывалась, об этом свидетельствуют бомбёжки наших караванов, но подтверждений, а, следовательно, и дипломатических протестов не было⁵.

⁵ Градов Ю. Караван на перевале...; *Он же*. Шёлковый путь и три моих Китая...; *Он же*. А машины шли и шли...

В 1937–1938 гг. по трассе было перевезено 10 965 тонн различного вида вооружений, в том числе сотни самолётов, артиллерийских орудий, тысячи единиц другой боевой техники и военного имущества. Только в 1941 г. доставлено в Китай 1 235 самолётов, 16 000 орудий, 1 850 автомобилей и тракторов, 180 млн. патронов, 31 600 авиабомб, около 2 млн. снарядов и т. д. К концу 1941 г. общий объём перевозок по трассе составил около 30 тысяч тонн различных грузов и пять тысяч человек. Пробег автопарка трассы равнялся 32 млн. км⁶.

Советский Союз, даже ведя тяжелейшую войну с Германией и её сателлитами, не прекращал оказывать помощь борющемуся Китаю, причём эта помощь всю Вторую мировую войну и долгое время после неё оставалась строго охраняемой тайной. Да и сегодня о тех событиях известно чрезвычайно мало.

Высшая степень секретности операции объяснялась опасностью раскрытия её японцами и, соответственно, увеличивающейся возможностью начала военных действий против СССР. Об уровне прикрытия и обеспечения секретности операции свидетельствует тот факт, что на протяжении 1942–1943 гг. Народный комиссариат иностранных дел и Народный комиссариат внешней торговли на протяжении 1941–1943 гг. вели переговоры с правительством Китая о перевозке китайских грузов из Советского Союза через Синьцзян (о чём становилось известно японской разведке), но так и не договорились⁷. Китайский посол Шяо Лицзы жаловался заместителю Наркоминдел С.А. Лозовскому: «Перевозка на верблюдах очень трудна и требует много времени. В летнее время на верблюдах работать почти невозможно»⁸.

В 1942 году дубань (губернатор, буквально «управляющий всем») Синьцзяна Шэн Шицай стал всё более склоняться к сотрудничеству с Гоминьданом и потребовал вывода из Синьцзяна советских работников и воинских частей. Советский Союз начал последовательно прекращать поставки Синьцзяну и работу совместных предприятий (заводов).

⁶ Горбачёв Б.Н. Военная помощь Советского Союза Китаю в войне против японских захватчиков // Цзиньжи Элосы. 2010. № 5. С. 19–26 (на кит. яз.).

⁷ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 29. Пап. 205. Д. 19. Л. 3.

⁸ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 25. Пап. 200. Д. 6. Л. 24–25.

В 1943 г. начались нападения на советских специалистов в Синьцзяне (Урумчи, Шара-Сумэ, Кульджа, Хотан, Кашгар). Советское правительство в мае 1943 г. заявило протест в связи с бесчинствами синьцзянских властей. Начался отзыв советских представителей и специалистов. В Урумчи открылись генеральное консульство США (Э. Клабб) и второе (после Кашгара) консульство Великобритании (Д. Туррал).

Поражение Кеннана

К концу войны вокруг «трассы Z» развернулась невидимая дипломатическая война. В то время в Москве, в посольстве работал советник Джордж Кеннан. (Кеннан Джордж Фрост, 1904–2005), американский дипломат, историк, международник. В 1934–1938 гг. – первый секретарь, в 1944–1946 гг. – советник посольства США в Москве. Автор внешнеполитической «доктрины сдерживания», изложенной впервые в так называемой «длинной телеграмме» Кеннана в адрес государственного секретаря США (февраль 1946 г.) и развитой позднее в известной статье «Истоки советского поведения», опубликованной за подписью «Мистер Х» в июльском номере «Форин афферс» в 1947 г.

Обычно Джорджу Кеннану, искусному дипломату, всё удавалось. Но в его биографии остались переговоры, в которых он потерпел неудачу. Точнее, неудачу потерпела американская дипломатия, но на долю Кеннана пришлось завершающая часть переговоров, а потому и горечь поражения досталась ему. Долгое время причины той неудачи были скрыты, но сегодня уже можно сделать вывод: то был не дипломатический проигрыш США, а следствие описанной выше стратегической операции, её особенности обернулись для американской дипломатии сложной переговорной задачей весной 1944 г.

Американский консул в Урумчи, административном центре северо-западной китайской провинции Синьцзян, Эдмунд О. Клабб, наблюдая советскую активность в Синьцзяне, направил в Вашингтон доклад, в котором обосновывал свои предположения (на самом деле – ошибочные), что СССР начинает добычу урана в местных горах⁹. Как мы помним, в конце 1943 г. Вальтер С. Лоудермилк был вызван на доклад в США.

⁹ Laird T. Into Tibet: The CIA's first atomic spy and his secret expedition to Lhasa. NY, 2002. P. 34.

Вскоре народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов получил ноту американского посольства, в которой посол США У.А. Гарриман просил для нужд ВВС США перебросить из Персидского залива через Ашхабад и Алма-Ату и далее через Синцзян в Китай партию грузовиков. Для начала американцы планировали направить по предлагаемому маршруту исследовательскую партию в пятьдесят человек персонала армии Соединённых Штатов на 32 грузовиках. Вслед за исследовательской партией было желательно направить по этому маршруту 450 грузовиков с обслуживающими командами. Ввиду деликатности внешнеполитической стороны данного мероприятия, подчёркивал посол Гарриман, он обратился с этим делом в НКВД, вместо того, чтобы действовать через Генеральный штаб Красной Армии¹⁰.

Интерес к синцзянскому маршруту был проявлен и на высоком политическом уровне. Буквально через пять дней Временный Поверенный в делах Соединённых Штатов М.М. Гамильтон в письме на имя Молотова, сообщая о планируемой поездке вице-президента США Генри Э. Уоллеса через Сибирь в Китай и желательном маршруте, прямо информировал: «Вице-президент желает лететь из Алма-Аты в Урумчи и затем дальше в Китай»¹¹.

Срочная нужда в 500 грузовиках для ВВС США в Китае была не очевидна.

Ситуация на материковом театре в Китае была достаточно спокойной. Операция по освобождению Бирмы, начатая, наконец, в начале 1944 г., протекала вяло. Успешные воздушные бои, когда американцы уничтожали 8 самолетов на один потерянный, создавали впечатление, что авиагруппа ВВС США в Китае является большим соединением, требующим значительного обеспечения. На самом деле, для 500 дополнительных грузовиков у военных лётчиков США просто не нашлось бы достаточно задач. Более того, бригадный генерал ВВС США К.Л. Ченнолт полагал, что для эффективной поддержки сравнительно небольшого авиационного соединения достаточно линии воздушного снабжения

¹⁰ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Пап. 154. Д. 2. Л. 110.

¹¹ Там же. Л. 113.

между Индией и Китаем. Организация такой воздушной линии является детской игрой по сравнению с трудностями, которые пришлось бы преодолеть при организации автоперевозок через Советский Союз и Синьцзян. Количество грузов, которые можно перевозить по этой воздушной линии, полностью обеспечило бы действия авиагруппы.

После совещания заинтересованных ведомств первый заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский информировал американское посольство о невозможности удовлетворить пожелание Гарримана ввиду отсутствия между СССР и Китаем соглашения о транзитных перевозках грузов, а также из-за недостатка подвижного состава на железной дороге Ашхабад – Алма-Ата¹².

Тем временем, вице-президент США Уоллес совершает свою поездку по Сибири и советской Средней Азии. 17 июля, накануне своего вылета из Алма-Аты в Урумчи, Уоллес направляет благодарственное письмо Сталину. Когда хлопоты с организацией визита вице-президента миновали, Гарриман вновь обратился с просьбой об автокараване к Молотову. Его надежды, однако, были сразу же развеяны А.Я. Вышинским: «Мне представляется этот вопрос сложным и трудным, дело идёт о грузовиках не для Китая, а для США»¹³. В сентябре 1944 года Чан Кайши отозвал Шэн Шицзя с поста дубаня Синьцзяна, и ситуацию стало контролировать центральное правительство Китая.

23 сентября 1944 г. Гарриман вручил Сталину послание Рузвельта и Черчилля о результатах только что завершившейся квебекской конференции, указав на огромное желание президента приступить к планированию будущих военных операций на тихоокеанском театре. Во время беседы Гарриман попросил Сталина разрешить перебросить из Ирана в Китай через Алма-Ату пятьсот грузовиков для американских ВВС, действующих в Китае. Он пояснил, что силы США в Китае остро нуждаются в этих автомашинах для выполнения боевых задач, а единственным маршрутом доставки оказывается путь из Ирана через СССР.

¹² АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Пап. 154. Д. 1. Л. 77.

¹³ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Пап. 154. Д. 5. Л. 175–176.

Казалось, Сталин согласился. Такой вывод Гарриман сделал из того, что Сталин предложил для быстроты отправить в Китай американские грузовики, предназначенные для СССР, и позднее восполнить их новыми поставками из США. Но, по-видимому, Сталин имел в виду, что американские грузовики доставят советские военнослужащие, уже несколько лет перегонявшие караваны по «трассе Z».

Американская сторона приняла встречное советское предложение, но рассчитывала провести караван своими силами. Если разрешить американцам проехать по советской территории до китайской границы, то волей-неволей придётся направлять с американским караваном советских проводников, а этого советскому руководству не хотелось.

В конце сентября 1944 г. заведующий Отделом Латиноамериканских стран НКВД К.А. Михайлов, помогавший своим коллегам на североамериканском направлении, позвонил Д. Кеннану и попросил, чтобы посольство США письменно проинформировало НКВД о том, когда именно американские военные намерены перебросить из Ирана пятьсот грузовиков, о которых недавно шла речь в беседе маршала Сталина с послом Гарриманом. Кеннан обещал выяснить и немедленно прислать соответствующий меморандум.

Через три дня второй секретарь американского посольства Пейдж сделал ответный звонок Михайлову и сообщил, что по вопросу об автокараване посольство запросило Вашингтон и по получении ответа поставит Наркоминдел в известность. 5 октября Кеннан и Пейдж посетили Михайлова и вручили ему меморандум, в котором говорилось: «Было бы желательно получить от советских властей возможно больше сведений о состоянии дорог и о наличии бензина и других предметов снабжения от Алматы и далее»¹⁴.

Михайлов, принимая меморандум, заметил, что информация о планируемых датах отправки автокаравана и его движении по маршруту так и не получена. А она нужна, чтобы соответствующие советские организации провели необходимую подготови-

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пап. 46. Д. 610. Л. 89–90.

тельную работу. Кеннан обещал дать ответ позже. Прошло две недели, но ясности в сроках у американцев не появилось.

Гарриман отбыл из Москвы, оставив Временным Поверенным в Делах Джорджа Кеннана. Между тем, после разговора Гарримана со Сталиным советская сторона, проанализировав ситуацию, предложила внешне компромиссный вариант: советские водители доставят американские грузовики только до советско-китайской границы в Хоргосе, а далее их пусть принимают американцы, прибывшие туда по китайской территории. Надо ли говорить, что эта задача была не выполнима. Ею и пришлось заниматься Кеннану, который обратился с этим к Молотову.

По-видимому, Молотов лично посоветовался со Сталиным и 1 ноября 1944 г. уже ответил Кеннану: «Имею честь сообщить, что Советское Правительство, идя навстречу пожеланиям Американского Правительства, согласно разрешить 1 100 американцам сопровождать 500 грузовиков, перевозимых по железной дороге из Ирана в Китай»¹⁵. Американские военные, наконец, произвели необходимые расчёты, но в Синьцзяне вспыхнули массовые волнения и восстания против правления Шэн Шицая и гоминьдановской администрации. 12 ноября 1944 г. Илийская организация освобождения с помощью советских военных советников провозгласила создание примерно на пятой части территории Синьцзяна (три округа – Илийский, Тачэнский и Алтайский) временного правительства Республики Восточный Туркестан. «Трасса Z» проходила юго-западнее, но по самому краю Илийского округа, между территориями, контролируемые «властью трёх округов» и властями Синьцзяна (теперь, по сути Южного Синьцзяна).

По поручению В.М. Молотова 25 ноября 1944 г. в Москве С.К. Царапкин принял Кеннана и сделал ему устное заявление: в силу сложившейся в Синьцзяне обстановки «Советское правительство считает целесообразным отложить на некоторое время вышеуказанную операцию по переброске грузовиков в Китай»¹⁶ и передал Кеннану отпечатанный текст заявления. На следующий день посольство США направило в НКВД запрос –

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Пап. 154. Д. 1. Л. 166.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пап. 46. Д. 610. Л. 112.

следует ли американским властям понимать это заявление в том смысле, что Советское Правительство, со своей стороны, не считает возможным в настоящий момент приступить к осуществлению мероприятий по переброске грузовиков через советскую территорию. По поручению С.К. Царапкина его заместитель Д.С. Чувахин ответил: «Указанное заявление следует понимать в этом смысле»¹⁷. Американская сторона была весьма разочарована разъяснением Наркоминдела.

Однако неудивительно, что Джорджу Кеннану не удалось справиться с поставленной ему задачей. Понятно, что пятьсот грузовиков и более тысячи американских военных привели бы к неминуемому рассекречиванию важной стратегической спецоперации (сами караваны к тому времени почти прекратили проходить из-за усложнившихся отношений СССР с синьцзянскими властями). Вот почему Джорджу Кеннану так и не удалось дипломатическим путём обеспечить США проводку американского конвоя через Алма-Ату и Синьцзян.

Выводы:

– «Военно-учёные» экспедиции в Азию – давняя традиция военной разведки (не только русской).

– Синьцзян, в силу ряда причин, – притягательный объект военных исследователей. Данные военно-учёных экспедиций помогли проложить «дорогу жизни», в значительной степени обеспечившую выживание Китая в войне с Японией.

– И в разгар Второй мировой войны Синьцзян оставался объектом дипломатического противоборства.

Литература

Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Книга первая. М.: Издательский дом «Русская разведка»; ИИА «Евразия +», 1998.

Градов Ю. Караван на перевале (неизвестная хроника 30-х годов) // Проблемы Дальнего Востока. 1990. №№ 2, 3, 4.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пап. 46. Д. 610. Л. 119.

Градов Ю. Шёлковый путь и три моих Китая. М.: Изд-во «Стратегия», 2004.

Градов Ю. А машины шли и шли... (Ещё один невидимый фронт) // Литературная газета. 2000. № 6, 6 – 12 сентября.

Горбачёв Б.Н. Военная помощь Советского Союза Китаю в войне против японских захватчиков // Цзиньжи Элосы. 2010. № 5. С. 19–26 (на кит. яз.).

Laird T. Into Tibet: The CIA's first atomic spy and his secret expedition to Lhasa. NY.: Grove Press, 2002.

Архивные источники

Архив Министерства экономического развития и торговли. Фонд «в/о Совсиньторг». Оп. 11924. Д. 114.

Архив Министерства экономического развития и торговли. Фонд «в/о Совсиньторг». Оп. 12924. Д. 145.

АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 25. Пап. 200. Д. 6.

АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 29. Пап. 205. Д. 19.

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Пап. 154. Д. 1.

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Пап. 154. Д. 2.

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Пап. 154. Д. 5.

АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пап. 46. Д. 610.

“Military-scholarly” Expeditions to Xinjiang and the Secret “Z-route” in 1937 – 1943:

An Unknown Episode of Diplomatic Confrontation in China’s Direction

Yu.M. Baturin

Institute for the History of Science & Technology, RAS

The article is written on the basis of unique archival documents and examines the organization of a special operation of geostrategic character by one of the departments of the Red Army Headquarters in 1937–1943, namely the construction of a roadway for the supply of arms from the USSR to warring China. Despite the fact

that Xinjiang, due to its geographical position, was constantly the target of military-reconnaissance parties dispatched by leading Western powers and the USA, the operation of the Soviet military Headquarters was executed in absolute secrecy and one will find no information on it to this date.

Е.В. Бойкова
ИВ РАН

Российское военное монголоведение (конец XIX – начало XX в.)

Интерес русских исследователей и путешественников к Монголии имеет давнюю историческую традицию. Одно из первых путешествий в Монголию совершил казачий атаман Василий Тюменец в 1616 г., сообщивший важные сведения об этой стране. Двумя годами позже Монголию посетил казак Иван Петлин, собравший обширную информацию о стране, её населении и хозяйстве.

Начиная с XVIII в. русские путешественники стали чаще посещать Монголию, как и другие страны и области Центральной Азии. Но ездившие в эту страну люди специально не занимались сбором и систематизацией материалов по Монголии; собранные ими сведения нередко были крайне субъективными, и на их основе нельзя было создать целостную картину этой страны. До середины XIX в. Центральная Азия, и в том числе Монголия, оставалась малоизученной территорией не только для европейцев, но и для русских.

С середины XIX в. началось активное продвижение России в Азию. Понимая необходимость расширения знаний о странах, граничивших с Россией в Азии, российские ведомства, связанные с осуществлением внешнеполитического курса, а также Российская Академия наук, Русское географическое общество, университеты и другие организации систематически направляли в различные регионы Азии экспедиции, целью которых был сбор разноплановой информации. Нередко РГО привлекало к своей исследовательской деятельности военных, что не было случайным, так как часто интересы этого научного общества и военного ведомства совпадали.

Начиная со второй половины XIX в. исследование Азии велось главным образом по линии военного ведомства России или же при его поддержке. Заинтересованное в расширении научных и практических знаний о Востоке, военное ведомство под-

держивало развитие российского востоковедения¹. Как отмечает российский востоковед, профессор А.А. Колесников, «в мире нет такой страны, где бы развитие востоковедной и военной науки так тесно и неразрывно переплеталось, как в России. Особенно это характерно для второй половины XIX и начала XX в.»². Среди известных исследователей Центральной Азии, побывавших с научными целями в Монголии, были офицеры Генерального штаба Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов, М.В. Певцов и другие. В состав их экспедиций, как и экспедиций, направлявшихся в эту страну сугубо гражданскими ведомствами, входили военные исследователи³. Практически в любой экспедиции, направленной в Монголию, в любом караване, проходившем по территории этой страны, если не начальником, то непременно участником был российский офицер; сопровождали эти группы, как правило, казачьи конвои.

В мировой науке хорошо известны имена таких исследователей Монголии как Н.М. Пржевальский, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Г.Н. Потанин, М.В. Певцов, А.М. Позднеев, П.К. Козлов, В.И. Роборовский, Б.Я. Владимирцов, В.А. Обручев и др.⁴ Многие из них неоднократно побывали в Монголии, издали труды, посвящённые этой стране. Их вклад в российское и мировое монголоведение давно признан и не вызывает сомнения. Именно эти учёные в XIX в. положили начало систематическому и многоплановому изучению Монголии. Оно охватывало практически все стороны жизни страны, не ограничиваясь лишь рамками географической науки, и превратилось, по сути, в широкое естественнонаучное её изучение.

В то же время существовала ещё одна, довольно большая группа российских исследователей, вклад которых в изучение Монголии XIX – начала XX в. до настоящего времени недостаточно

¹ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XIX в. – 1917 г.). СПб., 1994. С. 25, 332–333.

² Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии. Экспедиции. Путешествия. Бишкек, 2006. С. 34.

³ См.: Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М., 1957. С. 531–549.

⁴ Там же. С. 492–509.

изучен и оценён не в полной мере. Имена некоторых из них знакомы специалистам и порой упоминаются на страницах научных изданий. Это – военные исследователи, чьи работы, посвящённые Монголии, долго были скрыты от широкого круга читателей и доступны только узкому кругу должностных лиц. Связано это, прежде всего, было с характером экспедиций, в которых участвовали эти исследователи: это были рекогносцировочные экспедиции Российского Генерального штаба и военных округов.

Таким образом, научные экспедиции в Монголию второй половины XIX – начала XX в. можно условно разделить на два типа: экспедиции под руководством офицеров и с участием военных, направленные в эту страну РГО (нередко при поддержке Генерального штаба) или Академией наук, а также совместные экспедиции, командированные в Монголию РГО и Академией наук, и собственно экспедиции, направленные в эту страну Генеральным штабом с военно-рекогносцировочными целями.

Цель таких рекогносцировочных экспедиций была вполне конкретной – разведка и сбор географических, военных и статистических сведений об определённых местностях Монголии (или, другими словами, «научная рекогносцировка», как называл такие экспедиции Н.М. Пржевальский), а также составление топографических карт и последующая обработка собранных сведений. Высококвалифицированные офицеры активно участвовали в исследовании не только Монголии, но и сопредельных территорий. (К этому понятию – сопредельные территории – мы в данном случае, в первую очередь, относим Урянхайский край⁵, а также Джунгарию⁶.) Полученные данные обобщались в Генеральном штабе, где концентрировались данные о возможных театрах военных действий⁷.

⁵ Урянхайский край – историческое название в XIX – начале XX в. территории современной Тувы. С начала XIX в. находился в сфере русского влияния, с 1914 г. до 1921 г. – под протекторатом России.

⁶ Джунгария – географическая и историческая область в северном Синьцзяне на северо-западе Китая.

⁷ Дисциплина, изучающая театры военных действий, в военном деле России называется «военная география».

Следует особо отметить, что никогда в задачу таких экспедиций не входило «завоевание» Монголии, экспансия на Восток, присоединение монгольских территорий к России. Этим политика России в юго-восточном направлении заметно отличалась от её политики в отношении земель на юге Азии, где Россия расширяла свои владения вследствие принятия ханствами Большой и Малой Орды русского подданства⁸. Главной задачей военных исследователей в Монголии было только изучение малоизвестных территорий, физико-географических особенностей страны, внутривосточной и религиозной обстановки в стране, составление географических карт. В исследования был вовлечён широкий круг специалистов в области естественных наук – географы, геологи, геодезисты, зоологи, ботаники.

Материалы большинства этих экспедиций долгое время хранились под грифом «для служебного пользования». Кто-то из военных исследователей Монголии был известен по своим публикациям (но сразу оговоримся, не очень широко, в довольно узких кругах), а кто-то до сих пор остаётся практически неизвестным.

В деятельности военных исследователей Монголии тесно сочетались политика и наука, главным образом географическая. Главной их целью было составление военно-статистического обозрения Монголии. На первый взгляд, экспедиции военных исследователей были лишены той романтики, которая сопровождала крупным и продолжительным экспедициям известных путешественников по Монголии. Не были они и специалистами-востоковедами, однако многие из них пытались выйти за довольно узкие рамки полученных заданий, стремились разобраться в том, что из себя представляет эта страна, понять её. Военные специалисты перешагнули рамки географических исследований, изучения только географической среды обитания монголов. Их подготовка позволила им собрать такие сведения о Монголии, которые не только оказали определённое влияние на формирование внешней политики России в Дальневосточном регионе и, в частности, в отношении Монголии, но и расширяли сведения о ней в историческом и этнографическом аспекте.

⁸ См.: Колесников А.А. Ук. соч. С. 34–36.

Заметим, что миссия военных исследователей в Монголии была довольно деликатной. Путешественникам приходилось сталкиваться с подозрительностью местных жителей, а порой и с явной неприязнью. Офицерам и их спутникам приходилось быть отчасти дипломатами, не забывая, что они представляют Россию в чужой, малознакомой стране.

Ситуация в странах, которые были азиатскими соседями России, всегда интересовала российские власти. Особое внимание было приковано к Дальнему Востоку, и, в первую очередь, к Китаю. В середине XIX в., когда императорская власть в Цинской империи начала заметно ослабевать после первой «опиумной войны» (1840–1842), Тайпинского восстания (1850–1864) и второй «опиумной войны» (1856–1860), интерес России не только к Китаю, но и к региону в целом заметно усилился. Этот интерес подогревался возросшими аппетитами Англии, Франции и других мировых держав в отношении Китая, а также очевидными успехами России в продвижении на южном и юго-восточном направлении в Центральной Азии. В XIX в. Россия уже была вовлечена в Большую игру, в которой участвовали крупнейшие западные державы. Монголия (с этой точки зрения, скорее как часть Китая) была одной из тех стран, которые были включены в это сражение мировых держав за влияние в Азии.

В конце XIX в., когда военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке обострилась, российское правительство начало предпринимать определённые шаги для укрепления своих позиций в этом регионе, в частности, в Монголии. Кроме того, возникла довольно благоприятная ситуация для развития торгово-экономических отношений с Монголией, для чего необходимы были более подробные сведения не только о центральных районах страны, но и о её периферии. Российский Генеральный штаб активизировал свою исследовательскую деятельность в ряде дальневосточных стран. С середины XIX в. Россия начинает более детально, системно изучать Монголию. В эту страну (а также в Китай и Маньчжурию) было направлено несколько разведывательных экспедиций, основной целью которых был сбор географических, топографических и иных данных по этой стране. То есть задача перед участниками экспедиций ставилась вполне конкретная и узкопракти-

ческая – «разведать обстановку» на возможном театре военных действий. Иными словами, это была военная разведка, которая включала в себя помимо собственно географии и этнографии исследование политических настроений местного населения и его боевых качеств. Военные исследователи, как они выражались, «разведывали» – географию Монголии, природные условия, пути сообщения. Особое внимание исследователи уделяли отношению монголов к русским и к китайцам, а также быту, нравам и обычаям местных жителей, чтобы легче было с ними контактировать. Поскольку Монголия сама по себе не представляла никакой опасности для России, речь шла скорее о её территории, которая могла быть использована в качестве театра военных действий, если бы таковые возникли в отношениях между Россией и Китаем. Интенсивность военных экспедиций в Монголию, планомерность и систематичность исследования различных регионов этой страны свидетельствовали о глубоком интересе к ней как к региону возможного военного противостояния Китаю.

Несмотря на чётко обозначенные, в первую очередь, военно-стратегические задачи, узко военные задания сочетались с научно-исследовательскими. Военные исследователи выполняли оперативные задания, которые предполагали комплексный подход. Важно было всё – не только география страны, её топографические данные и климат, но и внутренняя и внешняя политика монгольских правителей, экономическое положение страны, численность и социальное положение населения, национальные особенности монголов и пр.

За редким исключением военные экспедиции были краткосрочными (обычно – несколько недель, редко несколько месяцев), что отличало их от продолжительных «академических» экспедиций Н.М. Пржевальского, Г.Е. Грумм-Грижимайло, П.К. Козлова и др. Маршруты были короче, чем у известных путешественников. Военным исследователям приходилось двигаться по маршруту довольно быстро и в то же время успевать провести глазомерную съёмку, собрать расспросные сведения и данные о маршруте.

В 70–90-е гг. XIX в. в Монголии побывали экспедиции под руководством офицеров Генерального штаба: Н.Г. Матюнина (1878), штабс-капитана корпуса военных топографов П.Д. Ор-

лова (1879), Овсяного (1881–1882), подполковника Бернова (1889), полковника Д.В. Путяты (1891), подполковника И.И. Стрельбицкого (1894) и др. Экспедиции в первую очередь изучали пограничные с Китаем районы Монголии. Необходимость такой информации объяснялась важностью сбора данных в условиях угрозы военного конфликта на границе с Китаем. Не в меньшей степени офицеров интересовали и районы, граничившие с Россией, т. е. Восточная и Северо-Восточная Монголия.

Участники экспедиций составили подробные описания исследованных ими районов. Отчёты военных путешественников, обзоры, статистические данные и др. материалы публиковались отдельными изданиями, а также в «Сборниках географических, топографических и статистических материалов по Азии», издававшихся под грифом «Секретно».

В начале XX в. российское военное монголоведение вступило в новый этап своего развития. Генеральный штаб ещё более активно продолжил военно-географическое изучение Монголии, что было связано с осложнившейся политической ситуацией на Дальнем Востоке. Считая, что территория Монголии станет театром военных действий, военное ведомство России сконцентрировало своё внимание на изучении возможности пребывания российских войск в различных районах Монголии и их продвижения по этой стране в направлении Пекина. В то же время Монголия стала приобретать всё большее значение для России не только как стратегически важная территория, но и как торговый партнёр и возможный союзник.

В этот период задачи, ставившиеся перед военными экспедициями, заметно изменились. Рекогносцировка уже не ставилась во главу угла при проведении исследований в Монголии, хотя, по-прежнему, важной частью деятельности военных исследователей было составление топографических карт различных районов Монголии, о чём свидетельствует секретная записка от 18 мая 1905 г. на имя министра иностранных дел, подготовленная военным министром В.В. Сахаровым и начальником Управления военного министерства Н.Д. Артамоновым. В ней они отмечали, что «съёмка приграничной полосы Забайкалья и Монголии имеет для нас весьма важное значение и притом съёмка, обеспечен-

ная опорными пунктами и поставленная в достаточно широких размерах». Издание «верной и точной карты Монголии» приобрело особое значение для военного ведомства⁹.

Увеличилось не только количество экспедиций российских военных в Монголию, но и число публикаций, посвящённых положению в этой стране. Некоторые из этих публикаций стали доступны уже не только для узкого круга специалистов, но, в отдельных случаях, и для широкого читателя.

Весьма актуальными стали исследования политической ситуации в Монголии, общественной жизни, её государственного устройства и административного деления, контактов с Китаем и Японией, отношения населения к китайцам и др. Для составления общего представления о стране нужно было знать численность населения, национальные особенности, условия быта и материального положения, морально-политический климат в стране, а также особенности внутренней и внешней политики; необходимо было собрать характеристику монгольских политических деятелей. Экспедиции Генерального штаба вели исследования в этнографической, социологической и других областях. Особое внимание экспедиции уделяли вопросам исторического наследия монголов, их взаимоотношениям с китайцами. Для русских военных исследователей изучение местных обычаев и традиций монголов, монгольского характера представляло интерес с точки зрения реакции местного населения на возможность присутствия русских войск в Монголии, а также было важно для того, чтобы ориентироваться в построении отношений с различными этническими группами, населявшими Монголию.

Значительное количество материалов, посвящённых Монголии, в виде отдельных изданий было опубликовано Штабом Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи Генерального штаба в серии «Материалы по Маньчжурии и Монголии». Особое место среди этих изданий принадлежит работам ротмистра Заамурского Округа А. Баранова¹⁰. Началь-

⁹ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 593 (1905 г.). «О посылке в Ургу топографической экспедиции». Л. 5.

¹⁰ Баранов А. Монголия. Барга и Халха. Харбин, 1905; *Он же*. Северо-Восточные сеймы Монголии. Харбин, б/г.; *Он же*. Харачины в хошуне Чжасактувана. Харбин, 1907. и др.

ник Штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи полковник С.И. Богданович в предисловии к книге А. Баранова «Монголия. Барга и Халха» писал, что Заамурский округ на основании составленной Штабом Округа «Инструкции для производства разведок и сбора статистических сведений о Маньчжурии» активно проводил сбор «различных данных о трёх застенных провинциях Китая, а также и сопредельных с ними Монголии и Кореи»¹¹. Здесь же он отмечал, что, хотя Штаб Округа не всегда успевал обработать ценные материалы, собранные во время разведок, некоторые офицеры, «благодаря продолжительности пребывания в известных районах, любви к разведке и умению собрать и классифицировать добытые сведения по разведке, доставили в Штаб Округа исследования отдельных районов в более или менее оконченном виде»¹². К числу таких офицеров принадлежал А. Баранов. Оговариваясь, что в некоторых «законченных» исследованиях имеются определённые погрешности, полковник Богданович отмечал, что «они дадут возможность всем офицерам более подробно ознакомиться с исследованными районами, и именно теперь, во время войны, когда каждая новая данная о Маньчжурии и Монголии может принести большую пользу общему делу разведки»¹³.

Особое место среди трудов военных исследователей о Монголии занимают работы А.А. Баторского¹⁴ и Ю. Кушелева¹⁵. Это уже не просто отчёты о путешествиях, а обобщающие труды, затрагивающие широкий круг проблем. А.А. Баторский в своей работе, состоящей из двух частей, не только даёт подробное описание Монголии в орографическом и гидрографическом отношении, но и обобщает и анализирует собственные материалы и наблюдения, а также сведения, собранные его предшественниками. Эта работа, представляющая собой подробный анализ соци-

¹¹ См.: Баранов А. Монголия. Барга и Халха. Харбин, 1905. С. I.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Баторский А.А. Опыт военно-статистического очерка Монголии. Ч. 1. СПб., 1889; *Он же*, Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. СПб., 1891.

¹⁵ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. СПб., 1912.

ально-политического и экономического положения Монголии, не была, как представляется, по достоинству оценена современниками автора, так как, опять-таки, она была опубликована под грифом «Секретно».

Публикация всё большего числа книг и брошюр, посвящённых Монголии в открытой печати свидетельствовала о том, что исследование этой страны постепенно переходило на новый уровень: представители академического монголоведения и исследователи-практики фактически объединили свои усилия, направленные на её изучение.

В последней четверти XIX в., несмотря на начавшуюся эпоху великих географических открытий в Азии, горные и водные системы Монголии, её животный и растительный мир, пустыня Гоби были исследованы недостаточно. Системное физико-географическое изучение Монголии было начато именно военными исследователями. Ими были собраны обширные материалы по физической географии отдельных регионов Монголии, дана оценка изученных территорий, определены географические координаты многих пунктов. Географической науки в Монголии в рассматриваемый нами период не существовало, а военно-стратегическое исследование Монголии российскими военными позволило дать более полное географическое описание этой страны и стало, наряду с экспедициями Н.М. Пржевальского, Г.Е. Грумм-Гржимайло, М.В. Певцова, П.К. Козлова и др., основой для создания физической географии Монголии. Сведения географического характера о Монголии, собранные российскими офицерами, представляют огромную ценность для науки. Исследования русских военных экспедиций сыграли важную роль в развитии картографии Центральной Азии. Заметим, что сделанные в те годы географические открытия нередко требовали дополнительной проверки и уточнения. Эта необходимость была связана не с недостаточной квалификацией исследователей, а, скорее, с несовершенством геодезических и астрономических приборов того времени.

В некоторых случаях маршруты военных экспедиций были очень близки к маршрутам экспедиций Н.М. Пржевальского, П.К. Козлова, Г.Н. Потанина и других. Делалось это не случай-

но, так как кроме необходимости сбора данных о Монголии в определённый, конкретный момент, требовалась проверка уже собранных ранее данных, особенно в тех случаях, когда велась глазомерная съёмка местности или информация собиралась у местного населения, т. е. данные были опросными, и их нередко приходилось перепроверять. Вот почему экспедиции, командировавшиеся в Монголию военным ведомством в разное время, двигались иногда по частично совпадающим маршрутам.

Нельзя не отметить, что вклад военных исследователей в географическую науку и науку о Монголии не был равнозначным. Некоторые офицеры в большей степени сосредоточивались на рекогносцировочных наблюдениях (т. е. вели «разведку противника и местности в районе предстоящих боевых действий лично командиром и офицерами штабов для получения данных и принятия решения»). Но в целом исследования военных географов показали, что Монголия – это огромное пространство, включающее в себя области, различающиеся по природе, климату, населению, естественным ресурсам.

Представителям военного востоковедения принадлежит важная роль в исследовании Монголии в конце XIX – начале XX в. Они внесли заметный вклад в разностороннее изучение этой страны, в том числе её истории, этнографии, географии, экономики, языка. Военные исследователи сумели собрать большой фактический материал, имевший значение не только для военного ведомства России, но и ставший источниковедческой базой для других исследователей Монголии.

Нельзя не согласиться с М.К. Басхановым, считающим, что русское военное востоковедение уникально по своей сути и по тому месту, которое оно занимает в русской армии¹⁶. Монгольское направление было одним из основных в комплексе исследований, проводившихся российскими военными в сопредельных с Россией странах. Особенность работы военных исследователей заключалась в том, что, наряду с конкретными рекогносцировочными задачами, большинство из них сумело собрать достаточно

¹⁶ Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь / Автор-сост. М.К. Басханов. М., 2005. С. 5.

обширные данные для создания целостной картины изучаемой ими страны – Монголии.

Среди участников военных экспедиций в Монголию не было крупных научных имён. У военных исследователей не было и не могло быть далеко идущих научных планов и задач. Главной их задачей была всё же рекогносцировка. Однако их заслуги перед российским монголоведением неоспоримы. Было бы неверно смотреть на военных исследователей только как на военных географов и топографов. Их заслуга заключается в том, что, выполняя достаточно специфические задачи, они стремились к всестороннему исследованию Монголии – изучали её историю, условия жизни и быта, материальную и духовную культуру монголов. Данные, собранные военными экспедициями в конце XIX – начале XX в. стали достоверными источниками для изучения многих ранее малоизвестных отдалённых районов Монголии. Российских офицеров отличало своеобразное видение Монголии; они решали конкретные задачи, и, в то же время, сумели выйти за рамки исполнения военных приказов, что является их несомненной заслугой перед российской наукой.

На первый взгляд, вклад военных исследователей в изучение Монголии гораздо более скромный, чем вклад исследователей Центральной Азии с мировым именем. Но можно утверждать, что участники военных исследовательских экспедиций в Монголию создали, по сути, такую отрасль науки как прикладное монголоведение, и, соединив его с академическим российским монголоведением, тем самым обогатили науку о Монголии. Страна изучалась «в полевых условиях», не в кабинетах, а непосредственно на месте. Практический способ изучения страны имел особую ценность. Военные исследователи применяли свои знания в области военной географии в широком понимании этого термина на благо развития не только прикладной, но и академической науки.

Конечно, у практического метода были свои недостатки: как заметил выдающийся российский военный географ и востоковед А.Е. Снесарев, этот метод мог «увлечь в область слишком неинтересных и случайных частных», уклонить в сферу пустых и

нетипичных побасенок и курьёзов и т. д.»¹⁷. Но российским военным исследователям Монголии удалось избежать этой крайности – результаты их исследований в этой стране во второй половине XIX – начале XX в., собранные и обработанные ими материалы стали весомым вкладом в российское монголоведение.

Вряд ли военные исследователи думали о том, что их имена останутся в истории российского монголоведения. Они честно, как положено офицерам, выполняли свой долг перед родиной. Родине нужны были сведения для повышения её обороноспособности и укрепления безопасности, и они их добывали. Военные исследователи выполнили свою основную задачу – определили возможные пути следования в направлении Китая и выяснили, что территория Монголии проходима для российских войск и при каких условиях это возможно. И в то же время участники военных экспедиций собрали уникальные научные материалы по Монголии.

Можно без особого преувеличения сказать, что военные исследователи Монголии, кроме вклада в формирование научного монголоведения в России в виде военно-географических описаний отдельных районов страны, в немалой степени способствовали развитию торгово-экономических, политических, дипломатических, культурных отношений России с Монголией.

Военное монголоведение, как и всё российское военное востоковедение, было тесно связано с внешней политикой России. Участие военных в развитии отечественного востоковедения было закономерным и последовательным явлением; оно происходило под влиянием внешнеполитических факторов и оказывало, в свою очередь, определённое влияние на внешнюю политику России на Востоке в XIX – начале XX в. Военные экспедиции по-своему способствовали улучшению российско-монгольских отношений, поскольку вселяли в монголов уверенность в том, что Россия сможет стать гарантом Монголии в монголо-китайских отношениях. Результаты экспедиций играли важную роль

¹⁷ *Снесарев А.Е.* Практическое изучение Востока // Народы Азии и Африки. 1986. № 4. С. 125.

при выработке стратегической линии и определения тактики России в этой стране. И если порой официальный курс не совпадал с выводами и рекомендациями военных исследователей, то эта была не их вина. Немаловажно, что вследствие контактов российских военных с местным населением у монголов формировалось в целом весьма доброжелательное отношение к России и русским.

Опыт военного монголоведения в дореволюционной России совершенно уникален, так как ни одна другая страна не вела подобных исследований в Монголии. Результаты научной деятельности военных исследователей Монголии позволяют с полным основанием говорить о том, что они внесли серьёзный вклад в развитие отечественного монголоведения в дореволюционный период, создав самостоятельное направление в этой отрасли знаний – военное монголоведение.

Литература

Баранов А. Монголия. Барга и Халха. Харбин, 1905.

Баторский А.А. Опыт военно-статистического очерка Монголии. Ч. 1. СПб.: Военная типография, 1889. 298 с.

Баторский А.А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. СПб.: Военная типография, 1891. 290 с.

Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии. Экспедиции. Путешествия. Бишкек: Раритет, 2006. 160 с.

Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XIX в. – 1917 г.). СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. 448 с.

Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. СПб., 1912. 121 с.

Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М.: Учпедгиз, 1957. 752 с.

Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь / Автор-составитель *М.К. Басханов*. М.: Восточная литература, 2005. 295 с.

Снесарев А.Е. Практическое изучение Востока // Народы Азии и Африки. М., 1986. № 4.

Архивные источники

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 593 (1905 г.).

**Russian Military Studies in Mongolia
(late 19th – early 20th Century)**

Elena Boykova

Institute of Oriental Studies, RAS

Beginning from the second half of the 19th century Russia started to investigate Asia mostly through the military department or with its support. Interested in expanding scientific and practical awareness of the East, the Defense Ministry supported the development of Oriental Studies in Russia.

The names of Russian investigators and travellers: N.M. Przhevalyskiy, G.E. Grumm-Grzhimaylo, G.N. Potanin, M.V. Pevtsov, A.M. Pozdneev, P.K. Kozlov, V.I. Roborovskiy, B.Ya. Vladimirtsov, V.A. Obruchev are well-known in the academic world. Their contribution to the studies of Mongolia in Russia and in the world was acknowledged long ago, and does not raise doubts. These scholars initiated systematic and multifaceted study of Mongolia in the 19th century.

At the same time there was a fairly large group of Russian researchers, whose contribution to the study of Mongolia in the 19th – early 20th century has been hitherto poorly examined and appreciated. They were military researchers whose works on Mongolia were hidden long from general readers and were accessible only for a narrow circle of officials. The main reason for such a situation was the specific character of the expeditions that the researchers participated in: they were reconnaissance expedition of the Russian General Staff and of military regions.

The concern of the reconnaissance expeditions was quite particular – exploration and collection of geographical, military and statistical information about certain areas of Mongolia, and compilation of topographic maps. For a long time the materials of the majority of those expeditions were kept as classified.

In the 1870–90s the expedition led by the officers of the General Staff N. Matyunin, P. Orlov, Ovsyaniy, Bernov, D. Putyata, I. Strelbitskiy visited Mongolia, some of those officers did it more than once. In the early 20th century Mongolia was visited by the officers A. Baranov, A. Batorskiy and Yu. Kushelev and some others.

Military investigators played an important role in the study of Mongolia in the late 19th – early 20th century. They made a significant contribution to the study of its history, ethnography, geography, economics, and language. Military investigators gathered a large amount of factual materials, which had implications not only for the Russian Defense Ministry, but also became the basis of source for other researchers of Mongolia.

One can say, without any exaggeration, that military investigators of Mongolia besides their contribution to the formation of Mongolian studies in Russia forwarded the development of trade, political, diplomatic and cultural relations between Russia and Mongolia.

The experience of military studies of Mongolia in pre-revolutionary Russia was completely unique, because other countries did not observe Mongolia in such way. The results of the scientific activity of the Russian officers in Mongolia allow to say that they made a significant contribution to the development of the Mongolian studies in Russia, and created an independent category in this field – military studies of Mongolia.

Л.Я. Боркин*, С.Н. Литвинчук**

*ЗИН РАН

**ИНЦ РАН

«Большая игра» между Российской и Британской империями в Центральной Азии и полевые натуралисты

*«Игра так велика, что сразу можно окинуть взглядом
только небольшую часть её».*

Редьярд Киплинг¹

Во второй половине XIX в. Россия стала стремительно расширяться на юг в центральноазиатском направлении. В 1864 г. были взяты крепость Аулие-Ата (с 1936 г. Джамбул), города Туркестан и Чимкент (ныне Казахстан), в 1865 г. – Ташкент и образована Туркестанская область. Через два года учреждено Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте под руководством генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана (1818–1882). В 1868 г. протекторатом России становится Бухарский эмират, а в 1873 – Хивинское ханство после взятия города Хива, его столицы. В 1876 г. в состав России включено Кокандское ханство, преобразованное в Ферганскую область Туркестанского генерал-губернаторства. В 1881 г. в ходе Второй Ахалтекинской экспедиции под руководством генерала М.Д. Скобелева (1843–1882) пало укрепление Геок-Тепе. Была образована Закаспийская область с центром в Ашхабаде. В 1884 г. оазис Мерв, как и Иолотань, стал частью Российской империи. В 1885 г. русские войска захватили район Кушки (Туркмения), ставшей самой южной оконечностью Российской империи и будущего Советского Союза, откуда рукой подать до афганского города Герат. Памирское соглашение 1895 г., а также ратификация правительствами России и Великобритании весной 1896 г. Памирского разграничения закрепили за Россией Памир². В том же году в память окончательного

¹ Киплинг Р. Ким. Наулака. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М., 2007. С. 163.

² Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965.

завоевания Средней Азии была отчеканена медаль «*За походы в Средней Азии в 1853–1895 гг.*» с вензелями Николая I, Александра II, Александра III и Николая III³.

В свою очередь Британская империя, начиная с середины XVIII в. (с 1757 г.), всё более расширяла свои колониальные владения на индийском субконтиненте, захватывая одно княжество за другим. В результате образовалась обширная Британская Индия (*The British Raj*), простиравшаяся от Афганистана до Бирмы. Продвижение британцев к северу в сторону Нагорной Азии, состоящей из величественных горных хребтов и плоскогорий Памира – Гиндукуша – Каракорума – Гималаев и Тибета, а России – на юг в том же направлении, неизбежно вело к столкновению геополитических интересов обеих империй. Соперничество империй в Центральной Азии выражалось не только в территориальной экспансии и желании обезопасить свои границы, но и в стремлении увеличить своё политическое и экономическое влияние в регионе, одновременно по возможности ограничивая соперника. Таким образом, борьба за новые рынки также была важным фактором.

«Большая игра»

Долгое геополитическое противостояние Российской и Британской империй в Центральной Азии, наиболее ярко выразившееся в деятельности военных ведомств, включая разведку, получило название «*Большая игра*» (*The Great Game*). Этот термин впервые предложил британский военный историк сэр Джон Кей (*John Kaye*). Однако он, в свою очередь, использовал выражение британского капитана Артура Конолли (*Arthur Conolly*, 1807–1842), который, служа в Афганистане, верил в свою миссию предотвращать замыслы русских в Средней Азии через манипуляции независимыми мусульманскими вождями, в частности бухарским эмиром. В письме другу Конолли выражал желание активно участвовать в «*большой игре, благородной игре*», “a great game, a noble game”⁴. По другой

³ *Тазеев Б.Л.* Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире // *Майер А.А., Тазеев Б.Л.* Полуденные экспедиции. Очерки. М., 1998. С. 350.

⁴ Курсив оригинала (см.: *Meyer K.E., Brysac S.B.* Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. N. Y., 2006. P. XXXVII).

версии⁵ кавалерийский офицер Артур Конолли⁶ впервые употребил сочетание «Great Game» в 1835 г. в записках о путешествии в Северную Индию. Однако широкую популярность это сочетание приобрело благодаря знаменитому роману певца Британской империи Редьярда Кипплинга (*Rudyard Kipling*, 1865–1936) «Ким» (“*Kim*”), впервые напечатанному в 1901 г.⁷

Известно также другое обозначение для соперничества России и Великобритании в центре Азии. Это – «турнир теней» (*tournament of shadows*), которое приписывают министру иностранных дел графу Карлу Васильевичу Нессельроде (1780–1862). Оно также используется в исторической литературе⁸.

Начало «Большой игры» со стороны России можно связать с первым неудачным военным походом в Индию, организация которого началась ещё в 1714 г., закончившимся в 1717 г. разгромом русских войск вероломными хивинцами⁹. В отряд под

⁵ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006. С. 55.

⁶ В отечественной литературе встречается также написание «Каноли» (*Tageeв Б.Л.* Русские над Индией... С. 168). Конолли был казнён в Бухаре в 1842 г.

⁷ Что характерно, в конце повести описаны два негодяя – русский и француз, которые под видом охотников путешествуют по Западным Гималаям с секретной миссией, жестоко обращаются с ламой и местными жителями и получают по заслугам. «Они русские и самые бессовестные люди» (*Кипплинг Р.* Ук. соч. С. 214). В XX в. этот роман оказал большое влияние на многих людей, в том числе из разведывательного сообщества, например, на Аллена Даллеса (*Allen Dulles*, 1893–1969), директора ЦРУ в 1953–1961 гг. После окончания Принстонского университета в 1914 г. он был послан в Индию для преподавания в миссионерском колледже и по пути впервые прочёл «Кима». Эту книгу нашли также на его кровати, когда он умер в 1969 г. Знаменитый советский агент Гарольд Филби (*H.A.R. Philby*, 1912–1988), представитель английской разведки в ЦРУ и друг А. Даллеса, в 6 лет получил от отца прозвище «Ким». Он родился в Британской Индии, где служил его отец, ставший затем известным арабистом (см.: *Meyer K.E., Brysac S.B.* Tournament of Shadows... С. XXXVIII–XXXIX).

⁸ Напр., *Meyer K.E., Brysac S.B.* Tournament of Shadows...

⁹ В этом отношении интересно замечание великого князя Николая Константиновича (1850–1918) в записке от 7 мая 1880 г. графу А.В. Адлербергу (1818–1888) о необходимости постройки среднеазиатской железной дороги: «Англичане, со времён Петра, опасаются за судьбу своих драгоценных индийских владений <...>» (Русско-индийские отношения в XIX веке. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997. С. 248).

командованием Александра Бековича-Черкасского (?–1717) именными приказами Петра I от 14 февраля 1716 г. был включён поручик Александр Иванович Кожин (1690-е – после 1733) с секретной миссией. Ему вменялось «под образом купчины» попасть «по Амму-Дарье реке в Ындею» и «разведывать <...> тайным образом» географические и экономические сведения, а также вручить царскую грамоту «шаху индейскому»¹⁰. Помимо этого, именным указом от 31 марта 1716 г. он получил задание зоологического характера: «Когда будешь в Ост-Индии у магола, купи довольное число птиц больших всяких, а имянно струсов, казеариусов и протчих, также и малых всяких родов, также зверей всяких же родов, а больше малых всяких же родов, и привези с собою бережно»¹¹.

Непосредственно против британцев был направлен несостоявшийся русско-французский поход в Индию, который согласно рескрипту № 2 Павла I от 12 (24) января 1801 г. должен был осуществляться из Оренбурга¹²: «<...> с артиллериею прямо чрез Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведении англинския по ней лежащая. <...>. Пошлите своих лазутчиков приготовить или осмотреть дороги, всё богатство Индии будет нам за сию экспедицию наградою».

Конец же «Большой игре» формально был положен 31 августа 1907 г. в Санкт-Петербурге подписанием англо-русского соглашения, которое заявило о неприкосновенности Тибета, разделило Персию на три зоны влияния и исключило Афганистан из сферы интересов Российской империи¹³. Это соглашение способствовало созданию блока Великобритании, Франции и России, известного под названием «Тройственное согласие» (Антанта).

Однако на практике оказалась верной известная фраза в романе Кипплинга «Ким», гласящая “*When everyone is dead, the Great*

¹⁰ Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М., 1965. С. 38–39, 49.

¹¹ Там же. С. 45.

¹² Русско-индийские отношения в XIX веке. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997. С. 28.

¹³ Андреев А.И. Тибет в политике...

*Game is finished. Not before*¹⁴. «Большая игра» продолжилась почти сразу после подписания соглашения (секретная миссия Маннергейма в Кашгарию, 1906–1908), после революции 1917 г., в 1930–1940-е годы и особенно в годы «холодной войны», когда она фактически получила второе рождение¹⁵. После распада Советского Союза в конце 1991 г. арена «игры» сдвинулась на территорию постсоветской Средней Азии, где появились новые важные игроки: США, Турция и Китай.

История «Большой игры» в Центральной Азии в XIX в. отражена во многих работах¹⁶. Советские авторы этого термина избегали, хотя он и был им известен¹⁷.

В данной статье мы кратко остановимся на взаимодействии военных офицеров и полевых натуралистов в Центральной Азии.

¹⁴ «– Большая Игра кончится только тогда, когда умрут все. Не раньше» (*Киплинг Р.* Ук. соч. С. 213).

¹⁵ *Петров В.И.* Мятёжное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003; *Андреев А.И.* Тибет в политике...; *Мейер К.Е., Brysac S.B.* Tournament of Shadows...; *Батурич Ю.М.* «Военно-учёные» экспедиции в Синьцзян и секретная «дорога жизни» в 1937–1943 гг. // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). Тезисы докладов. СПб., 2013. С. 16–17). Любопытно, что в секретной миссии США в Тибет в 1942–1943 гг. активное участие принял американский майор Илья Андреевич Толстой (1903–1970), внук Льва Толстого (см.: *Мейер К.Е., Brysac S.B.* Tournament of Shadows... С. 531–534, 540–548).

¹⁶ Напр.: *Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. СПб., 1906; *Руир.* Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке. М., 1924; *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века). Ташкент, 1957; *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857–1876). Автореферат дис. на соиск. уч. ст. д. ист. н. М., 1962.; Русско-индийские отношения в XIX веке...; *Постников А.В.* Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М., 2001; «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов / Сост. *Т.Н. Загородникова.* М., 2005; *Андреев А.И.* Тибет в политике...; Российские экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции 1870–1920-е гг. / Ред. *А.И. Андреев.* СПб., 2013; *Колесников А.А.* Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. Бишкек, 2006. *Мейер К.Е., Brysac S.B.* Tournament of Shadows...; *Воробьева-Десятовская М.И.* Великие открытия русских учёных в Центральной Азии. СПб., 2011.

¹⁷ *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 23.

Сами авторы являются профессиональными зоологами, попутно занимающимися историей науки. Нам удалось посетить многие районы Центральной Азии, где проходили как российские, так и иностранные экспедиции XIX и начала XX вв. Это – Монголия (1981, 1982, 2006, 2008), Китай (Синьцзян, Сычуань, 1990), Индия (Западные Гималаи, 2011, 2013), Таджикистан (Памир, 2013), не говоря о многочисленных полевых работах в Казахстане и Кыргызстане в советское и постсоветское время. В ходе этих поездок мы обращали особое внимание на те пункты, где были путешественники прошлого, включая фотосъёмку этих мест.

Военные и натуралисты

Как известно, натуралисты – это исследователи природы (как живой, так и неживой); сам этот термин (*naturalist*) был очень популярен в XIX столетии. Уже в XVIII в. стали формироваться три главных категории натуралистов: *кабинетные*, *полевые* и *лабораторные натуралисты*. В наше время к ним можно добавить *компьютерных* натуралистов, которые моделируют природные процессы, используя математические методы. Среди полевых натуралистов, отличительной чертой которых является экспедиционная деятельность, в контексте «Большой игры» полезно выделить две группы. Это – географы, а также более узкие специалисты: биологи (зоологи, ботаники) и геологи. Такое деление, конечно, несколько условно, так как в XIX в. участники экспедиций часто выполняли несколько функций сразу. Например, магистр ботаники Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1827–1914) в истории науки известен, прежде всего, как выдающийся географ; он увлекался также энтомологией, собрав огромную коллекцию жуков.

В XIX в. обширные территории Внутренней Азии, включая запад Цинского Китая, оставались практически неизвестными для европейцев, что составляло большую проблему, в том числе в плане проведения возможных военных операций и колонизации территорий. Необходимо было *обследовать* гигантский, во многом неведомый регион, как в плане военных интересов, так и в отношении природных ресурсов. Последнее требовало участия подготовленных офицеров или непосредственно самих натуралистов. Эта непростая задача решалась как Британией, так и Россией примерно одинаковыми методами.

Во-первых, натуралисты нередко включались в состав разного рода *посольств* и *миссий* дипломатического или военного характера. Например, в русской дипломатической миссии в Бухару в 1820–1821 гг. под руководством А.Ф. Негри, сопровождавшейся большим военным конвоем, участвовали натуралисты Христиан Иванович Пандер (1794–1865), будущий знаменитый эмбриолог и палеонтолог, и Эдуард Александрович Эверсман (1794–1860), зоолог. В состав миссии входили также офицеры Генерального штаба под руководством полковника Е.К. Мейендорфа (1794–1863), которые производили топографическую съёмку и составляли картографическое описание по пути следования из Оренбурга¹⁸. В 1876 г. в Кашгарию была послана дипломатическая миссия во главе с капитаном Генерального штаба А.Н. Куропаткиным (1848–1925), впоследствии ставшим военным министром; в ней принимал участие натуралист Александр Ильич Вилькинс (1845– после 1892)¹⁹. В неудачной Яркендской миссии 1870 г. Дугласа Форсайта (*Thomas Douglas Forsyth*, 1827–1886) были «a bird collector» и «a plant collector», т. е. коллекторы птиц и растений. Членом его 2-й Яркендской миссии 1873–1874 гг. стал геолог, палеонтолог и зоолог Фердинанд Столичка (*Ferdinand Stoliczka*, 1838–1874), умерший от болезни у южного подножья хребта Каракорум на обратном пути в Индию.

Во-вторых, натуралисты привлекались для участия в *пограничных комиссиях* по разграничению спорных территорий. Особенностью такого рода мероприятий был их международный характер. Так, в 1882–1883 гг. А.И. Вилькинс принимал участие в демаркации границы с Китаем в Ферганской и Семиреченской областях²⁰. В качестве примера можно привести также деятельность британского зоолога капитана Альфреда Олкока (*Alfred William Alcock*, 1859–1933) в Памирской разграничительной ко-

¹⁸ *Матвиевская Г.П.* Яков Владимирович Ханьков. 1818–1862. М., 2006. С. 19–21.

¹⁹ *Колесников А.А.* Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.)... С. 14.

²⁰ *Любарский Г.Б.* История Зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. М., 2009. С. 504.

миссии 1895–1896 гг.²¹ К сожалению, в российской части этой комиссии натуралистов не было. Петербургский зоолог Пётр Владимирович Нестеров (1883–1941) в 1914 г. участвовал в работе международной комиссии по демаркации границы между Оттоманской империей и Персией в Курдистане, ныне граница между Ираком и Ираном²².

В-третьих, натуралистов включали в различного рода *экспедиции*, в том числе и военного характера, в задачи которых входило детальное описание посещаемых регионов, картирование, сбор необходимой информации, а также коллектирование растений, животных, минералов, предметов этнографии и т. д. Такие экспедиции получили название *военно-географических*. Одной из первых в XIX в. можно считать военно-топографическую экспедицию под командованием полковника Генерального штаба Ф.Ф. Берга (1793–1874) на северо-восток Каспийского моря и запад Арала в 1825–1826 гг. с участием в качестве натуралиста Э.А. Эверсмана²³.

Для их подготовки, помимо военных ведомств, использовались и научные организации. В России главную роль играло Императорское Русское географическое общество, созданное в Санкт-Петербурге (1845), среди членов которой офицеры занимали не последнее место. В Великобритании аналогичную роль играло Королевское Географическое общество в Лондоне (*The Royal Geographical Society*, London, 1830). Оба эти общества имели тесные контакты с военными ведомствами своих стран, а кадровые военные из армии и флота принимали активное участие в их деятельности не только на правах многочисленных членов, но и нередко входили в руководство. Такое сращивание, конечно, не было случайным²⁴. В его основе лежали общие интересы государства и

²¹ В отечественной литературе он известен также как «Алкок» (*Постников А.В.* Схватка на «Крыше мира»... С. 303).

²² *Adler K.* Herpetologists of the Past, Part 3 // *Adler K.* (ed.). Contributions to the History of Herpetology. Volume 3. Vancouver, 2012. С. 209.

²³ *Матвиевская Г.П.* Яков Владимирович Ханыков... С. 21–22.

²⁴ *Андреев А.И.* Центральная Азия: её исследования и исследователи // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 30; *Басханов М.К.* «Не ковром была послана нам дорога в глубь Азии»: феномен эпохи русских «географических генералов» // Российское изучение Центральной Азии... С. 16–17.

науки, идеология и взаимно полезное сотрудничество по организации, финансированию и проведению экспедиций. В Британской Индии натуралисты привлекались также из других организаций, например, из Азиатского общества (*The Asiatic Society*, 1784) и Геологической службы Индии (*The Geological Survey of India*, 1851) в Калькутте. В России собранные материалы (экземпляры животных, гербарий), как правило, поступали для обработки в музей Императорской Академии наук в Санкт-Петербург, где они по большей части хранятся и по сей день в Зоологическом и Ботаническом институтах РАН. Геологические коллекции стараниями А.А. Иностранцева (1843–1919) частично попали в геологический кабинет Императорского Санкт-Петербургского университета. Недавно был опубликован интересный обзор сведений по полевым изысканиям и коллекторской деятельности в ходе российских экспедиций в Центральную Азию²⁵.

Задачи физической географии в ходе научной рекогносцировки проходимых экспедициями территорий решались относительно легко, так как кадровые военные получали в этом отношении хорошую подготовку, обладая соответствующими знаниями и навыками. В начале 1854 г. в Академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге было организовано геодезическое отделение, где готовили специалистов по военной геодезии и географии. В отделении был введён курс физической географии, чтобы «<...> офицеры русского Генерального штаба могли исполнять не одни только военные рекогносцировки, но и участвовать в учёных экспедициях»²⁶. Таким образом, в рамках военного ведомства сформировалась даже специальность военного географа, которая позволяла решать поставленные задачи своими силами и организовывать собственные экспедиции. География преподавалась также в военных училищах и школах²⁷.

²⁵ Российские экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции...

²⁶ Есаков В.А. Михаил Иванович Венюков. 1832–1901. М., 2002. С. 19.

²⁷ Военную географию её знаток полковник А.Е. Снесарев определял так: «Из общей географии военная берёт или то, что имеет исключительно военный интерес, или берёт данные, имеющие более широкое значение, но выясняет эти данные с точки зрения военных интересов». (*Снесарев А.Е. Военная география России (Часть общая)*. СПб., 1909. С. 5–6).

Одним из первых профессиональных военных географов был Михаил Иванович Венюков (1832–1901), который по заданию Генерального штаба проводил соответствующие исследования на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Полагают, что именно он в 1860-е годы в Варшаве благотворно повлиял на молодого преподавателя юнкерского училища Н.М. Пржевальского²⁸. В 1870-е годы М.И. Венюков одновременно служил в Военно-учёном комитете Генерального штаба и был учёным секретарём Императорского Русского географического общества²⁹.

Задача получения сведений о природе в рекогносцировочных экспедициях оказалась более сложной, в том числе и практически, так как не только требовала определённого набора знаний в различных естественных науках, но и сбора природных объектов для последующей их обработки специалистами на далёкой родине. Однако успех в коллектировании в поле, обработке на месте и хранении собранных материалов в ходе длительных экспедиций был связан с рядом трудностей, в том числе транспортировки, не говоря уже о потраченном времени и необходимом оборудовании. Например, птиц и млекопитающих надо было уметь вовремя отпрепарировать, чтобы полученные тушки и шкуры не пропали и представляли научную ценность, рыб, земноводных и пресмыкающихся законсервировать (заспиртовать), для чего нередко использовали стеклянную посуду. Изготовление коллекций насекомых и гербария требовало некоторых навыков и времени, которое также уходило на написание этикеток. Тот, кто бывал в экспедициях, понимает, что это не всегда делается легко, особенно когда после тяжёлого дня наваливается усталость. В России и Великобритании проблема сбора материалов в ходе экспедиций XIX – начала XX вв. решалась несколькими способами.

1. *Кадровые офицеры* попутно сами или чаще с помощью низших чинов собирали материалы натуралистического характера, в частности по зоологии и ботанике. Например, сборы по зоологии, по-

²⁸ Есаков В.А. Михаил Иванович Венюков. 1832–1901. М., 2002. С. 36. Их общее фото С. 35.

²⁹ Там же. С. 60.

лученные в экспедициях Бронислава Людвиговича Громбчевского (1855–1926) по Памиру, Гиндукушу и Кашгарии в 1888–1889 гг., принесли несколько новых, ранее неизвестных науке видов ящериц. Он собирал также растения. По части геологии консультировался у известного специалиста по геологии Туркестана И.В. Мушкетова, что пригодилось в поисках залежей нефрита и свинца³⁰. Ученик Н.М. Пржевальского, Всеволод Иванович Роборовский (1856–1909) занимался преимущественно сбором растений, хотя не пропускал и животных. Неплохой рисовальщик, он оставил серию рисунков животных, встреченных в ходе экспедиций; некоторые из них опубликованы. Офицер Генерального штаба Василий Фёдорович Новицкий (1869–1929) в ходе путешествия из Пенджаба (ныне Пакистан) через Кашмир, Ладак, Каракорум, Кашгарию и Памир в Фергану собирал жуков (по просьбе П.П. Семёнова), гербарий и горные породы, а также отмечал птиц по маршруту. По всей видимости, этот молодой офицер был достаточно подготовлен к такого рода деятельности. Так, он хорошо знал птиц и для многих пунктов привёл их список с латинскими названиями³¹.

2. *Офицеры-натуралисты.* К этой категории следует отнести военных офицеров, которые серьёзно увлекались изучением дикой природы и фактически сами становились натуралистами высокого уровня. В этом отношении наиболее ярко себя проявил Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888), чьи экспедиции по Центральной Азии вошли в пантеон славы российской науки и истории. Сам Н.М. Пржевальский, страстный охотник, со временем превратился в неплохого зоолога-любителя с особым интересом к птицам и крупным млекопитающим. По его словам, зоологические интересы шли у него сразу после главных географических задач³². Поэтому не случайно этот великий путешественник имел обширные связи с известными российскими

³⁰ *Андреев А.И.* Геологические и палеонтологические коллекции // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 273.

³¹ *Новицкий В.Ф.* Из Индии в Фергану. Описание путешествия, совершённого в 1898 году из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Каракорамское нагорье, Раскем и Кашгарию в Русский Туркестан // Записки ИРГО по общей географии. СПб., 1903. Т. 38. № 1.

³² *Андреев А.И.* Центральная Азия: её исследования и исследователи // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 28.

зоологами, в частности в Зоологическом музее Императорской Академии наук, куда были переданы его ценнейшие сборы³³. К офицерам-натуралистам относился и Пётр Кузьмич Козлов (1863–1935), который, помимо общих зоологических наблюдений и коллектирования, сам интересовался птицами, следуя и в этом своему незабвенному учителю Пржевальскому, который научил его определять и препарировать птиц. Вернувшись из 2-й Тибетской экспедиции Пржевальского, П.К. Козлов в течение трёх лет изучал зоологию под руководством Е.А. Бихнера (1861–1913), куратора Зоологического музея Императорской Академии наук³⁴. Более ранним коллектором был Григорий Силыч Карелин (1801–1872), выполнивший ряд секретных миссий в Персию и на восточное побережье Каспия. Среди британских офицеров-натуралистов можно назвать уже упоминавшегося А.У. Олкока, который, впрочем, скорее был профессиональным зоологом. Другой кадровый офицер Британской Индии Ричард Беддом (*Richard Henri Beddome*, 1830–1911), дослужившийся до полковника (1879), был также известным ботаником и зоологом, описавшим около тысячи новых видов растений и животных.

3. В особую категорию следует выделить профессиональных натуралистов, поступивших на военную службу. Среди них в России наиболее известен зоолог Николай Алексеевич Северцов (1827–1885), биография которого кратко будет рассмотрена в отдельной статье.

4. Наконец, ещё одну категорию составляли штатские натуралисты. Это, например, энтомолог Григорий Ефимович Грум-Гржимайло (1860–1936), выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета, исследователь Памира и Западного Китая в 1884–1890 гг. Как намекали, его интерес к Памиру был обусловлен не одной только энтомологией³⁵. В Британской Индии многие натуралисты, связанные с Азиатским музеем

³³ См., напр.: Андреев А.И., Гнатюк Т.Ю. Зоологические коллекции // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 158–187.

³⁴ См., напр.: Андреев А.И., Гнатюк Т.Ю. Зоологические коллекции // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 177, 192–193, 213.

³⁵ Ефремов Ю.К. Григорий Ефимович Грум-Гржимайло (1860–1936) // Отечественные физико-географы и путешественники / Ред. Н.Н. Баранский, Н.Е. Дик, Ю.К. Ефремов, А.И. Соловьев, Н.А. Солнцев. М., 1959. С. 410.

и особенно с Геологической службой Индии, участвовали в разного рода миссиях, пограничных комиссиях и т. д. Наиболее известны среди них Ф. Столичка (см. выше) и его близкий коллега Уильям Томас Бланфорд (*William Thomas Blanford*, 1832–1905).

Экспедиции строились по военному принципу³⁶, что было вызвано не только непростыми поставленными задачами и реальными сложностями походной жизни и работы, но часто и враждебным отношением местного населения. Так, по воспоминаниям зоолога С.Я. Парамонова, использовавшего псевдоним «Сергей Лесной»³⁷, П.К. Козлов был сторонником железной дисциплины во время экспедиций, так как только абсолютное единство небольшой горсточки людей, долгое время в тяжёлых физических условиях находившихся среди необозримых пустынь, могло обеспечить успех путешествия. Ему было даже дано право расстрелять любого члена экспедиции, оказавшего неповиновение.

Поэтому не удивительно, что во главе центральноазиатских экспедиций, как правило, стояли военные офицеры (Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, В.И. Роборовский, П.К. Козлов, Б.Л. Громбчевский, Г.Н. Потанин, Ю.А. Сосновский). Пожалуй, исключение составили ботаник П.П. Семёнов (с 1906 г. Тянь-Шанский), исследовавший в 1856–1857 гг. Тянь-Шань, зоолог Алексей Павлович Федченко (1844–1873), изучавший с женой в 1869–1871 гг. Туркестан, включая Памир, а также зоолог Н.А. Северцов и энтомолог Г.Е. Грум-Гржимайло. Однако Н.А. Северцов находился на военной службе. Г.Е. Грум-Гржимайло в 1885 г. обследовал горную Бухару в сопровождении корпуса военных топографов штабс-капитана Родионова и конвойных казаков³⁸. С 1887 г. он путешествовал вместе со своим братом военным

³⁶ *Басханов М.К.* «Не ковром была постлана нам дорога в глубь Азии»: феномен эпохи русских «географических генералов» // Российское изучение Центральной Азии... СПб., 2013. С. 17.

³⁷ *Лесной С.* «Академик-путешественник» П.К. Козлов (из личных воспоминаний) // Природа. 1993. № 4. С. 124.

³⁸ [*Грум-Гржимайло Г.Е.*]. Путешествие члена сотрудника Г.Е. Грум-Гржимайло в Припамирские страны // Известия ИРГО. 1885. Т. 21. Вып. 6. С. 580.

топографом Михаилом Ефимовичем Грум-Гржимайло (1861–1922).

Натуралисты нередко выполняли также функцию врачей. Так, Э.А. Эверсман был включён в состав миссии в Бухару в 1820–1821 гг. именно врачом, поскольку место натуралиста уже было занято Х.И. Пандером. Сочетание занятий врача и натуралиста не было редкостью для британцев. Таким был, например, Джон Андерсон (*John Anderson*, 1833–1900), известный зоолог и куратор Индийского музея в Калькутте (1865). В Великобритании даже существовала должность «surgeon-naturalist», т. е. врач-натуралист³⁹, введённая во флоте. В 1888 г. её получил А.У. Оллок, поступивший на службу в Индийское морское управление (*Indian Marine Survey*). Врач и офицер Индийской медицинской службы Фрэнк Уолл (*Frank Wall*, 1868–1950) изучал змей в Британской Индии и Китае. Капитан Френсис Стюарт (*Francis Hugh Stewart*), связанный с этой же службой, в 1907 г. был в Тибете, где собирал животных⁴⁰.

Собственно натуралисты стали включаться в дипломатические миссии и военно-географические экспедиции уже в начале XIX в. (посольство А.Ф. Негри, военно-топографическая экспедиция Ф.Ф. Берга). В центральноазиатские экспедиции последней трети того столетия (эпоха Н.М. Пржевальского) они стали привлекаться лишь в 1880-е годы. Любопытно, что в экспедициях самого Н.М. Пржевальского и В.И. Роборовского профессиональных натуралистов не было, а их функции выполняли военные офицеры.

По-видимому, первым, кто включил натуралистов в свой отряд, был Григорий Николаевич Потанин (1835–1920). Начиная с экспедиции 1876–1877 гг. по северо-западу Монголии, с ним сотрудничал зоолог-орнитолог Михаил Михайлович Березовский (1843–1911), первоначально студент, который принял участие в трёх его путешествиях. Расходы М.М. Березовского в двух ки-

³⁹ Буквально «surgeon» переводится как *хирург*, но это слово обозначает также военного или военно-морского врача, офицера медицинской службы. Можно напомнить, что молодой натуралист Чарлз Дарвин в кругосветном плавании на «Бигле» также занимал должность врача.

⁴⁰ *Zhao E., Adler K. Herpetology of China... С. 30.*

тайских экспедициях Г.Н. Потанина (1883–1887 и 1891–1894) оплачивали сибирские купцы-меценаты⁴¹. Любопытно, что в состав 2-й Китайской экспедиции Г.Н. Потанина входили сразу два профессиональных натуралиста: помимо М.М. Березовского еще и геолог В.А. Обручев.

В Тибетской экспедиции Михаила Васильевича Певцова 1889–1890 гг., заменившего Пржевальского после его неожиданной смерти, участвовал молодой геолог Карл Иванович Богданович (1864–1947), рекомендованный Иваном Васильевичем Мушкетовым (1850–1902). В 1914–1917 гг. К.И. Богданович был директором Геологического комитета России (ныне ВСЕГЕИ). Другой геолог, Владимир Афанасьевич Обручев (1863–1956), также рекомендованный И.В. Мушкетовым, попал в 4-ю Китайско-Тибетскую (Сычуаньскую) экспедицию Г.Н. Потанина 1892–1893 гг., в которой работал фактически самостоятельно. В 1905–1909 гг. В.А. Обручев сам совершил три экспедиционные поездки в Джунгарию. В советское время он стал известным академиком, а широкую популярность получил как автор книг «Плутония» (1924) и «Земля Санникова» (1926). Наконец, третий геолог Александр Александрович Чернов (1877–1963) работал в Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова в 1907–1909 гг. Он также стал известным геологом, Героем Социалистического Труда (1957). Иначе говоря, многие участники экспедиций в Центральную Азию сделали потом неплохую карьеру.

Таким образом, вовлечённость натуралистов в экспедиции началась с зоологов. Поэтому не удивительно, что они первоначально выполняли значительно более широкие функции, в том числе производя наблюдения и сборы по геологии. Следует заметить, что геологические выводы зоологов Н.А. Северцова и Г.Е. Грум-Гржимайло подвергались критике со стороны про-

⁴¹ В общей сложности М.М. Березовский участвовал в 14 экспедициях, сначала как приглашённый натуралист. В 1902–1908 сам руководил экспедициями в Китай и Центральную Азию, занимаясь географией и этнографией. Собранные им в Китае коллекции птиц сначала были отправлены в Иркутск, но в советское время «в целях обеспечения лучшей сохранности и большей доступности для научных исследований» были переданы в Зоологический музей Московского университета. Часть его сборов попала в Британский музей.

фессиональных геологов И.В. Мушкетова, К.И. Богдановича и В.А. Обручева. Среди британцев геологом и зоологом был упоминавшийся выше У.Т. Бланфорд, вклад которого в обе эти науки получил заслуженное признание.

Насколько нам известно, в XIX в. профессиональные ботаники не участвовали в военно-географических экспедициях в Центральную Азию, если не считать так называемой Учёной экспедиции Туркестанского отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 1878 г.⁴² Она была снаряжена туркестанским генерал-губернатором К.П. фон-Кауфманом для изучения Каратегина и западной части Памира. В составе экспедиции были ботаник М.И. Невский и военный топограф штабс-капитан Г.Е. Родионов, а руководил ею энтомолог Василий Фёдорович Ошанин (1844–1917), отвечавший за зоологические сборы. Не мешает также указать на самостоятельные путешествия ряда известных ботаников. Альберт Эдуардович Регель (1845–1909) в 1877 г. обследовал Кульджу и первым из российских исследователей посетил княжество Шугнан на Памире (1883). В 1897 г. академик Сергей Иванович Коржинский (1861–1900) возглавил экспедицию Императорского Русского географического общества на Памир для обследования Рушана и Шугнана, участником которой был молодой офицер Александр Николаевич Кознаков (1871–1933), впоследствии сотрудничавший с П.К. Козловым. В 1896–1899 гг. Владимир Ипполитович Липский (1863–1937) был послан Императорским Русским географическим обществом вместе с капитаном Львом Семёновичем Барцевским (1849–1910) в бухарские владения, откуда они привезли богатые коллекции. Липский изучал также хребты Памиро-Алайской группы, образующие горную часть Бухары. Наконец, ботаник и географ Василий Васильевич Сапожников (1861–1924) прославился своими исследованиями Алтая (1895–1899, 1905–1909) и Семиречья (1902–1904, 1912–1915).

В завершение приведём высказывание В.Ф. Ошанина, который дал своё объяснение успехам российской науки в Туркестане в XIX веке:

⁴² *Ошанин В.Ф.* Каратегин и Дарваз // Известия ИРГО. 1881. Т. 17. Вып. 1.

«В Туркестане каждое движение наших войск вперёд, каждое новое территориальное приобретение сопровождается мирными победами и завоеваниями в области науки. Война является в Средней Азии могущественною союзницею науки. Многие местности в непосредственном нашем соседстве были совершенно недоступны для учёных исследований отдельных лиц, и изучение их стало возможным только под прикрытием русских штыков».

Литература

Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: СПбГУ; Изд-во А.А. Терентьева «Нартанг», 2006. 464 с.

Андреев А.И. Центральная Азия: её исследования и исследователи // Российские экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции 1870–1920-е гг. / Ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 10–55.

Андреев А.И. Геологические и палеонтологические коллекции // Там же. С. 265–288.

Андреев А.И., Гнатюк Т.Ю. Зоологические коллекции // Там же. С. 157–233.

Басханов М.К. «Не ковром была послана нам дорога в глубь Азии»: феномен эпохи русских «географических генералов» // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). Международная научная конференция 15–17 октября 2013 г. Санкт-Петербург. Тезисы докладов / Отв. ред. К.В. Чистяков, ред.-сост. Т.И. Юсупова. СПб.: Политехника-сервис, 2013. С. 16–17.

Батурич Ю.М. «Военно-учёные» экспедиции в Синьцзян и секретная «дорога жизни» в 1937–1943 гг. // Там же. С. 18–19.

«Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов / Составитель, автор предисловия и примечаний Т.Н. Загородникова. М.: ИВ РАН, 2005. 319 с.

Воробьёва-Десятовская М.И. Великие открытия русских учёных в Центральной Азии. СПб.: Изд-во А. Голода, 2011. 247 с.

[Грум-Гржимайло Г.Е.] Путешествие члена сотрудника Г.Е. Грум-Гржимайло в Припамирские страны // Известия ИРГО. 1885. Т. 21. Вып. 6. С. 579–582.

Есаков В.А. Михаил Иванович Венюков. 1832–1901. М.: Наука, 2004. 242 с.

Ефремов Ю.К. Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860–1936) // Отечественные физико-географы и путешественники / Ред. Н.Н. Баранский, Н.Е. Дик, Ю.К. Ефремов, А.И. Соловьёв, Н.А. Солнцев. М.: Учпедгиз, 1959. С. 408–418.

Киплинг Р. Ким. Наулака. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: Престиж Бук, 2007. 479 с.

Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. Бишкек: Раритет, 2006. 160 с.

Лесной С. «Академик-путешественник» П.К. Козлов (из личных воспоминаний) // Природа. 1993. № 4. С. 122–128.

Любарский Г.Б. История Зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. М.: КМК, 2009. 744 с.

Матвеевская Г.П. Яков Владимирович Ханыков. 1818–1862. М.: Наука, 2006. 200 с.

Новицкий В.Ф. Из Индии в Фергану. Описание путешествия, совершённого в 1898 году из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Каракорамское нагорье, Раскем и Кашгарию в Русский Туркестан // Записки ИРГО по общей географии. СПб. 1903. Т. 38. № 1. С. I–III + I–IV + I–II + 1–297, 2 карты, 18 фототипий.

Ошанин В.[Ф.] Краткий обзор деятельности Туркестанского Отдела с 1876 по 1879 год // Записки Туркестанского отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Ташкент. 1879. Т. 1. Вып. 1. С. 1–7.

Ошанин В.Ф. Каратегин и Дарваз // Известия ИРГО. 1881. Т. 17. Вып. 1. С. 21–58.

Петров В.И. Мятёжное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003. 526 с.

Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (Монография в документах). М.: Памятники исторической мысли, 2001. 415 с.

Российские экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции 1870–1920-е гг. / Ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор-История, 2013. 331 с.

Руур. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке. М.: Красная новь, 1924. 180 с.

Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. Составители Р.В. Овчинников и М.А. Сидоров. М.: Главная редакция восточной литературы, 1965. 656 с.

Русско-индийские отношения в XIX веке. Сборник архивных документов и материалов / Сост. А.А. Вигасин, В.Г. Воловников, Т.Н. Загородникова, М.Т. Кожекина, Л.В. Митрохин, А.В. Райков, М.Р. Рыженков, Н.И. Скворцова и Н.К. Чарыева. Отв. ред. П.М. Шаститко. М.: Восточная литература, 1997. 374 с.

Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. СПб: типография А.С. Суворина, 1906. VI+175 с.

Снесарев А.Е. Военная география России. (Часть общая). СПб.: издание автора, 1909. [4]+88 с.

Тагеев Б.Л. Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире // *Майер А.А., Тагеев Б.Л.* Полуденные экспедиции. Очерки. М.: Военное издательство, 1998. С. 163–350 (*перепечатка издания 1900 г.*).

Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века). Ташкент: изд-во САГУ, 1957. 251 с. – Труды САГУ. Новая серия. Вып. 110. Исторические науки. Кн. 24.

Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857–1876). Автореферат диссертации на соискание уч. ст. д. ист. н.. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1962. 42 с.

Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.

Adler K. Herpetologists of the Past, Part 3 // Adler K. (ed.). Contributions to the History of Herpetology. Volume 3. Vancouver: Society for the Study of Amphibians and Reptiles, 2012. P. 9–386 (Contributions to Herpetology, No. 29).

Meyer K.E., Brysac S.B. Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. New York: Basic Books, 2006. XL+648 p. (2ed revised ed., 1st ed. 1999).

Zhao E., Adler K. Herpetology of China. Oxford (Ohio, USA): Society for the Study of Amphibians and Reptiles in cooperation with Chinese Society for the Study of Amphibians and Reptiles, 1993. 522 p., 48 color plates (Contributions to Herpetology. No. 10).

“The Great Game” between Russian and British Empires in Central Asia and Field Naturalists

L.J. Borkin**, *S.N. Litvinchuk**

*Zoological Institute, RAS, **Institute of Cytology, RAS

The article analyzes relations between military officers and field naturalists of Russian and British Empires engaged in exploring Central Asia in the 19th century. Naturalists participated in diplomatic missions, international boundary commissions, and military-geographic expeditions (“scientific trips” arranged by military departments with geographical societies and other scientific organizations). We recognize four modes of collecting of natural objects during various field trips (expeditions): 1) by military officers as their side-line activities, 2) by military officers who were amateur naturalists, 3) by naturalists at military service, and 4) by professional naturalists invited from universities or learned societies. In many cases, naturalists combined their scientific field activities with medical service (e.g., surgeon-naturalists in British Empire). Military explorers also carried out geographical research. Since 1854, so-called military geographers were trained in St. Petersburg. Zoologists were the first professional naturalists who were invited to participate in Russian military-geographic expeditions to Central Asia where they conducted botanical and geological explorations. Later, geologists became participants of such expeditions. Although the majority of military-geographic expeditions were led by military officers, sometimes they were supervised by naturalists (zoologists and botanists).

О.А. Красникова
Библиотека РАН

Новое о карте Тартарии, Китая и Монголии, составленной в 1708–1718 гг., в период правления императора Кан-Си

Не так давно, в 2011–2012 гг., автором настоящего сообщения были опубликованы статьи, явившиеся результатом работы по осмыслению взаимосвязи между несколькими интереснейшими документами, обнаруженными и изучавшимися в течение последних нескольких лет¹. В статье была логически прослежена неопровержимая связь между картой И.К. Кирилова «*Tabula geographica partis extremae orientalis Siberiae et Tartariae...*»² из-

¹ Красникова О.А. 1) О карте Китая, присланной Петру I императором Кам-хи // Пятое Международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения «К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741–2011)». Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 155–162; 2) Установление российско-китайской границы в XVII–XVIII вв. и карта Китая, присланная Петру I императором Кан-си (Kangxi) (по картографическим фондам БАН и СПб филиала Архива РАН) // Россия и Китай. Научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб., 2012. С. 119–128; 3) Карты в истории установления российско-китайской границы в XVII–XVIII вв. и карта Китая, присланная Петру I императором Кам-хи // Наука из первых рук. 2011. № 3 (39). С. 54–69; 4) Новое о карте Китая из собрания Географического департамента Академии наук // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тезисы XXXII Международной годичной конференции СПб Отделения национального комитета по истории и философии науки и техники. Вып. XXVII. СПб., 2011. С. 103–104.

² Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века М.–Л., 1946. Приложение II. С. 290. № 117. «Карта географическая части дальневосточной Сибири и Тартарии, а также новых земель – Камчатки и Японских островов. Составлена Ив. Кир. Кириловым на основании карты геодезистов: Ивана Евреинова и Федора Лукина, посланных Петром I в 1719 г. для исследования вопроса о том, соприкасается ли Азия с Америкой, и на основании китайской карты, присланной императором Кам-хи Петру Великому». Известны несколько экземпляров копий карты, один также хранится в БАН (См. там же, № 118), ещё один опубликован Л.С. Багровым в журнале «*Imago Mundi*» (Т. 12. Stockholm, 1955. С. 130), и ещё один – в коллекции Ж.-Н. Делиля, в Париже (*Isnar A. J.-N. Delisle, sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale*. Paris, 1915. С. 136. № 32). Историк М.Г. Новлянская полагает, что подлинник карты Кирилова не сохранился, а имеющиеся в БАН экземпляры карт Камчатки лишь дают представление о его картографических работах.

вестной в отечественной научной литературе как «карта Камчатки», рукописью, названной «Начало Маппы Хинской часть первая, от градуса 55 даже до 50...»³, рукописной 37-листовой картой Китая, Монголии и др. земель,⁴ вычерченной в Географическом департаменте Академии наук около 1746 г. и Атласом Китая выдающегося французского географа и картографа д'Анвиля (*D'Anville J.*) «Atlas general de la Chine, de la Tartarie chinoise et de Tibet» (Paris, s. d.), сопровождавшего географическое описание Китая Ж.Б. Дю Гальда (*Du Halde J.B.*) «Description géographique de l'Empire de la Chine et de Tartarie Chinoise» (Tome premier, MDCCXXXV). Было показано, что изображение линии побережья и внутренней территории Китая, о-ва Сахалин⁵ и п-ова Корея на обзорной карте Китая из атласа д'Анвиля, на карте Камчатки Кирилова и на листах многолистной рукописной карты Китая и сопредельных земель идентичны, а также установлено, что текст рукописи «Начало Маппы Хинской...» является полистной росписью переведённых на русский язык географических названий четырёх верхних рядов многолистной карты Китая (по крайней мере, той копии, которая сохранилась в

³ СПФ АРАН. Разряд II. Опись 1. № 171. Скоропись, не менее чем два почерка, 79 листов, на Л. 30 первый академический штамп. Третья часть – «от градуса 45 до градуса 40...» повторяется дважды, разными почерками: Л. 30–32 об. (только начало росписи) и Л. 34–46 об. соответственно. На самом деле это название лишь первой части рукописи, которая является полистной росписью географических названий многолистной карты Китая. Сравнение текста рукописи с картой, хранящейся в НИОР БАН показывает, что это роспись верхних четырёх рядов этой карты, от 55° до 35° с. ш.

⁴ Рукописный картографический документ, записанный в каталоге НИОР БАН под условным названием «Карты отдельных провинций Монголии и Китая на 37 планшетах. Подписывал и переводил с манчжурского и китайск. прапорщик Ларион Рассохин, копировал студ. Вас. Кузнецов и студ. Егор Павинский». В действительности это не «карты отдельных провинций...», а многолистная, на 37 листах, карта обширной азиатской территории, обнимающая юг Сибири, Монголию, Китай, Корею и северную часть Индокитая, с координатной сеткой, от 55 до 20 параллели или от 55° до 20° с. ш. На всех 37 листах карты в левом нижнем углу указано: «Переводил и подписал поручик Ларион Рассохин». На листах карты сотни географических названий, иногда с пояснениями географического характера.

⁵ *Полевой Б.П.* Первый указ о Сахалине // Советский Сахалин. 11 сентября. 1958 г.

НИОР БАН). Основной вывод гласил, что три указанные картографические произведения имеют общий прототип – многolistную карту Китая и сопредельных территорий, составленную по результатам работ китайских специалистов и европейских миссионеров в период 1708–1718 гг.

По косвенным признакам удалось приблизительно датировать события – время присылки карты в Россию и, следовательно, датировку карты Кирилова, и, поскольку карта Кирилова не могла быть составлена позднее 1724 г.,⁶ то, следовательно, и карта Китая должна была оказаться в России в период не позднее 1721–1724 г. Наиболее же вероятной датой появления карты в России представляется 1722 г.

Кратко напомним историческую канву, на фоне которой разворачивались события, связанные с исследуемыми документами. В Китае издавна собирали карты как целых провинций, так и более мелких территорий. В 1708 г. император Кан-Си (*Khang-Si*, 4 мая 1654 – 20 декабря 1722), просвещённый и весьма учёный человек, велел начать работы по картографированию страны. К работам были привлечены и китайские специалисты, и иностранные миссионеры, находившиеся в то время в Китае. Так император приказал, в том числе, трём иезуитам – И. Бувэ (1656–1730), П. Жарту (1668–1720) и Ж.-Б. Регизу (1663–1736) заняться обследованием расположенных у Великой Китайской стены северных районов и рек. Эти и другие привлечённые к работам миссионеры, работавшие в других районах страны и земель, ей подвластных, спустя 8 лет попытались соединить составленные ими карты отдельных провинций в одну, сводную карту Китая и в 1718 г.⁷ она была представлена императору Кан-Си. Таким образом, работы по составлению Большой карты Китайской империи завершились составлением первой китайской

⁶ Красникова О.А. Установление российско-китайской границы в XVII–XVIII вв. и карта Китая, присланная Петру I императором Кан-си (*Kangxi*) (по картографическим фондам БАН и СПб филиала Архива РАН) // Россия и Китай. Научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб., 2012. С. 123.

⁷ В.Ф. Гнучева полагает, что работа над картой была завершена в 1721 г.

карты с географической сеткой⁸, необычайной не только для Китая, но и для Европы того времени по точности и обширности показанной территории⁹. Вероятно император нашёл карту заслуживающей внимания и, наравне с её копиями, которые согласно установленным правилам, должны были быть сделаны для четырёх дворцовых библиотек, заказал выполнить и копии для отсылки правителям ведущих европейских государств. Так, в частности, и могла оказаться копия этой карты в Санкт-Петербурге, в Сенате, где стала одним из источников для карты Кирилова, а позднее, уже в собрании Географического департамента Академии наук была по распоряжению Кабинета Ее Императорского Величества, сделанному в июне 1745 г., скопирована и переведена на русский язык. Эту работу к январю 1746 г. выполнил поручик Ларион (Илларион) Рассохин, переводчик и преподаватель Академии наук, изучивший китайский и маньчжурский языки во время пребывания в Пекине в 1729–1743 гг.

Для нас, в данном случае, самым важным является то, что упомянутые отечественные картографические документы имеют общий прототип – составленную в Китае карту. Местонахождение копии, оказавшейся в России, оставалось для нас неизвестным. Однако, историк Т.И. Юсупова любезно познакомила нас со статьёй историка Т.А. Пан¹⁰, содержащей сведения, отчасти

⁸ Чэнь Шу-Пэн. История развития и современное состояние картографии в Китае // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1957. № 3. С. 110–111. В этой статье указано, что это была карта в масштабе 1: 1 000 000 (либо 1: 1 400 000) на 120 листах. На неё ссылается историк В.Е. Масиброда в статье «Из истории китайской картографии» (Вопросы географии. Сб. 42. Картография. М., 1958. С. 181). Именно эта Большая карта империи на 120 листах, выполненная на основе старых карт и новых съёмок с участием европейских миссионеров в 1709–1718 гг., согласно авторам этих статей, была издана в 1718 г. с гравюры на меди. Пока взаимоотношения между Большой картой и описываемой нами рукописной многолистной (от 44 до 25 л. разного размера) картой не выяснены окончательно, а печатная китайская 120-листовая карта нам не встретилась. В статье идёт речь об экземплярах рукописной карты Китая, рукописные же копии которой находятся в европейских собраниях.

⁹ Кюнер Н.В. Описание Тибета. Часть первая. Географическая. Вып. 1. Владивосток, 1907. С. 38. История составления карты помещена в предисловии к упомянутому выше труду Дю Гальда.

¹⁰ Пан Т.А. Карта империи Цин, составленная иезуитами в 1719 г. Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. СПб., 2005. С. 28–35.

проливающие свет на этот вопрос. Т.А. Пан обнаружила в фонде Рукописного отдела Института восточных рукописей РАН (РО ИВР РАН) три неполных экземпляра многолистной карты Китая, самым большим среди которых оказался экземпляр из 17 листов, склеенных в четыре широтные полосы по 4 или 5 листов в каждом¹¹. Из краткого описания этого экземпляра, сделанного Пан, следует, что географические названия написаны на маньчжурском языке, поскольку для карт периода Кан-Си было принято топонимы севернее Великой Китайской стены обозначать на маньчжурском, а южнее её – на китайском языках. Судя же по изображённой на листах территории – «Сибирь от озера Байкал до устья Амура, Корея, Монголия, Синьцзян и Восточный и Южный Туркестан»¹² до района Великой Китайской стены – данный экземпляр представляет собой подборку именно тех карт, которые использовал И.К. Кирилов для составления своей «карты Камчатки».

Можно даже предположить, что это именно тот самый экземпляр, вероятно, оказавшийся в составе нынешнего собрания в результате нескольких реорганизаций академических учреждений. Попробуем проследить его путь. Ещё в начале второй трети XVIII в. из Сената после отъезда Кирилова в Башкирскую экспедицию эта карта вместе с другими картографическими документами была передана в Географическое бюро (пробраз Географического департамента Академии наук) в ведение Ж.-Н. Делиля. Точные записи об этом пока не найдены, но есть факт, неопровержимо подтверждающий передачу. Поскольку, как хорошо известно, по указанию Делиля все карты копировались (с переводом названий на французский язык или с латинской транслитерацией), была скопирована и эта, причём в её полном составе.

¹¹ Отдел рукописей ИВР РАН. № С 68 mss. Документы собрания получили новые шифры в 1929 г., когда была произведена новая, форматная расстановка и, соответственно, перешифровка мусульманского отдела Азиатского музея, произведённая сотрудниками В.А. Эbermanом и К.Д. Ильиной под руководством и при участии Е.Э. Бертельса. Все рукописи были поделены по их формату на пять групп, каждая из которых обозначалась литерами А, В, С, D и E. Внутри каждой группы рукописи получили порядковые номера, обозначенные арабскими цифрами.

¹² Пан Т.А. Ук. соч. С. 32.

Именно этот экземпляр – «Carte manuscrite de la grande Tartarie contenant le pais entre la Sibérie et la Chine, contenant depuis 35° de latitude à 55° de latitude, en 25 feuilles» (1708–1718)¹³ сохранился в фонде Национальной библиотеки Франции (*Bibliothèque nationale de France*) среди рукописных карт территории России 1724–1729 г. коллекции Ж.-Н. Делиля (*Cartes manuscrites de la collection Joseph Nicolas Delisle des territoires de la Russie entre 1724 et 1729*). Карту сопровождает географический указатель.

Возвращаясь к истории о нынешнем местонахождении карты, заметим, что ещё при объединении Академической библиотеки с Кунсткамерой в 1724 г. книги на восточных языках вошли в собрание библиотеки, основная часть карт оставались в Географическом департаменте, возможно, небольшая часть сохранялась в Архиве Конференции. Позднее же, при организации в 1818 г. Азиатского музея, ему были переданы из собраний Кунсткамеры, Академической библиотеки и Конференц-архива Академии восточные рукописи, а также, вероятно, и карты на восточных языках. Спустя столетие, в 1930 г. Азиатский музей вошёл в состав создаваемого Института востоковедения Академии наук СССР и с того времени, несмотря на переезд Института в Москву в 1950 г. и образование из оставшегося в Ленинграде Сектора восточных рукописей самостоятельного отделения академического Института востоковедения, библиотека и рукописные документы, среди которых и карты, находятся в Санкт-Петербурге, ныне в фонде ИВР РАН¹⁴.

Полная карта Цинской империи включает 44 листа,¹⁵ охватывающая территорию в 93 меридиана с востока на запад (нулевой меридиан проходит через Пекин) и с 20 по 55 параллель с. ш.¹⁶ Вероятно, в Европе оказалось не так много копий экземпляров этой карты. Можно предположить, что они были доставлены с

¹³ Bibliothèque nationale de France, GEVB-124(162,1-30RES) <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb424478543> (Дата обращения 30.10.2013).

¹⁴ Постановлением от 19 июня 2007 г. Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения реорганизован Институт восточных рукописей РАН.

¹⁵ Иногда, в зависимости от склейки листов, отдельные полные экземпляры карты состоят из 39, 37 или 25 листов различного размера.

¹⁶ *Пан Т.А.* Ук. соч. С. 32.

дипломатическими миссиями или дипломатической почтой, или в форме научного обмена между учёными с торговыми караванами¹⁷. По свидетельству Т.А. Пан, до недавнего времени было известно о местонахождении лишь четырёх её экземпляров, два из которых находятся в Италии, в библиотеке университета г. Болонья и в Восточном институте г. Неаполя, один – в Англии, в Британском музее и один – в Австрии, в Национальной австрийской библиотеке в г. Вена. Последний из перечисленных является самым хорошо изученным экземпляром карты.

Обнаруженные нами, в связи с этими изысканиями, ещё две полные рукописные копии карты, одна из которых хранится в Национальной библиотеке Франции (*Bibliothèque nationale de France*), в Париже, из коллекции Делиля, а другая – уже описанная рукописная копия из собрания НИОР Библиотеки РАН в Санкт-Петербурге¹⁸ существенно расширяют круг источников для историков картографии, синологов и маньчжуроведов.

В заключение хотелось бы ещё раз привести слова историка, востоковеда Н.В. Кюнера (1877–1955), свидетельствующие о том, что оригинальные китайские карты были высоко оценены европейскими современниками: «Не всем известно, что миссионерам приходилось вносить лишь немного исправлений в старые китайские карты и что их наблюдения нередко не давали никакой разницы для широты и долготы больших городов сравнительно с этими последними»¹⁹. Сам же д'Анвиль при издании своего атласа так писал о китайских картах: «Они делают великую честь китайцам и доказывают их превосходство как географов над другими азиатскими народами»²⁰.

¹⁷ Пан Т.А. Ук. соч. С. 33.

¹⁸ См. сноску № 1.

¹⁹ Кюнер Н.В. Описание Тибета. Часть первая. Географическая. Вып. 1. Владивосток, 1907. С. 38. См. также: *Чэнь Шу-Пэн*. История развития и современное состояние картографии в Китае // Известия АН СССР. Сер. Геогр. 1957. № 3; Масиброда В.Е. Из истории китайской картографии // Вопросы географии. Сб. 42. 1958. С. 181.

²⁰ Цит. по: Кюнер Н.В. Описание Тибета. Часть первая... Прим. к стр. 38.

Литература

Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века М.: Л., 1946.

Красникова О.А. Карты в истории установления российско-китайской границы в XVII–XVIII вв. и карта Китая, присланная Петру I императором Кам-хи // Наука из первых рук. 2011. № 3 (39). С. 54–69.

Красникова О.А. Новое о карте Китая из собрания Географического департамента Академии наук // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тезисы XXXII Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения национального комитета по истории и философии науки и техники. Вып. XXVII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2011. С. 103–104.

Красникова О.А. О карте Китая, присланной Петру I императором Кам-хи // Пятые Международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения «К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741–2011)». Материалы. 19–20 октября 2011 г. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 155–162.

Красникова О.А. Установление российско-китайской границы в XVII–XVIII вв. и карта Китая, присланная Петру I императором Кан-си (Kangxi) (по картографическим фондам БАН и СПб филиала Архива РАН) // Россия и Китай. Научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб.: БАН, Альфарет, 2012. С. 119–128.

Кюннер Н.В. Описание Тибета. Часть первая. Географическая. Вып. 1. Владивосток, 1907. 128 с.

Масиброда В.Е. Из истории китайской картографии // Вопросы географии. Сб. 42. 1958. С. 178–188.

Пан Т.А. Карта империи Цин, составленная иезуитами в 1719 г. Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития / Отв. ред. *Э.И. Колчинский*, ред.-сост. *Т.И. Юсупова*. СПб., 2005. С. 28–35.

Полевой Б.П. Первый указ о Сахалине // Советский Сахалин. 11 сентября 1958 г.

Чэнь Шу-Пэн. История развития и современное состояние картографии в Китае // Известия АН СССР. Серия Географическая. 1957. № 3. С. 110–111.

D'Anville J. Atlas general de la Chine, de la Tartarie chinoise et de Tibet. Paris, s. d. [1735].

Bagrow L.A. Few Remarks on the Amur, the Tartar Strait and Sakhalin // *Imago Mundi*. T. 12. 1955. P. 127–136.

Du Halde J.B. Description géographique de l'Empire de la Chine et de Tartarie Chinoise. Tome premier, MDCCXXXV.

Isnar A. J.-N. Delisle, sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale. Paris, 1915.

**Updates to the History of the Maps of Tartaria,
China and Mongolia, Compiled at the Age
of Emperor Caen-Si Administration (1708–1718)**

O.A. Krasnikova

Library of the Russian Academy of Sciences

It was revealed recently that four documents – I.K. Kirilov's map – “*Tabula geographica partis extremae orientalis Siberiae et Tartariae...*”, known in the domestic scientific literature as “map of Kamchatka”, manuscript, called “*Nachalo Mappy Khinskoi part one, from 55 degrees to 50 even...*”, handmade 37-sheet map of China, Mongolia, and other lands, plotted in Geographical Department of the Academy of Sciences about 1746, and Atlas of China by outstanding French geographer and cartographer D'Anville, are closely related. It turned out that the three cartographic products had a common prototype – China map, compiled from the works of Chinese experts and European missionaries in the years 1708–1718, and the manuscript of “*The Beginning of Map of China ... (Nachalo Mapy Hinskoy...)*” was a sheet-painted Russian transliteration of geographical names of the four upper rows. The new work suggests, that stored in the Manuscript Department of the RAS Institute of Oriental Manuscripts the handwritten map is the same that used I.K. Kirilov to produce his map. It provides an information about the new identified in collections of the National Library of France handwritten copies of maps of China with the French transliteration.

Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе
Брокский университет, Сент-Катаринс (Канада)

Агенты Империи? Русское географическое общество и Большая игра

В своей книге о русской геополитике, современный американский историк Милан Хаунер отмечает, что «талантливые представители [Императорского Русского географического общества] <...> вели Большую игру в Центральной Азии со своими британскими коллегами»¹. Это было мимолётное замечание автора, ибо Хаунер не углубляется в рассмотрение своего провокационного тезиса.

Но его высказывание является интригующим. Дело в том, что ряд членов Русского географического общества были офицерами, которые служили в Азиатской части Генерального штаба. И Географическое общество организовывало ряд экспедиций по Центральной и Внутренней Азии в период обострения англо-русского соперничества за обладание «сердцем» азиатского континента, которое англичане называли “*The Great Game*” – Большая игра.

Был ли прав Хаунер? Значит ли это, что члены Географического общества были участниками Большой игры? И если да, то в каких формах выражалось их участие? Каково было значение Большой игры для науки и для военных завоеваний?

В своём выступлении я подвергну предварительному рассмотрению эти очень не простые вопросы. Несколько лет назад я приступил к тщательному исследованию российской политики в Центральной Азии в эпоху императора Александра II и поэтому не претендую на то, чтобы дать окончательные ответы на эти вопросы. Тем не менее, я надеюсь, что моё выступление вызовет дискуссию среди участников конференции.

Сначала несколько слов о Большой игре. На протяжении большей части XIX в. Россия и Англия находились в состоянии

¹ *Hauner M. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. Boston, 1990. P. 41.*

холодной войны. Как и в случае конфликта между Советским Союзом и Соединёнными Штатами Америки сто лет спустя, противники боролись не за территории, принадлежавшие той или другой стороне, но за контроль над третьими лицами.

Англо-русское соперничество в XIX в. можно условно разделить на два этапа: решение «Восточного вопроса» и «Большая игра». Самым главным, конечно, был Восточный вопрос, или что делать с умирающей Османской империей? Но после поражения в Крымской войне, Россия обратила свои взоры в сторону Средней Азии. Снова русские выступили против Англии в конфликте, который позднее получил название Большой игры².

Несмотря на джентльменские нотки, звучащие в этом термине, «Большая игра» была смертельно опасной борьбой за господство над «сердцевиной» азиатского континента. Для королевы Виктории ставки здесь были не меньше, чем в «вопросе о русском или британском господстве в мире». «Поля» Большой игры включали в себя Персию на Западе, Афганистан и Западный Туркестан, а также огромные пространства в Центральной Азии в составе Китайской империи.

За исключением сражений, имевших место в ходе Крымской кампании в 1850-е гг., история Большой игры отмечена весьма немногочисленными прямыми англо-русскими военными столкновениями. Военные операции проводились, в основном, в отношении третьих сторон для приобретения лояльности их правителей, как это имело место в случае с Персией и Афганистаном, или с целью прямой аннексии для умиротворения населения на приграничных территориях.

Ещё одним аспектом Большой игры был упреждающий характер многих её ходов. Великобритания, в частности, вмешива-

² Лучшей историей этого соперничества с британской точки зрения остаётся: *Hopkirk P. The Great Game. Oxford, 1990.* Из публикаций русских современников см.: *Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875; Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в Средне-Азиатском вопросе. СПб., 1906.* См. также: *Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в (60–70-х гг.). Ташкент, 1967* и *Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.*

лась в дела Персии и Афганистана, в основном, в «профилактических» целях. В результате, сведения и представления о странах Центральной Азии, зачастую основанные на разведке самого элементарного рода, играли ключевую роль в действиях стратегов Лондона и Санкт-Петербурга. Граф Нессельроде, министр иностранных дел Николая I, в своё время хорошо понял суть этой извращённой логики, назвав Большую игру «Турниром теней»³.

Оба «игрока» – Россия и Британия – использовали очень похожие тактики. Но их цели существенно различались. Мотивы России в Средней и Центральной Азии по-прежнему вызывают оживлённые дискуссии среди историков. С другой стороны, действия Британии почти полностью мотивировались страхом перед вторжением России в Индию. Некоторые англичане стали рассматривать российскую экспансию в Средней Азии в духе американской теории домино.

Опасения англичан были не совсем беспочвенны. В 1801 г. император Павел I приказал частям донских казаков и калмыков собраться в Оренбургской губернии для подготовки к вторжению в английские колониальные владения⁴. Но после убийства Павла, его наследник, Александр I, отказался от подобных планов.

В ходе Большой игры российские планы завоевания Индии никогда не шли дальше штабных учений, патриотических передовиц и, при случае, умышленной дезинформации. Это не означает, однако, что русские игнорировали центральноазиатский фронт Британской Индии. Хорошо известно, что во время правления Александра II Россия стремительно расширяла свои границы в южном направлении.

Существует много объяснений, что побудило Россию двинуть свои войска в пески Туркестана, но я не буду сейчас касаться это-

³ *Edwardes M.* *Playing the Great Game: A Victorian Cold War.* Лондон, 1975. С. VIII.

⁴ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. I. С. 43; *Шильдер Н.К.* Император Павел Первый: историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 417–420; *Кубанов К.Г.* Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Нижневартовск, 2007. С. 42–51.

го вопроса. Важно отметить, что географические знания об этом регионе в то время были крайне скудными. Таким образом, научное любопытство, с одной стороны, и военные интересы, с другой, подтолкнули Россию к организации ряда географических экспедиций, прежде всего, для расширения знаний о Центральной Азии.

Большая игра также совпала с важным событием в области военной разведки в России.

До XIX в. русское военное командование пользовалось двумя способами для сбора разведанных о потенциальном противнике. Наиболее традиционный способ – получение информации от агентов, тайно собиравших её внутри государства, рассматриваемого в качестве потенциального противника. Второй способ – войсковая разведка и допрос военнопленных.

Как и в случае с другими реформами Александра II, поражение России в Крымской войне послужило стимулом для важных изменений в системе военной разведки⁵. Хотя недостатки в проведении военной разведки и не были решающим фактором в поражении России, этот военный конфликт отразил существенные изменения в принципах ведения войны, имевшие место в течение третьей четверти девятнадцатого века в Европе и Северной Америке.

Так же, как в период Наполеоновских войн полвека ранее, произошёл переход к формированию армий на основе всеобщего призыва. Конфронтации, подобные Крымской войне, свидетельствовали о растущем значении механизации, промышленного сектора и логистики. Эти события означали, что теперь стало ещё более важным иметь подробную информацию об экономической и демографической базе противника, не говоря уже о точных географических сведениях.

Русские полководцы понимали необходимость подобной осведомлённости и до Крымской войны. В правление Николая I в армии признавалась необходимость обучать офицеров исполь-

⁵ *Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д.* Д.А. Милютин и военная разведка России // П.А. Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 671–700.

зованию материалов стратегической разведки. В Николаевской Военной академии со дня её основания в 1832 г. преподавался курс военной географии.

Первым преподавателем курса был Пётр Александрович Языков, но его курс не был эффективным. Пришедший ему на смену в 1847 г. в качестве профессора военной географии Дмитрий Алексеевич Милютин, оказался большим приверженцем новой дисциплины.

Свои взгляды Милютин подробно изложил в статье «Критическое исследование значения военной географии и статистики», опубликованной в первый год его пребывания в академии⁶. Исходя из того, что «не одно число войск и кораблей определяет *военную силу* государства», Милютин считал нужным обратить внимание на «все вообще средства и способы, необходимые в государстве для ведения войны»⁷.

Милютин строго научно подходил к проблеме стратегической разведывательной оценки. Языков лишь указал на необходимость расширить его предмет за рамки традиционной географии. Милютин разработал военную статистику как особую дисциплину, обеспечив разведку методикой для более сложного стратегического анализа. Это была первая значимая реформа будущего военного министра.

Образованное незадолго до этого Русское географическое общество стало весьма важной площадкой для применения новаторского подхода Дмитрия Алексеевича. Как и Милютин, многие члены Общества выступали за систематическое применение научных принципов к изучению страны и её жителей. Важно подчеркнуть, что, служа делу познания мира, Русское географическое общество также служило и интересам государства. Его интересы – как и географических обществ, образованных ранее на Западе, – выходили за рамки чистой науки.

Первый вице-президент Общества Фёдор Петрович Литке был адмиралом. Помимо самого Милютина, среди членов Обще-

⁶ Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб., 1846.

⁷ Милютин Д.А. Критическое исследование... С. 181, 190. См. также: Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 104–105.

ства было немало военных и военно-морских офицеров. Присутствие военных в новом Обществе не было случайным, так как его интересы и интересы вооружённых сил часто совпадали. В своём выступлении на первом заседании Географического общества в 1845 г. адмирал Литке заявил, что он будет работать вместе с топографическим управлением Генерального штаба и гидрографическим департаментом Военно-морского министерства⁸.

В частности, особый интерес у Общества, которое использовало военно-статистическую методологию Милютина, вызывали регионы, простиравшиеся за Уралом и восточными границами России. Детальная информация об этих стратегически важных землях требовалась и армии. Военные часто руководили и всегда сопровождали экспедиции Географического общества в Туркестан, Монголию, Тибет и другие, ещё не нанесённые на карту восточные земли⁹.

Лучшим примером этой двойственности научных и военных интересов общества стала деятельность известного путешественника Николая Михайловича Пржевальского¹⁰. Четыре его большие экспедиции в 1870-х и 1880-е годы в малоисследованные земли Центральной Азии оказались очень важными для науки.

Но Пржевальский был не только географом. Он также был членом Генштаба, получавшим задание собирать разведывательную информацию об исследуемых им территориях для нужд армии. Хотя для публики путешествия Пржевальского проходили под эгидой Русского географического общества, военное министерство Милютина обеспечивало экспедиции необходимыми средствами, персоналом и оборудованием. «Притом научные ис-

⁸ Семёнов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. Т. III. СПб., 1896. С. 1318.

⁹ О деятельности армии и Географического общества в Центральной Азии см.: Рыженков М.Р. Роль военного ведомства России в развитии отечественного востоковедения в XIX – начале XX вв. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. М., 1990; Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London, 2006. О британской разведке в Большой игре см.: Johnson R. Spying for Empire: The Great Game in Central Asia, 1757–1947. London, 2006.

¹⁰ Дубровин Н.Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб., 1890; Схиммельпэннинг ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу. М., 2009. С. 39–69.

следования <...> будут маскировать политические цели экспедиции, и отклонять всякие подозрения наших недругов», – докладывал путешественник перед одной из своих поездок¹¹.

Таким образом, в дополнение к поиску обогащающих науку знаний, Николай Михайлович был вовлечён в военную разведку в Центральной Азии. Здесь-то и была применена милютинская установка на комбинирование географии и разведки. Имели место и другие случаи, когда Географическое общество сотрудничало с Генеральным штабом для проведения совместных научных и военных путешествий в Центральной, Средней и Восточной Азии.

Историки географической науки на Западе находятся под сильным влиянием идей Эдварда Саида о соотношении знания и власти. В своей главной книге «Ориентализм» Саид утверждает, что в Англии и Франции востоковедение служило целям колониальных завоеваний в Азии¹². Находящиеся под влиянием теории Саида многие учёные в Западной Европе и Северной Америке также считают, что географические общества их стран служили целям колониализма в XIX в.

В какой степени теории Саида применимы к географической науке России того времени? Пржевальский являлся сторонником широкой русской экспансии в Азии. Однажды он написал другу: «Тысячи наших солдат достаточно, чтобы покорить всю Азию от Байкала до Гималаев <...>. Здесь всё ещё можно повторить подвиги Кортеса»¹³.

Другие члены Географического общества во многом разделяли взгляды Пржевальского: генерал Михаил Венюков, который был учёным секретарём Общества с 1872 г. по 1874 г., утверждал в своей статье «Поступательное движение России в северной и восточной Азии», что Россия должна требовать «возвращения славян в окрестности их доисторического дома <...> на источники Инда и Окса»¹⁴.

¹¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 553. Л. 3–4.

¹² *Said E.* Orientalism. NY., 1978.

¹³ *Дубровин Н.М.* Николай Михайлович Пржевальский... С. 161.

¹⁴ *Венюков М.И.* Поступательное движение России в северной и восточной Азии // Сборник государственных знаний. Т. 3. СПб., 1877. С. 58–106.

Подобные настроения не являются чем-то необычным среди членов географических обществ Западной Европы того времени. Так, президент Французского географического общества (*Société Géographique de Paris*) заявлял в 1877 г.: «Сила любой страны заключается в экспансии, и <...> изучение географических наук является одним из важнейших элементов этой экспансии»¹⁵.

Но далеко не все члены Русского географического общества придерживались подобных взглядов. Будущий военный министр Алексей Куропаткин, который являлся одновременно действительным членом Географического общества и главой Азиатской части Генерального штаба, был решительным противником русских завоеваний в Азии. И хотя лучший ученик Пржевальского Пётр Кузьмич Козлов, также носил погоны генерал-майора, он не разделял экстремистских взглядов своего учителя о русской экспансии в Азии, как было отмечено в докладе одного из участников конференции Александра Андреева.

Короче говоря, когда речь идёт о географии, как и о востоковедении, Эдвард Саид был неправ. Далеко не все члены Императорского Русского географического общества были законными империалистами, которые поддерживали проекты завоеваний в Азии. Многие изучали Азию ради научного познания. Даже если Общество и сотрудничало с Генеральным штабом русской армии, это не означает, что оно служило инструментом русского колониализма.

Литература

Венюков М.И. Поступательное движение России в северной и восточной Азии // Сборник государственных знаний. Т. 3. СПб., 1877.

Дубровин Н.Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб.: Военная типография, 1890. 686 с.

Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук Нижневартовск, 2007.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: Российский Архив, 2000. 527 с.

¹⁵ *Murphy A.* The Ideology of French Imperialism. NY., 1968. С. 19.

Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб.: Военная типография, 1846.

Рыженков М.Р. Роль военного ведомства России в развитии отечественного востоковедения в XIX – начале XX вв. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. М., 1990.

Семёнов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. Т. III. СПб., 1896.

Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.

Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в Средне-Азиатском вопросе. СПб.: Изд-во Суворина, 1906.

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Д.А. Милютин и военная разведка России // П.А. Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / Отв. ред. Л.Г. Захарова, ред.-сост. С.В. Мироненко, Т. Эммонс. М.: Росспэн, 2008. С. 671–700.

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу. М.: НЛО, 2009.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1906.

Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875.

Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.). Ташкент: Изд-во «Фан», 1967.

Шильдер Н.К. Император Павел Первый: историко-биографический очерк. СПб.: Изд-во Суворина, 1901.

Edwardes M. Playing the Great Game: A Victorian Cold War. London: Hamish Hamilton, 1975.

Hauner M. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. Boston: Unwyn Hyman, 1990.

Hopkirk Peter. The Great Game. Oxford: Oxford University Press, 1990.

Johnson R. Spying for Empire: The Great Game in Central Asia, 1757–1947. London: Greenhill, 2006.

Marshall Alex. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London: Routledge, 2006.

Murphy A. The Ideology of French Imperialism. NY: H. Fertig, 1968.

Said E. Orientalism. NY: Vintage, 1978.

Архивные источники

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 553.

**Agents of Empire? The Russian Geographical Society
and the Great Game**

David Schimmelpenninck van der Oye

Brock University, St. Catharines (Canada)

This paper examines the links between the Imperial Russian Geographical Society and the General Staff. Its object is to determine to what extent the Geographical Society's exploration of Central Asia during the 19th century also served Russian military intelligence during the rivalry with Great Britain for hegemony in Central Asia. While the army was actively involved in many of the society's expeditions to the region, the latter's objectives were not invariably to carry out a military reconnaissance.

Т.Ю. Феклова
СПбФ ИИЕТ РАН

Подготовка экспедиции к Аральскому морю 1837–1839 гг.: организационные и финансовые аспекты¹

Многочисленные экспедиции Академии наук внесли важную лепту в развитие российской науки. Большинство состоявшихся экспедиций интересны, в первую очередь, своими достигнутыми результатами. Однако и история организации экспедиций также представляет интерес, так как эти сюжеты отражают характер взаимодействия различных учреждений в Российской империи. Что касается первой половины 19 века, то весьма показательным примером такого взаимодействия является снаряжение экспедиции к Аральскому морю в 1837–1839 гг.

Экспедиция 1837–1839 гг. в Хиву для изучения Аральского моря была, в некотором роде, предшественницей «эпических» экспедиций второй половины XIX в. – начала XX в., ведомых «географическими генералами»².

Информация, касающаяся истории завоевания Кавказа и Средней Азии, достаточно полно отражена в дореволюционных изданиях, составленных непосредственными участниками этих событий, прежде всего, С.В. Жуковским³, Я.В. Ханьковым⁴ и К.К. Абазой⁵. Кроме описания военных действий и геополитической ситуации в регионе, в этих книгах нашла отражение и деятельность учёных, сопровождающих военные отряды. Изучению жизни и деятельности исследователя Средней Азии Я.В. Хань-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 13-33-01232а.

² *Басханов М.К.* «Не ковром была послана нам дорога в глубь Азии»: феномен эпохи русских «географических генералов» // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). Международная научная конференция. СПб., 2013. С. 16.

³ *Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последние трёхсотлетие / Труды Общества русских ориенталистов. № 2. Пг., 1915.

⁴ *Ханьков Я.В.* Пояснительная записка к карте Аральского моря и хивинского ханства с их окрестностями / Записки РГО. 1851. Кн. V. СПб., 1851.

⁵ Завоевание Туркестана / Сост. К.К. Абазом. СПб., 1902.

кова посвящена работа Г.П. Матвиевской⁶. В своей монографии Г.П. Матвиевская показывает как В.А. Перовский, исполняя обязанности генерал-губернатора Оренбургской области, пытался совмещать заботы о безопасности территорий с их научным изучением. В данной книге рассматриваются экспедиции в Бухару и Хиву, в том числе с участием Н.В. Ханькова, Э.А. Эверсмана и В.И. Даля. В работе также отражена и публикационная деятельность Я.В. Ханькова.

История Средней Азии, как основной площадки «Большой игры», привлекала внимание и зарубежных исследователей, среди них Д.А. Броуер (*D.A. Brower*)⁷, А. Эркинов (*A. Erkinov*)⁸, П. Хопкирк (*P. Hopkirk*)⁹ и т. д.

Несмотря на то, что регион Средней и Центральной Азии географически располагался недалеко от Европы, в начале XIX в. он фактически оставался «*terra incognita*». В этот период Российская империя активизирует свою политику в Средней Азии. Однако усиление внимания России к этой территории заставило и Англию иначе взглянуть на эту область. Владение Средней Азией, по мнению Британии, открывало России ворота в Индию – её азиатскую колонию. Стремясь обезопасить Индию от возможного вторжения со стороны России, Англия постоянно подогревала сепаратистские настроения в данном регионе, а также предложила России оставить Афганистан независимым государством, создавая, таким образом, «буферную зону» между своими и российскими владениями.

В XIX в. Средняя Азия представляла из себя конгломерат мало-связанных между собой феодальных государств, постоянно боровшихся друг с другом и совершающих нападения на соседние государства. В 1835 г. в военных кругах Российской империи была признана необходимость совершения военного похода на Хиву, но исполнение этого плана откладывалось за неимением достаточных средств¹⁰.

⁶ Матвиевская Г.П. Яков Владимирович Ханьков. М., 2006.

⁷ Brower, D.A. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. London, 2003.

⁸ Erkinov, A. *Praying For and Against the Tsar: Prayers and Sermons in Russian-Dominated Khiva and Tsarist Turkestan*. Berlin, 2004.

⁹ Хопкирк П. Большая Игра против России: «Азиатский синдром». М.; 2004.

¹⁰ Макиеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890. С. 279.

В 1837 г. в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел было принято решение о начале подготовки военного похода к Аральскому морю. Основными причинами этого похода стали: желание обезопасить юго-восточные границы Империи, стремление пресечь грабежи караванов и работорговлю, освободить русских пленных в Хиве, упрочить влияние России в соседних ханствах и предотвратить распространение влияния Ост-Индской компании, а через неё и Англии на Среднюю Азию¹¹, а также получение информации о геоморфологии и гидрологии Аральского моря и реки Амударьи.

В 1837 г. оренбургским военным губернатором В.А. Перовским¹² планировалось отправить, помимо военного отряда, большую исследовательскую экспедицию к Аральскому морю. Из-за военных и политических осложнений между Российской империей и Хивинским ханством предполагаемая исследовательская экспедиция с участием ученых Академии наук не состоялась.

Получив подготовленный план предполагаемого военного похода к Аральскому морю, император Николай I распорядился о прикомандировании к военному отряду учёных Академии наук для проведения исследований на территории этого региона. Это распоряжение через министра народного просвещения С.С. Уварова было направлено в Академию наук. Для обсуждения плана предстоящей экспедиции и её состава в Академии наук была создана комиссия, в состав которой вошли академик по восточным древностям Х.Д. Френ, академик по физике Э.Х. Ленц, экстраординарный академик по ботанике Г.П. Бонгард и академик по зоологии Ф.Ф. Брандт. В середине сентября 1837 г. комиссия представила проект экспедиции к Аральскому морю, а также инструкцию для учёных¹³.

Согласно инструкции, учёные должны были проводить ботанические и зоологические исследования, составлять геоморфологическое описание типов берегов Аральского моря, а также собирать

¹¹ Завоевание Туркестана... С. 24.

¹² См.: *Захарьин И.Н.* Хива. Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 году и «Первое посольство в Хиву» в 1842 году. СПб., 1898; *Семёнов В.Г., Семёнова В.П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 201–214.

¹³ Летопись Российской Академии наук. Т. 2. СПб., 2002. С. 272.

этнографические коллекции¹⁴. Естественнонаучные коллекции должны были собираться в максимальном количестве, причём с указанием точного места обнаружения предмета и, по возможности, с обозначением его названия на местном языке¹⁵.

Все коллекции, собранные во время экспедиции, по её окончании должны были быть переданы в музеи Академии наук. Обработка данных, полученных в результате исследований, проводилась самими участниками экспедиции – либо в одиночку, либо в специально образованных для этого исследовательских группах. Публикацию полученных результатов брала на себя Академия¹⁶.

В ноябре 1837 г. руководителем экспедиции был утверждён академик Г.П. Бонгард, в помощники ему были назначены оканчивающие курс университета студенты – биологи К.Ф. Кесслер и Н.И. Железнов (впоследствии известные учёные), а препаратором – И.Г. Вознесенский¹⁷, который в то же время должен был обучить нескольких местных казаков искусству препарирования и изготовления чучел. Для добывания крупных животных Академия наук решила просить оренбургского губернатора В.А. Перовского прикомандировать к составу научной экспедиции охотников¹⁸.

Топографическое определение мест было возложено на офицеров Генерального штаба Военного министерства, прикомандированных к экспедиции. Академик В.Я. Струве (астроном) снабдил офицеров необходимыми приборами из имеющихся в Академии наук и инструкциями¹⁹. Физик Э.Х. Ленц написал инструкцию для физических наблюдений, в которой обращал особое внимание на исследование земного магнетизма и метеорологии. Эту часть работы планировалось передать либо натуралисту, либо студенту университета.

¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1837. Д. 2. О снаряжении экспедиции к Аральскому морю. Л. 16.

¹⁵ Там же.

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1837. Д. 2. Л. 18.

¹⁷ *Алексеев А.И.* Илья Гаврилович Вознесенский. М., 1977. С. 37.

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1837. Д. 2. Л. 18.

¹⁹ *Матвиевская Г.П., Зубова И.К.* Владимир Иванович Даль, 1801–1872. М., 2002. С. 129.

К марту 1838 г. была составлена смета экспедиции (18 416 руб.) и заказаны экипажи. Оренбургский военный губернатор В.А. Перовский предполагал, что полные издержки по экспедиции, включая и военный отряд, должны были составить 68 500 руб.²⁰, из которых на продовольственные расходы экспедиции выделялось 12 000 руб., на покупку лошадей и верблюдов – 30 000 руб., на зарплату людям, занятым обслуживанием верблюдов, – 4 000 руб., на покупку лекарств, канцелярских принадлежностей и вещей, необходимых для рисования чертежей, на наём или покупку кибиток и другие расходы – 5 000 рублей, деньги на жалованье офицерам и топографам – 8 000 руб., на приобретение ими необходимых вещей – 5 000 руб. Военный министр А.И. Чернышев в своей записке, представленной в Азиатский комитет, указал, что Военное министерство принимает на себя часть расходов (до 23 000 руб.)²¹; оставшаяся часть расходов должна была финансироваться из Государственного казначейства.

Осуществлению планов военного похода, а вместе с ним и экспедиции помешало ухудшение отношений между Россией и Хивинским ханством в 1838 г. Поэтому 1 января 1839 г. В.А. Перовский принял решение перенести начало предприятия на весну 1839 г. Окончательно дата выступления не была точно определена. В апреле 1839 г. президент Академии наук С.С. Уваров известил Конференцию Академии, что Николай I передал надзор над ведением всех дел, касающихся Аральской экспедиции, лично В.А. Перовскому. В мае того же года военный министр объявил, что военный отряд, необходимый для обеспечения безопасности похода, готов. Кроме военных, в состав отряда входила передвижная походная церковь со священником и артиллерийское снаряжение. В июле 1839 г. С.С. Уваров сообщил Николаю I, что В.И. Перовский считает возможным начать экспедицию в апреле 1840 г. и, соответственно, учёные должны будут прибыть в Оренбург в конце февраля.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1837. Д. 2. Л. 25.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1837. Д. 2. Л. 7. (Деньги, идущие на продовольствие и на порционные деньги офицерам, так как остальное не входило в компетенцию министерства).

Академия наук в начале 1839 г. подготовила второй проект экспедиции, поскольку изменился состав предполагаемой экспедиции. Так, например, один из участников – И.Г. Вознесенский был отправлен в Северную Америку²². Однако главной причиной недовольства Академии наук и её неуверенности в благоприятном исходе дела было приглашение В.А. Перовским в Оренбург натуралиста А.И. Лемана, который не являлся членом Академии²³. Учёные Академии наук полагали, что из-за этого В.А. Перовский не согласится на участие Академии и экспедиция не состоится. С.С. Уваров в ответ на такое предположение указал, что Академия не может отказаться от данной экспедиции, поскольку такова была «монаршая воля»²⁴. Весной 1839 г. экспедиция вновь не состоялась, её отправление было перенесено на ноябрь²⁵ из-за того, что лето в тех местах обычно засушливое, а точных сведений о достаточном количестве водоёмов, пригодных для обеспечения отряда водой, не было. Таким образом, Академия была вынуждена в третий раз скорректировать планы. Предполагаемая летняя экспедиция превратилась в зимнюю, и, соответственно, поменялись условия проведения экспедиции.

Учитывая вновь изменившиеся обстоятельства, по предложению К.М. Бэра Академия наук приняла новый, более расширенный план экспедиции, который непрременный секретарь Академии наук П.Н. Фус 14 июля 1839 г. представил С.С. Уварову²⁶. В этом плане не указывались сроки окончания путешествия, а отмечалось, что всё будет зависеть от обстоятельств. Академия наук планировала длительную экспедицию, так как тогда можно было бы провести рекогносцировочную съёмку берегов Аральского моря, а также собрать более обширные коллекции флоры и фауны. Изменение времени проведения экспедиции привело к изменению первоначальных планов, в частности, Конференция Академии наук решила

²² *Алексеев А.И.* Илья Гаврилович Вознесенский... С. 42.

²³ СПФ АРАН. Ф. 56. Оп. 1–1839. Д. 22. Официальные отношения Оренбургского военного губернатора, открытые листы, договор, заключённый с А.И. Леманом о доставке последним медикаментов в Петербург и т. д. Л. 1.

²⁴ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1837. Д. 2. Л. 8.

²⁵ Там же. Л. 9.

²⁶ Там же. Л. 32–34.

отказаться от ботаника и зоолога, вместо них в состав экспедиции были включены геолог и «ориенталист». При одобрении этого плана Академия наук предлагала следующий состав участников экспедиции: академик К.М. Бэр, адъюнкт по зоологии Г. Асмус, астроном А.Н. Савич, биологи Н.И. Железнов и К.Ф. Кесслер, востоковед П.С. Савельев, лаборант Зоологического музея и два переводчика²⁷.

Между тем военная ситуация вновь стала препятствовать отправлению экспедиции. Политическая нестабильность в Хиве, а также отдалённые последствия засухи 1837 г. обострили положение на южной границе России²⁸.

Получив расширенный план путешествия, предложенный Академией наук, В.А. Перовский, являвшийся ответственным за подготовку экспедиции, учитывая усиливающуюся активность хивинцев, предпочёл не рисковать и отложить отправление экспедиции до тех пор, пока не закончится карательный поход против Хивинского ханства, призванный обеспечить безопасность в прикаспийских степях. Николай I, также одобривший план Академии наук, задержал отправку экспедиции, ссылаясь на временные трудности с формированием отряда для обеспечения безопасности учёных²⁹. Истинная причина переноса срока начала экспедиции – военный поход против Хивы – не разглашалась.

Однако академическая экспедиция не состоялась вообще. Ассигнованные на неё средства (16 891 руб.) не получили другого назначения и их поместили в Государственный заёмный банк для обращения в проценты, поскольку считалось, что экспедиция не отменена, а только отложена³⁰. Частично эти деньги были потрачены на подготовку экспедиции Н.А. Северцова к Аральскому морю, которая состоялась в 1857–1858 гг.³¹

²⁷ *Матвиевская Г.П.* Учёное путешествие, обещавшее плоды немаловажные // *Вечерний Оренбург.* 2000. № 16. С. 12. Общие затраты на экспедицию определялись в размере 22 900 руб. одновременно на покупку экипажей, научных инструментов, монет, рукописей и других древностей и 1 966 руб. 66 коп. на ежемесячные оклады участникам путешествия.

²⁸ *Завоевание Туркестана...* СПб., 1902.

²⁹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1837. Д. 2. Л. 11 об.

³⁰ Там же. Л. 32–32 об.

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 13. Д. 202. Об отправлении магистра Северцова на 2 года к реке Сырь-Дарье; о взятии магистра Северцова в плен кокандцами. Л. 4.

Военный отряд под руководством В.А. Перовского отправился к Аральскому морю в ноябре 1839 г. В качестве натуралиста военных сопровождал А.И. Леман. По пути следования он собирал зоологические, ботанические и геологические коллекции, а также окаменелости. Им также производились измерения температуры воздуха. Министерство народного просвещения снабдило натуралиста открытым листом к местному начальству³². Для обеспечения безопасности к нему был прикомандирован унтер-офицер линейного Оренбургского батальона Кноблан и двое казаков. Из канцелярии оренбургского военного губернатора Леману были также отпущены деньги на содержание военного сопровождения и пять лошадей³³. В дополнение к открытому листу от начальника штаба генерал-майора П. Рокосовского Леману было дано открытое предписание от 10 июля 1840 г. на русском и арабском языках ко всем местным казачьим, башкирским и мещеряцким начальникам с приказом давать учёному рабочие и конвойные команды³⁴. Кроме Хивы Леман посетил Новоалексеевское укрепление и Букеевскую орду³⁵. После хивинского похода Леман был награждён орденом Св. Станислава III степени.

Несмотря на то, что военная экспедиция не смогла полностью выполнить поставленных перед нею задач, русские пленники Хивы были освобождены. Силами прикомандированных к военному отряду учёных удалось собрать ботанические и зоологические коллекции (А.И. Леман), провести топографическую съёмку и определить положение укрепления Ак-Булак (топограф И.О. Васильев). И хотя академические сотрудники, в силу вышеуказанных причин, в экспедиции не участвовали, организация экспедиции в Хиву, рассмотренная в данной статье, как представляется, имеет важное значение для истории экспедици-

³² СПФ АРАН. Ф. 56. Оп. 1–1839–1842. Д. 22. Официальные отношения Оренбургского военного губернатора, открытые листы, договор, заключённый с А.И. Леманом о доставке последним медикаментов в Петербург и т. д. 1839–1842. Л. 7.

³³ Там же. Л. 4 об. Суммы составляли: 1 рубль на унтер-офицера и по 50 коп. в день на казаков.

³⁴ СПФ АРАН. Ф. 56. Оп. 1–1839–1842. Д. 22. Л. 6.

³⁵ Там же. Л. 8 об.

онной деятельности Академии наук. Многочисленные сохранившиеся документы по подготовке экспедиции к Аральскому морю в 1837–1839 гг. позволяют рассмотреть взаимодействие Академии наук с различными ведомствами, её встроенность в систему государственных учреждений в первой половине XIX века и оценить взаимоотношения Академии наук с властью в этот период.

Литература

Алексеев А.И. Илья Гаврилович Вознесенский. М.: Наука, 1977. 152 с.

Басханов М.К. «Не ковром была послана нам дорога в глубь Азии»: феномен эпохи русских «географических генералов» // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). Международная научная конференция. 15 – 17 октября 2013 г., Санкт-Петербург. Тезисы докладов / Отв. ред. *К.В. Чистяков*, ред.-сост. *Т.И. Юсупова*. СПб: Политехника-сервис, 2013. С. 16–18.

Brower D.A. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London: Routledge, 2003. 240 p.

Erkinov. A. Praying For and Against the Tsar: Prayers and Sermons in Russian-Dominated Khiva and Tsarist Turkestan. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004. 112 p.

Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последние трёхсотлетие / Труды Общества русских ориенталистов. № 2. Пг., 1915. 225 с.

Завоевание Туркестана / Сост. *К.К. Абазом*. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1902. 316 с.

Захарьин И.Н. Хива. Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 году и «Первое посольство в Хиву» в 1842 году. СПб.: изд-во П.П. Сойкина, 1898. 207 с.

Летопись Российской Академии наук. Т. 2 / Отв. ред. *М.Ф. Хартанович*. СПб.: Наука, 2002. 620 с.

Макишеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография, 1890. 376 с.

Матвиевская Г.П., Зубова И.К. Владимир Иванович Даль, 1801–1872. М.: Наука, 2002. 223 с.

Матвиевская Г.П. Учёное путешествие, обещавшее плоды немаловажные // Вечерний Оренбург. 2000. № 16. С. 11–28.

Матвиевская Г.П. Яков Владимирович Ханьков. М.: Наука. 2006. 200 с.

Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVII и XIX вв. / Сост. *В.Ф. Гнучева*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 312 с.

Семёнов В.Г., Семёнова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 400 с.

Ханьков Я.В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и хивинского ханства с их окрестностями / Записки Русского географического общества. 1851. V кн.. СПб., 1851. 91 с.

Хопкирк П. Большая Игра против России: «Азиатский синдром». М.: Рипол Классик; 2004. 136 с.

Архивные источники

СПФ АРАН. Ф. 56. Оп. 1–1839–1842. Д. 22.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1837. Д. 2.

РГИА. Ф. 733. Оп. 13. Д. 202.

The Expedition to the Aral Sea, 1837–1839: Organization and Financing

T. Yu. Feklova

Institute for the History of Science & Technology, RAS
St. Petersburg Branch

Numerous expeditions mounted by the Russian Academy of Sciences in 19th century have made many important contributions to the development of various fields of Russian science. The results achieved by these expeditions are still of great interest to contemporary historians of science. At the same time the examination of the early stages of organization of the Academy's expeditions fully reflect the peculiar nature of interaction of various institutions in the Russian Empire. The paper discusses the organization of an expedition to the Aral Sea in 1837–1839 from this particular point of view.

Список сокращений

- АН СССР – Академия наук СССР
Архив РГО – Архив Русского географического общества
РГВИА – Российский государственный
военно-исторический архив
ГАИМК – Государственная Академия истории
материальной культуры
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
АВП РФ – Архив внешней политики Российской
Федерации
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РАН – Российская академия наук
ИРГО – Императорское Русское географическое
общество (РГО)
АНМ – Академия наук Монголии
ЦГВИА – Центральный Государственный
военно-исторический архив

Сведения об авторах

Андреев Александр Иванович – доктор исторических наук, заведующий Группой истории изучения Центральной Азии – Музей П.К. Козлова, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург.

Бажа Сергей Николаевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, г. Москва.

Барсболд Р. – академик, директор Палеонтологического центра Академия наук Монголии.

Басханов Михаил Казбекович – независимый исследователь, г. Глазго, Великобритания.

Батурин Юрий Михайлович – член-корреспондент РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

Богданов Евгений Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск.

Бойкова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва.

Боркин Лев Яковлевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Зоологический институт РАН, Санкт-Петербургский союз учёных, г. Санкт-Петербург.

Валеев Рамиль Миргасимович – доктор исторических наук, профессор, директор Института татарской энциклопедии Академии наук Татарстана, г. Казань.

Валькова Ольга Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

Гнатюк Татьяна Юрьевна – научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург.

Гунин Пётр Дмитриевич – доктор биологических наук, заведующий лабораторией экологии аридных территорий, начальник Российской части Совместной Российско-Монгольской комп-

лексной биологической экспедиции РАН и Академии наук Монголии, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, г. Москва.

Данжалова Елена Владимировна – кандидат биологических наук, младший научный сотрудник, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, г. Москва.

Дорофеев Надежда Ивановна – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, г. Москва.

Дробышев Юлий Иванович – кандидат биологических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Институт востоковедения РАН, г. Москва.

Дугаржав Ч. – академик Академии наук Монголии, начальник Монгольской части Совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и Академии наук Монголии.

Елихина Юлия Игоревна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел Востока Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

Красникова Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, заведующая сектором картографии, Библиотека РАН, г. Санкт-Петербург.

Краснодембская Нина Георгиевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург.

Ланг Мария-Катарина (Maria-Katharina Lang) – доктор (PhD), Институт социальной антропологии (Institute for Social Anthropology) Австрийской академии наук, Вена (Австрия).

Лебедева Валентина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет г. Санкт-Петербург.

Литвинчук Спартак Николаевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт цитологии РАН, Санкт-Петербургский союз учёных, г. Санкт-Петербург.

Мандрик Мария Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, г. Санкт-Петербург.

Миняев Сергей Степанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург.

Полосьмак Наталия Викторовна – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск.

Потапов Роальд Леонидович – доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Зоологический институт РАН, г. Санкт-Петербург.

Прищепа Анатолий Викторович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, г. Москва.

Рожнов Сергей Владимирович – член-корреспондент РАН, директор Палеонтологического института им. А.А. Борисяка РАН, г. Москва.

Розанов Алексей Юрьевич – академик РАН, Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, г. Москва.

Слободник Мартин (Martin Slobodnik) – профессор Департамента Восточноазиатских исследований факультета философии Университета Коменского (Comenius University), г. Братислава (Словакия).

Соболева Елена Станиславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург.

Сутягина Наталья Александровна – младший научный сотрудник, отдел Востока Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург.

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид (Schimmelpenninck van der Oye David) – профессор Брокского университета (Brock University), г. Сент-Катаринс, Онтарио (Канада).

Сыртынова Сурун-Ханда Дашинимаевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, г. Москва.

Тугужекова Валентина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан.

Феклова Татьяна Юрьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург.

Широкова Вера Александровна – доктор географических наук, заведующий отделом истории наук о Земле, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

Юсупова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург.

ISBN 978-5-906555-37-3

**Российское изучение Центральной Азии:
исторические и современные аспекты
(к 150-летию П.К. Козлова)**

Подписано в печать 20.01.2014. Объем 25,5 п. л. Формат 60x90 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.

Тираж 300 экз. Заказ 593.

Отпечатано в ООО «К-8». Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18д.